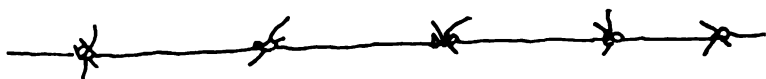

ГОДЫ ТЕРРОРА

ГОДЫ ТЕРРОРА

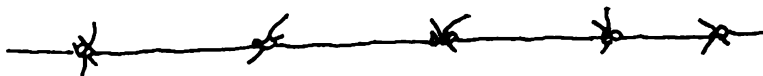

КНИГА ПАМЯТИ
ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Памятник жертвам политических репрессий в Перми

ГОДЫ ТЕРРОРА

КНИГА ПАМЯТИ
ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

ПЕРМЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗДРАВСТВУЙ»
1998

ББК 63.3(2) 615-49
Г 59

Составители

А.СУСЛОВ

кандидат исторических наук (ответственный за выпуск)

Н.ГАШЕВА

журналист

Оргкомитет

ДЕВЯТКИН Н.А. (председатель)

ПОПОВА Е.М. (секретарь)

ГАБДРАХМАНОВ Р.Р.

ЖИДЕЛЕВА А.Я.

ЗЕКЦЕР И.А.

СУСЛОВ А.Б.

ШЕПЕЛЕВ С.А.

ШМЫРОВ В.А.

**КНИГА ПОДГОТОВЛЕНА ПЕРМСКИМ ОБЛАСТНЫМ
ОТДЕЛЕНИЕМ МЕЖДУНАРОДНОГО ИСТОРИКО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО, ПРАВОЗАЩИТНОГО И
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»**

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ
ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
АДМИНИСТРАЦИИ.

Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. – Пермь:
Издательство «Здравствуй», 1998. – 320 с.

ISBN 5-86987-014-3

ЛР № 070874 от 14 апреля 1998 г.

© Пермское областное отделение международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»

К ЧИТАТЕЛЯМ

У нашей книги два основных адресата. Первый — это пострадавшие от политических репрессий. Публикуя книгу, мы отдаем долг памяти тем, кто долгое время незаслуженно носил ярлык «врага народа», «сына врага народа» и т. п. Скоро мы сможем назвать поименно тех, кого осудили по политическим мотивам на территории нашей области. Эти люди и их близкие, взяв в руки Книгу Памяти, должны убедиться, что общество помнит об их трагедии.

Второй адресат — это молодое поколение, которому, слава Богу, не довелось испытать на себе действие советской репрессивной машины. Конечно, молодежь кое-что читала о репрессиях, смотрела кое-какие фильмы, слышала что-то от родственников. Но, к сожалению, большая часть молодых людей весьма смутно представляет, каким образом весь советский народ, за малым исключением, согласился с существованием тоталитарной системы и смирился с массовыми репрессиями. Кстати, этого же не понимают или не хотят понимать многие представители старшего поколения. Несмотря на сотни публикаций, общество еще недостаточно четко представляет механизмы действия советской репрессивной системы. Поэтому книга будет интересна широкому кругу читателей.

Зачем вы ворошите старое? Зачем копаться в прахе давно умерших? — немало подобных вопросов пришлось нам выслушать. — Кто старое помянет — тому глаз вон! — часто говорят те, кому неприятно смотреть на неприглядные страницы нашей общей истории. Можно только вспомнить концовку старой поговорки: кто старое забудет — тому вон оба глаза!

Да, есть у нас деятели, которые были бы рады, если бы общество ослепло на оба глаза: тогда ему понадобится поводырь. Но мы-то знаем, куда и как нас вели коммунистические вожди-поводыри, обещающая блага в будущем. Сегодня тоталитарный вариант, диктатуру «во имя интересов народа» предлагают не только коммунисты, но и другие радикальные силы. Надо четко осознать: такие опыты добром не кончаются. Для того мы и старались описать репрессивную систему во всех деталях, с массой конкретных примеров, чтобы читатель увидел слом личности этой системой как главное преступление советского режима. Преступление против человека и человечества.

Личность в тоталитарной системе — одна из главных тем книги. В тоталитарном мире человек всегда жертва. Тоталитаризм подавляет, подчиняет, калечит личность. Даже формально свободный и благополучный человек не свободен в этом мире. Он все время под колпаком тотального контроля. Что говорить о ставших объектами воздействия карательной машины? Попав под пресс системы, люди вели себя по-разному, но ни для кого это столкновение не прошло бесследно. Большинство надолго замолчали, опасаясь за свою судьбу, за своих близких. Те, кто находил силы бороться с Системой, постепенно выматывались в неравной борьбе духовно и физически. А общество своим равнодушием давало властям карт-бланш на продолжение идеологического диктата и политических репрессий. Трудно упрекнуть в этом большинство простых граждан (хотя есть за что): они не ведали, что происходит.

Сегодня мы знаем, что происходило. Кровавые и грязные страницы нельзя вырывать из нашей истории. Мы не так еще далеко ушли от социалистического прошлого. Черты тоталитаризма еще можно увидеть в нашей действительности. Возвращение прошлого (не обязательно в старой оболочке) не так уж маловероятно, как это кажется оптимистам. Память о жертвах репрессий может предостеречь (но не уберечь) от выбора некоторых опасных путей общественного развития.

Тоталитаризм стоит на трех китах. Их имена: Террор, Ложь и Рабство.

Террор — краеугольный камень Системы. Без тотального насилия и репрессий она нежизнеспособна. Насилие позволяет держать в повиновении массы и вести их «единственно верным» путем. Все заподозренные в малейшей оппозиционности репрессируются. В жернова репрессий попадают участники крестьянских восстаний и представители непролетарских слоев, сказавшие неосторожное слово и случайно ставшие объектами карательных операций НКВД, раскулаченные и переселенные из других регионов страны по национальному признаку, трудмобилизованные, ссыльные, административно высланные, попавшие в гитлеровский плен и т. д. Рабочие, служащие, крестьяне, чиновники, военные — все слои общества прошли через многочисленные «чистки».

Террор никогда не прекращался. Формы тоталитарного государства меняются — террор остается. Вот «государство диктатуры пролетариата» с массовыми расстрелами заложников, а вот — «полностью построенный социализм» с НКВД, ГУЛАГом и прочими «прелестями». Наконец, мы видим «просвещенный тоталитаризм» 60–70-х гг. с трав-

лей диссидентов и новочеркасским расстрелом. Сколько граней тоталитарного режима! Но во всех отражается его террористическая сущность.

Ложь цементирует тоталитарную систему. Без лжи тоталитарные постройки неизменно рушатся. Не случайно великие диктаторы современности — Сталин, Гитлер, Мао и другие — так стремились овладеть сознанием народа, заставить его воспринимать лживые партийные лозунги как собственные убеждения. «Война — это мир. Свобода — это рабство. Незнание — это сила» — такие лозунги проповедовала Партия в антиутопии Джорджа Оруэлла «1984», где описано идеальное тоталитарное государство. Задумаемся. Ведь и в нашей стране партия действовала под этими лозунгами. Правда, звучали они не так пародийно. «Железной рукой загоним человечество к счастью!» — писали в годы гражданской войны. «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» — кричали в 30–40-е гг. не особо задумываясь о сущности такого счастья. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», — верили в то время и жили, как в сказке, радужными перспективами будущего, мало обращая внимания на кошмар настоящего. Когда перестройка пробила брешь в системе лжи, многие оказались не готовы принять суровую правду о своей стране и о себе. Да и теперь немало остается людей, которых больше устроит убаюкивающая ложь о достоинствах социализма. До сих пор Большая Ложь Системы заполняет сознание тысяч людей. Может быть, эта книга хоть что-то прояснит им?

Рабство — фундамент тоталитарной системы. И дело не только в принудительном труде, лежавшем в основе советской экономики в конце 20-х и до начала 50-х гг. Привлеченные к труду не по своей воле использовались прежде всего на «черной» работе. Рабский труд при экономии на зарплате, питании и социальной сфере давал государству видимую экономию. Любопытно, что Сталину удалось весьма эффективно использовать интеллектуалов в качестве рабов. «Высоклубые», при соответствующей обработке, добросовестно трудились на инженерных должностях в лагерях и многочисленных «шарашках»!

Но, повторяюсь, дело не только в принудительном труде несвободных людей. Свободные (формально) люди тоже были рабами Системы. Повиновались всем приказам свыше. Наибольшее, что могли себе позволить, — молчание в знак несогласия. Исключения — единичны. Выполнение воли вождей вошло в привычку, стало частью сознания и нормой жизни. И, удивительно, это всеобщее рабство понималось как высшая степень свободы!

Мы мучительно расстаемся со своим тоталитарным прошлым. И хочется забыть его, как дурной сон! Но чело-

веку дана память и для того, чтобы помнить о трагичном. Помнить, чтобы не пережить тоталитарные ужасы вновь.

Вы держите в руках первую часть Книги Памяти. Историки и журналисты всеми доступными им средствами раскрывают сюжеты, связанные с разными этапами репрессивной истории нашего края. Происходившее в нашем крае скорее типично, чем уникально. Воспоминания очевидцев, фотографии, документы высвечивают дополнительные грани картины. Мы старались, чтобы за очерками и документами максимально отчетливо просматривались конкретные механизмы тоталитарной системы, судьбы отдельных людей, ставших ее жертвами. Мы стремились вычленить показательное и характерное, высветить детали и частности. Все эти подробности нужны, чтобы в истинном свете и масштабе увидеть трагедию народа. Чтобы лучше и точнее запечатлеть ее в памяти общества.

Во второй части Книги Памяти будут опубликованы имена и краткие сведения о репрессированных органами ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ на территории нашей области. Их более 30 000. Предстоит большая и длительная работа. Эта работа уже началась. Она ведется сотрудниками «Мемориала» и Государственного архива по делам политических репрессий Пермской области. Мы надеемся, что нам удастся подготовить и выпустить в свет это издание, которое с нетерпением ждут репрессированные, их родные и близкие.

*А.Б.Суслов, руководитель авторского коллектива,
член правления Пермского областного отделения
общества «Мемориал»*

«МЕМОРИАЛ» – ДВИЖЕНИЕ СОВЕСТИ

В середине 80-х гг. несколько журналистов, ученых-историков Перми поставили перед собой задачу собрать вместе недавних страдальцев – бывших репрессированных, их родственников, близких. Мы хотели встретиться с ними, чтобы выслушать и понять, чем живет это вычеркнутое из истории поколение. Однако скоро выяснилось, что далеко не каждый из них готов не то что рассказывать, но даже думать о прошлом. Ужас пережитого, боль потерь, а самое главное – подсознательный страх от одной только мысли о возможности возврата ГУЛАГа буквально парализовывали людей.

В ноябре 1988 г. автор этих строк опубликовал в газете «Звезда» под заголовком «Долг памяти» беседу с прокурором области о том, почему в Пермской области приостановлена реабилитация жертв сталинских репрессий. В конце статьи я напрямую обратился к репрессированным: откликнитесь, расскажите о себе, о том, как все было, как жили все эти годы...

Никогда еще в своей журналистской биографии я не получал такой огромной почты. Сотни откликов, писем-исповедей, переполненных страданием. Стена молчания была прорвана. Многие из тех писем газета опубликовала под рубрикой «Долг памяти» (кстати, позже эта рубрика перекочевала в газету «Пермские новости» и вскоре – редчайший случай долгожительства в газетной практике – вместе с «Мемориалом» отметит свое десятилетие). Но был еще один, совсем не побочный результат у той ноябрьской публикации: началась переписка активистов тогда еще только зарождавшегося «Мемориала» с авторами откликов в газету.

12 декабря 1988 г. около 250 наших сторонников, в большинстве бывших политзеков, ответивших на обращение в «Звезде», все-таки собрались в бывшем Доме культуры строителей. С тех пор мы провели многие десятки собраний, конференций, но то, первое, запомнилось навсегда. Впервые еще в «той» стране люди осмелились заговорить о пережитых ими страданиях, об ужасах ГУЛАГа. И, главное, о том, что нужно сделать все возможное и невозможное, чтобы прошлое не повторилось.

Помню рассказ Александры Алексеевны Шардиной, прошедшей после ареста мужа все мыслимые и немысли-

мые лагеря и тюрьмы. У нее отобрали двух маленьких детей, и до самого смертного часа она искала их. И не нашла. Помню рассказ Николая Михайловича Варламова об изощренных пытках, которые применили следователи, чтобы заставить его признаться в том, к чему он не имел никакого отношения.

На том собрании родилось новое общество – «Мемориал».

...Через полгода, 1 мая 1989 г., большая колонна «Мемориала» медленно прошла мимо трибун, на которых выстроился весь обком КПСС. Октябрьская площадь встретила нас ошарашенным молчанием. Впервые за многие десятки лет сбился с ритма диктор, выкрикивавший в микрофон здравицы в честь огромных трудовых побед и монолитного единства партии и народа. Впервые на советскую демонстрацию вышли свидетели преступлений, очевидцы, жертвы. У каждого в руках – портрет расстрелянного отца, замученных братьев, сестер, матерей. Впереди колонны люди несли лозунг «Мемориал» – движение совести».

Прошли годы. Коренным образом изменилась жизнь, изменились и мы сами. Но вновь впереди колонны «Мемориала» все тот же, первый транспарант: «Мемориал» – движение совести».

Еще в самом начале своей работы мы записали свидетельства очевидцев о тайных захоронениях в логу неподалеку от Егошихинского кладбища расстрелянных в тюрьме НКВД № 1 (ныне следственный изолятор в районе Разгуляя) политических заключенных. Именно здесь мемориальцы решили строить памятник тем, кто стал жертвой системы насилия. Памятник создавался на пожертвования тысяч людей. Потребовались большие усилия, чтобы его построить. В условиях кризиса по крохам собирали и оберегали от инфляции народные средства. В 1995 г. архитектор Михаил Футлик предложил проект своеобразной колоннады, состоящей из столбов, опутанных колючей проволокой. Между столбами закреплен колокол Памяти.

30 октября 1996 г. в День памяти жертв политических репрессий памятник был открыт. Рядом с ним на металлической плите выбиты строки из стихотворения поэта-лагерника Анатолия Жигулина:

О, люди!

Люди с номерами.

Вы были люди – не рабы.

Вы были выше и упрямей

Своей трагической судьбы.

Здесь приходят не только в дни массовых митингов. Здесь, рядом с вечным покоем, можно посидеть одному, вспомнить прошлое, помянуть близких...

Люди старшего поколения не забыли (конечно, те, кто не глушит сознательно или бессознательно свою память), что жизнь в 30–50-е гг. (а впрочем, и в послесталинские 60–80-е тоже) как бы делилась на две реальности. Ум человеческий не мог этого постичь, не мог соединить их воедино. Одна реальность – парадная, с бесконечными съездами, докладами о достигнутых успехах, со всеобщим насквозь фальшивым «одобрямсом», с пятилетками качества и количества. Другая – теневая, с ночными арестами, бессудными расправами, тяжелым лагерным бытом. Миллионы людей молчаливой чередой прошли эту теневую реальность. Миллионы погибли.

Нам пришлось осознать, что наша Пермь, город культурных традиций, науки и искусства, была еще и городом с целой системой насилия. В оперном театре собиралась празднично одетая публика, знатоки спорили о последней премьере, а рядом, буквально через дорогу, творился жестокий произвол, и люди, спешившие в театр, на работу или на свидание, не слышали криков истязаемых в застенках. Очень может быть, что там в это время страдали их родные...

В здании нынешнего театра кукол располагалась тюрьма НКВД № 2. В нынешней администрации Ленинского района был районный отдел НКВД, в подвале допрашивали и пытали арестованных по 58-й статье. Теперь там столовая.

Практически вся наша область была опутана колючей проволокой ГУЛАГа. Тысячи людей гибли от холода и голода, от непосильного труда на лесоповале в Коми округе, Чердынском, Соликамском, Усольском районах. На костях политзаключенных в буквальном смысле построен шахты Кизела, Губахи, Гремячинска, Широковская и Камская ГЭС, крупные предприятия и целые районы в Перми, Березниках, Соликамске и других городах области.

Всему миру печально известен так называемый пермский треугольник, в который входили политзоны «Пермь-35,36,37». Они «прославились» тем, что здесь коммунистический режим в 70–80-е гг. и вплоть до 1991 г. изолировал от мира лучших людей России и республик бывшего СССР. Главное обвинение против них сводилось к одному слову – инакомыслие.

Инакомыслие, естественное для свободного человека стремление к самостоятельной оценке реальности, тоталитарный режим расценивал как преступление гораздо более опасное, чем любое уголовное преступление. Коммунистическая идеология и вчера и сегодня не терпит никакой конкуренции, она признает только свою монополию. И

потому любой коммунистический режим, где бы он ни существовал, всегда заканчивался политическими репрессиями, насилием, преследованиями ни в чем не повинных людей.

Сегодня «Мемориал» — крупнейшее в области общественное объединение, оказывающее существенное влияние на политическую ситуацию и общественную атмосферу в регионе. В рядах «Мемориала» около 7 000 членов, около 4 500 из них проживают в Перми.

Вряд ли можно было надеяться, что страна, в течение семи десятилетий жившая в атмосфере рабства, страха, отсутствия гражданских прав, быстро и безболезненно распрощается с тоталитарной, или, как у нас было принято называть, командно-административной, системой. Так оно и случилось. Нас и сегодня с огромной силой тянет назад наследство, оставленное прежним режимом.

Дело усугубляется тем, что реформы, имеющие целью обновить Россию, сделать ее политическую и экономическую систему свободной и динамичной, по большей части проводит в жизнь бывшая партийная номенклатура, срочно перестроившиеся недавние секретари райкомов и обкомов партии и комсомола. Не хочу утверждать, что все они, как один, враги реформ. Но методы управления, стиль руководства остались прежними. Сегодня невероятно выросший чиновничий класс определяет все, мы по-прежнему находимся в зависимости от его произвола.

Нельзя сказать, что реформы полностью не удалась. И сторонники их, и противники должны быть благодарны хотя бы за то, что общество во многом раскрепостилось, стало свободнее. Никто не боится теперь за критическое высказывание, за участие в митинге или забастовке угодить в тюрьму. Но, по понятным причинам, особой радости от наличия этих свобод мы не испытываем. Гораздо более существенными, реально влияющими на нашу жизнь факторами стали постоянные нарушения социальных прав: задержки зарплаты и пенсий, растущая коррупция в верхних эшелонах власти, преступность, растущие цены на товары первой необходимости. У меня нет сомнения в том, что стремительное обогащение государственного чиновника, директора предприятия или владельца частной фирмы самым прямым образом связано с невыплатой пенсий и зарплат. При этом государство по-прежнему отводит себе неблагоприятную роль пожарного по вызову или, в худшем случае, просто бессильно наблюдает за происходящим со стороны.

Разумеется, спекулируя на этих бедах, самые большие очки набирает коммунистическая оппозиция. Она вновь разжигает классовую ненависть, обещает народу золотые

горы. Когда их лидеры проливают крокодиловы слезы об обнищавшем народе, хочется сказать им: у вас было 70 лет, чтобы осуществить свой великий эксперимент. Результат не то что печальный — трагический: по пути к всеобщему счастью вы уничтожили миллионы сограждан.

Коммунисты выводят на митинги и демонстрации тысячи обманутых людей, в их глазах злоба и ненависть. Чего ждать от такой оппозиции? Что ждет Россию?

Гляжу на них, а думаю о своих друзьях по «Мемориалу». У них ведь, прошедших лагеря и тюрьмы, потерявших в жизни все самое дорогое, гораздо больше оснований для ненависти, громких обвинений, шумных митингов. Но нет, не увидите вы их на этих сборищах. Они органически не признают злобу как способ жить, думать, чувствовать. Они научились помогать и защищать друг друга. Они обрели достоинство. Их больше не обманешь.

С болью наблюдают они за суетой множества демократических партий и движений, партий-карликов, созданных вокруг одного лидера. Демократическое движение раздроблено, его лидеры не находят общего языка, их не может объединить даже опасность реставрации прошлого.

Пожалуй, лишь «Мемориал» остается одним из немногих стабильно действующих общественных объединений, с которым в нашей области не может не считаться ни один политик. За последние три года мемориальцам пришлось много поработать и многому поучиться в ходе нескольких избирательных кампаний. Дважды выдвигал «Мемориал» — и оба раза успешно — в качестве своего кандидата в депутаты Государственной Думы Виктора Похмелкина, активно помогал его избирательному штабу на всех этапах кампании. Член правления областного отделения общества «Мемориал» депутат В.Похмелкин многое сделал для репрессированных, на законодательном уровне защищая их права и интересы.

На выборах губернатора общее собрание «Мемориала» поддержало Геннадия Вячеславовича Игумнова.

Почему мы отстаивали именно этих кандидатов? Потому, во-первых, что видели: свою духовную близость нашим идеям и целям они подтвердили делами. Они близки нам по политическим убеждениям. Они порядочные люди. Они профессионалы.

Многое сделано за прошедшие годы для людей, пострадавших в годы политических репрессий. При содействии «Мемориала» практически завершен процесс реабилитации, тысячам пострадавших возвращено доброе имя. В нашей организации создана целая система социальной помощи жертвам репрессий. Набирает силу волонтерское

движение — движение молодых добровольцев, оказывающих помощь на дому больным и престарелым людям.

Но одна, огромная по объему и трудности, нравственная задача, еще впереди: вернуть народу историческую память, рассказать молодому поколению неизвестные по сей день трагические страницы биографии страны. Если не расскажем, не поможем молодым выработать духовное противоядие против тоталитарного вируса, все может вернуться вспять. В России еще много людей, мечтающих о новом Сталине, убежденных, что насилие, репрессии — самый верный путь к порядку, всеобщему счастью.

Так родилась идея Мемориального комплекса, то есть Памятника, состоящего из многих звеньев. Одно из главных звеньев — бывший лагерь ГУЛАГа, превращенный в музей. Таким лагерем стала бывшая политзона «Пермь-36», расположенная в Чусовском районе. Мы решили сохранить эти мрачные бараки как неоспоримое свидетельство коммунистического террора, как историко-культурный памятник большого национального и мирового значения.

Активные восстановительные и реставрационные работы начались в 1994 г. Как все создавалось, какие трудности позади и какие впереди, — это отдельная тема. К сегодняшнему дню практически восстановлен и уже принимает посетителей бывший барак особого режима, когда-то намеренно разрушенный прежними хозяевами. Теперь пришел черед бывшей зоны строгого режима. Некоторые сооружения здесь планируется восстановить полностью, другие будут законсервированы в руинообразном состоянии и станут своеобразным символом разрушенной тоталитарной эпохи.

На базе строящегося Мемориального музея проведено пять ежегодных международных научно-практических конференций. Четыре последних года успешно работают молодежные волонтерские лагеря. Студенты и школьники не только трудятся на объектах музея, но и слушают лекций по истории политических репрессий в СССР, участвуют в семинарах и дискуссиях по проблемам прав человека. Многие из них по окончании волонтерских лагерей говорили нам, что уезжают другими людьми, что никогда не забудут увиденное и услышанное здесь.

В единый Мемориальный комплекс должна войти и эта Книга. Книга Памяти жертв политических репрессий — наша общая мечта. Пусть расскажет она молодым поколениям о том, как жили их отцы и деды, пусть будут увековечены святые имена погибших...

Для чего мы жили и трудились все эти годы? Что скрывать, иногда посещает такая совсем не странная

мысль: может, лучше заняться устройством личной жизни? Тем более что жить-то все труднее. А может, промолчать, не вспоминать прошлое? Так ведь спокойнее, никакого тебе риска.

Нет и нет. Мы создали наше мемориальское братство, чтобы помочь друг другу, вместе защитить свои права. Чтобы вернуть согражданам их действительную, а не придуманную историю. Мертвые, как и живые, имеют право на память.

«Мемориал» создан, чтобы сохранить память о наших родных и близких, ставших жертвами ужасных преступлений, совершенных от имени народа. Задача «Мемориала» — достучаться до человеческой души, очерстевшей за десятилетия предательств. Чтобы предостеречь, предупредить, объяснить.

Тот, кто знает, какие страдания принесла бесчеловечная политическая система, сделает все, чтобы такое не повторилось. Тот, кто прошел ГУЛАГ, кто еще в детстве получил ярлык «сын (дочь) врага народа» и потом был вынужден терпеть бесчисленные унижения, безгласие и нищету, острее других видит опасность возврата к прошлому, распознает первые зачатки насилия и произвола. Мы обязаны говорить о них вслух, предупреждать молодое поколение. Только честный и открытый взгляд в прошлое позволит всем россиянам ясно смотреть в будущее.

О.Мандельштам

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,

А где хватит не полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.

Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

А вокруг его сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей,

Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938), поэт. В 30-е годы отправлен в ссылку, сначала – в Чердынь, затем – в Воронеж. В 1937-м снова арестован. Погиб в лагере.

Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.

Как подковы, кует за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь,
кому в глаз.

Что ни казнь у него, то малина,
И широкая грудь осетина.

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,

Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

Кама

1

Как на Каме-реке глазу тёмно, когда
На дубовых коленях стоят города.

В паутину рядясь, борода к бороде,
Жгучий ельник бежит, молодея в воде.

Упиралась вода в сто четыре весла,
Вверх и вниз на Казань и на Чердынь
несла.

Там я плыл по реке с занавеской в окне,
С занавеской в окне, с головою в огне.

И со мною жена — пять ночей не спала,
Пять ночей не спала —
Трех конвойных везла.

2

Я смотрел, отдаляясь, на хвойный восток.
Полноводная Кама неслась на буюк.

И хотелось бы гору с костром отслоить,
Да едва успеваешь леса посадить.

И хотелось бы тут же вселиться, пойми,
В долговечный Урал, населенный людьми.

И хотелось бы эту безумную гладь
В долгополой шинели беречь, охранять.

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ.

1918 – 1921 гг.

(По материалам Пермской губернии)

Вскоре после прихода к власти большевики вынуждены были отбросить прежние представления о скором отмирании государства и тюремной системы как его составной части. В августе–сентябре 1917 г. В.И. Ленин провозглашал, что народ может «подавить эксплуататоров простой организацией вооруженных масс», что их «подавление — дело легкое, простое и естественное», ибо «когда все научатся... самостоятельно осуществлять учет и контроль туенядцев, баричей, мошенников... уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением... что необходимость соблюдать основные правила человеческого общежития скоро станет привычкой»¹. Но уже в конце 1917-го — начале 1918 г. в его статье «Как организовать соревнование?» предусматриваются весьма суровые наказания не только для эксплуататоров, но и для «рабочих, отлынивающих от работы»².

Большевики берут власть в Пермской губернии в конце 1917-го — начале 1918 г. и стремятся удержать ее при помощи различных мер, вплоть до террористических. С конца 1918 г. до июня–июля 1919 г. губерния находится под властью колчаковцев. После восстановления власти большевиков начинаются преследования лиц, сотрудничавших с колчаковской администрацией, грубый нажим позволяет сломить пассивное сопротивление населения хозяйственным мероприятиям власти. Со второй половины 1919 г. у большевистских властей появилось гораздо больше возможностей для более планомерного использования пенитенциарной системы.

Структуры, управлявшие пенитенциарными учреждениями, подвергались существенным изменениям. Хотя нельзя сказать, что все изменилось сразу. Несмотря на то что в декабре 1917 г. Наркомат юстиции учредил Тюремное управление вместо прежней Тюремной инспекции, на местах вплоть до февраля 1918 г. существовали, в основном, старые губернские и уездные тюрьмы и тюремные инспекции³. С февраля 1918 г. «местное заведование тюремной частью» поручалось губернским и областным сов-

Михаил Владимирович Рубинов, аспирант кафедры отечественной истории Пермского государственного педагогического университета.

депам, которые должны были контролировать деятельность тюремных учреждений по согласованию с Главным управлением местами заключения (ГУМЗ). В распоряжение губернских Советов поступали средства, направляемые ГУМЗ на содержание мест заключения. При этом некоторые подразделения тюремного ведомства — «тюремные комитеты, их отделения, также попечительства» — сохранялись «на существующих основаниях с предоставлением совдепам права выбора и утверждения состава директоров»⁴. В мае 1918 г. вместо ГУМЗ создается Центральный карательный отдел (ЦКО) при Наркомюсте, прежние тюремные инспекции в губерниях упраздняются, их функции переходят к карательным отделам при губернском комиссариате юстиции. Теперь центр получил реальные рычаги руководства: в ЦКО утверждали кандидатуры заведующих губернскими карательными отделами, он же распоряжался финансами и строго требовал выполнения своих директив.

У местных властей весной 1918 г. проявлялись некоторые тенденции, отчасти противоречившие линии центрального тюремного ведомства. Съезд комиссаров юстиции Западной Сибири, Урала и Степного края, состоявшийся в Омске в мае 1918 г., принял «Положение о рабочих домах», которые должны были заменить существовавшие тогда тюрьмы в Сибири и на Урале. Рабочие дома, согласно воззрениям авторов «Положения...», — это полусвободные учреждения, в которых основным методом воздействия на заключенных должно было стать нравственное воспитание⁵. Фактически это означало отмену мест заключения. Здесь наглядно проявилось наличие в большевистской среде определенных иллюзий относительно искоренения преступности при уничтожении прежнего строя. В дальнейшем большевистские власти признали подобные подходы ошибочными.

Как только Красная Армия захватила Пермь 2 июля 1919 г., карательный отдел возобновил свою деятельность. В его подчинении находились общие места заключения, расположенные на территории Пермской губернии в ее новых границах*. В Перми располагались губернская тюрьма и исправительное арестантское отделение, переименованные в исправительные рабочие дома № 1 и № 2. Тюрьмы в уездах теперь именовались аналогичным образом⁶. Три уездных исправдома в 1919–1920 гг. закрылись, поскольку они не были рассчитаны на значительное количество заключенных, а тюремные власти держали курс на широкое использование труда лишенных свободы и на

* В 1919 г. из Пермской губернии была выделена Екатеринбургская, куда вошла восточная часть прежней территории губернии. — М.Р.

развертывание в широких масштабах пропагандистской работы среди них. В уездных исправдомах не было возможностей для организации мастерских. Один из исправдомов перешел в ведение Пермского губкаротдела весной 1921 г. В его подчинении состояли также открытая в апреле 1920 г. сельскохозяйственная колония в Насадской волости и воссозданный большевиками в октябре 1920 г. Кизеловский рабочий отряд. Это можно назвать развитием опыта царских тюремщиков по использованию труда заключенных для добычи угля на Кизеловских коях в 1915–1917 гг. .

Наряду с общими местами заключения, создавались концентрационные лагеря ВЧК и лагеря принудительных работ НКВД. Они предназначались для осуществления наказаний во внесудебном порядке классовых врагов и сопротивлявшихся большевистским хозяйственным мероприятиям. Концентрационные лагеря с лета 1918 г. активно используются по настоянию В.И.Ленина и Л.Д.Троцкого. Постановление СНК «О красном терроре», принятое 5 сентября 1918 г., содержит установку: «обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях». Таким образом, место концлагерей в советской системе определяется законодательно .

Организация лагерей принудительных работ начинается весной 1919 г. Большевики признали необходимым создание нового вида мест заключения, что позволило бы решать хозяйственные задачи путем принуждения.

Из доклада Ф.Э.Дзержинского на заседании ВЦИК 17 февраля 1919 г.⁹

Кроме приговоров по суду, необходимо оставить административные приговоры, а именно, концентрационный лагерь. Уже и сейчас далеко не используется труд арестованных на общественных работах, и вот я предлагаю оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного понуждения, или, если мы возьмем советские учреждения, то здесь должно быть такое наказание за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т. д. Этой мерой мы сможем подтянуть даже наших собственных работников.

В мае 1919 г. публикуется постановление ВЦИК «О лагерях принудительных работ», в котором указывалось, что они не предназначаются для подозрительных в политическом отношении «лиц, подлежащих по постановлениям Всероссийской Чрезвычайной Комиссии заключению в особые лагеря на все время гражданской войны»¹⁰. Создавались лагеря губернскими ЧК во всех губернских городах

⁹ Так в тексте, хотя следовало бы сказать: "обезопасить". – М.Р.

и после организации переходили в подчинение местных отделов НКВД.

На территории Пермской губернии первый лагерь принудработ¹¹ появился в сентябре 1919 г. в Перми, затем такие лагеря создаются в уездных центрах: после августа 1920 г. — в Кунгуре, в феврале 1921 г. — в Оханске. В связи с весьма частым уклонением граждан от трудовой повинности в августе 1920 г. принимается решение открыть еще один концлагерь в Перми. В материалах отдела управления в апреле 1920 г. упоминается лагерь при губернской ЧК. Документы, где могут содержаться сведения о деятельности концлагеря при губЧК, недоступны. Возможно, в этом лагере содержались лица, признанные наиболее неблагонадежными в политическом отношении¹¹.

Руководителями губернского карательного отдела и губернского отдела управления становятся служащие с опытом работы в ревтрибуналах, партийных органах. Однако многие надзиратели, занимавшие свои посты еще при царском режиме, сохранили работу и после октябрьского переворота, и при Колчаке, и при окончательном утверждении большевиков в 1919 г. Значительная часть старых кадров пошла на сотрудничество с большевиками, получив различные должности в Центральном карательном отделе при Наркомюсте, который возглавил большевик Л.А.Саврасов. Надзирателями становятся местные рабочие и крестьяне, а также мобилизованные красноармейцы. В материалах губкаротдела можно найти косвенные признаки произвола в отношении заключенных. Вместе с тем, некоторые надзиратели, по-видимому из крестьян, бывало, призывали заключенных к отказу от работы и даже критиковали правящую партию! Как доносил один заключенный («бывший член РКП»), надзиратель Кизеловского рабочего отряда Попов «очень резко выразился против Советской власти и стоящих у ней... он сказал, что все комиссары — грабители»¹².

Количество заключенных в Пермском крае не всегда можно подсчитать точно. В течение 1918 г., по сообщениям источников из антибольшевистских кругов, наблюдалось переполнение тюрем политическими противниками большевиков и подозрительными по классовой принадлежности, среди которых часто оказывались крестьяне.

Количество заключенных в местах лишения свободы НКЮ выросло с 411 человек в июле 1919 г. до 2 231 в ноябре 1921 г. (0,4% трудоспособного населения губер-

¹¹ В советском делопроизводстве эти учреждения часто именовались концлагерями, поскольку точные наименования учреждений в официальных материалах не всегда выдерживались, а состав заключенных в этих лагерях не был однородным. — М.Р.

нии). Это на 28,6% больше, чем в расположенных на сопоставимой территории царских тюремных учреждениях губернии во время первой русской революции в мае 1907 г. К этому следует добавить не менее 400 заключенных Пермского, Кунгурского и Оханского лагерей принудработ.

Доля получивших приговор за контрреволюцию среди осужденных в местах заключения губкаротдела в разные месяцы 1920–1921 гг. составляла от 1/10 части до трети всех заключенных. В Пермском лагере принудработ их насчитывалось в среднем за 1921 г. 22%. Это значительно больше, чем в годы реализации жесткого столыпинского курса, направленного на борьбу с революционным движением. В мае 1907 г. доля политических среди общего количества заключенных в тех же местах заключения царского Министерства юстиции составила 7,6% (116 человек). Самой значительной группой заключенных в Пермском лагере принудительных работ были не «контрреволюционеры», а осужденные за трудовое дезертирство – 25,5%. Доля труддезертиров была существенна и в общих местах заключения. Иногда весомой была и доля наказанных за спекуляцию: от $\frac{1}{3}$ до 13% заключенных в разных местах и в разное время.

Особой группой заключенных являлись члены правящей большевистской партии, осужденные за преступления неполитического характера. Для них предусматривались особый порядок судимости и особые условия содержания в пенитенциарных учреждениях.

Из инструкции Пермского губернского отдела юстиции ~ март 1921 г.¹⁴

- 1) При возбуждении дел против коммунистов судебно-следственные органы должны в течение 24 ч. ставить об этом в известность местком РКП(б);
- 2) При вынесении постановления об аресте коммуниста в порядке предварительного следствия ... в течение суток ... должны быть извещены местная партийная организация, губком РКП(б), который вправе через особо уполномоченных товарищей ознакомиться с делом;
- 3) При установлении меры пресечения и ... аресте, таковой может быть заменен поручительством партийного комитета за персональной ответственностью тех членов РКП(б), которых на это уполномочит губком...
- 4) О всех возникающих по сему циркуляру недоразумениях между партийными и судебными органами необходимо сообщать в губком.

За что сажали коммунистов? Вот пример. С начала 1918-го до середины 1921 г. судебными учреждениями трех уездов (Чердынского, Сарапульского, Кунгурского) были привлечены к ответственности около 50 членов РКП(б). Среди обвинений на первом месте «кумышковарение», пьянство (большевики в то время проводили политику «сухого закона») и азартные игры; далее идут обвинения за спекуляцию и должностные преступления.

Отношение партийного руководства к этим явлениям было противоречивым. С одной стороны, провинившихся следовало наказывать. В противном случае правонарушители могли совсем распоясаться. Да и авторитет партии мог пострадать. С другой стороны, перед лицом непартийной стихии необходимо было соблюдать внутривнутрипартийную солидарность. Поэтому в повседневность вписываются вмешательства партийных органов в следственный и судебный процесс, незначительные сроки наказания в большинстве случаев и небольшое количество тех, кто лишался прав на занятие должностей¹⁵.

Нормы питания заключенных формально оставались на уровне, существовавшем в царской тюрьме, однако на практике они не соблюдались. О составе официально установленного пайка можно судить по докладу начальника Осинского исправдома, где осенью 1919 г. дела с продовольствием обстояли сравнительно благополучно. Для занятых на работах полагалось 1,5 фунта (614,25 г) хлеба в сутки, для неработающих — 1 фунт (409,5 г). Кроме того, в дневной рацион включалось мясо (т. е. субпродукты) — 0,5 фунта (204,75 г), картофель — 30 золотников (127,8 г) и столько же крупы. То, что в Осинском исправдоме выдавалось на весь день, в царской тюрьме выдавалось на обед. При царе, по данным Ж.Росси, на обед полагалось 2 фунта хлеба (819,0 г), крупы в кашу — 32 золотника (136,32 г), мяса — 30 золотников (127,8 г)¹⁶.

Однако в большинстве исправдомов ситуация с продовольствием была иная. В докладе заведующего губернским карательным отделом сообщалось, что заключенным в 1919 г. и в первых месяцах 1920 г. приходилось «по два-три дня сидеть голодными»¹⁷. Места заключения были переполнены. И даже проводившиеся периодически «разгрузки» — пересмотр списков заключенных с целью максимально возможного сокращения численности тюремного населения — не могли улучшить положения. В результате недоедания возникали эпидемии среди заключенных. В мае 1921 г. из сельскохозяйственной колонии в Насадской волости сообщали, что питание находится «в самом критическом положении». В 1921 г. общее положение с питанием заключенных еще ухудшилось из-за обострения продовольственного кризиса в губернии. В Кизеловском рабочем отряде продовольственный вопрос был настолько острым, что руководство отряда признавало неспособность заключенных, кроме 78 горнорабочих, получавших по 2 фунта хлеба в день, выполнять тяжелые работы¹⁸.

Режим в различных типах мест заключения имел свою специфику, однако основные его черты были характерны для всех учреждений. Режим в общих местах заключения

первоначально регулировался постановлением НКЮ от 23 июля 1918 г., а впоследствии «Положением об общих местах лишения свободы» от 15 ноября 1920 г., главным нововведением которого было деление заключенных на разряды: подсудственных — в зависимости от характера предъявленных обвинений, а осужденных — в зависимости от степени «исправления». Поощрительные и карательные меры создавали стимулы к соблюдению режима и, главное, позволяли привлекать заключенных к труду.

О соотношении различных категорий заключенных можно судить на примере Пермского исправительного рабочего дома № 1. Там из 193 подсудственных заключенных за преступление корыстного характера содержалось 189 человек, рецидивистов — 4 человека. Из 255 срочных заключенных испытуемых было 54, исправляющихся — 129, образцовых — 66, штрафных — 6. В целом число штрафных было невелико — не более 10–15 человек в каждом исправдоме; преобладали категории испытуемых и исправляющихся¹⁹.

Заключенным разрешались переписка, свидания с родственниками, допускалась выписка — возможность получать часть средств со своего лицевого счета на покупку продуктов или непродовольственных товаров из перечня, утвержденного администрацией места заключения. С 1920 г. объем этих прав стал зависеть от разряда заключенного (подсудственный, испытуемый, исправляющийся, образцовый и т. п.). С повышением разряда права расширялись. Подсудственные, которым не были запрещены контакты с внешним миром, могли ежедневно писать одно письмо²⁰.

По постановлению от 21 июля 1918 г. «О лишении свободы ...» передачи допускались не в личное распоряжение, а «в общий котел». «Положением...» 1920 г. разрешалось передавать вещи, которые позволялось иметь в камере, деньги, а также продукты в размере, не превышающем недельного пайка. Возможность чаще получать передачи и другие права зависели от разряда заключенного²¹.

По постановлению от 23 июля 1918 г. осужденным на срок не свыше одного года разрешался отпуск «на время не свыше двух недель». «Положение ...» 1920 г. допускало отпуск для заключенных из разряда исправляющихся не свыше семи дней в году, заключенные разряда образцовых могли получить семидневный отпуск два раза в год. На²² местах право отпуска предоставлялось довольно часто. Широкое предоставление отпусков можно объяснить недостатком продовольствия и переполнением исправдомов. Но имеются и другие соображения. В течение 1921 г. с момента введения продналога по приговорам ревтрибу-

нала в Пермском и Кунгурском уездах примерно 153 человека было осуждено на различные сроки заключения. При этом в сообщениях ревтрибуналов указывалось, что по приговору ни один из подсудимых от уплаты продналога «не освобождается и положенную на него норму обязан внести»²³. Поэтому можно предположить, что отпуска на полевые работы могли предоставляться в основном крестьянам, осужденным за неуплату продналога, с тем чтобы они могли его выплатить.

Заключенные имели право на некоторые элементы самоуправления. По инструкции Пермского губкаротдела разрешалось создание коллективов заключенных, выбравшихся общим собранием тюремного населения исправдома. Функции коллектива состояли и в разрешении недоразумений среди населения исправдома, и в заботах о разных нуждах заключенных, и в поддержании надлежащего внутреннего распорядка. Коллективы заключенных обращались в губернский карательный отдел и могли иногда добиваться определенных улучшений режима²⁴.

Для политических заключенных, которыми большевики официально признавали членов социалистических партий, устанавливался более мягкий режим. По мнению Ж.Росси, они «пользовались почти такими же привилегиями, какие большевикам и др. революционерам предоставляли царские тюрьмы»²⁵. Однако власти постепенно вели наступление на права этой группы, стремились с помощью различных мер обойти нормы, определявшие статус политических заключенных. Например, меньшевики, согласно указаниям большевистских вождей, зачастую подвергались уголовному преследованию не за свою партийную принадлежность, «а как спекулянты и подстрекатели к забастовкам»²⁶.

Но главным элементом режима был принудительный труд, без которого не мыслилась советская исправительно-трудовая система. Обязанность трудиться распространялась как на осужденных, так и на подсудимых. Для тех, кто не желал работать, предусматривались репрессивные меры²⁷. Труд заключенных не был новшеством, появившимся с установлением власти большевиков, но в Советской России труд тюремного населения распространялся почти на все типы мест заключения.

Одной из целей привлечения заключенных к труду провозглашалось предоставление им возможности «по выходу из места заключения жить трудовой жизнью». Но, как отмечает Ж.Росси, исправительный труд предусматривался только для заключенных из среды трудящихся, в то время как для «контрреволюционеров, классово чуждых и социально опасных элементов» вводился принудительный труд. Идея тюремного заключения, «соединенно-

го с тягчайшими принудительными работами», нашла наиболее рельефное отражение в декрете о борьбе со спекуляцией от 22 июля 1918 г.²⁸. Однако вряд ли можно говорить о последовательной дифференциации подходов к труду как к исправительному и как к принудительному средству на практике.

Существовало несколько факторов, способствовавших широкому применению труда тюремного населения. В условиях хозяйственной разрухи и постоянной нехватки средств на содержание мест заключения администрация стремилась использовать все возможные источники поступления доходов и, прежде всего, труд заключенных. Кроме того, не стоит забывать о существовании всеобщей трудовой повинности в первые годы Советской власти. Освобождение от нее тюремного населения выглядело бы весьма странно и нелогично. Более того, в местах лишения свободы содержалось значительное число осужденных за трудовое дезертирство, с которым власти вели непримиримую борьбу. Центральный карательный отдел в своих циркулярах в 1920 г. конкретизировал меры по привлечению к работам различных групп заключенных, выражал неудовлетворенность тем фактом, что большая часть подследственных заключенных не привлекается к труду, и требовал покончить с «паразитизмом» среди заключенных, используя систему разрядов и категорий для распределения тюремного населения по различным видам работ²⁹.

В Пермской губернии использовались все основные виды привлечения лишенных свободы к труду. В 1919 г., после восстановления власти большевиков в Пермской губернии, материальную базу пенитенциарных учреждений во многом приходилось создавать заново. Из-за нехватки сырья и инструментов организация мастерских сопровождалась большими трудностями. Неудача с организацией мастерских при Усольском и Оханском исправдомах послужила главной причиной их закрытия в 1920 г. Однако попытки создания мастерских оставлены не были. К маю 1921 г. в мастерских работало 131 человек, или 7,4% общего числа заключенных. Существовали мастерские различного профиля: портновские, сапожные, кузнечные, токарные, слесарные, переплетные и др. Больше всего заключенных, работавших в мастерских, приходилось на пермские исправдома № 1 и № 2, а также на Сарапульский исправдом, где в сапожной мастерской работало 25 человек. Однако в целом эти достижения явно не соответствовали планам организаторов. В докладе о деятельности губкаротдела говорилось о необходимости расширения мастерских. Из-за отсутствия сырья и инструментов работа ограничивалась выполнением мелких зака-

зов администрации мест заключения, советских учреждений или отдельных лиц. Несмотря на то что о доходах от эксплуатации мастерских не могло быть и речи, этот вид работ все же приносил определенные поступления в казну. По данным отчета о работах в местах заключения за 1920 г., можно сделать вывод, что на одного человека, занятого в мастерских, приходилось больше дохода, чем на одного заключенного, выводившегося на внешние работы. Это можно объяснить тем, что в мастерских было больше возможностей для применения системы сдельной и урочной оплаты труда, предусмотренной «Положением» 1920 г.³⁰

Предпринимались попытки организовать и более масштабное производство. В 1920 г. при Пермском рабочем доме № 2 создается «Машиностроительный завод № 7». Планировалось занять на заводе 200 человек, однако на практике удалось организовать работы не более чем для 90. Кроме того, никак не удавалось укомплектовать завод заключенными необходимыми специальностями. Для того чтобы поднять производительность труда на заводе, предусматривалось стимулировать заключенных перспективой улучшения их материального положения, расширения прав на отпуска, свидания и передачи, указывалось на возможность достаточно быстрого освобождения³¹. Показательно, что в некоторых случаях тюремные власти были готовы пойти на широкие поощрительные мероприятия.

Наибольшее число лишенных свободы использовалось на бесплатных хозяйственных работах: уборке территории мест заключения, очистке от снега, колке дров, ремонте помещений. Внутренние платные работы состояли в выполнении штатных обязанностей по обслуживанию мест лишения свободы, к ним привлекали заключенных-специалистов. На хозяйственных бесплатных работах использовались срочные и подследственные заключенные, не допускавшиеся к внешним работам из-за склонности к побегу или в силу характера совершенного преступления. Внутренние работы не могли давать поступлений в казну, но позволяли экономить средства по обслуживанию и ремонту исправдомов. В Сибири, к примеру, на платных и бесплатных внутренних работах было занято 22% тюремного населения³². На Урале картина была схожая, хотя есть основания считать, что в Сибири данная тенденция проявлялась ярче.

Большинство срочных заключенных и некоторая часть подследственных использовались на внешних работах, приносящих наибольший доход. В основном это были задания, связанные с тяжелым физическим трудом: заготовка топлива, разгрузка судов, участие в ремонте дорог. Однако заключенных направляли и в советские учреждения, в том числе для канцелярских работ. Характерно,

что в рабочих домах кадры канцеляристов и делопроизводителей частенько формировались из заключенных³³.

Отсутствие вещевого довольствия, удовлетворительного питания, невозможность организовать «окарауливание» заключенных во время вывода их на работы из-за неполного штата служащих мест заключения не позволяли реализовать на местах планы центральных тюремных органов по привлечению к труду всех трудоспособных заключенных. На деле число не занятых работами порой превышало число тех, кого удавалось занять³⁴.

Помимо исправдомов, в ведении Пермского губкаротдела находилась сельскохозяйственная колония в Насадской волости, основанная с целью хотя бы частично удовлетворить потребности мест заключения в продовольствии. При колонии было организовано несколько мастерских. Вопреки замыслам ее организаторов, колония не смогла стать поставщиком продовольствия для исправдомов губернии. На зиму часть заключенных из колонии переводилась в исправдома Перми. Заместитель начальника губкаротдела М.Ожгибесов, проверявший коммунальное хозяйство в апреле 1921 г., нашел колонию в состоянии «хозяйственного развала». По июньским сводкам 1921 г., во время посевной кампании в колонии не хватало семян, инвентаря, продовольствия для заключенных, и к концу 1921 г. заметных результатов деятельности колонии отмечено не было³⁵.

Для улучшения ситуации с продовольствием в местах заключения при исправдомах организовывались огороды. В сентябре 1920 г. общая площадь огородов составила 50 000 кв. саженей³⁶.

Большое значение придавалось Кизеловскому рабочему отряду как хозяйственной единице. Не случайно правление копей просило губкаротдел «об оставлении на работах даже тех заключенных, которые освобождаются по амнистии или за окончанием срока наказания». Начальник отряда предлагал в марте 1921 г. увеличить численность отряда со 120 хотя бы до 200 человек, так как «по отзыву управления копиями производительность труда заключенных стоит выше, чем у вольных рабочих и трудармейцев». Общая сумма, вырученная от работ в Кизеловском рабочем отряде в 1921 г., уступала только доходам Пермского исправдома № 2. В отряде, в отличие от исправдомов, отсутствовало расписание работ, не соблюдался 8-часовой рабочий день. В июне 1921 г. принимается решение о переводе отряда с копей им.Ленина и им.Троцкого на Курмаковскую³⁷ копь, где можно было расквартировать до 400 человек³⁷.

Тем не менее доходы от работ в местах заключения в целом, согласно данным губкаротдела, по крайней мере в 1920 г., не могли окупить расходов по их содержанию³⁸.

В конце 1921 г. в связи с переходом к нэпу вновь ставится проблема самоокупаемости мест заключения, расширения работ в тюремных учреждениях и участия их в подъеме экономики. В 1922 г. V Всероссийский съезд заведующих губернскими отделами управления постановил, что деятельность пенитенциарной системы «должна быть направлена на то, чтобы избавить общество от бремени расходов на содержание преступников и возложить эту работу на них самих»³⁹.

Режим и организация труда в лагерях принудительных работ строились на тех же принципах, что и в общих местах заключения, однако имели некоторую специфику. Расходы по содержанию лагеря должны были окупаться трудом заключенных. При этом на них распространялись 8-часовой рабочий день и законы о труде, а изъятия из заработанных средств не должны были превышать $\frac{3}{4}$ заработка. Оплата труда заключенных должна была производиться по ставкам профсоюзов соответствующих профессий и местностей. Однако на деле рабочий день при необходимости увеличивался, а средства, поступавшие на личные счета лишенных свободы, после вычета сумм на содержание лагеря, в экономических условиях того времени едва ли могли существенно улучшить положение заключенных. Побег карался сурово, для их пресечения допускалось введение круговой поруки. Передачи отдельным заключенным запрещались, продовольствие должно было поступать только в «общий котел». Однако для лишенных свободы предусматривались и некоторые права. Например, они избирали старосту, который являлся посредником между администрацией и заключенными, через него могли передаваться жалобы на действия администрации⁴⁰.

В Пермском лагере принудработ к осени 1921 г. действовали мастерские, но они обслуживали только внутрилагерные нужды. Большая часть заключенных лагеря работала в разных учреждениях города, намного меньшая часть использовалась внутри лагеря. Это существенным образом отличало лагерников от заключенных исправдомов, которые в основном привлекались к бесплатным хозяйственным работам внутри мест заключения. Одна из главных причин — большое число подследственных заключенных, многие из которых не допускались к внешним работам⁴¹.

Должности счетовода, бухгалтера и т. п. в лагере обычно занимали заключенные-специалисты. Для некоторых групп заключенных устанавливались определенные

льготы, в частности отпуска на полевые работы для «трудового элемента».

Таким образом, в результате отхода большевиков от своих прежних представлений о роли государства после победы над эксплуататорскими классами пенитенциарная система была признана важной частью государственного аппарата. Численность заключенных в местах лишения свободы Наркомата юстиции постепенно росла. Состав заключенных (по характеру предъявленных им обвинений) зависел от перипетий борьбы большевиков с классовыми врагами, а также от социально-экономической политики правительства. В режиме общих мест заключения проявлялись как террор, так и система поощрений для подтвердивших свою лояльность лиц. Однако права политических заключенных постепенно урезали, все чаще поступали указания ужесточить режим содержания для заключенных из среды служащих и интеллигенции. Труд в местах заключения приобрел обязательный характер, большевистские власти стремились связать его с насущными хозяйственными задачами. Концлагеря (прежде всего, лагеря принудительных работ) в рассматриваемый период органично вписывались в экономические и социально-политические мероприятия большевиков. С переходом к политике нэпа многие концлагеря, основанные до 1922 г., ликвидировали, поскольку потребовались тюремно-лагерные учреждения, отвечавшие новым задачам: окончательному подавлению и изоляции от общества тех, кто претендовал на политическую оппозиционность режиму, на фоне компромисса с широкими социальными слоями в социально-экономической сфере. Так в рассматриваемый период закладываются существенные предпосылки для возникновения системы ГУЛАГа.

Н.Гашев

ДОЛГ ПАМЯТИ

В книге иеромонаха Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX века», подготовленной по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II и вышедшей в 1996 г. в Твери, среди десятков тысяч священнослужителей, замученных и убитых большевиками за их веру, за их убеждения, есть фотография и

Николай Владимирович Гашев, журналист, сотрудник газеты "Звезда".

жизнеописание Николая Михайловича Гашева, священника Пророко-Ильинской церкви Пермской области.

Это мой дед по отцовской линии. В январе 1930 г. по обвинению в антисоветской агитации (статья 58-10 тогдашнего Уголовного кодекса Российской Федерации) он был арестован и по приговору «тройки» Пермского окротадела ОГПУ выслан на север Урала сроком на три года. Там он, 60-летний больной старик, и умер. Причем ни его дети (а семья у отца Николая была большая – шестеро сыновей и три дочери), ни мы, его внуки и правнуки, не знаем, где находится его могила, а значит, не можем поклониться его праху.

Странно, но в детстве я не помню, чтобы в семье нашей говорили о деде. Хотя что тут странного: отец, испытывавший на себе, каково при советской власти быть сыном священника (его, мечтавшего стать врачом, в 30-м г. исключили из университета с формулировкой «социально чуждый элемент»), старался, наверное, нарочно отгородить нас от деда. Потрясло его в юности, как я теперь понимаю, и самоубийство 16-летнего брата Алеши. Говорили, что девушка, в которую Алеша влюбился, с презрением отвернулась от него, не захотела иметь ничего общего с поповским сыном.

Отец воспитал нас, так сказать, на положительных примерах. В нашем верещагинском доме с самой войны рядом с отрывным календарем был приколот кнопками к стене вырезанный из газеты портрет Руфины Сергеевны Гашевой, нашей двоюродной сестры. Она, внучка священника отца Николая, во время войны была штурманом женского авиационного полка, совершила 848 боевых вылетов, награждена Золотой Звездой Героя Советского Союза.

С удовольствием рассказывал отец и о своих братьях и сестрах. Александр был учителем, Анатолий – агрономом, Сергей, отец Руфины, – речником, плавал по Каме на пароходе. Маша стала провизором, Валентина – бухгалтером, Юлия – медсестрой. Отец тоже обрел специальность – окончил лесоустроительный техникум, всю жизнь работал в лесничествах, леспромхозах.

Особенно гордился отец старшим братом Николаем. Во время гражданской войны он был красным командиром. Это, по-видимому, и спасло его от отчисления из университета. Он стал хирургом, славился умением делать самые сложные операции, в том числе и на сердце, был награжден орденом Ленина. Примером для нас были и сыновья Николая Николаевича Лева и Боря. Один из них – моряк, другой – дипломат, работал секретарем нашего посольства в Сирии.

Так вот, о братьях и сестрах своего отца мы знали все, а об их отце Николае Михайловиче, нашем дедушке, ничего. Как будто его и не было никогда на свете.

Однажды, работая в «Звезде», я приехал в командировку в Ильинский район, в отдаленную деревню. Меня определили на ночлег в дом к двум старичкам. За ужином они стали расспрашивать, кто я такой, откуда.

— Гашев? У вас в Ильинском родня есть? Ах, Юлия Николаевна ваша тетка! Значит, вы внук отца Николая!

Из человека постороннего, чужого я как бы сразу стал для этих старичков родным и близким. Они знали деда, хорошо помнили его, оба были прихожанами Пророко-Ильинской церкви, в которой с 1919 г. служил отец Николай. Старушка называла себя его «сестрой», старик — «братом». При этом оба смотрели на меня так, будто я, атеист-безбожник, несу в себе частицу его веры, его доброты, его святости («не случайно вас тоже нарекли Николаем!»).

Мне было стыдно, что я ничего не могу рассказать этим двум людям о судьбе деда. А ведь у меня была возможность узнать все, как говорится, из первых рук.

Летом 1945 г., когда жизнь в послевоенной стране была особенно трудной (мы, например, питались пиканами да супом из крапивы), родители отправили меня, 12-летнего пацана, к тете Юле в Ильинское. Там же у своей младшей дочери жила Капитолина Андреевна, моя бабушка, вдова отца Николая.

Помню, как к ней каждый день приходили старушки, они вместе молились, постоянно говорили о Боге, о разных церковных праздниках. Шла речь, наверное, и о деде, но мне даже в голову не приходило прислушаться или попросить бабушку рассказать о нем, поинтересоваться, почему люди со всего села тянутся к ней, почтительно слушают ее слова и советы.

Летом 1953 г., когда я уже был студентом университета, мы с папкой приехали в Ильинское на похороны Капитолины Андреевны. Ее кончина собрала всех сыновей и дочерей. Вместе со своими дядьями и тетями я провожал покойницу на кладбище, куда собралось, наверное, полсела, сидел за поминальным столом, где желающих сказать доброе слово о бабушке пришлось рассаживать в три-четыре очереди. Нет сомнения, что говорили тогда не только о бабушке, но и о ее муже, отце Николае. Слушать бы, запоминать все, наматывать на ус. Но мне будто воском залили уши. Я тогда увлекался поэзией Маяковского, даже сборник его захватил с собой и, уединившись, читал его ломаные строки.

Отец о бабушке говорил неохотно, будто не доверял мне, опасался, что я каким-нибудь неосторожным словом оскорблю память о дорогом ему человеке. Однажды рассказал, как в декабре 1918 г. (отцу тогда было 12 лет) в Ильинском вспыхнул мятеж расквартированного там 10-го кавалерийского полка. О жестокости этого восстания в тылу у красных можно судить по количеству жертв: в Ильинском и его окрестностях было расстреляно около 800 человек!

Когда красные войска перешли в наступление, многие ушли с Колчаком в Сибирь. Так сделал, например, священник Ильинской церкви отец Евграф. Он и деда нашего уговаривал бежать: красные, мол, не пощадят.

Но дед остался. Не мог он бросить на произвол судьбы свою огромную семью. Когда части Северного экспедиционного корпуса особой бригады с боем ворвались в село, отец Николай даже прятаться не стал. Спокойно ходил по улицам в своей длинной рясе, вызывая изумление красноармейцев. Для многих из них каждый поп был контрреволюционером, его по законам военного времени следовало немедленно «поставить к стенке».

Арестовали деда только через 11 лет — в декабре 1930 г. Из Ильинского его увезли в Пермь, в следственный изолятор. Отец, тогда еще студент университета, добился свидания с ним. Дед был тяжело болен, с трудом передвигал ноги. Не прошли для него даром этапирование пешим ходом из Ильинского на станцию Шабуничи, оттуда поездом в Пермь, допросы с пристрастием, которые следователи тех лет проводили по ночам.

— Я собирался подбодрить его, — рассказывал мне отец, — а как увидел, не выдержал и заплакал... Тогда он сам стал меня успокаивать, утешать. О маме расспрашивал, о всех нас. «Передай, что чувствую себя хорошо. Я ни в чем не виноват. Ничего дурного мне не сделали и сделать не могут...»

И еще один эпизод из рассказа отца врезался в память — как бабушка Капитолина Андреевна получила разрешение навестить мужа в лагере. Сначала она разговаривала с начальником лагеря. Он предупредил ее, что дед очень плох, не сегодня-завтра умрет.

— Знаешь, какой совет дал начальник? «Если не хотите, чтобы старика бросили в общую яму, сегодня же закажите ему гроб и могилу». И вот, представляешь: мама разыскала отца в бараке и с него, еще живого, снимала мерку для гроба...

Какое же преступление совершил отец Николай? В чем его вина? За что он принял мученическую смерть?

Ближайшие родственники Николая Михайловича — его жена Капитолина Андреевна, его сыновья и дочери, кото-

рые больше всего пострадали от ареста и высылки мужа и отца, — увы, уже не получают ответы на эти вопросы. Никого из них нет в живых. Но есть мы, внуки и правнуки отца Николая, и нам, а также нашим детям, детям наших детей далеко не безразлично, кто такой наш предок.

В 1990 г. я написал письмо в Комиссию Священного Синода по изучению материалов, относящихся к реабилитации духовенства и мирян православной церкви. Вскоре пришел ответ, а затем — письмо из управления КГБ по Пермской области. Меня приглашали зайти по поводу реабилитации деда.

На дворе был не 1937-й, а 1991 г. Но страх перед этой зловещей организацией — ЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ, — должно быть, отпечатался в моей генной памяти, передался мне от моего деда отца Николая, священника Ильинской церкви, от моего второго деда по материнской линии Василия Васильевича Чудинова, раскулаченного крестьянина села Зюкай Карагайского района, от моих родителей, жизнь которых была изломана всем этим. «Карающий меч» революции безжалостно рубанул и по близким моей жены. Деда ее, Григория Ивановича Веретенникова, который своим трудом и талантом выбился из нужды, стал владельцем нескольких булочных и пекарен, большевики разоряли дважды — сначала после гражданской войны, потом после нэпа. По решению «тройки» его тоже сослали куда-то на север, но он ухитрился сбежать, долгое время прятался в подполе в доме своей дочери Тони, сельской учительницы.

Сразу трем нашим семьям почти в одно и то же время подрубили корни. А сколько их было таких подрубленных, разоренных семей по всей стране!

И вот я в комнате, которая специально предназначена для разговора с родственниками невинно репрессированных людей. За два неполных года после выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» работники прокуратуры и КГБ только нашей области вернули добрые имена 7 000 человек!

Дело моего деда, начатое 5 января и законченное 13 января 1930 г. (всего за неделю управились чекисты!), насчитывает всего 24 страницы. К первому листку, где оперуполномоченный ОГПУ Ежов рапортует начальству об аресте священника, приколоты канцелярской скрепкой две крохотные фотографии отца Николая, сделанные, очевидно, в тюрьме. Высокий лоб с залысинами, впалые щеки, окладистая, почти белая борода, под глазами мешки, и взгляд направлен куда-то внутрь себя.

Из рапорта оперуполномоченного ОГПУ Ежова явствует, что 30 декабря 1929 г. в селе Ильинское состоялось два схода. На одном из них с лекцией «Был ли Христос» выступил хорошо подготовленный лектор из Перми. Основываясь на том, что религия — опиум для народа, тут же на сходе было принято решение о немедленном закрытии церкви в Ильинском.

А в это время священник отец Николай, церковный староста Н.Л.Ермаков, «сестра» А.Н.Кичигина собрали в храме верующих. Неизвестно, сколько людей слушало лектора-атеиста, а в храм, как значится в рапорте, собралось около ста человек.

Объявив это собрание верующих «подпольным антисоветским сборищем», оперуполномоченный Ежов обвинил отца Николая в антисоветской агитации. Нашлись и свидетели. Одна из них показала на допросе: «Священник Гашев вел яростную агитацию среди верующих, говорил, что надо во что бы то ни стало отстоять церковь, призывал биться за нее с Советской властью до последней капли крови, указывал при этом на пример первых христиан, принимавших смерть за веру...» А вот показания курсанта-батрачки (были, оказывается, и такие категории людей!): «Священник Гашев ходил по приходу с иконой Богоматери, говорил родителям, чтобы они не пускали детей в комсомол, потому что ничему хорошему их там не научат». Нашелся свидетель, который заявил, что отец Николай агитирует против колхозов. А учитель местной школы, кстати сам в прошлом священнослужитель, но, как он сказал, «отказавшийся от Евангелия», заявил, что отец Николай и вообще церковь мешают воспитывать детей в коммунистическом духе.

Не хочу называть фамилии тех, кто своими показаниями обрек деда на гибель. И не потому, что их уже нет в живых и они не могут оправдаться, объяснить, почему тогда поступили так, а не иначе. У них ведь тоже остались дети, внуки и правнуки. Не хочу, чтобы зло передавалось из поколения в поколение.

А показания самого деда, записанные в пермской тюрьме следователем Севостьяновым, хочется привести полностью: «Я, Гашев Н.М., привлекающийся в качестве ответчика, показываю следующее: по поводу предъявленных мне обвинений в антисоветской агитации заявляю, что я, как всякий гражданин, отношусь к Советской власти лояльно, но не отрицаю, что как священнослужитель должен был ревностно защищать веру Христову и показывать пример в этом своим прихожанам. Поэтому я действительно в церкви призывал прихожан укреплять веру Божью, молиться чаще, указывал на пример первых христиан, страдавших и подвергавшихся гонениям за свою великую предан-

ность вере Христа. Все мои беседы были исключительно религиозного характера. Каких-нибудь высказываний против Советской власти в проповедях не допускал, церковную службу проводил по уставу, избегал вообще каких-либо конфликтов с властями.

Поэтому виновным себя в агитации против Советской власти не признаю. Никаких бесед против Советской власти не проводил и не устраивал никаких нелегальных собраний.

С моих слов записано верно

Н.Гашев».

Эта подпись — «Н.Гашев» (буквы крупные, угловатые, написаны почему-то красными чернилами) — единственное слово, написанное собственноручно нашим дедом, дошедшее до нас, его внуков, через толщу почти семи десятилетий. Подпись да две фотографии, в том числе тюремные, — больше у нас от него ничего не осталось.

Отдавая долг памяти своему деду Николаю Михайловичу Гашеву, священнику Ильинской церкви, я дважды писал о нем и его близких в пермских газетах и в столичном журнале «Сельская новь». Я получил письмо из Москвы от члена Комиссии Священного Синода иеромонаха Дамаскина. Он написал: «Имя вашего деда отца Николая Гашева записано в синодик и отправлено на постоянное поминовение в четыре православных монастыря — Троице-Сергиеву лавру, Киево-Печерскую лавру, Оптину Пустынь и Московский Данилов монастырь»...

Л.Обухов

РЕПРЕССИИ И ТЕРРОР В ПРИКАМЬЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Октябрьский переворот, произведенный большевистской партией, положил начало массовым репрессиям и террору. Диктатура пролетариата в стране, где рабочий класс составлял незначительное меньшинство, неизбежно вела к насилию по отношению к огромному большинству населения. С первых дней захвата власти по указаниям «сверху», а не по инициативе «снизу», расстреливали и арестовывали людей по классовой, профессиональной или партийной принадлежности. Лозунгами типа «Грабь на-

Леонид Аркадьевич Обухов, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории новейшего времени Пермского государственного университета.

грабленное», «Все дозволено по отношению к врагам революции» большевистские руководители сознательно разжигали низменные, по сути первобытные инстинкты прежде всего маргинальных и люмпенизированных слоев населения. Вместо идеи кровной мести насаждалась не менее жестокая и кровавая идея классовой мести. Обоснование и оправдание подобных действий было одно: «революционная целесообразность». Уже первые декреты новой власти (о печати, об аресте вождей гражданской войны, выступавших против революции) формировали в массах соответствующее отношение к противникам большевистской власти, к буржуазии, кадетам. Развязав гражданскую войну, большевики виновниками ее назвали кадетов, объявив их партией врагов народа. Как поступать с врагами народа, особо объяснять не требовалось.

Чтобы удержать власть, большевикам приходилось широко применять насилие, принуждение, террор. Большевистские теоретики, прежде всего В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и др., попытались обосновать необходимость устрашающего террора. Они выдвигают положения о «массовидности террора», призывают быть «образцово беспощадными»: «устрашение является могущественным средством политики», «расстреливать, никого не спрашивая и не допуская волокиты» и т. д.

7(20) декабря 1917 г. создается Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). В середине марта 1918 г. была организована Пермская окружная чрезвычайная комиссия, позднее преобразованная в губернскую. В мае 1918 г. создается Уральская областная ЧК, организуются уездные ЧК. Формируется разветвленный и мощный аппарат насилия, массовых репрессий и террора. «Карающим мечом революции» называли ЧК. За годы гражданской войны у подавляющего большинства населения представление о ЧК сложилось крайне негативное. Эта аббревиатура вызывала порой не просто страх, а ужас.

Конечно, в период революции не приходится говорить о законности или незаконности тех или иных действий, все определялось «интересами революции», «революционной целесообразностью». Однако толковали ее по-разному, отсюда полнейший произвол тех, кто был облечен властью. Один из руководителей ВЧК М.Я. Лацис четко сформулировал правила, которыми должны руководствоваться чекисты: «Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования

или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого»¹.

II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов отменил смертную казнь. Но практика борьбы большевиков за власть показала, что без смертной казни они обойтись не могут, и 21 февраля 1918 г. декретом-воззванием «Социалистическое Отечество в опасности» смертная казнь была фактически восстановлена.

Первые массовые репрессии большевиков были направлены против служащих, — «саботажников», или, говоря другим языком, забастовщиков. Как в центре, так и на местах, в том числе в Прикамье, в конце 1917-го — начале 1918 гг. в ответ на забастовку служащих различных учреждений, учителей власти объявили массовый локаут, арестовав руководителей забастовки и объявив о приеме обратно на работу лишь при условии признания власти большевиков.

Красный террор начался задолго до знаменитого декрета «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. Поэтому говорить о красном терроре как об ответе на белый террор нет оснований. Вероятно, можно согласиться с утверждением эмигрантского историка С.Мельгунова о том, что в гражданской войне красный террор принял форму планомерного уничтожения противников (т. е. «буржуазии»), в то время как белый террор носил характер эксцессов на почве разнузданности и мести, не имея под собой никакой «теоретической» базы².

Одним из первых актов физического уничтожения большевиками своих политических противников в Прикамье стало убийство в Кунгуре в ночь на 6 февраля 1918 г. видного местного земского и городского деятеля, председателя Кунгурского комитета кадетской партии А.Г.Агеева и его жены Т.В.Агеевой. Супругам Агеевым предъявили обвинение: «участие в заговоре против Советской власти». Убийство было тайным, тела утопили в проруби.

Большевики жестоко расправлялись с участниками крестьянских выступлений. Масштабы большевистского террора были явно не адекватны действиям крестьян. Так, в феврале 1918 г. ряд сельских обществ Острожской и Дубровской волостей Оханского уезда приняли резолюции в поддержку Учредительного собрания, против произвола красногвардейских отрядов. 2 марта из Очера в Острожку был направлен карательный отряд «для ареста контрреволюционеров и отобраiania оружия». Действия отряда вызвали недовольство крестьян, и красногвардейцы вынуждены были отступить. По пути в Дуброво крестьяне устроили засаду, разоружили отряд, один красногвардеец при попытке бежать был убит. Карательным отрядам, направленным

для подавления «Дубровско-Острожского восстания», крестьяне не оказали никакого сопротивления. Тем не менее в Острожке было убито 4 человека и 8 человек расстреляно в Дуброво, хотя, как отмечалось в отчете, руководители «восстания» сумели скрыться. Расправа с крестьянами в Оханском уезде была одним из первых эпизодов красного террора в Прикамье.

Действия крестьян против продотрядов и красногвардейцев носили характер защиты от произвола последних. Именно поведение продотрядов спровоцировало большинство крестьянских выступлений летом 1918 г. Показательно в этом отношении так называемое шлыковское восстание, вспыхнувшее в конце июня 1918 г. в Шлыковской, Частинской и соседних волостях Оханского уезда. Большинство продотряда, направленного туда, составляли интернационалисты из бывших австрийских военнопленных. 8 продармейцев были жестоко убиты. Тогда из Оханска выступил отряд во главе с председателем ЧК С.Болотовым. Основу отряда составляли также интернационалисты. В ходе карательной экспедиции они выдавали себя за казаков, выявляли таким образом противников Советской власти, участников контрреволюционного выступления и расстреливали их на месте. По крайней мере в четырех деревнях поступили именно так³. В своем отчете об этом деле председатель Оханской ЧК следующим образом обосновывал жестокость расправы: «Я и мои товарищи, находившиеся там, должны были превратиться в зверей и расстреливать всех поименованных преступников и предателей революции, которые утратили признаки человека. ...Если зверски убивают наших товарищей при исполнении ими революционного долга, то мы должны представлять из себя не что иное, как бронированный автомобиль, и уничтожать на своем пути всех гадов, препятствующих нам идти честно к царству труда и равенству народов. Всякое поднимание головы и карканье против трудящихся понесет с собою свою гибель»⁴.

Пермская окружная ЧК с момента своего создания начала активную борьбу с «контрреволюцией, спекуляцией и саботажем». Председателем ЧК стал Ф.Н.Лукоянов (партийная кличка Маратов). С середины марта по 1 мая 1918 г. окружная ЧК арестовала 73 человека, наложила штраф на 72 человека, из них на четверых «за оскорбление Советской власти», заведено 117 дел по реквизиции и конфискации имущества, проведено 209 обысков⁵.

В середине мая имели место волнения на почве перебоев в снабжении продовольствием на Мотовилихинском заводе и в Главных железнодорожных мастерских. Реакция властей была быстрой и решительной: Пермский округ объявлен на военном положении, в ночь с 17 на 18

мая произведены массовые обыски и аресты среди правых эсеров и меньшевиков. Было арестовано 23 человека. Большинство из арестованных через неделю освободили под подписку о невыезде из г.Перми и обязательство не выступать на собраниях и митингах с агитацией против Советской власти⁸. 4—5 июня в ЧК составили список лиц, обвиняемых в агитации (выступлениях) против Советской власти. В список было включено 38 человек, в основном меньшевики и правые эсеры.

Репрессии и расстрелы на местах приобрели настолько большой размах, что юридический отдел Пермского губернского Совета направил циркуляр всем Советам губернии. В циркуляре отмечалось: «За последнее время бывает много случаев расстрела частных граждан местными исполкомами Советов без достаточных оснований». Юридический отдел разъяснял, в каких случаях возможно применение расстрела: «1) Расстреляны могут быть лица, совершающие вооруженный грабёж, разбой, если эти лица задержаны с поличным на месте преступления. 2) Лица, открыто, публично призывающие к свержению Советской власти с оружием в руках». В циркуляре подчеркивалось: «Непризнание Советской власти не есть уголовное преступление, караемое революционными законами». Но в то же время отмечалось, что если кто-то из критиков Советской власти «говорит явную ложь или же тенденциозно освещает факты с целью натравить часть населения на другую или же население на советские органы власти, то таковых необходимо предавать суду Революционного Трибунала». Не считаясь с циркуляром, Пермская окружная ЧК предупредила, что «все, кто будет вести агитацию против Советской власти и распространять ложные, нелепые слухи, будут преследоваться ЧК путем самых суровых мер и в случае поимки на месте преступления будут беспощадно расстреливаться»⁸. Если юридический отдел стремился подвести под расстрелы какую-то законодательную базу, хотя бы частично их ограничить и поставить под контроль, то «карающий меч» революции по-своему толковал принцип «революционной целесообразности».

Пермским большевикам принадлежит сомнительная честь: именно они положили начало физическому истреблению царской семьи. 12 июня 1918 г., почти за месяц до убийства Николая II в Екатеринбурге, в Перми был убит великий князь Михаил Александрович Романов. Убийство Михаила Романова было инициативой местных большевиков, прежде всего Г.И.Мясникова, но этот акт вполне соответствовал настроениям центра, той политике, которую проводило большевистское руководство в Москве. Позднее Я.М.Свердлов и В.И.Ленин, по утверждению Г.И.Мясникова, одобрили убийство Михаила Александровича⁷.

Через несколько дней после этого убийства в Перми было совершено очередное преступление: изуверская расправа над архиепископом Пермским и Кунгурским Андроником.

18 июля в городском театре Перми, где проходил митинг, была брошена бомба. Большевики обвинили в этом левых эсеров и произвели массовые аресты среди членов ПЛСР как в губернском центре, так и в уездах. В Перми арестовали 81 человека не только из числа левых эсеров, но и известных общественных деятелей, предпринимателей. Среди арестованных были Л.В.Барбатенко – директор гимназии, И.Ю.Петровский – владелец книжного магазина, О.М.Варфоломеева – известный педагог, председатель общества «Светлая юность» и заведующая педагогическими Фребелевскими курсами, В.М.Здравосмыслов – директор бактериологического института и др. Правда, большинство арестованных вскоре освободили с подпиской о невыезде и под поручительство. Акция, имевшая место в городском театре, послужила предлогом для большевиков к удалению представителей левых эсеров из Советов.

Лица, попавшие в список ЧК, арестовывались периодически, они стали потенциальными заложниками.

Действовал запрет на службу в советских органах некоторых категорий лиц по политическим мотивам. Так, 1 августа окружная ЧК направила письмо председателю отдела управления губисполкома, в котором предлагала немедленно уволить со службы 6 человек «как ярых защитников Учредительного собрания»¹⁰. Предписание было исполнено, причем все 6 служащих были женщинами.

Подобные чистки проводились и на местах. Так, в Очере в ответ на телеграмму штаба Восточного фронта 13 июля о замене почтово-телеграфных служащих лицами, принадлежащими к левым партиям, был составлен список служащих с указанием их принадлежности или сочувствия к тем или иным политическим партиям и направлен в областную ЧК. Очерский исполком ходатайствовал об удалении с занимаемой должности начальника почтово-телеграфной конторы А.С.Шафранова как «противодействующего Советской власти и распространяющего провокационные слухи»¹¹. 26 июля Очерский исполком принял решение «снять телефонные аппараты, чтобы не могло произойти каких-либо провокационных сообщений, находящиеся на квартирах частных лиц (перечислены фамилии 7 человек) и аппараты объявить национализированными»¹². Решением от 2 августа отделы Очерского исполкома были «очищены» от левых эсеров.

В августе ЧК подготовила список лиц (по улицам губернского города), подлежащих аресту. По Екатерининской (ныне Большевикская) намечено для ареста 45 человек,

по Большой Ямской (Пушкина) – 21 человек, по Сибирской – 15 человек и т. д. В общей сложности арестовали 144 человека¹³.

Особой жестокостью и зверствами с обеих сторон отличалась борьба большевиков с крестьянством. Произвол и бесчинства, творимые продотрядами в деревне, провоцировали выступления крестьян, сопровождавшиеся кровавыми расправами над бойцами продотрядов. Так, в Осинском уезде в Совинской волости в деревне Мосудья во время описи и изъятия хлеба было убито 4 продармейца. Прибывший карательный отряд одного из участников выступления расстрелял на месте, двое было убито по дороге в Осу, остальные арестованные доставлены в Осинскую ЧК. В татарском селе Тауш того же уезда крестьяне убили 4 продармейцев и несколько человек ранили. Прибывший карательный отряд на месте расстрелял до 75 человек¹⁴.

18 августа вспыхнуло восстание в Сепычевской и пяти смежных волостях Оханского уезда. Главным поводом к восстанию послужили действия продотряда и, прежде всего, объявление мобилизации. Восставшие жестоко расправлялись с коммунистами, советскими работниками и захваченными бойцами продотряда. За четыре дня восстания было замучено и расстреляно 46 человек. Порке и издевательствам подвергались и члены семей коммунистов и советских работников. Восстание было подавлено карательными отрядами без боя, руководители его успели скрыться. Тем не менее, сразу после подавления восстания было расстреляно 83 человека¹⁵.

Невиданные до сих пор размеры террор принял после убийства председателя Петроградской ЧК М.С.Урицкого 30 августа и покушения на В.И.Ленина 31 августа 1918 г. 5 сентября Совнарком издает постановление «О красном терроре». Согласно постановлению, лица, «прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам», подлежат расстрелу, а «классовые враги» – заключению в концентрационные лагеря¹⁶. По всей стране прокатилась волна массовых расстрелов заложников. В Перми было расстреляно 42 заложника, а в Кунгуре – 29. И в дальнейшем любая акция против Советской власти сопровождалась казнями сотен и сотен заложников.

Особую ненависть большевики испытывали к священнослужителям. В ходе сентябрьских расстрелов в Перми были казнены протоиереи Рождества Богородицкой церкви в Соликамске, Пожевской церкви, Юговского заводского собора, священники Спасской церкви в Соликамске, Свято-Троицкой церкви в Перми. В Кунгуре было расстреляно 3 священника: Кунгурского собора и Тихвинской церкви¹⁷.

В сентябре в ряде волостей Усольского (Соликамского) уезда вспыхнуло восстание, подавленное отрядами ЧК и отрядами из Кизела. Часть руководителей схватили и 10 человек публично расстреляли. В том же месяце на IV Кунгурском уездном съезде Советов председатель Сабарской волости в ответ на выступления крестьян и расправы с коммунистами потребовал «вырезать всю буржуазию»¹⁸. В начале сентября в связи со слухами о приближении чехословаков в Чусовском заводе были произведены массовые обыски и аресты среди эсеров и меньшевиков.

Приближение частей Сибирской армии и чехословаков привело к резкому усилению красного террора в Прикамье. В большинстве уездов создаются чрезвычайные органы власти – Военно-революционные комитеты, присвоившие себе неограниченные полномочия. Оханский ВРК 19 октября издал следующее распоряжение: «Учитывая то положение, что контрреволюционеры уничтожают зверски всех советских работников и семейства их, – то в целях гарантии за полное спокойствие житья граждан в занятых местностях белогвардейцами предлагается сейчас же взять с каждой волости заложников: из буржуазии, кулаков, правых эсеров и меньшевиков и под усиленным караулом, при случае эвакуации волостного исполкома, увозить с собой, причем объявить гражданам волости, что при случаях контрреволюционных выступлений и выдачи белогвардейцам советских работников заложники будут расстреливаться»¹⁹. 22 октября Верецагинский районный ВРК и железнодорожная ЧК решили направить в волости по 3 коммуниста для выполнения указанного распоряжения. В самом Верецагино и окрестностях исполнение решения ВРК было возложено на районную ЧК.

Накануне отступления из Оханска местная ЧК расстреляла 8 граждан города, в том числе священника, бывшего члена земской управы, бывшего офицера, мелких торговцев. Во время первого занятия белыми Нытвы, которое произошло довольно неожиданно, были захвачены списки приговоренных к расстрелу. По утверждению колчаковской газеты «Современная Пермь», в этом списке значилась поголовно вся интеллигенция Нытвы и, в первую очередь, священнослужители. Большевики не успели привести в исполнение задуманное²⁰.

По свидетельству антибольшевистской печати, особыми зверствами и жестокостью отличалась Осинская ЧК. Начиная с осени в городе и уезде шли ежедневные аресты, многие арестованные бесследно исчезли. Некоторые семьи были истреблены поголовно. Накануне оставления Осы расстрелы граждан проводились среди бела дня, расстрелянных не успевали хоронить и сбрасывали в овраг. По свидетельству белогвардейского командования, в городе и

его окрестностях было обнаружено около 2 000 трупов. Данная цифра вызывает некоторое сомнение: слишком велики масштабы террора для небольшого уездного центра.

5–6 декабря произошло выступление рабочих Мотовилихинского завода. Причина – продовольственные трудности и вызывающее поведение руководителей мотовилихинских коммунистов. Мотовилиха была объявлена на осадном положении, был создан ВРК, на заводе объявлен локдаун, в поселок для наведения порядка введен коммунистический батальон. Решительные карательные меры – массовые аресты и расстрелы – позволили уже 10 декабря возобновить работы на заводе. Вероятно, в ходе этих расправ и были расстреляны бывший начальник завода Темников, его сын, бывший офицер, и зав. снарядным цехом № 3 инженер Иванов.

Произвол и беззаконие, творимые Красной гвардией в Пермском уезде, – обыски, аресты, наложение непосильных контрибуций, конфискация домов и имущества, расстрел за малейшее сопротивление – во многом способствовали восстанию 10-го кавалерийского полка, расквартированного в селе Ильинском. Восстание вспыхнуло в критический момент – 24 декабря, накануне взятия Перми белыми войсками. По утверждению советских источников, восставшие расстреляли 800 человек из числа коммунистов, советских работников, красногвардейцев²¹.

В декабре 1918 г. в Прикамье прокатилась новая волна репрессий против духовенства. В ночь на 11 декабря после истязаний и неоднократного погружения в прорубь – волосы сплели в косички, просунули жердь и погружали периодически в воду до полного обледенения – был утоплен Соликамский епископ Феофан. В ночь на 4 декабря в Каме были утоплены три пермских протоиерея. Следует отметить, что репрессии против духовенства в Прикамье носили беспрецедентный характер. По данным колчаковского телеграфного агентства, во время красного террора в Пермской епархии погибло 3 архиерея, 19 протоиереев, 44 священника, 6 диаконов, 4 псаломщика, 44 монашествующих²².

Положение в стране и Прикамье ярко и образно характеризуется в письме-предупреждении, подготовленном профессурой Пермского университета в адрес университетов Европы и Америки. В письме, в частности, отмечалось: «Общие условия гражданской жизни невыносимы. Вы не хозяин даже в своем жилище... Какие бы то ни было правовые гарантии совершенно отсутствуют. Повсюду действует шпионаж и сыск. За неосторожное слово или по доносу вашего врага вы попадаете в ведение Чрезвы-

чайной комиссии, которая сажает вас в тюрьму, где вас подвергают мучениям, морят голодом и где вы живете под страхом, что с вами поступят так же, как с вашими соседями по заключению, которых на ваших глазах десятками уводят на расстрел. Суд этих комиссий заменил нормальный суд. Одной из отличительных особенностей этого суда является массовое применение жестокого института заложничества, возвращающего культурную страну к первобытным формам права... Свободная проповедь в церкви влечет за собой тюрьму и расстрел... Провозглашенная в Конституции свобода совести на практике превратилась в сплошное гонение религии с дикими расправами над духовенством. Малейшее проявление недовольства вызывает карательные экспедиции, которые проводят массовые расстрелы и даже разрушения целых селений»²³.

Сразу после занятия Перми колчаковцами по распоряжению командования была организована Комиссия по расследованию преступных деяний большевиков и их сотрудников. В состав Комиссии вошли известные общественные деятели, представители окружного суда, прокуратуры, духовенства, уездного земства, городского самоуправления, университета. В распоряжении определялись принципы деятельности комиссии: «Преследованию подлежат только преступные деяния, покушения на таковые или приготовления к ним. Принадлежность к той или иной партии или сочувствие ей, не выразившееся в тех или иных действиях, преследованию не подлежит, так как на убеждения и взгляды граждан посягательства быть не должно. Анонимные доносы оставляются без рассмотрения. В основу своей деятельности Комиссия ставит законность, право и справедливость»²⁴. Подобные комиссии были созданы в уездах и волостях. К сожалению, материалы их работы, в отличие от деникинских комиссий, пока не найдены.

На смену красному террору пришел белый террор, который по своей жестокости и зверствам не уступал красному. Но белый террор все же не был столь массовым и не являлся официальной государственной политикой. Официальные власти, хотя бы внешне, осуждали проявления массовых репрессий и террора. Белый террор — это особая страница в истории гражданской войны, требующая отдельного рассмотрения.

После восстановления власти большевиков в Прикамье возобновились и массовые репрессии, но следует отметить, что расстрелы стали применять намного реже. Были восстановлены места заключения, или, как они назывались, исправительные рабочие дома, которые очень быстро были заполнены лицами, обвиняемыми в сотрудничестве с колчаковской властью. В сентябре 1919 г. в Перми создан

концентрационный лагерь, иногда называвшийся лагерем принудительных работ. Подобные лагеря были созданы в Кунгуре и Оханске. Основную массу заключенных составляли лица, осужденные за кумышковое варение (самогонное варение), мешочники, труддезертиры и крестьяне, не выполнявшие задания по продразверстке. По социальному положению большинство заключенных были из крестьян и рабочих.

Пермь стала местом, куда направлялись заложники и заключенные из центра страны. Так, в октябре 1919 г. в Пермь было переведено 75 заложников из Смоленска и 23 из Нижнего Новгорода; в марте 1920 г. — группа левых эсеров из Бутырской тюрьмы в Москве. В октябре 1920 г. был создан кизеловский рабочий отряд заключенных, состоявший во многом из казаков Дона, Кубани и Терека, обвиняемых в контрреволюционной деятельности. Как понимали большевики революционную законность, свидетельствуют приговоры некоторым лицам, когда срок заключения определялся «до окончания гражданской войны» или «до победы мировой революции».

Месть за сотрудничество с белыми принимала порой изощренный характер. Так, в заводе Майкор 7 июля 1919 г. было принято решение «собранием граждан» похоронить красноармейцев и коммунистов, убитых белыми, в церковной ограде, раскопку захоронений жертв белого террора и копку новых могил заставить произвести тех, кто донес белой власти²⁵. Репрессировали независимо от возраста и состояния здоровья. В Пермском исправдоме № 1 содержалась в заключении большая 70-летняя женщина. 65-летнюю монахиню кунгурского Иоано-Предтеченского женского монастыря посадили в концлагерь за сокрытие хлеба. Санитарные условия содержания заключенных в исправдомах и концлагерях были неудовлетворительными. Следствием этого явились эпидемии тифа, гриппа и других инфекционных болезней в местах заключения и высокая смертность. Именно от гриппа, или инфлюэнцы, как тогда называли эту болезнь, умерла в ИРД № 1 бывшая начальница Пермской мужской гимназии 57-летняя О.В.Циммерман, арестованная ЧК «за агитацию против Советской власти». О.В.Циммерман провела в заключении более 14 месяцев.

Представители ЧК не желали считаться с некоторым ограничением их полномочий, творили произвол и беззаконие. Губернский отдел юстиции указывал, что агенты ЧК не только вмешиваются в дела народного суда, но и производят ревизию и контроль деятельности суда. «Агенты ЧК смотрят на судебные учреждения как на подчиненные им советские учреждения, вмешиваются не только в дело судопроизводства, но и имеют стремление

влиять и на самые приговоры». Отдел юстиции обратился в губЧК с просьбой «сделать указание подведомственным ЧК должностным лицам о недопустимости всех тех актов, которые вызывают умаление прав и достоинства Народно-го суда»²⁶.

Произвол на местах творили различные чрезвычайные органы и карательные отряды. Так, Чердынская «летучая тройка» запретила телефонные разговоры на зырянском и пермяцком языках, поскольку чекисты его не знали и не могли при прослушивании понять, о чем шла речь. В том же уезде в декабре 1920 г. карательный отряд красноармейцев из 40 человек в Кочевской волости всячески издевался над крестьянами, в чем вынужден был разбираться юридический отдел губисполкома. В Осинском уезде в 1920 г. отличился своими зверствами карательный отряд, направленный для борьбы с дезертирами. Отряд занимался «самоснабжением», фактически грабежами, без всякого учета, организовывал массовые избиения населения, подозреваемого в связях с дезертирами. Было расстреляно 13 пойманных дезертиров под тем предлогом, что необходимо освободить людей, занятых охраной задержанных, поскольку каждый человек был на счету. Устраивались массовые избиения дезертиров и арестованных, накладывались штрафы на населенные пункты, подозреваемые в укрывательстве дезертиров. Произвол, творимый отрядом, вынудил власти начать расследование и привлечь его руководителей к судебной ответственности. Но суд исходил при рассмотрении дела из принципа «революционной целесообразности», а также из того, что подсудимые «не враги пролетариату, а его защитники»²⁷.

Имели место в репрессивной практике властей и трагикомические случаи. Так, 20 марта 1920 г. народный суд Осинского уезда рассмотрел дело по обвинению С.С.Пшенициной в клевете против волостного исполкома. Объяснение обвиняемой, что ее слова «провалиться бы всем в Уинске» адресованы не исполкому, не было принято, и, «руководствуясь соображениями социалистического правосознания, суд приговорил: гражданку Малиновских хуторов Уинской волости С.С.Пшеницину подвергнуть лишению свободы в Осинском ИРД сроком на три месяца»²⁸.

Следует признать, что политика красного террора и массовых репрессий в годы гражданской войны явилась одним из факторов, позволивших большевикам одержать победу и удержать власть. Подробной и полной картины красного террора пока не создано, эта задача стоит перед исследователями как в Прикамье, так и в целом в России.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В ПРИКАМЬЕ: насилие без границ

Коллективизация стала наиболее широкомасштабной репрессией советской власти против собственного народа. Она осуществлялась при помощи разнообразных средств принуждения и насилия, которыми власть ловко манипулировала в зависимости от поведения крестьянства и результатов в достижении поставленных целей.

Первоначально, после провозглашения XV съездом партии курса на коллективизацию (декабрь 1927), ее предполагалось осуществлять постепенно, на добровольных началах. К концу первой пятилетки (1933) намечалось вовлечь в колхозы не более 15–18% крестьянских хозяйств. Однако принуждение началось уже в 1928 г., отчасти в связи с хлебозаготовительным кризисом, вызванным понижением закупочных цен на зерно. Крестьянам навязывали невыгодные договоры контрактации посевов, искусственные формы кооперации (посевные товарищества), увеличивалось налогообложение, для кулаков введены повышенное индивидуальное обложение налогом и твердые задания по хлебозаготовкам. Хозяйства, не продавшие зерно государству по низким ценам, обвинялись в спекуляции. К ним предписывалось применять ст. 107 УК РСФСР, грозившую наложением штрафов, конфискацией запасов зерна и имущества, лишением свободы на срок до 3 лет. На Урале в качестве наказания применялась также принудительная отправка людей на лесозаготовки.

Это стало прологом грядущего массового насилия. Деревенские коммунисты и комсомольцы, беднота приобретали опыт «классовой борьбы». Специально организованные группы бедноты, а также чрезвычайные тройки из представителей партийных органов и ОГПУ, выявляли «саботажников», проводили обыски и конфискации, предавали нарушителей «общественному бойкоту» и суду. Принудительная разверстка хлебозаготовительных заданий на состоятельных хозяев, штрафное пятикратное обложение в случае их невыполнения, конфискация и распродажа имущества «саботажников» составили суть так называемого урало-сибирского метода хлебозаготовок. Часть конфискованного зерна и имущества отдавали бедноте и колхозам, что особенно возбуждало алчность го-

лытбы и стимулировало ее активность в разоблачении укрывателей зерна.

Это вызвало возмущение и протест не только зажиточных хозяев, но и середняков — большинства крестьянства. В высшие инстанции потоком шли жалобы. Крестьяне писали, что власть «раскалывает деревню», не дает возможности расширять хозяйство, разоряет их¹. Многие стали сокращать посевы, продавать скот, чтобы избежать непосильного обложения. Например, семья крестьянина Г.Е.Шварева из д.Зуево Кунгурского района состояла из 6 человек (едоков, как тогда говорили): он сам, жена и 4 дочери. В 1929 г. крестьянин стал засеивать 5 десятин вместо 15, оставил по одной лошади и корове вместо двух, отказался от сложного инвентаря. Так поступали многие, в результате еще недовосстановленное сельское хозяйство стало замедлять рост.

Крайним проявлением протеста стали террористические действия против активистов хлебозаготовок, партийно-советских работников. Летом 1928 г. в с.Ивановское Чермошского района убили секретаря партячейки А.М.Аликина, отличившегося особым усердием на хлебозаготовках. Это убийство получило в Прикамье широкую огласку, наряду с террористическими актами в д.Феклисты Очерского района, д.Захаровцы Сивинского района, д.Сюзи Ильинского района и других местах².

Борьба за хлеб между властью и крестьянством вновь разгорелась в 1929 г. Крестьяне защищали свои жизненные интересы. Власть начинает «великий перелом» в деревне. Политику с таким названием провозгласил И.В.Сталин 7 ноября 1929 г., решения последовавшего Пленума ЦК ВКП(б) подтвердили волю генерального секретаря. «Великий перелом» означал развертывание сплошной коллективизации, якобы добровольной. Но добровольной (и то отчасти) коллективизация оставалась лишь до осени 1929 г. Тогда в целом по стране колхозы включали 7,8% крестьянских хозяйств, на Урале — 7,3%, в Предуралье — 3,6% в северных районах и 5,2% в остальных³. Результат коллективизации двадцатых годов, как мы видим, весьма скромнен. Власть это не устраивало.

Сталин повелел «насаждать» колхозы. По его плану 1930 г. должен был стать решающим в осуществлении сплошной коллективизации. Уральское партийное руководство стремилось продемонстрировать свое рвение в проведении предначертанного курса. Уралобком ВКП(б) в декабре 1929 г. постановил за 1930 г. коллективизировать до 80% крестьянских хозяйств, а число районов сплошной коллективизации довести до 134. В округах и районах принимались аналогичные решения. Пермский окружком ВКП(б) счел «намеченный контрольными цифрами рост

колхозов (25% крестьянских хозяйств, 27% посевных площадей) неудовлетворительным» и предложил «пересмотреть в этой части контрольные цифры, взяв линию на коллективизацию всего округа в течение 30-го года». В ЦК партии отправили телеграмму с обязательством сделать округ образцовым по коллективизации и с обещанием направить для этого в деревню 600 рабочих-двадцатипяти тысячников и подготовить 6 тысяч активистов из крестьян⁴.

*Из протокола заседания пленума Пермского окружкома ВКП(б)
7 декабря 1929 г.*⁵

На 1 декабря, по предварительным данным, около 40% крестьянских хозяйств округа уже коллективизированы⁵. Пленум окружкома ВКП(б), исходя из огромной тяги основных масс (середняки, бедняки), из широко развернувшейся работы по обобществлению крестьянских хозяйств, из высоких темпов этой коллективизации, постановил в течение 1929–30 года провести сплошную коллективизацию всего Пермского округа, стать первым коллективизированным округом Урала.

Зимой 1929/30 г. развернулось соревнование за наибольшее вовлечение крестьян в колхозы. В Чусовском районе единый ТОЗ на весь район образовали за одни сутки. В Нытвенском коллективизацию провели за 10 дней, а в Кудымкарском районе Коми-Пермяцкого национального округа за 120 часов. Подстегивали форсирование темпов коллективизации партийные комитеты. Так, Пермский окружком ВКП(б) 2 февраля 1930 г. послал в районы телеграмму с требованием: «Примите немедленно ряд организационных и разъяснительных мер, обеспечивающих высокие темпы коллективизации»⁶.

*Из резолюции расширенного пленума Нытвенского райисполкома
8–9 января 1930 г.*⁷

Пленум Р. И. К-та Советов совместно с рабочими завода Нытвы, с активом района и завода, с колхозниками-крестьянами и группами бедноты вполне одобряет решение форсированным темпом коллективизировать сельское хозяйство. Вместе с тем приветствует и берет обязательство выполнить директивное решение декабрьского пленума О. К. о сплошной коллективизации Пермского округа. В январе – феврале месяце 1930 г. – коллективизировать на 90% все хозяйства района...

8 января пленум исполкома в Нытвенском районе объявляет днем начала сплошной коллективизации...

Пленум с особым удовлетворением принимает к сведению заявления рабочих и служащих о выделении 245 человек в бригады и средств на проведение плана.

Ударной силой коллективизаторской гонки стали направленные в деревню городские коммунисты, комсомоль-

⁴ На с. 176 стенограммы пленума указано, что, по данным окрколхозсоюза, на 7 декабря 1929 г. в колхозы вовлечено 24,8% крестьянских хозяйств.

цы, рабочие бригады. Бригада рабочих Нытвенского металлургического завода во главе с членами райкома провела ускоренную коллективизацию района, образовала колхоз-гигант «Красный Октябрь» из 1 300 дворов. Старательно проводила в жизнь директивы партии бригада рабочих пермского завода «Уралсепаратор»*, подталкивающая коллективизацию в Ильинском районе. Участвовали в создании колхозов рабочие Добрянского, Чермозского, Чусовского, Мотовилихинского и других заводов и предприятий.

К марту 1930 г. в Пермском округе в колхозы вовлекли 83% хозяйств, в Коми-Пермяцком — 78%, в то время как по всему Уралу — 70,6%⁸. Темп коллективизации в Предуралье, таким образом, превысил среднеуральский. И этим поначалу немало гордились местные руководители. Теперь уже хорошо известно, что такие показатели повсеместно достигались путем принуждения, угроз и прямого насилия.

Архивные документы свидетельствуют, что на местах широко применяли составление списков «за колхоз» и «против колхоза» с последующим судом над попавшими во второй список. Сплошь и рядом крестьянские «сомнения» преодолевали с помощью исключения из потребкооперации или прекращения снабжения промтоварами. Самых непокорных, а их было немало, ждали аресты и содержание под стражей без пищи и воды, реквизиции запасов зерна, продуктов.

Из доклада комиссии окружкома ВКП(б) по рассмотрению хода коллективизации в Нытвенском районе ~ Декабрь 1929 г.⁹

... Для проведения работ по коллективизации была создана рабочая бригада из 52 человек, из них беспартийных 14 чел. В состав бригады входило 3 члена бюро райкома... На местах бригадники проводили собрания бедноты, женщин и общегражданские. Работа проводилась настолько скоропалительно, что для подробной разъяснительной работы не оставалось достаточного срока... На собраниях по сельским обществам помимо разъяснения значения колхозного движения бригадники допускали угрозы по адресу крестьян, добивались скорейшей коллективизации.

В Мокинском сельсовете ряд бригадников допустили, на основе директивы райкома, следующие искривления: на собрании женщин заявили: «если не пойдете в колхоз, то через неделю последние юбки спадут с вас». В Сергинском сельсовете... бригадники говорили: «не пойдете в колхоз, лишим земли»... Беднячку дер.Ивановой Сергинского сельсовета Елизавету Кирову за отказ вступить в колхоз бригадники вызвали в сельсовет к начальнику милиции, где ее продержали сутки без хлеба... Зав. райземчасти Киров членом сельсовета угрожал, как он и сам признался, тем, что если не пойдут в колхоз, то их отправят в Соловки...

* Ныне — завод им.Ф.Э.Дзержинского.

27 января 1930 г.

Присутствует 119 женщин

\$1. Слушали: О весенне-посевной кампании, коллективизации с/х, предстоящих задачах в связи с весенне-посевной кампанией: об обобществлении семян, лошадей, с/х инвентаря и т. д. (доклад Кучукбаева – Бардымский райисполком)

После некоторых вопросов открываются прения.

1. Кашакаева Мухлиса: Мы, жены, будем жить по-старому...

2. Имайкина Анвазь: О обобществлении семенного материала протестуем, что, дескать, мы сами будем хранить семена у себя.

4. Имайкина Зулиха: Без разрешения жены муж имеет право войти в колхоз, например, мой муж вошел в колхоз, но у меня много детей, хоть вы убейте меня, я не пойду в колхоз.

6. Имайкина Хафеза: Откуда бы ни дали земли в ... камнях или на горах, мы ее обрабатывать сумеем, посеем как угодно, но до самой смерти не запишемся в колхоз и не будем обобществлять семена.

9. Аширова Нури: Когда по всему Союзу ССР идет коллективизация в усиленном темпе, то одно Уймужское общество не должно оставаться вне колхоза и т. д.

10. Имайкина Гофья, Имайкина Хевеза, Камакаева Мухлиса, Набиуллина Г. срывают выступивших в прениях Ашировой Нурие, указывая на то, что нам не нужно никаких коллективизаций и обобществления семян, с/хоз. инвен. и живой тяговой силы. С этим сорвали общее собрание и оставили собрание и за собой хотели повести с собрания всю массу и действительно ушли из собрания остальные женщины, остались только 41 женщ. Вышепоименованные женщины увели за собой массу из собрания с политической целью дабы сорвать кампанию по коллективизации и по посевкампании на 100%.

Последн. заключит. слова тов. Кучукбаева...

\$3. Слушали: в отношении контр-революционных действий: агитации и срывающих собрание нескольких женщин.

Постановили: На более вредных, наиболее передовых срывающих общие собрания составлять список на таковых и выслать в надлежащий орган для привлечения их к уголовной ответственности*.

После чего объявлено собрание закрытым.

21/1-30 года.

* Во исполнение данного решения по ст. 58-10 УК РСФСР был обвинен мулла дер. Уймуж Имайкин Зиял за агитацию против коллективизации, за подстрекательство женщин к срыву собрания. Мулла Имайкин был приговорен к 5 годам заключения в концлагере, но ввиду преклонного возраста (74 года) от заключения был освобожден.

(Стилистика документа сохранена)

Концентрированным выражением насилия и главным средством «подхлестывания» коллективизации стало раскулачивание. 5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) объявил о переходе к «ликвидации кулачества как класса». Этот «класс» составлял в то время 1–2% крестьянских хозяйств. Во многих районах Прикамья хозяйств, имеющих признаки кулацких, т.е. сверхзажиточных, систематически применявших наемный труд, с доходными заведениями, сложными машинами, не было. Тем не менее кулаков стали выявлять повсеместно, выполняя и перевыполняя опреде-

ленные властными структурами контрольные цифры. К кулакам причисляли не только зажиточных хозяев, но и всех тех, кто в той или иной форме противодействовал власти или просто не хотел вступать в колхоз. Угроза раскулачивания стала самой действенной мерой принуждения «записываться» в колхозники.

Политбюро ЦК ВКП(б) на своих закрытых заседаниях разрабатывало основы репрессивной политики в отношении крестьянства. Местные партийные органы детализировали эту политику с учетом конкретных условий. Уралобком ВКП(б) телеграммой от 16 января 1930 г. предписал местным организациям в трехдневный срок определить количество подлежащих раскулачиванию и высылке, после чего следовало в такой же срок организовать над ними показательные суды. В конце января была составлена четкая программа действий по осуществлению раскулачивания.

Из протокола заседания бюро Уралобкома ВКП(б) 31 января 1930 г.¹¹

Слушали: 1) Доклад тов. Кабакова* о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса на территории Урала.

Постановили: 1) Все мероприятия по ликвидации кулачества как класса должны в основном обеспечить быстрое и полное проведение весеннего сева, максимальное развертывание строительства колхозов и вообще всех мероприятий по социалистическому переустройству деревни...

2) Вся практическая работа по проведению вышеизложенного в основном идет по трем направлениям:

а) По линии массового организованного выселения верхушечной, наиболее влиятельной и злостной части кулачества вместе с семьями в северную часть Урала.

б) По линии снятия (ареста) организующих, маховых кулацко-белогвардейских кадров органами ОГПУ.

в) По линии внутриокружного расселения кулачества на худшие земли и окраины сплошной коллективизации.

3) В соответствии с вышеизложенным:

Выселить из округов Урала 15200 кулацких семейств. По округам это выселение распределить: ...Пермский – 900, ...Верхне-Камский – 200, ...Коми-Пермяцкий – 100, ...

Из этих 15 200 семейств первая партия в 5 000 семейств должна быть отгружена до 10 числа февраля месяца, согласно разверстки, сообщенной по линии ОГПУ.

Остальные должны быть высланы в течение февраля и половины марта.

4) В целях оздоровления и очищения Урала от активно действующих кулацко-белогвардейско-бандитских кадров провести массовую операцию по изъятию таковых.

Ориентировочно снять по области 5 000 человек.

Работу эту возложить целиком на органы ОГПУ, коим предложить обеспечить проведение быстрого и жесткого следствия по делам изъятых и срочно-го пропуска дел по линии внесудебного разбирательства.

* Кабаков И.Д. – секретарь Уралобкома ВКП(б).

5) Расселение оставшегося кулачества внутри округов и районов на худшие земли должно дополнить и завершить общий удар по разгрому кулачества как класса...

Таким образом, предполагалось дифференцировать репрессивные меры. Раскулаченных по I категории («активно действующие кулацко-белогвардейско-бандитские кадры») следовало арестовывать, раскулаченных по II категории («наиболее влиятельная и злостная часть кулачества») выселять вместе с семьями на север, остальных кулаков (III категория) оставить в своих районах, но на худших землях. Драконовский характер репрессий по отношению к раскулаченным по I и II категории очевиден. Но даже «смягченные» до минимума санкции в отношении раскулаченных по III категории нельзя назвать иначе как чрезвычайно жестокие. Людей, лишенных всего, фактически бросали на произвол судьбы.

*Из воспоминаний А.Н.Пикулевой**

... В 1929 году отцу, когда он собрал урожай, дали задание: все это зерно сдать в госпоставки. Он сдал. А что они сделали весной? Весной 1930 года они пришли и приказали засеять столько-то десятин земли. А у отца зерна не было, он осенью все отдал. Он отказался. И его посадили по 61-й статье в Соликамскую тюрьму на два года. И он отсидел этот срок...

Был май 1930 года. Отца отправили в тюрьму, а нас через пару дней раскулачили по 3-й категории и выгнали из дома. Нас никуда не выселили. Отобрали дом. Скот и инвентарь забрали в колхоз. А остальное имущество, как потом рассказывали свидетели, разложили на зеленой поляночке, сначала продавали, а потом объявили: «Бери кто сколько хочет!» И все растащили. А нас пустили на все четыре стороны.

А мать куда пойдет, она неграмотная, детей трое: в 27-м сестра родилась, в 28-м году я родилась и в 30-м еще одна девочка у нас родилась. Три, два и год. Ходили по деревням Христа ради собирали. За пределы района не выходили. В одну деревню придет, попросится, в другую. Кому-то носки свяжет, кому-то варежки. Кому-то поможет дрова напилить, кому-то в огороде картошку окучить, кому-то на сенокосе сено сгрести. Ее за это кормили, нам давали поесть и принимали на ночлег. Вот таким образом мы скитались, пока отец не вышел из тюрьмы.

Орудием уголовных репрессий стали специально созданные в каждом округе судебно-следственные бригады. Они получали широкие полномочия и благословение на быструю расправу.

Из циркуляра областного суда и областной прокуратуры окружным прокурорам и председателям окружных судов Уральской области¹²

24 января 1930 г.

Весенняя сельскохозяйственная кампания 1930 года имеет исключительное значение в деле коренной реконструкции с/хозяйства Урала.

* Из коллекции аудиозаписей А.Б.Суслова.

Совершенно ясно, что она будет протекать в условиях ожесточенной классовой борьбы, что кулацкая часть деревни окажет еще большее сопротивление проведению в жизнь связанных с кампанией решений партии и власти...

Темпы работы органов юстиции должны в полной мере соответствовать темпам кампании.

Все дела, связанные с проведением с/хозяйствен. кампании, как уголовные, так и гражданские, должны заканчиваться расследованием и судебным рассмотрением в самый короткий срок. (Следствие в 5-7 дней; рассмотрение в суде 1-3 дня.)

Во исполнение постановления Коллегии НКЮ от 4.1.30. председателям окрсудов и окрпрокурорам предлагается в виде опыта организовать в каждом округе одну-две судебно-следственные бригады для направления в те районы, где противодействие кулачества проявляется наиболее сильно.

В состав бригады входят судья, следователь, милиционеры. Нарзаседатели вливаются на местах. Бригады должны ставить своей целью достичь в работе максимально быстрого прохождения (как расследования, так и рассмотрения) дел в условиях самой тесной увязки с батрачеством, беднотой и деревенской общественностью. При рассмотрении дел следует привлекать местных активистов, давая им отдельные поручения, выполняемые под руководством следователя...

*Председатель облсуда: Чудновский
Областной прокурор: Герасимов*

Мобилизация деревенской общественности на раскулачивание на практике означала действия бедноты, направляемые партийными ячейками. Собрания бедноты, на которых принимались решения о раскулачивании и высылке, проходили под руководством коммунистов и комсомольцев. Так, собрание бедноты в д.Сараши Бардымского района, которым руководили 7 членов ВКП(б), 8 февраля 1930 г. решило выселить сразу 7 семей зажиточных хозяев «как вредных социально опасных элементов, тормозящих социалистическое строительство». Имущество выселяемых отходило колхозу¹³.

Раскулачивание, как и сплошная коллективизация, проводилось в форсированном темпе, с выполнением и перевыполнением планов, составленных руководством. Осуществляя разнарядку Уралобкома на раскулачивание 900 хозяйств, в Пермском округе к лету 1930 г. лишили имущества и выслали 3 325 человек. В целом по Уралу за первое полугодие 1930 г. было раскулачено до 30 000 семей, выслано за год 13 855 семей¹⁴.

Количество выселяемых отчасти определялось заявками хозорганов на необходимую им рабочую силу. Раскулачивание в данном случае служило еще одной цели: стройки пятилетки снабжались тысячами подневольных, самых дешевых работников. Для индустриального Урала это имело особое значение.

Практически раскулачивание проводилось как тотальное ограбление, ибо изымались все имущество, одежда, домашняя утварь, продукты питания. Зафиксированы

случаи снятия с выселяемых даже шапки и валенок. При описи конфискованного имущества оценивалось оно сметворно дешево. Молотилку могли оценить в 90 руб., а дом, стоящий 500 руб., — в 30 руб.¹⁵. Многочисленные свидетельства рисуют трагические судьбы тысяч крестьянских семей.

Из письма курсантки Пермской совпартшколы А.А.Тюриной в Пермский окружком ВКП(б) ~ 4 марта 1930 г.¹⁶

Я курсантка Пермской С. П. Ш. Тюрина Анастасия Андриановна работаю на зимней практике в селе Медянка с 24 февраля. Со дня моего приезда идет в Медянке раскулачивание таким образом: ночью едут члены коммуны председатель колхоза, секретарь партийной ячейки т. Ильин к назначенным лицам и делают опись имущества полностью, с инвентарем, скота и до маленького гвоздичка и потом увозят в склад; если попадетя что съестное из продуктов, то оно попадало в руки ликвидаторов имущества и разносили кто сколько может взять. Был факт при отчуждении забирали мед, яйца, масло, вино, семя и делили между членами коммуны, снимали валенки с ног, платья с женщин, отбирали постель и деньги, если попадут, даже у одной старушки были взяты 20 копеек... Было взято: кольца с рук, продукты, которые отчуждены капусту, огурцы, кадки, все это сброшено и нет догляда, а имущество сложено в куче... ночью увозили хлеб возами...

30 февраля было в клубе собрание членов коммуны и членов коллектива по обсуждению о выселении индивидуальных и лишенцев хозяйств*. Тов.Ильин, секретарь партячейки, высказался, что, товарищи, вот наступил 1918 год и мы должны им за все прошлое отомстить, часть выселим и часть пойдут под порох, и также выступил т.Пермяков, рабочий Пермской ж.д., он избран председателем нового организованного коллектива...

... постановили отобрать у всех индивидуальных и лишенцев все имущество до последнего даже гвоздика и разделить в коммуны и колхоз.

Я на партийном собрании выступила, что так неправильно, все не отбирается, указала, что раскулачивание должно быть: отбирается земля, скот, хлебные излишки, инвентарь и роскошь за неуплату недоимки, они меня приписали к правому уклону...

*Курсантка Пермской совпартшколы,
кандидат ВКП(б) Тюрина*

* Так в тексте. Правильнее было бы сказать «по обсуждению вопроса о выселении хозяйств, подвергнутых индивидуальному налогообложению и лишенцев», т. е. лишенных избирательного права. То и другое применялось к хозяйствам, считавшимся кулацкими.

Карательный характер раскулачивания наиболее ярко проявлялся, когда осуждали крестьян, и не только зажиточных, по ст.58-10 и 58-13 за антисоветскую агитацию и деятельность. Вот только несколько примеров вопиющего произвола.

Кузнец М.М.Конева из с.Кузнечиха Осинского района раскулачен и осужден тройкой ОГПУ по ст. 58-10 как «жестокый эксплуататор», «непримиримый и злейший враг партии и Советской власти». Такой ярлык кузнец получил за то, что не мог обойтись без молотобойца, а также за то, что сам «расхитил» свое хозяйство — «зарезал двух телят, укрыл самовар, сепаратор, железа 10 пудов». Кузницу, столь необходимую крестьянам, вплоть до 1929 г. иметь не возбранялось. Реальной виной Конева стало то, что он не изъявил желания вступить в колхоз и, глядя на него как авторитетного хозяина, от вступления в колхоз воздержались и другие крестьяне. Карая Конева, власти не приняли во внимание и то, что он ранее был секретарем и членом сельсовета, т. е. отнюдь не был врагом¹⁷.

Не было кулацким и хозяйство А.В.Жижилева в с.Н-Козьмьяш Чернушинского района: 1 лошадь, 1 корова, 3 десятины посева; в 1929 г. он платил небольшой налог — 9 руб. 15 коп. Однако он был раскулачен и приговорен к заключению в концлагерь на 5 лет за агитацию против колхоза, а также как член церковного совета и за службу в полиции до революции. Последнее стало криминалом для власти, как видно, лишь в 1930 г. Вина за прошлое, дореволюционное и доколхозное, стала основанием для репрессирования многих крестьян. Так, был раскулачен и отправлен в концлагерь С.Г.Целищев из д.Шумово Б-Усинского района как противник коллективизации, умышленно сокративший свое хозяйство в 1929 г., а до того имевший 10 голов скота, 15 десятин посева на 6 едоков. Главным обвинением стало занятие мелкой торговлей, хотя при нэпе это не возбранялось¹⁸.

Принудительная коллективизация, репрессивное раскулачивание вызывали возмущение и сопротивление. Отказы от вступления в колхоз, антиколхозная агитация приобрели повсеместный характер. Самой яркой формой сопротивления стало массовое уничтожение скота перед вхождением в колхоз. Угрожающие размеры забоя скота побудили власть принимать запретительные меры. Уже 1 декабря 1929 г. Пермский окружком партии направил в районы письмо «О проведении массово-разъяснительной работы среди населения против кулацкой агитации об уничтожении скота»¹⁹. В январе — феврале 1930 г. последовал ряд постановлений о запрещении уничтожения и распродажи своего скота, семян, инвентаря. Очевидно, власть уже рассматривала крестьянское хозяйство как

свое. Несмотря на кары, самоликвидация хозяйств продолжалась. В итоге поголовье скота к 1932 г. сократилось вдвое.

Актами сознательного политического протеста стали выдвижение антиколхозных и антисоветских лозунгов, распространение листовок, коллективные выступления, в том числе и вооруженные. Например, в д.Подка Черновского района был вывешен лозунг «Долой колхозы, да здравствует единоличное хозяйство!» В д.Малая Сосновка Б-Сосновского района состоялась демонстрация в защиту раскулаченных, ее участники направили письмо Сталину. В национальном Уинском районе против насилия властей выступили муллы. Там по рукам ходила листовка «Смерть всем коммунистам – угнетателям! Долой Советы, которые нас гнетут!» В с.Аспа развернулось массовое выступление против насилия. В с.Ашап Ординского района, в связи с раскулачиванием и закрытием церкви, произошло вооруженное выступление. Случались покушения и убийства партийных работников, активистов из бедноты, но они не были многочисленными. Чаше крестьянским обидчикам «подпускали красного петуха» – устраивали поджоги. «Случаи поджогов за последнее время участились», – читаем мы в сообщениях из районов²⁰.

Из информационной сводки Свердловского областного административного отдела за октябрь 1929 – январь 1930 г.²¹

Пермский округ

В Калининском р-не поп Намовской церкви за отказ в сдаче хлеба был вызван в с/совет для дачи объяснения. На вызов поп явился в сельсовет в сопровождении 8 женщин, которых он подготовил в церкви после совершения службы для его защиты. Когда в сельсовете ему было заявлено, что он вызывался один, бывшие с ним женщины набросились на предупредившего комсомольца-избача т.Попова и избili его. Поп отдан под суд...

В деревне Меньшиках Очерского р-на подожжен дом члена комиссии по содействию хлебозаготовкам, в результате сгорело три дома колхозников с надворными постройками. Задержано 5 человек кулаков, которые подозреваются в поджоге...

В Зюкайском с/совете привлечен к ответственности местный избач за то, что будучи пьяным с винтовкой ходил по домам с целью выявления хлебных излишков.

Наблюдались случаи, когда кулаки и частично середняки вместо сдачи доброкачественного сорта культур сдавали недоброкачественные (сырые, прошлых годов, подмена одного сорта другим и т. д.). Кроме того, отмечено несколько случаев злостного обмана со стороны сдатчиков хлеба, например:

В Оханском р-не преданы суду несколько человек за то, что в зерно были положены мелкие камни и песок. Гр-н Денисов – крестьянин Гамовского с/совета, приговорен к 2 и 1/2 годам лишения свободы за то, что сдал мешок пшеницы, где сверху лежало хорошее зерно, а снизу на 80% разный хлам. Крестьянин Троштатского с/совета сдал овес и рожь с песком, за что приговорен к 3 годам лишения свободы (дело разбиралось показательным процессом).

Активное сопротивление, неприятие крестьянством насильственной коллективизации грозило развалом сельского хозяйства, срывом весеннего сева. Поэтому весной 1930 г. власть совершила политический маневр: лично Сталин и ЦК ВКП(б) осудили наиболее злостные проявления насилия, назвав их «искривлением линии партии» и возложив ответственность за них на местных руководителей и исполнителей. Об этом шла речь в статье Сталина «Головокружение от успехов» и в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. В них толковалось, что «искривления» и «перегибы» следовало исправить, виновных наказать, а коллективизацию продолжить. Борьба с «перегибами» после статьи Сталина развернулась повсеместно, однако количество выявленных злоупотреблений вряд ли можно сопоставить с реальными масштабами творившихся репрессий.

Крестьяне поняли критику перегибов как отмену принудительной коллективизации. Из колхозов начался массовый отлив. Вышли тысячи дворов. В итоге летом 1930 г. в колхозах Предуралья осталось чуть более 20% крестьянских хозяйств. Для удержания крестьян в колхозах им были обещаны налоговые льготы, государственная помощь. От продолжения коллективизации не отказались. Следуя указаниям ЦК партии, VIII Пермская окружная партконференция постановила: «Процент крестьянских хозяйств, охваченных колхозами к моменту сева, необходимо закрепить и сделать его исходным в деле развертывания коллективизации». Райкомы ответили на это решение привычно. К примеру, в Суксунском районе в качестве главной ставилась задача «дальнейшего продвижения вперед к сплошной 100%-ной коллективизации»²². Такие же решения летом и осенью 1930 г. принимались руководством других районов.

С осени 1930 г. начался новый этап сплошной коллективизации. Меры грубого насилия уходят на второй план. На первый план выдвигаются политическая агитация, обещания льгот и помощи колхозам и налоговое давление на единоличников. Все это при продолжении раскулачивания. По планам 1931 г. колхозы на Урале должны были охватить до 67% крестьянских хозяйств, при этом к весне — 56%.

И снова главным средством устрашения стала возможная причастность к кулачеству. Единоличники оказались в ситуации, которая предельно ясно обрисована в обращении к ним в Юговском районе: «Перед каждым бедняком или середняком-единоличником должен быть поставлен вопрос ребром: за или против колхоза. За колхоз, за поддержку колхозного движения — означает поддержку Советской власти и решительную борьбу с кулаком. Против

колхоза, против поддержки колхозного движения — означает помощь кулаку, против Советской власти. Нейтральным в этом деле уже нельзя оставаться»²³. Крестьянин снова вынужденно делал выбор в пользу колхоза. 1931 г. стал решающим в проведении сплошной коллективизации. В районах северного Предуралья колхозы охватили 54,3% крестьянских дворов, в центральном и южном Предуралье — 69,6%. Планы, таким образом, вновь были успешно выполнены и перевыполнены.

Такие успехи вряд ли были возможны без продолжения раскулачивания и высылки. В первой половине 1931 г. в целом по Уралу было выслано 12 000 семей (60 000 человек), а всего за 1930—1932 гг. — около 30 000 семей. Теперь для высылки старались отбирать семьи с наличием трудоспособных мужчин в возрасте от 18 до 55 лет, т. е. способных к каторжным работам. С 1931 г. власти занялись устройством «кулацкой» ссылки, упорядочением использования переселенцев в промышленности и лесном хозяйстве. «Кулацкая» ссылка на Урале пополнялась не только «своими» раскулаченными. Еще больше высланных прибывало из других регионов страны — с Северного Кавказа, Украины, Белоруссии и др. Уже в 1930 г. Коми-Пермяцкий округ принял 2 000 семей неуральских переселенцев, Верхне-Камский округ (Соликамск, Березники) — около 8 000. На Урал в целом за 1930—1931 гг. переселяется 123 500 семей (571 300 человек) из других областей Советского Союза. По количеству высланных «кулаков» Урал занял первое место в стране²⁴.

Спецпоселки высланных находились в 69 районах и 3 округах Уральской области, в основном, в северных лесных, а также в горнопромышленных. Ссылные работали на шахтах Кизела и Соликамска, на северных рудниках, на лесоповале в Чердынском, Косинском, Пашийском, Яйвинском и многих других леспромхозах. Часть ссылных работала на раскорчевке тайги с целью сельскохозяйственного освоения этих участков. Таких землепашцев-полукаторжан объединили в 360 неуставных сельхозартелей — особых колхозов, действовавших под началом гулаговского коменданта.

Условия труда и быта в спецпоселках были поистине каторжные. Комендант спецпоселения Усолья сообщал: «Норма выработки установлена для кулаков двойная, т. е. вместо нормальных 2,5 куб.м в день на человека 5 куб. м... Большинство спецпереселенцев не выполняет норму выработки, хотя нами приняты все меры к поднятию производительности труда, заключено в штрафную команду 62 человека»²⁵. Ссылные часто голодали. О питании в Яйвинском леспромхозе сообщалось: «Питание составляют один хлеб, селедка и то с большими перебоями... овощи

совсем отсутствуют, запасы муки исчисляются тремя—пятью днями, а то совсем не бывает»²⁶.

Телеграмма²⁷

Лето 1931 г.

МОСКВА ВЦИК СТАЛИНУ

175 семей с детьми в курене Щегровитый Пашийского леспромхоза обречены на голодную смерть или выступление в голодный поход снабжение прекращено с 17 июля примите меры положение паническое.

Переселенцы

Недоедание, непосильный труд, отсутствие медицинской помощи приводили к массовым заболеваниям и высокой смертности среди высланных. В 1932 г. в Уральской области насчитывалось 315 500 спецпоселенцев, а в начале 1934 г. — только 187 100. Убыль составила 128 000, несмотря на постоянное пополнение ссылки²⁸. Но власти, казалось, не замечали людских потерь. Принудительный труд спецпереселенцев стал средством форсированного индустриального строительства на Урале, в том числе и в Прикамье.

Государство рассчитывало получить в 1931 г. от деревни, уже преимущественно колхозной, намного больше зерна, чем ранее. План хлебозаготовок по Уральской области был почти вдвое выше, чем в доколхозном 1929 г. Однако надежды не оправдались. В 1931 г. урожай резко понизился — до 3,5 ц с 1 га против 8,9 ц в 1930 г. — в целом по Уралу. Отчасти это стало следствием недорода в зерновых районах, вызванного засухой. Но главная причина была иной: дезорганизация сельского хозяйства, разрушение его производительных сил. Обследовавшие уральские колхозы представители Колхозцентра СССР отметили, что «хозяйственное состояние колхозов поражает своей неорганизованностью. Об организации труда и говорить не приходится»²⁹. В колхозах недоставало рабочего скота, инвентаря. Немногочисленные машинно-тракторные станции (МТС), перед которыми стояла задача обрабатывать с помощью техники колхозные поля, не могли обслужить все колхозы. В 1931 г. в 40 районах Прикамья насчитывалось лишь 17 МТС, а в 1932 г. — 25. Колхозы не были в состоянии выполнять составленные руководством планы посева и сбора урожая, поставок государству. Однако план уже стал законом, невыполнение его жестоко каралось. Административно-командная система на второй год коллективизации взыскала с колхозов все необходимое сполна. Размер хлебопоставок государству составлял от 35 до 55% выращенного скудного урожая. При этом те районы Прикамья, где хлеба уродились лучше, получили дополнительные задания по хлебозаготовкам, семенным фондам, т.е. они расплачивались и за не-

благополучные районы. В результате ограбление колхозов приобретает тотальный характер.

Хлеб у колхозов изымался в принудительном порядке. Директива Уралобкома ВКП(б) от 6 октября 1931 г. устанавливала следующий порядок хлебозаготовок: бригады уполномоченных, состоявшие из коммунистов и комсомольцев, милиционеров, работников заготовительных органов, объезжали колхозы и, в случае невыполнения плана хлебосдачи, забирали зерно силой, а руководителей колхозов подвергали взысканиям, снимали с должностей, лишали партбилетов. В колхозах искали саботажников, вредителей, замаскировавшихся кулаков, их репрессировали. Карательная политика с этого времени стала распространяться и на колхозников, для которых кончились обещанные льготы и привилегии.

Следствием такой политики стало разорение деревни. В 1932 г. земля вновь не уродила – средний урожай составил 4,6 ц с 1 га. Но колхозам снова пришлось выполнять непосильные хлебопоставки, платить дань государству зерном и другой продукцией. Ограбление деревни стало причиной «продовольственных затруднений», как это называлось в официальных документах. На деле надвигался голод. Первые сведения о нем в 32 районах Уральской области поступили в марте 1932 г. В апреле голод охватил уже 40 районов, в июне – 74 из 170 районов объединенной Уральской области.

«Продовольственные затруднения» не обошли стороной Прикамье – голодали в Березниковском, Верецагинском, Оханском, Осинском, Сивинском и в других районах. В оперативных сводках органов ОГПУ сообщалось о массовом нищенстве в деревне, о жалобах на недостаток продовольствия и непосильных заготовительных планах, об отказах сеять («все равно все заберут»), о хищениях зерна с полей и складов, которые совершали, в основном, женщины для спасения голодающих детей.

Власть не видит иного пути, кроме усиления насилия и жестокости. ЦИК и СНК СССР 7 августа 1932 г. принимают постановление об охране имущества колхозов и госпредприятий, по которому даже за незначительное хищение следовало заключение сроком до 10 лет или расстрел. Этот драконовский закон остался в памяти народа как «закон о 5 колосках». По нему на Урале за август – декабрь 1932 г. было осуждено 3 277 человек, в 1933 г. – еще более 2 000³⁰. Эти цифры убедительно свидетельствуют, что даже жесточайшие меры пресечения не останавливали крестьян, пытавшихся найти продукты питания в условиях непрекращавшегося голода. Хищения продовольствия и разрывывание колхозного имущества стали

средством выживания и одновременно протестом против произвола власти.

Другой распространенной формой протеста стало массовое бегство из колхозов.

В сводках органов ОГПУ отмечалось, что в ряде районов «под влиянием продовольственных затруднений и неполадок в колхозах» колхозники уходят на производство.

Из спецсводок СПО ПП ОГПУ Урала³¹

26 июля 1932 г.

В целом ряде районов (Туринском, Осинском, Верещагинском, Сергинском, Ярковском, Омутнинском и др.) – колхозники питаются суррогатами, а во многих колхозах и суррогаты отсутствуют, колхозники вынуждены питаться только полевыми травами.

В отдельных районах (Звериноголовском, Омутнинском и др.) развилось массовое нищенство – ходят за подающими не только дети и старики, но и взрослые...

За последнее время в ряде районов на почве прод.затруднений участились случаи массовых выходов, зачастую провоцируемых антисоветскими элементами. За последние числа июня и первые числа июля – за 6–7 дней – по 15 районам вышло из колхозов 1716 хозяйств...

2 октября 1932 г.

Вышло из колхозов по 36 районам за период с 1 января по 1 сентября 1932 г. 13 956 хозяйств... В д. Сива произошло демонстративное антисоветское выступление – «Долой колхозы, да здравствует единоличник!»

2 августа 1933 г.

В связи с недостатком продовольственного хлеба и зерна нового урожая среди колхозников создается мнение, что «весь урожай возьмет государство, а колхозникам опять придется голодать»... Распространяются провокационные слухи о войне, оставлении колхозников голодными, ведется агитация за не сдачу хлеба государству... В ряде случаев агитация АСЭ носит открытый пораженческий характер и призыв к восстановлению против Советской власти...

По сравнению с отливом весной 1930 г., второй отлив из колхозов был более длительным – он продолжился и в 1933 г. – и, можно сказать, безвозвратным, так как вышедшие обратно в колхозы уже не возвращались, уходя в города и на стройки. С начала сплошной коллективизации каждая пятая семья покинула родные места (с учетом отправленных в ссылку)³².

Отток из колхозов, бегство крестьян из деревни сорвали планы продолжения коллективизации, в 1932 г. она практически прекратилась, оставаясь по Уралу на протяжении года на уровне 2/3 вовлеченных в колхозы крестьянских дворов. При этом число дворов в колхозах сократилось. В районах Предуралья к 1933 г. уровень коллективизации составил 66,8%, в Коми-Пермяцком национальном округе – 54,3%³³.

Итогом сплошной коллективизации и ликвидации кулачества стало разорение деревни, ее обезлюдение, хроническое невыполнение хлебозаготовительных планов и,

несмотря на все жестокости власти, сопротивление крестьянства. Фактически деревня находилась в состоянии экономического и социального кризиса. Для его преодоления власть вновь прибегла к чрезвычайным и репрессивным мерам. В конце 1932 г. в стране вводится паспортная система, которая не распространяется на деревню. Беспаспортные крестьяне оказались, по существу, вне гражданства своей страны, они не могли покидать место жительства даже на короткое время без разрешения местных властей. Это было равнозначно прикреплению их к земле.

В 1933 г. при МТС и совхозах учреждаются политотделы — чрезвычайные административно-политические органы, призванные навести порядок в деревне. Перед ними стояла задача заставить колхозников старательно работать и неукоснительно выполнять заготовительные планы, «очистить» колхозы от дезорганизаторов и вредителей, «замаскировавшихся кулаков». В состав политотделов входили опытные политработники, представители ОГПУ. В помощь им мобилизовывались городские коммунисты и комсомольцы. 31 политотдел в районах Прикамья в основном справился с поставленными задачами. Карательными и организационно-политическими мерами уладили деревню, добились выполнения хлебозаготовок. Например, политотдел Пермской МТС (с. Верхние Муллы), по словам официального отчета, «вычистил» из колхозов 541 хозяйство, снял с работы некоторых председателей колхозов, бригадиров, счетоводов, кладовщиков, организовал соревнование, научил молодежь работать по-ударному. Для колхозов были выработаны жесткие нормативы по вспашке и посеву, севооборотам, правилам обработки почвы: крестьян учили работать на земле по-новому. Внедрялись социалистические принципы организации труда — планирование и нормирование, учет и контроль, соревнование и взаимопомощь³⁴. Однако работа по команде, энтузиазм из-под палки не дали значительного эффекта. Хозяйственные успехи колхозов оставляли желать лучшего.

Поэтому властям пришлось несколько ослабить узду, смягчить на время политику в деревне. В конце 1934 г. политотделы упраздняются. В начале 1935 г. колхозам был предложен новый Примерный устав сельхозартели, в котором акцентировались преимущества колхозов, льготы для колхозников, декларировалась «колхозная демократия», закреплялись социалистические формы организации труда. Самым важным новшеством для рядового крестьянина являлась фиксация в уставе увеличенных размеров приусадебного (личного подсобного) хозяйства. Семье колхозника разрешалось иметь 1 корову и 1-2 теленка, 1-2 свиноматки с приплодом, до 10 овец и коз, неограниченное количество птицы и пчел. Размер приусадебного уча-

стка в Прикамье составил от 0,35 до 0,5 га, и это было больше, чем до 1935 г.

Вся колхозная земля особым государственным актом закреплялась за колхозами в вечное бесплатное пользование. В середине 1930-х гг. личное хозяйство колхозников давало им до 70–90% потребляемых картофеля и овощей, 60–90% мясных продуктов, почти 100% – молочных³⁵. Лишь зерно колхозники получали в колхозе по трудодням. Это помогло преодолеть голод, прокормить себя и хоть как-то стимулировать работу в колхозе. Таким образом, для спасения разоренной ею деревни власть вынуждена была возродить хотя бы отчасти крестьянское семейное хозяйство. Именно оно спасло деревню и всю страну от экономического краха.

В 1934–1935 гг. началось постепенное восстановление в гражданских правах раскулаченных, их детей стали принимать в вузы. Усилилось оснащение колхозов техникой, открывались новые МТС, готовились механизаторские кадры. В 1938 г., когда образовалась Пермская область, на ее территории действовало 78 МТС, в них насчитывалось 4 347 тракторов и 1 295 комбайнов. Все это несколько улучшило положение колхозников, колхозное производство начало медленно подниматься, улучшалась оплата труда. В 1937 г. урожайность зерновых достигла 10–12 ц с 1 га против 5 ц в 1933 г. На трудодни в 1937 г. колхозники получили около 40% собранного зерна, тогда как в 1935 г. – только 20%. На один трудодень теперь давали в среднем 6,8 кг против 2,5 кг в 1935 г.³⁶.

Улучшение положения в деревне в середине 1930-х гг. стало основой для завершения коллективизации. Переход колхозов на новый устав сопровождался широкой агитационной кампанией за вступление единоличников в колхозы. Вступившим в колхоз давались определенные льготы. Вместе с тем, для оставшихся вне колхозов в 1934 г. вводился дополнительный единовременный налог, повышались нормы госпоставок продукции. В очередной раз единоличников принуждали сделать выбор в пользу колхоза. Заключительная волна коллективизации началась в 1935 г. За 1935–1937 гг. в колхозы вступили почти все трудоспособные единоличники. В 1938 г. в Пермской области насчитывалось 3 314 колхозов, в них 200 600 дворов, что составило 91,2% всех крестьянских хозяйств и 99,6% посевов³⁷. Коллективизация завершилась, вне колхозов остались только безземельные и нетрудоспособные крестьяне, в основном старики, а также часть сельских рабочих и служащих.

Завершение коллективизации внешне выглядело более мягким и спокойным по сравнению с начальной фазой. Прямое насилие над крестьянами не осуществлялось, пре-

кратилось и раскулачивание. Однако деревня «отдыхала» от насилия недолго. Черный 1937 год пришел и в деревню.

2 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает резолюцию «Об антисоветских элементах». Она предписывала руководителям региональных парторганизаций и органам НКВД выявить «кулаков и уголовников», вернувшихся в родные места после освобождения из заключения и ссылки, определить среди них злостных антисоветчиков и подвергнуть их повторному репрессированию: по I категории – расстрелу, по II – ссылке в лагеря на 8–10 лет или тюремному заключению. Дела таких лиц рассматривались в ускоренном порядке печально известными особыми тройками. Сверху поступили цифровые разнарядки по краям и областям. Всего по СССР планировалось репрессировать около 260 000 человек, в том числе по I категории – 82 000. Разнарядка на Свердловскую область (с включением районов Прикамья) составила 10 000 человек, из них расстрелу подлежало 4 000, в 1938 г. к ним добавили еще 2 тыс.³⁸

Данная репрессивная акция проводилась как военная операция. Начало ее было назначено на 5 августа 1937 г. При этом под репрессии попали как сельские жители, на законном основании вернувшиеся из мест лишения свободы, так и сбежавшие оттуда, а также скрывшиеся ранее от раскулачивания.

Многим приписывалось участие в контрреволюционных шпионских организациях, антисоветских партиях. К примеру, колхозника Н.Е.Чиркова из с.Ключи Суксунского района, избежавшего раскулачивания, арестовали как японского шпиона и участника подпольной организации, поскольку его брат был в эмиграции в Китае³⁹. В сельских районах Прикамья были сфальсифицированы дела участников повстанческой организации, охватившей якобы весь Урал. Так, в Березовском районе в сентябре 1937 г. 26 человек, в большинстве крестьян-единоличников и 6 священнослужителей, расстреляли за причастность к организации церковников, нацеленной на свержение советской власти. Тогда же в Бардымском районе прокатились аресты участников аналогичным образом изобретенной мусульманской повстанческой организации. По делу привлекли местных мулл и учителей. Парадоксальна судьба проходившего по этому делу учителя Х.З.Киекова. Киеков, преданный советской власти человек, участвовал в проведении всех ее мероприятий, читал лекции о ее политике, в числе первых вступил в колхоз. Однако, на его несчастье, он оказался сыном муллы и вообще грамотным человеком, поэтому ему отвели роль одного из руководителей вымышленной организации. 26 из 28 участников

«Бардымского дела» расстреляли. По аналогичному обвинению — за «участие в повстанческой организации» — в Еловском районе в марте 1938 г. расстреляли 39 человек, среди которых преобладали колхозники, в том числе два председателя, но были также одиночники, рабочие и служащие⁴⁰. Кроме упомянутых, дела о «контр-революционных повстанческих организациях» органами НКВД были сфальсифицированы также в Гайнском, Косинском, Кудымкарском, Кунгурском, Суксунском, Частинском районах Прикамья. По ним были репрессированы разные слои сельского населения: колхозники, одиночники, рабочие и служащие, еще уцелевшие священники, муллы. Подобные дела обставлялись видимостью следствия на местах, с привлечением свидетелей, вынужденных давать ложные или бездоказательные показания. Этим достигалась цель их огласки для устрашения населения, вселения в него веры в реальность антисоветских организаций для оправдания массового террора и репрессий. В деревне, как и по всей стране, складывалась обстановка тотального страха, множилось число жертв диктаторского режима.

От репрессий значительно пострадали руководящие колхозные кадры. За 1937 г. в Свердловской области поменялось немногим менее половины председателей колхозов, бригадиров, заведующих животноводческими фермами, директоров МТС. Не избежали трагической участи и многие сельские коммунисты. Численность коммунистов-крестьян в Прикамье сократилась с 5 032 на 1 января 1936 г. до 4 171 к 1 января 1938 г.⁴¹.

Началось наступление и на всех колхозников в целом. Власть шаг за шагом отменяла данные в середине 30-х гг. небольшие поблажки. Увеличивались нормы госпоставок колхозной продукции, оплата за работу МТС, сокращались размеры приусадебного хозяйства, увеличивались налоги на него. В 1940 г. уральские колхозы сдали государству почти половину валового сбора зерновых и львиную долю животноводческой продукции. Деревня утрачивала возможность продолжить подъем, наметившийся в 1935–1937 гг. Материальное положение колхозников выравнилось, но не стало лучше, по сравнению с положением середняка-одиночника доколхозной деревни. По данным бюджетных обследований семей колхозников Свердловской области за 1936–1937 гг., в сравнении с 1928–1929 гг., среднее потребление хлебопродуктов на душу населения стало меньшим, животноводческих продуктов — молока, масла, мяса — ниже уровня бедняцких хозяйств. В 1928–1929 гг. бедняки употребляли на одного едока 148,6 л молока в год, масла сливочного — 2 кг. В 1937 г. на одного члена семьи колхозника приходилось соответственно

144,3 л молока и 0,8–1 кг масла. Увеличилось потребление картофеля и овощей — баланс питания сельских жителей переместился в их сторону⁴².

С учетом понесенных материальных и моральных потерь и многих человеческих жертв следует считать, что коллективизация имела антикрестьянский, антинародный характер, она разрушила традиционный уклад жизни деревни, не создав лучшего.

Государство от коллективизации получило желаемое — доступ к продуктам крестьянского труда, самые дешевые рабочие руки в деревне и в ГУЛАГе. Заготовки зерна и мяса за 1930-е гг. увеличились в 2,5 раза, молока и масла — в 1,5 раза, хотя уровень животноводства был ниже доколхозного, а валовые сборы зерна возросли всего на 7%. В Пермской области посевные площади под зерновыми увеличились к 1940 г. на 9%, по сравнению с 1913 г., а валовые сборы — на 3,5%. Урожайность выросла незначительно — с 8,5 до 9,7 ц с 1 га⁴³. Животноводство оставалось ниже доколхозного уровня⁴³.

Как видно, издержки «революции сверху», как назвал коллективизацию И. Сталин, не дали высокой экономической отдачи. Власть не обеспечила себе прочной экономической и социальной базы в деревне. Навязанные народу колхозы привели к застою сельскохозяйственного производства, к социальной апатии крестьянства. Насильно сделав крестьян фактически государственными работниками, власть лишила их собственной сущности — быть рачительными хозяевами на земле.

В. Шаламов

Поэту

(Отрывок)

Борису Пастернаку

В моем еще недавнем прошлом,
На солнце камни раскаля,
Босые пыльные подошвы
Палила мне моя земля.

И я стонал в клещах мороза,
Что ногти с мясом вырвал мне,
Рукой обламывал я слезы,
И это было не во сне.

Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982), поэт, прозаик. Впервые арестован в 1929 г., отбывал срок на севере Пермской области. Вышел из лагеря в 1932 г., снова арестован в 1937 г., 17 лет пробыл на Колыме. Автор романа «Антивишера», «Колымских рассказов», стихов.

Там я в сравнениях избитых
Искал избитых правоту,
Там самый день был средством пыток,
Что применяются в аду.

Я мял в ладонях, полных страха,
Седые потные виски,
Моя соленая рубаха
Легко ломалась на куски.

Я ел, как зверь, рыча над пищей.
Казался чудом из чудес
Листок простой бумаги писчей,
С небес слетевший в темный лес.

Я пил, как зверь, лакая воду,
Мочил отросшие усы.
Я жил не месяцем, не годом.
Я жить решался на часы.

И каждый вечер, в удивленье,
Что до сих пор еще живой,
Я повторял стихотворенья
И снова слышал голос твой.

И я шептал их, как молитвы,
Их почитал живой водой,
И образком, хранящим в битве,
И путеводною звездой.

Они единственной связью
С иною жизнью были там,
Где мир душил житейской грязью
И смерть ходила по пятам.

Я много лет дробил каменья
Не гневным ямбом, а кайлом,
Я жил позором преступленья
И вечной правды торжеством.

Пусть не душой в заветной лире —
Я телом тленья убегу
В моей нетопленной квартире,
На обжигающем снегу.

Где над моим бессмертным телом,
Что на руках несла зима,

Металась вьюга в платье белом,
Уже сошедшая с ума.

Как деревенская кликуша,
Которой вовсе невдомек,
Что здесь хоронят раньше душу,
Сажая тело под замок.

Моя давнишняя подруга
Меня не чтит за мертвеца,
Она поет и пляшет — вьюга,
Поет и пляшет без конца.

Меня застрелят на границе,
Границе совести моей,
И кровь моя зальет страницы,
Что так тревожили друзей.
Когда теряется дорога
Среди щетинящихся гор,
Друзья прощают слишком много,
Выносят мягкий приговор.
Но есть посты сторожевые
На службе собственной мечты,
Они следят сквозь вековые
Ущербы, боли и тщеты.
Когда в смятенье малодушном
Я к страшной зоне подойду,
Они прицелятся послушно,
Пока у них я на виду.
Когда войду в такую зону
Уж не моей — чужой страны,
Они поступят по закону,
Закону нашей стороны.
И чтоб короче были муки,
Чтоб умереть наверняка,
Я отдан в собственные руки,
Как в руки лучшего стрелка.

Говорят, мы мельче пашем,
Оступаясь и скользя.
На природной почве нашей
Глубже и пахать нельзя.
Мы ведь пашем на погосте,
Разрыхляем верхний слой.
Мы задеть боимся кости,
Чуть прикрытые землей.

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГУЛАГа (Вишлаг)

«Было опытным путем доказано, что принудительный труд при надлежащей его организации (без всяких поправок на обман и ложь в производственных рапортчиках) превосходит во всех отношениях труд добровольный».

Барлам Шаламов

Поздней осенью 1929 г. вблизи только-только встающего города Березники и закладывавшихся при нем химических комбинатов развернулась новая, крупнейшая по тем временам стройка: визжали пилы, стучали топоры и молотки, тысячи людей долбили мерзлый грунт, копали траншеи и ямы, волокли и расширяли на сатунки и доски сосновые бревна, пилили и строгали...

Строительство было закончено ударными темпами уже к лету следующего, 1930 г. Глаз постороннего зрителя порадовал бы вид нового, свежим деревом сверкающего поселка: аккуратные линейки построек, отсыпанные песком дорожки, клуб с дорическими колоннами... Почти идеальный соцгородок, почти в полном соответствии с чаяниями основоположников...

Но посторонний глаз всего этого благолепия увидеть не мог, поскольку соцгородок этот был не чем иным, как концлагерем, и отделен был от мира и досужего любопытствующего взгляда, как и полагается всякому лагерю, колючей проволокой с вышками, вахтами и недремлющей охраной. Был он первым в истории нашей страны индустриальным лагерем ОГПУ, безумным экспериментом, с которого, однако, начался приснопамятный ГУЛАГ.

Социализм и принудительный труд оказались неотделимы.

Чтобы избавиться от иллюзий основоположников о «царстве вольного труда», большевикам понадобилось совсем немного времени. Уже в 1919 г. Л.Д.Троцкий рассуждал о всеобщей трудовой армии – мобилизации всего населения страны для принудительной работы по приказам партии и правительства, а Н.И.Бухарин в прославившей его среди большевистских лидеров работе «Экономика переходного периода» теоретически обосновал концепцию всеобщего принудительного труда при построении социализма.

Виктор Александрович Шмыров, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Пермского государственного педагогического университета, директор Мемориального музея истории политических репрессий и тоталитаризма в СССР.

Согласно его аргументам, ни один класс в переходную эпоху не способен к сознательному, то есть бесплатному или полубесплатному, труду. Зарплату, торговлю и деньги к этому времени большевики заменили их прямым и «справедливым» «продуктообменом». «Бывшие» классы враждебны новой жизни и именно поэтому неспособны трудиться «сознательно»: крестьянство — потому что мелкобуржуазно, а гегемон-пролетариат еще несознателен. Глава работы, содержащая эти идеи, вызвала особую похвалу Ленина.

Трудно сказать, в какую форму могло бы вылиться «всеобщее принуждение», но внезапно ворвавшийся, под давлением крестьянских волнений, нэп вернул и рынок, и деньги, и материальные стимулы. Идея принудительного труда отпала как бы сама собой. Но не навсегда.

Нэп не только оживил экономику, но и дал возможность начать программу индустриализации. Надежно получая от крестьян хлеб по твердому продуктовому налогу, государство могло превращать его в главную валюту индустриализации и закупать за рубежом тракторы, экскаваторы, паровозы, станки.

Неурожай 1927 и 1928 гг. поставили планы индустриализации под угрозу. Недоимки хлеба по продналогу означали срыв контрактов по закупкам оборудования, что могло обернуться недоверием к последующим заказам. Правительство пыталось компенсировать долги чрезвычайными мерами — продажей исторических и культурных ценностей. В Москву и Ленинград зачастил А.Хаммер («дорогой товарищ Хаммер», как его называл Ленин), вагонами вывозивший на европейские аукционы сокровища национальных музеев СССР.

Бойкот варварским продажам свел акции Хаммера почти к нулю. Тогда была возрождена «чрезвычайка» — чрезвычайные меры по сбору продналога методами близкими продразверстке эпохи военного коммунизма. В деревни снова отправились вооруженные команды, силой выскребавшие крестьянские амбары. Сталин лично проехал Сибирь, «организовывая» сбор хлеба.

Но «чрезвычайка» обернулась большей бедой. Напуганные силовыми действиями властей, крестьяне стали сокращать посевы. Кризис четко обозначился на объединенном пленуме ЦК и ЦКК в апреле 1929 г. Анализируя наметившуюся тенденцию, Бухарин говорил на пленуме о тупике, в котором оказалась программа индустриализации. Без «чрезвычайки» хлеб не собрать, «чрезвычайка» ведет к сокращению посевов и вооруженному сопротивлению крестьян, сокращение посевов снижает экспортные возможности и еще больше срывает планы индустриализации. По мнению Бухарина, выход был один — сократить

программу индустриализации, отложить некоторые ее планы на несколько лет, дать крестьянину возможность «оправиться» и только затем снова строить индустрию.

И это за месяц до исторического партийного съезда, который должен был принять первый пятилетний план. План развернутого строительства социалистической экономики.

У Сталина на том пленуме в споре с Бухариным аргументов практически не было. Было лишь настоятельное: темпы снижать нельзя, индустриализация — самое святое. Но как это сделать, он еще не знал или не произносил вслух. Плана выхода из кризиса никто не предложил. Однако вскоре план этот определился, хотя, вопреки нормам коллегиального управления того времени, никогда не был официально оформлен решениями пленума или съезда.

Уже 14 августа В.В.Куйбышев на президиуме ВСНХ СССР посчитал возможным поднять выпуск валовой продукции на втором году пятилетки с 21,5 до 28%, а сам Сталин на ноябрьском пленуме того же года увеличил эту цифру до 32%². В резолюции пленума было записано: «...дело построения социализма в стране пролетарской диктатуры может³ быть проведено в исторически минимальные сроки»... 1929 г. был провозглашен годом «великого перелома».

Проблема хлеба, валюты индустриализации, была решена форсированной коллективизацией. Создав колхозы, государство получило громадный резерв экспортного зерна. Крестьянин, по терминологии Сталина, из продавца хлеба был превращен в «хлебосдатчика». Возможное сопротивление крестьянства было предупреждено превентивным ударом раскулачивания и высылки.

Хлеб потек широкой рекой. Сбору колхозного хлеба не помешал даже неурожай 1931 — 1932 гг., превратившийся на Украине и в Нижнем Поволжье, после того как там был выметен и вывезен плановый, а местами и сверхплановый хлеб, в смертельный голод, унесший несколько миллионов жизней.

Но, решая проблему увеличения темпов индустриализации, правительство должно было одновременно решить еще одну, не менее важную, чем валюта, проблему рабочих рук. Любая закупленная за рубежом техника была бесполезна без массы людей, способных вырыть котлованы, построить дороги, возвести промышленные корпуса.

Но и эта задача была решена в том же году «великого перелома».

К концу двадцатых гг. заключенные содержались в тюрьмах и колониях НКВД и концлагерях ОГПУ. Места

заклучения НКВД были организованы по территориальному принципу и контролировались ГУМЗ — главным управлением мест заключения. В них содержались осужденные по самым различным статьям: от контрреволюционной деятельности до хулиганства и самооговарения. Общее количество заключенных ГУМЗ на конец 20-х гг. определяется примерно в 200 000 человек⁴.

ОГПУ с 1922 г. имело один, но гигантский концлагерь (так он зачастую именовался в их документах) — СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения. В отличие от заключенных колоний НКВД, заключенные СЛОНа осуждены были, как правило, не приговорами судов, а решением внесудебных органов — коллегией ОГПУ или тройками.

По расчетам бывшего заключенного Соловков М. Розанова, эмпирически исчисленные усредненные данные по «контингенту» лагеря с момента его образования и до конца десятилетия выглядят следующим образом:⁵

Год	Прибыло за навигацию	Погибло за год	Вывезено на материк	Осталось зимовать
1922	1 000			1 000
1923	3 000	1 000		3 000
1924	5 000	2 000	1 000	5 000
1925	7 000	3 000	2 000	7 000
1926	9 000	6 000	2 000	8 000
1927	12 000	8 000	2 000	10 000
1928	13 000	5 000	3 000	15 000
1929	15 000	7 000	4 000	19 000

По более точным архивным данным научно-информационного и просветительского центра (НИПЦ) «Мемориал» г.Москвы, в конце 1923 г. на Соловках было около 2 500 заключенных, в конце 1924 г. — около 5 000, в конце 1925 г. — свыше 7 700, в конце 1926 г. — 10 700, в конце 1927 г. — 14 800, в 1928 г. — около 22 000 заключенных⁶.

В 1926 г. концлагерь вышлеснулся на материк. В поселке Кемь на Беломорском побережье Карелии, где с начала создания лагеря находился его главный пересыльный пункт, было образовано второе отделение СЛОНа. В 1928 г. — третье и четвертое отделения: Усть-Цильма — на реке Печоре в Коми АССР и Зырянка — в Пермской области, на реке Вишере. СЛОН разросся в целую лагерную систему. На 1 октября 1926 г. на островах было 6 753 заключенных, на материке — 3 077; на 1 октября 1927 г. на островах — 7 445, в материковых отделениях — 5 451 заключенный⁷.

Автор не задавался целью исследовать карательную политику ОГПУ, но приведенные данные свидетельствуют, что она неуклонно усиливалась и с 1926 г. в Соловецкий

лагерь стало направляться такое количество заключенных, которое уже не могло быть размещено на островах, в связи с чем были созданы материковые отделения и командировки.

Первоначальная концепция Соловецкого лагеря заключалась в надежной изоляции наиболее опасных реальных или потенциальных врагов советской власти. Сам выбор места для него подразумевал именно эту цель. Практика особых тюрем и каторг на островах общеизвестна — Ив, Эльба, Св. Елена, Чертов остров в Кайене, Сахалин и т. д. Решение оказалось верным: с Соловков практически не было побегов⁸. Поскольку предполагалось, что посылаемые туда являются непримиримыми и неисправимыми врагами советской власти, то там изначально создавались чрезвычайно тяжелые условия. «Здесь кончилась власть советская и началась власть соловецкая», — так вполне официально приветствовались прибывающие этапы.

Конечно же, с самого начала подразумевалось, что заключенные должны трудиться. Недостатка в работах, как правило, не было: концлагерю досталось от монастыря хоть и основательно разоренное, но все еще обширное хозяйство с рыбными, огородными, скотоводческими заведениями, десятками разнообразных служб.

А когда работ все же не хватало, придумывалось «водотолчение»: переливание воды из одной проруби в другую, переноска «всякого хлама» с места на место и обратно. «...Такова одна из особенностей соловецкой каторги: нет настоящей работы, так занять арестантов водотолчением, лишь бы не давать им отдыха», — отмечал С.В.Сморозин (М.З.Никонов)⁹, заключенный Соловков 1928 г. Внутренняя справка ГУЛАГа «Об истории возникновения и развития ИТЛ УЛАГа — ГУЛАГа ОГПУ — НКВД — МВД СССР» 1950 г. прямо указывает, что до 1926 г. заключенные на Соловках «не трудоиспользовались»¹⁰.

С зимы 1926 — 1927 гг., с созданием первых материковых командировок, СЛОН начал экспортную заготовку леса. Возросший «контингент» стали занимать делом, если и не приносившим ОГПУ дохода, то хотя бы окупавшим затраты на содержание заключенных.

Но вплоть до 1929 г. главными оставались все же не производственные показатели. «Работа вовсе не спрашивалась, спрашивался только выход, и вот за этот-то выход заключенные и получали свою пайку»¹¹, — свидетельствовал В.Т.Шаламов, прибывший в апреле того года в Вишерское отделение СЛОНа.

«Кормили тогда по-особому. Еще никто не додумался сделать из пайки средства выколачивания плана — каждый получал один и тот же казенный паек, арестантскую

пайку. Каждый имел право на восемьсот граммов хлеба (те же 800 граммов получал М.Розанов в мае 1930 г. на трактовой материковой командировке СЛОНа)¹², на приварок — каши, винегреты, супы с мясом, с рыбой, а то и без мяса и без рыбы по известным раскладам на манер тюремных... Хлеб выдавался на каждый барак, и хлеборез барака резал пайки с вечера. И каждому клал на постель его пайку. В лагере никто не голодал. Тяжелых работ не было. На работе никто не понукал... Дневальные приносили к обеду в бачках суп и второе, и тот же хлеборез раздавал суп и кашу черпаком. Мясо было порезано на кусочки и выдавалось с весу... За работу не платили никаких денег. Но ежемесячно составляли списки на «премию» — по усмотрению начальников — и по этим спискам давали два, три, редко пять рублей в месяц. Эти два рубля выдавались лагерными бонами... Эти лагерные боны стоили гораздо выше, чем вольные деньги. В лагере был магазин, где можно было купить все, что угодно... Была в лагере и столовая «ресторанного типа», только для заключенных, где принимали деньги-боны. И где, например, порция антрекота стоила пятнадцать копеек... В лагере 1929 года было множество «обсосов», множество «продуктов», множество должностей, вовсе не нужных у хорошего хозяина. Но лагерь того времени не был хорошим хозяином»¹³.

Положение начало меняться летом 1929 г. В июле заместители трех наркомов обратились в правительство с докладной запиской, в которой предложили использовать заключенных на важнейших стройках первой пятилетки и создавать для этой цели при стройках трудовые лагеря примерно на 10 000 человек каждый.

В конце лета того же 1929 г. начальником управления ВИШХИМЗ — строительства Вишерских химических заводов, под которыми понимались стройки не только на реке Вишере, но и на Каме, — был назначен Э.П.Берзин.

Берзин имел особые заслуги. В июле 1918 г., во время восстания левых эсеров, он, будучи одним из командиров полка латышских стрелков, предложил восставшим свои услуги и ввел в Москву артиллерию полка, после чего развернул ее против самих эсеров и деблокировал осажденных в Кремле большевиков. Затем Берзин стал ключевой фигурой ОГПУ в «заговоре послов». В этой операции он вел переговоры с Локкартом о создании в СССР вооруженного подполья, из которых и родилось все «дело». Позднее он перешел на службу в ОГПУ и к концу 20-х гг. занял в нем высокое положение.

Вскоре после приезда Берзина на Вишеру отделение Вижаиха было выделено из СЛОНа и преобразовано в самостоятельный лагерь — Вишерский лагерь особого назна-

чения (ВИШЛОН), начальником которого был назначен приехавший с Лубянки вместе с Берзиным И.Г.Филиппов. Главными объектами работ Вишерского лагеря были строительство целлюлозно-бумажного комбината и заготовка леса по реке Вишере как для нужд строительства, так и для обеспечения комбината древесиной для производства бумаги.

До приезда Берзина Вишерский лагерь имел на Каме, в старом заводском поселке Лёнва, перевалочную базу, где «...работала группа заключенных -грузчиков... двенадцать или шестнадцать человек. Они жили в общежитии для рабочих содового завода... С этими грузчиками жил и конвоир... В двадцать девятом году вокруг был голод на рабочую силу... Двенадцать арестантов-грузчиков могли выйти сверхурочно на полчаса – час и заработать по рублю... Словом... работяги (заключенные. – В.Ш.) были богатыми людьми, учитывая курс червонца и нэповские цены»¹⁴ ...

После реорганизации отделения в ВИШЛОН Берзин направил на Каму, где к тому времени из-за отсутствия необходимого количества рабочих рук забуксовало Березниковское химическое строительство, человек 50 заключенных закладывать производственное лагерное отделение. В состав этой группы попал и В.Т.Шаламов.

Дальнейшие события развивались головокружительно быстро и масштабно. В распоряжение Берзина стали прибывать один за другим эшелоны с заключенными. По впечатлению В.Т.Шаламова, тысячные этапы прибывали чуть ли не ежедневно. «Из всех этапов отбирались самые лучшие специалисты, и любой, кто работал похуже, вечером же включался в этап на Вижаиху, в управление, где строился бумкомбинат. Наше отделение имело право задерживать, оставлять у себя лучших работников, хотя и без «личного дела»¹⁵.

Эти «лучшие» «... всю зиму двадцать девятого – тридцатого года... «обживали» каменные коробки, воздвигнутые по вольному найму в Городе Света (Березниках-В.Ш.)... Размещаясь там на сырых досках-нарах, а то и просто вповалку, тысячи, десятки тысяч людей строили Город Света, работали на комбинате и строили себе лагерь поближе – на Адамовой горе... Как только на Адамовой горе был построен лагерь, работяги строительства перешли жить туда»¹⁶.

Принимать новый лагерь летом 1930 г. прибыл из ОГПУ М.Д.Берман. «Лагерная зона, новенькая, «с иголочки», блестяла. Каждая проволока колючая на солнце блестяла, сияла, слепила глаза. Сорок бараков – соловецкий стандарт двадцатых годов, по двести пятьдесят мест в каждом на сплошных нарах в два этажа. Баня с асфальто-

вым полом на 600 шаек с горячей и холодной водой. Клуб с кинобудкой и большой сценой. Превосходная новенькая дезкамера. Конюшня на 300 лошадей... Колонны лагерного клуба чем-то напоминали Парфенон, но были страшнее Парфенона»¹⁷ ...

Второй такой же лагерь был возведен Берзиным на Вишере, при строительстве бумкомбината. Если к моменту прибытия В.Т.Шаламова в 1929 г. там было 8 – 10 барачков на 2 000 человек, то вскоре их стало уже 44 – на 11 000 заключенных. Выросли отдельный сангородок, парк с беседками, открытой сценой, фонтаном и даже собственным зверинцем, радиоузел и павильон-каток, свыше 20 производственных помещений, в числе которых были и типография, и часовая мастерская, и мыловарня с колбасной. Всего в лагере было свыше 200 построек, не считая вышек и вахт¹⁸.

Не везде, конечно, было так. В верховьях той же Вишеры, где вскоре пришлось побывать В.Т.Шаламову, сохранялись многочисленные лесные командировки с цингой, обморожениями, саморубами и тайными казнями. (ВИШЛОН, хоть и назывался лагерем, был на деле целой системой лагерей, включающей в себя, кроме двух больших – на Вишере и в Березниках, – множество более мелких, которые назывались командировками.) «Север был штрафным районом. «Загнать на Север» – было всегдашней, понятной всем формулой угрозы начальства»¹⁹.

Но все же ситуация в начале 30-х годов изменялась по стране в целом. На Соловках случилось, кажется, невозможное: с первым парходом в навигацию 1930 г. прибыла особая следственная комиссия ОГПУ. Следователи объехали все острова, выезжали на отдаленные командировки, беседовали с заключенными, после чего, по особому приказу с Лубянки, было расстреляно несколько десятков человек, обвиненных в «перегибе» карательной политики, прежде всего из числа тех же заключенных, отличавшихся особыми издевательствами на различных административных должностях лагеря²⁰.

Аналогичные проверки и расстрелы весной 1930 г. были и в СЕВЛОНе. Они настолько деморализовали тамошнее начальство, что, по свидетельству одного из заключенных, «...за какую-нибудь неделю внешний вид СЕВЛОНа... заметно изменился. Ввели даже пятидневку. Наконец-то заключенные могли перевести дух... Севлаговцы целыми группами толпились в пивных, пили водку и перебранивались с горожанами-зырянами... Уголовники раскрадывали со складов лагеря топоры, пилы, гвозди... Участились побеги... Становилось все яснее, что подобное

общее разложение должно непременно привести к какому-то концу. Ждать долго не пришлось»²¹.

«Оттепель» кончилась, как и северное лето, скоро. Уже в сентябре по всем лагерям ОГПУ был зачитан приказ о расстрелах «отказчиков от работы, беглецов и контрреволюционных агитаторов», «неправильно» понявших суть весенней «оттепели».

Зигзаги лагерной политики весны – осени 1930 г. и впрямь остались непонятны тем, кто сидел тогда в лагерях. В них видели и результат «взаимодействия многих политических и экономических факторов и событий как внутри, так и вне страны», и итог поднятой на Западе кампании против принудительного труда на советских лесозаготовках, и попытку «заглушить заграничные почти документированные обвинения о зверствах в концлагерях», и следствие массового увеличения контингента в связи с раскулачиванием, и многое другое²².

Осенний приказ не означал возврата к старому. Он означал смену эпох. Кончалась эпоха Соловков, и начиналась эпоха ГУЛАГа. «...Век страха перед дрыном отошел. Требовались новые, иные методы и средства, чтобы укрепить производственную и лагерную дисциплину»²³ ...

7 апреля 1930 г. СНК СССР принял «Положение об исправительно-трудовых лагерях». 25 апреля приказом по ОГПУ № 130/63 в его составе было организовано новое подразделение – УЛАГ (Управление лагерями) ОГПУ, начальником которого был назначен бывший начальник СЛОНа – Эйхманс²⁴.

Лагерь особого назначения ОГПУ были переименованы в исправительно-трудовые. ВИШЛОН стал называться Вишлагом или Вишерским ИТЛ – исправительно-трудовым лагерем. Менялось не только название. Менялась лагерная концепция. Лагерь должны были превратиться из «плохих» хозяев в «хороших».

Но хорошему хозяину ни к чему ни худой работник, ни дурной приказчик.

Потому «власть соловецкая» – власть одуревших от ее избытка, звереющих от полной своей безнаказанности и всеволия не только над жизнью, но и над смертью любого, ступившего даже не в самый ад – на берег бухты Благополучия, но еще в чистилище Кемперпункта – должна была уйти.

Соловки были адом крошечным для большинства невольных насельников. Да, были и катания на лодках с оркестром, и театральные премьеры с «дамами» в мехах и ароматах духов Коти, ресторан с икрой и шампанским, но, как и в «вольной» столице того времени – времени нэпа, не для всех и не всегда. Для подавляющего большинства,

для многих тысяч безымянных заключенных, в веренице лет выстроившихся в десятитысячные безмолвные колонны, Соловки стали не просто могилой, а миллионно проклятым местом медленного, мучительного умирания и убивания под пьяный угар «соловецкой власти».

«Власть соловецкая» действительно кончилась летом 1930 г., на остров пришла власть советская»²⁵. Кончилась даже Секирка – смертельный штрафной изолятор на Секирной горе, бывший до конца 20-х гг. символом всего СЛОНа. Соловчане 30-х гг. знали о нем лишь по рассказам старых сидельцев. «Кончилось сплошное мучительство в лесу одним и неповское раздолье в кремле другим, шедшее рука об руку. То и другое одновременно было заключено в гроб и снесено на погост, а что выросло на их общей могиле – это вопрос особый. Говорят, однако же, что выросло нечто не особенно важное», – философски заметил один из соловчан того времени²⁶.

Но хорошему хозяину нужен не только трезвый приказчик, но и исправный работник.

М.Розанов попал в СЛОН в «переломное» время. Тысячный этап, в котором он прибыл на материковую командировку еще на излете «старого времени» – в мае 1930 г., был выгружен прямо в поле, где строил себе бараки и ограждения, и зуботычины получал. И успел еще выслушать знаменитое наставление: «тут кончилась власть советская и вступила власть соловецкая»²⁷. Однако уже вскоре начальник едва не заискивал перед заключенными и играл с ними в футбол. На работу заключенные вышли «в новых кожаных сапогах, которые иные из нас от роду не нашивали по бедности, в шерстяных портянках, в новых фуфайках и бушлатах, в шапках и с накомарниками»²⁸.

«Надо считать, что с 1930 года вопрос с одеждой на острове перестал существовать. Концлагеря превратились в тресты... ГПУ заказало и получило от советских трестов... достаточное количество отличных валенок, ботинок, сапог, бушлатов, фуфаек, ватных брюк, гимнастерок, шапок, рукавиц, портянок и даже накомарников и, на пожарный случай, лаптей»²⁹...

Но в «яслях» нового порядка, в Вишлагае, под рукой Берзина в это время было и не то еще. «...Вольная столовая была хуже лагерьной, – вспоминал В.Т.Шаламов. – Лагерников и одевали лучше. Ведь на работу не выпускали раздетых и разутых. Даже случайно... Это привело к конфликту, зависти, жалобам. Я много встречал потом ссыльных, а то и просто вербованных работяг, бежавших из Березников из-за плохих условий быта. Все они вспоминали одно и то же: «раскормленные рожи лагерных работяг»... Бывало, что тот, кто посылал жителей своего

села, давал дело — судил и отправлял под конвоем на Север, сам приезжал туда по вербовке, по вольному найму как энтузиаст и видел, что те, кого он судил, живут в гораздо лучших условиях, что и сам лагерь блестит чистотой, там не было ни вони, ни даже намека на вошь»³⁰.

Проблема питания заключенных, особенно изменения рациона в различные периоды лагерной истории, требует особого рассмотрения.

Жизнь заключенных определялась размером пайка. Паек, в свою очередь, состоял из двух элементов: пайки, суточной нормы хлеба, и приварка, вареной пищи (баланды, супов, каш, овощей и т. д.). Пайка была наиболее ценной частью рациона заключенного. «Приварок... вещь неопределенная, пищевая ценность его зависит от тысячи разных причин: от честности повара, от его сытости, от трудолюбия повара, ибо повару-лодырю помогают «работяги», которых повар прикармливает; от энергичного и неусыпного контроля; от сытости и порядочности конвоиров; от отсутствия или присутствия блатарей. Наконец, и вовсе случайное событие — черпак раздатчика, зачерпнувшего одну «юшку», — может свести пищевые достоинства приварка чуть не к нулю»³¹.

В дореволюционной России суточный рацион арестанта и каторжника (политические и некоторые другие тюремные заключенные в начале XX в. имели особые, увеличенные нормы) был аналогичен солдатскому, а пайка составляла 2 фунта хлеба³². Приварок включал в себя 890 г (150 золотников)³³ мяса, свыше 3 кг вермишели, круп или гороха в неделю.

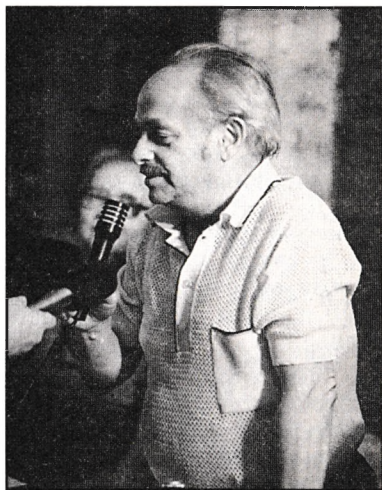
На Соловках первоначально либо не было никаких установленных на Лубянке норм питания заключенных («Положение об исправительно-трудовых лагерях» от 7 апреля 1930 г. установило, что «норма пайков определяется ОГПУ, но, во всяком случае, не ниже необходимой калорийности»), либо же, как и в дореволюционной России, на них должны были распространяться солдатские нормы довольствия. Прибывший на острова в 1927 г. Г. Андреев «в бухгалтерских бумагах наткнулся на первоначальные нормы питания. Ахнешь от удивления! Красноармейский паек! Кто его получал?»³⁴.

По воспоминаниям первых соловчан, в начале 20-х гг. выдавались английские трофейные продукты «...но с таким расчетом, чтобы заключенные не умерли с голода... Как ни странно, но питание заключенных вначале было поставлено лучше, чем теперь...(т. е. в 1925 или 1926 г. — В.Ш.)»³⁵.

К 1925 г. паек на Соловках определился. Точнее, два пайка: один — для тех, кто был занят на тяжелых работах,

Варлам Шаламов

Бывший политзаключенный, председатель Пермской ассоциации жертв политических репрессий Израиль Зексер

Пароход «Глеб Бокий» у причала Управления Соловецких лагерей особого назначения ОГПУ. 1920-е гг.

другой — для всех прочих. «Горячая пища выдается арестантам два раза в день: в 12 ч. — обед, в 7 ч. — ужин... Главный продукт питания солдовчан — хлеб, но его выдают арестантам рабочих рот по полтора фунта... правда, питание лесорубов значительно лучше. Они получают усиленный паек: три фунта черного хлеба и в увеличенном виде приварочные продукты»³⁶.

Другой солдовчанин 1925 г., служивший в канцелярии и кормившийся не из общего котла, получал двухнедельный сухой паек «из соленой трески, гречневой крупы, сухих овощей — 600 г, картофеля, подсолнечного масла — 500 г, соли, влажного песка — 150 г и полкило хлеба на день»³⁷.

К 1929 г. паек на Соловках дифференцировался еще больше: «для тяжелых работ, средних, легких и штрафных. Мяса в котел полагалось 100 г, рыбы — 200, крупы — 100, овощей — 300, хлеба — 600, растительного масла 35»³⁸. Но, судя по всему, паек все же «оставался достаточным. Пять дней в неделю полагалось мясное и два — рыбное»³⁹.

Но пайковая дифференциация в это время была, видимо, лишь на центральных островах Соловецкого архипелага, в силу специфики их особого положения — наличия большого количества не занятых на производстве служащих из заключенных (обслуги, канцелярских и прочих), инвалидов и больных. На материковых отделениях, где заключенных этой категории было значительно меньше, никто пайковую дифференциацию не упоминает.

В 1928 г. на Мягострове «...кормили неплохо. На завтрак мисочка каши из фасоли, чечевицы, гороха или гречихи, иногда — густой суп с макаронами, сдобренный постным маслом. В обед миска борща или супа с кусочком мяса чуть побольше спичечной коробки. Черного хлеба давали по килограмму»⁴⁰. Лагерный рацион Вишерского отделения весной 1929 г. описан выше. Те же 800 г пайки — 2 дореволюционных фунта — упоминает и М. Розанов на дорожной командировке на Кольском полуострове. Примерно так же в конце 20-х гг. кормили заключенных и в СЕВЛОНе⁴¹.

Кроме того, заключенные и на островах, и на всех материковых отделениях могли покупать продукты в лагерных магазинах, киосках и лавках, в которых, по многочисленным описаниям, было «все»: белый хлеб, овощи, колбасы, мясо и рыба, масло сливочное и подсолнечное и т. д. («На воле» в это время вводилась карточная система, магазинные полки стремительно пустели.) В розма⁴² Соловецкого кремля были даже и шампанское и икра. Были и коммерческие столовые «ресторанного типа». Рассчиты-

вались за покупки заключенные особыми бонами — лагерным эквивалентом денег.

С реорганизацией лагерей и образованием УЛАГа Соловецкий опыт дифференцированного пайка был распространен на всю систему лагерей ОГПУ.

В его основу в начале 30-х гг. с целью стимулирования производительности труда была положена идея «большой пайки» и «густой баланды»⁴³. Типичная норма хлеба выполняющего план заключенного стала составлять 1 300 г: килограмм обязательной пайки на тяжелых работах и 300 г премиального вознаграждения за выполнение 100% плана⁴⁴. На стройке Беломорканала типичная норма выполняющего план была еще выше — 1 400 г⁴⁵. «Стахановская» пайка заключенного достигала иногда 2 кг хлеба⁴⁶.

Соответственно увеличивались и приварок, и денежное (бонами) вознаграждение. Этим и объясняется тот удивительный факт, что в некоторых лагерных столовых кормили лучше, чем в вольных. На Березниковском химстрое заключенный Шаламов имел пропуск в ресторан для иностранцев, в большом количестве приехавших на строительство комбината⁴⁷. Получил он его, конечно, не за трудовые доблести, а «по благу». Но сам факт существования подобного пропуска весьма показателен для той эпохи.

Но эпоха эта длилась недолго. Очень скоро дифференцированный паек эволюционировал в смертельную «шкалу питания», обрекшую на гибель миллионы заключенных.

С эпохой «перелома» неразрывно связаны еще два важнейших явления лагерной жизни, оказавшие огромное влияние на всю последующую лагерную историю: лимит рабсилы и зачеты. Зачеты с досрочным освобождением были одним из центральных моментов политики «перековки» начала 30-х гг. Предполагалось, что они стимулируют заключенных к ударному труду, к перевыполнению производственных заданий. Положение о зачетах было сформулировано в 58 статье исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г.: «Проявление заключенными из среды трудящихся особо продуктивного труда и приобретение ими профессиональных знаний... поощряются... зачетом двух дней работ за три дня срока». На Соловках, однако, эта норма практически не работала, и досрочное освобождение определялось не статьями ИТК, а приезжавшими из Москвы «разгрузочными» комиссиями, которые готовили списки на освобождение заключенных или сокращение срока по ходатайству лагерной администрации. Приезжали такие комиссии и на Вишеру.

В феврале 1928 г. особое постановление ВЦИК и СНК РСФСР ограничило досрочное освобождение «классовых врагов» лишь «исключительными случаями». С началом

же перестройки лагерной системы в 1931 г. было, наоборот, объявлено, что «два дня за три» даются всем категориям заключенных, работающим по-ударному, в том числе и осужденным за контрреволюционные преступления. В отдельных случаях засчитывались даже два дня за четыре⁴⁸.

Однако, по единодушному мнению заключенных того времени, зачеты распространялись прежде всего на уголовников. И не только из-за классового подхода чекистов. «Блатарь освобождался, выработав сто пятьдесят или двести процентов плана. Оказалось, что друзья народа, какими оказались рецидивисты, официально выполняют норму на триста процентов и подлежат немедленному досрочному освобождению. Немало лет потребовалось, пока низовым работникам лагерей удалось убедить высшее начальство, что эти триста процентов — чужая кровь, что блатарь не ударил палец о палец, а только бил палкой своих соседей по бригаде, выбивая «процент» из нищих и голодных стариков и заставляя десятников приписывать в наряд именно ему, блатарю, этот кровавый процент. Это доверие привело к такой крови, ⁴⁹ которая была еще невиданна в много испытавшей России».

Система зачетов, кроме того, ясно показала суть пролетарского суда, ибо «система досрочного освобождения... есть прямой вызов правосудию... если есть суд — то нет досрочного освобождения, ибо только сам суд — верховный орган власти... и никто не может ⁵⁰ нарушить, изменить, поправить его верховную волю».

Другим явлением ГУЛАГа, повсеместно распространенным лагерной «перестройкой» начала 30-х гг. и сгубившим впоследствии миллионы жизней заключенных, был лимит рабсилы.

Превращаясь в «хороших» хозяев, лагеря должны были ввести учет и контроль выполняемых работ, расходов на питание и обмундирование и т. д. и т. п. В лагерях ввели лимит использования рабочей силы. Прежде всего сократили количество лагерной обслуги и других не занятых на производстве «обсосов» и «продуктов». Был определен их предел — 15% от всего контингента: обслуга, отнесенная к категории «Б», должна была составлять не более 9-10%, категории «В» и «Г» — освобожденные по болезни, содержащиеся в штрафном изоляторе без вывода на работу и некоторые другие — могли составлять не более 5-6% вместе взятые. 85% заключенных должны были входить в категорию «А» — рабочие и необходимый технический персонал, занятый непосредственно на производстве.

На этот 85-процентный лимит спускались из учетно-распределительных отделов и учетно-распределительных

частей лагерей конкретные задания, рассчитанные по нормам вольных рабочих с принятыми в данной местности поправочными коэффициентами⁵¹. За выполненные работы строительство выплачивало лагерю заработанные деньги по вольным же расценкам, с учетом количества и качества выполненных работ. На эти деньги лагерь кормил, одевал и охранял заключенных. На эти же деньги при лагерях заводились клубы, библиотеки, зверинцы и фонтаны: чтобы хорошо работать, заключенный должен был полноценно отдыхать.

Механизм этот мог слаженно работать лишь при полной согласованности всех его элементов: полном, здоровом контингенте заключенных, бесперебойном обеспечении его достаточным питанием, хорошим обмундированием и необходимыми инструментами.

И вначале, во всяком случае в «опытном хозяйстве перековки» Вишлага, механизм работал: «Выработка заключенных была гораздо выше, чем у вольнонаемных... Бригадиров, чьи бригады не выполняли 130%, не держали ни одного дня на строительстве»⁵².

Опыт Вишлага, «опытного хозяйства перековки»⁵³, и Берзина, в масштабе «отдельно взятого» лагеря и стройки, удался на славу. На славу Берзина. Березниковское строительство из прорыва было вытащено, Вишерский бумкомбинат имени т. Менжинского пущен. Правда, после выполнения основных объемов работ десятки тысяч заключенных остались без дела. Уже в 1933 г. Вишлаг стал сворачиваться, а летом 1934 г. был ликвидирован полностью⁵⁴. Заключенные были переведены в Мордовию, в Темниковский ИТЛ. Только что построенные Березниковский и Вишерский лагеря брошены.

Берзин еще до этого, в 1932 г., был направлен на Колыму, где основал Магадан – столицу печально знаменитой лагерной империи; Дальстрой – организацию, построившую руками заключенных в районах вечной мерзлоты десятки приисков, рудников и обогатительных фабрик; СВИТЛ (северо-восточный исправительно-трудовой лагерь). Смертельные лагеря Колымы обеспечивали функционирование Дальстроя и добычу колымского золота.

Лагеря ОГПУ росли стремительно. В 1929 г. возникли СЕВЛОН (Северный лагерь особого назначения), Сиблаг (с 1930 г. – Сибирский ИТЛ) и Дальлаг (Дальневосточный ИТЛ); в 1931 г. – Темлаг (Темниковский ИТЛ), Устьвымлаг (Усть-Вымский ИТЛ), Ухтпечлаг (Ухтинско-Печорский ИТЛ), Карлаг (Карагандинский ИТЛ), Свирьлаг (Свирьский ИТЛ), Белбалтлаг (Беломоро-Балтийский ИТЛ); в 1932 г. – СВИТЛ (Северо-Восточный ИТЛ), Дмитрлаг (Дмитровский ИТЛ), Байкало-Амурский ИТЛ.

Каждый из них насчитывал по несколько десятков тысяч заключенных. Кроме этих, широко известных лагерных систем, в то же время возникли еще полтора десятка лагерей более мелких (Среднеазиатский, Марийский, Кунгурский, Нижегородский, Балахнинский и другие ИТЛ), в каждом из которых было от 5 до 15 тыс. заключенных.

Если в 1928 г. количество заключенных СЛОНа (вместе с материковыми отделениями) было немногим более 20 000 человек, то на конец 1929 г. число заключенных в лагерях ОГПУ достигло почти 100 000 человек, к концу 1930 г. — 200 000, а к концу 1933 г. приблизилось к полумиллиону⁵⁵. Если в конце 20-х гг. в ИТЛ переводили заключенных из местных колоний и тюрем НКЮ и главного управления милиции, то уже с начала 30-х гг. пополнение шло за счет новых арестов, судебных и внесудебных репрессий. К 1934 г. общее количество заключенных мест заключения НКЮ и НКВД не только восстановилось, но и увеличилось до 300 000⁵⁶.

Таким образом, общее количество заключенных, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах СССР, к 1934 г. увеличилось до 800 000 человек (500 000 лагеря ОГПУ и 300 000 колонии и тюрьмы НКЮ и НКВД). Кроме того, не менее 800 000 человек, в основном раскулаченных, в 1933 г. содержалось в других местах лишения свободы, прежде всего в так называемых трудовых поселках ОГПУ, в которых «кулаки» вместе с «находившимися на их иждивении лицами», отнесенными к той же категории «заключенных», содержались, как в лагерях и колониях, «под стражей»⁵⁷.

Заключенных в стране стало так много, что в начале 30-х гг. исчезли «столыпинские» вагоны (не те товарняки, которые дено и ночью везли по стране многотысячные этапы в 30-е, 40-е да и большую часть 50-х гг., и которые заключенные по старинке называли «столыпинскими», а настоящие дореволюционные арестантские вагоны, разбитые на отдельные купе, в каждом из которых было 6 спальных мест с решетчатой дверью в коридор). Вагоны эти так походили на пассажирские, что их прицепляли к обычным пассажирским составам, порой и скорым.

Эти вагоны описывают почти все соловецкие узники 20-х гг. Видимо, в таком же вагоне везли до Соликамска весной 1929 г. В.Т.Шаламова — их этап в сотню человек занимал несколько вагонов⁵⁸. М.Розанов весной 1930 г. в этапе из Ленинграда на Соловки «по массе колыхающихся рядов сообразил, что едва ли хватит для нас «столыпинских». Так и оказалось: подали состав из двадцати пригородных вагонов и давай нас туда натискивать»... «Натискали», правда,

1 000—1 200 человек, т. е. по ⁵⁹50—60 человек в вагон — почти по норме пригородных поездов.

Но в дальнейшем ни столыпинских, ни обычных пригородных вагонов уже не хватало и в ход пошли товарняки.

ГУЛАГ (еще не всеобщий и всеильный ГУЛАГ НКВД СССР, а пока его эмбрион — ГУЛАГ ОГПУ) рос, набирал силу и вес...

Быстро закончилось лагерное «изобилие» со столовыми «лучше, чем у вольных», с «отличными» валенками, ботинками, сапогами, бушлатами и т. д. Перечислив полученное летом 1930 г. лагерное обмундирование, М. Розанов заметил: «...кто из нас мог тогда предвидеть, что еще три-четыре года — и такое «вещевое довольствие» превратится в приятный сон... При высоком весе шпаны... все это быстро исчезало... шпана прожигала, рвала, проигрывала, а часто и ⁶⁰пропивала вольным северянам новое обмундирование...»

Дело, конечно, не в шпане. Когда нужно было, управу в лагерях на нее находили быстро. Лагеря росли так стремительно, что на всех заключенных «отличного» обмундирования вскоре хватать попросту не стало, (может быть, и нашили бы еще, да тут обнаружилось — можно обойтись и без «отличного»), и в ход пошло бывшее в употреблении второго, третьего и далее сроков.

Изменилось и питание заключенных. Уже к 1932 г. пайку стопроцентной выработки снизили с 1 300 г до килограмма: 800 г за выполнение нормы плюс 200 г премиальных ⁶¹. Пошли в котел листья брюквы, репы, моркови и крапива. К середине 30-х гг. была введена «гарантийка» — пайка весом в 450 грамм, выдававшаяся нетрудоспособным и не выполняющим нормы даже на 75%, — изначальная величина, от которой начинался изощренный отсчет различных прибавок: за выполнение нормы свыше 75% — еще 100 г, за 100% и выше — еще 200 г (а все вместе уже 750 г, вместо 1 300 в 1930-м!). Стремительно сокращался и приварок. К 1932 году сократился ассортимент продуктов в лагерных магазинах ⁶², а потом сократились и сами магазины, и лагерные деньги-бонусы.

Вовсю заработала система категорий трудоспособности. Еще царская каторга делила арестантов, в зависимости от их физического состояния, на «крепких», «слабых» и «непригодных к труду», по которым определялись уроки, не влиявшие, правда, на основной рацион. Аналогичным образом была организована шкала — I, II и III категории — трудоспособности в первые годы советской власти. На Соловках к середине 20-х она получила новые наименования: I категория стала именоваться ТФТ — тяжелый физи-

ческий труд, II категория — ЛФТ — легкий физический труд, III категория стала инвалидной.

Но на Соловках середины 20-х годов категорию определяли не столько физическое состояние заключенного, сколько категория полагающейся ему пайки. Легкие канцелярские должности занимали не самые слабые физические, а те, кто имел достаточное образование, или же достаточно ловкие для того, чтобы суметь устроиться. Малограмотные крестьяне и шпана, как правило, вне зависимости от их физического состояния, направлялись на физические работы, а по получаемой работе и пайке относились к ТФТ. На работе те из них, кто физически был слаб, ложились костью.

В начале 30-х гг., на заре перестройки лагерной системы, категории трудоспособности большой роли не играли: они учитывались, главным образом, при исчислении рабочих заданий на лагерь или командировку. При возникшем в ГУЛАГе во второй половине 30-х гг. тотальном голоде развернутая шкала трудоспособности (шахтерский труд — тяжелый физический труд — средний физический труд — легкий физический труд — индивидуальный физический труд — две инвалидные категории) превратилась в дополнительное средство всеобщей лагерной эксплуатации. Заключенным, отнесенным к СФТ, для получения своей пайки полагалось выполнить 75% нормы ТФТ, ЛФТ — 50%, ИФТ — 25%. И в каждой категории — своя шкала питания, пайки, приварка и добавок.

Да ко всему этому — лимит рабочей силы, выгоняющий на работы всех, кто только может в лагере двигаться, за исключением лагерных «придурков». Да еще на работе бригадир, палкой выколачивающий проценты досрочного освобождения... Да в бараке засилье блатных... Да вороватый и ленивый повар...

Перестройка лагерной системы начала 30-х гг. затрагивала не только паек, режим, организацию работ. К ней вынуждены были приспособляться и те, кто находился по другую сторону колючей проволоки. Показательна эволюция Р.И.Васькова, который начинал свою лагерную службу с основания СЛОН, с 1922 г. (его более ранняя жизнь неизвестна, но он мог служить в концлагерях и раньше, как и его первый начальник на Соловках — Ногтев). Васьков закончил на Колыме, где был расстрелян вместе с Берзиным в 1937 г. В первой половине 20-х гг. он занимал поочередно должности начальника следственной и административной части СЛОНа, являясь заместителем сначала Эйхманса, а затем Ногтева, отличался особой жестокостью и даже свирепостью по отношению к заключенным. «Звероподобный» Васьков, «человек-горилла» — так единодушно характеризуют его в своих воспоминаниях

соловчане до 1927 г.⁶³. Позднее, когда его уже не было на островах, о Васькове ходили легенды среди заключенных.

В 30-м г., в короткое лето лагерной «оттепели», он был начальником СЕВЛОНА. «Ужасному» Васькову, одним своим видом наводившему страх на заключенных, тем летом «уже не отдавали честь встречные арестанты, когда он в своем экипаже проезжал по городу, а месяцем раньше за такую дерзость бросали в карцер»⁶⁴.

Осенью 1930 г. Васьков был назначен начальником УРО Вишлага. В непосредственном подчинении у него оказался В.Т.Шаламов, оставивший почти лестную характеристику: «Васьков был красный, плотный, подвижный человек, с высоким звенящим тенором – признаком великого оратора вроде Жореса или Зиновьева. Оратор был Васьков никакой. К заключенным он относился неплохо, большого начальника из себя не строил. Мучился он катаром желудка, кабинет был весь наполнен бутылками какой-то минеральной воды... Человек он был суждений самостоятельных, не глядел в рот ни Берзину, ни Филиппову...»⁶⁵

Уехав с Берзиным на Колыму и получив назначение на должность сначала начальника центрального лагеря в Магадане, а потом и всего СВИТЛА, Васьков вернулся к своей первоначальной роли – жестокого «хозяина зоны». Он снова стал персонажем новых, уже колымских легенд. Магаданская тюрьма до сих пор называется – «дом Васькова».

ГУЛАГ крепчал, ГУЛАГ мужал. Летом 1934 г. вместо ГУЛАГ ОГПУ был создан ГУЛАГ НКВД СССР, вобравший в себя все лагеря страны, превратившийся в значимый хозяйственный субъект государства. Государства, занимавшего одну шестую часть суши Земли...

ГУЛАГ только еще начинался. Все у него еще было впереди...

«Лагерь – его устройство – есть величина эмпирическая. То совершенство, которое было встречено мной на Колыме, не было продуктом чьего-то гениально злого ума – все создавалось мало-помалу. Копился опыт», – заметил В.Т.Шаламов⁶⁶.

Система эксплуатации ГУЛАГа складывалась и «совершенствовалась» (действительно же совершенствовалась, но трудно не закавычить это слово в данном контексте) в течение многих лет трудами миллионов людей: от генералов НКВД до последних «доходяг», опытным путем – жизнью своею – определявших минимальный размер пайки.

«Хозяйская» система эксплуатации заключенных «совершенствовалась» непрерывно все то время, пока су-

ществовал ГУЛАГ. Цель — максимальная отдача при минимальных вложениях, — обычная цель любого предприятия, в ГУЛАГе не могла не эволюционировать от идеи «большой пайки» и «густой баланды» к идее «минимальной пайки» при «максимальной работе», к оптимальному соотношению «минимальной пайки» и «максимальной работы» через категории работоспособности и лимиты использования...

Нужно было только время, поскольку соотношение это нельзя было рассчитать теоретически, да и в разных конкретных случаях, зависящих от многих субъективных факторов, оно было различным.

Голодную пайку и непосильную работу ГУЛАГа конца 30-х гг. определяли не столько злая воля лагерного начальства и «нужда общенародная в продуктах»⁶⁷, сколько естественная логика развития той идеи, которая привела осенью 1929 г. Берзина на Вишеру.

Осенью 1929 г. от Вишлага, от лагеря на Адамовой горе вблизи Березников, только-только начался долгий путь к Серпантинке, прииску «Партизан», каторжным лагерям и Особлагам МГБ СССР...

Наверное, самый страшный путь в истории человечества. Путь убийства, растреления и деградации многих миллионов душ...

Н. Домовитов

Дальняя дорога

Дорогая, стоят эшелоны,
Скоро, скоро простимся с тобой.
Пулеметы поднял на вагоны
Вологодский свирепый конвой.
Нас, безвинно обиженных, много,
Но не видит никто наших слез.
И куда поведет нас дорога
Под железную песню колес?
Промелькнут за окошком перроны...
От конвоя любовь сберегу.
В арестантском промерзшем вагоне
Провезу через морок-тайгу,
Пронесу я ее через годы,
Через зоны больших лагерей.
Не видать мне тебя, как свободы.
Если вспомнишь меня — пожалей.

Николай Федорович Домовитов (1918–1996), поэт, прозаик. Фронтовик. 10 лет провел в лагерях. Последние годы жил и писал в Перми.

Знаю я, далеко нас загонят,
Где-то в тундре, в жестокий мороз
Без молитвы меня похоронят
У корявых карельских берез.
И тебе, синеглазой и милой,
Не напишет никто из друзей.
Ты моей не разыщешь могилы,
Никогда не узнаешь о ней.
Только ветер протяжный и хлесткий
Будет выть над могилой моей.
Только горькие листья березки
Будут падать, как слезы с ветвей.

Охота

Вдоль речки Маленькой Шаманки
ГУЛАГ раскинул восемь зон,
И чаще стал ходить с берданкой
В тайгу расчетливый челдон.
Ружье не требует пристрелки.
Зачем же снято со стены?
Уже ни рябчики, ни белки
Челдону стали не нужны.
В овраг спускается со склона
И самокрутку дымит,
Он ждет, когда в тайгу из зоны
Зека несчастный убежит.
Он чутко слышит каждый шорох.
Лист, на осине не дрожи!
Нужны челдону дробь и порох,
Пистоны, деньги и пыжи.
Бредет зека в бушлате черном,
У ног воркует ручеек...
Челдон, берданку сняв проворно,
Нажал легонько на курок.
И, оглядев его до пяток,
Челдон своей удаче рад:
Он беглецу между лопаток
Всадил без промаха заряд.
Он тощий труп утащит в зону,
И там ему за этот труд
И дробь, и порох по закону, —
Все, что положено, дадут.
Мы — дети сталинского века,
Да будь ты проклят, этот век,
Когда в тайгу на человека
Ходил с берданкой человек!

Лагерная ночь

Рычат в предзоннике собаки.
На вышке мерзнет часовой.
Лорд курит «планчик»,
И в бараке
Так сладко пахнет коноплей.
Лорд – стопроцентный вор в законе,
И для него мы – фраера.
И три прожектора по зоне
Упрямо шарят до утра.
Нам режут пайки в хлеборезке –
Работы каторжной итог,
С которых жалкие довески
Нахально снимет «бугорок».
«Мы наш, мы новый мир построим,
Владыкой мира станет труд».
Товарищ Сталин! Будь спокоен –
Нас тут собаки стерегут.

Г.Станковская

КАК ДЕЛАЛИ «ВРАГОВ НАРОДА»

Политические репрессии обрушивались на головы советских граждан волнами. Каждая новая волна захлестывала значительно больше людей, чем предшествующая. Но никогда гребень кровавой волны репрессий не поднимался так высоко, как в 1937–1938 гг. Вредителей и врагов народа арестовывали десятками и сотнями. Пресса без конца сообщала о разоблаченных шпионах и диверсантах. Недавние кумиры становились объектами публичной травли. Советскому человеку начинало казаться, что враги окружают его со всех сторон. А «черные воронки» неумоимо сновали в поисках новых и новых жертв.

Откуда же взялось такое множество врагов народа спустя двадцать лет после Октябрьской революции? Как удалось в короткое время найти неопровержимые доказательства вины тысяч подсудимых? Подобные вопросы в 30-е гг. озадачивали немногих. В разгар «перестройки» перед этими вопросами было поставлено уже все советское общество. Ответы на них в общих чертах стали известны уже тогда. Но только в 90-е гг. мы получили возможность взять в руки ранее строго засекреченные документы о том, как фабриковались фальшивые обвинения, о том, как

Галина Федоровна Станковская, директор Государственного архива по делам политических репрессий Пермской области.

создавали «врагов народа», о том, каким образом и кто это делал.

Документы не оставляют никаких сомнений, что руководящей и направляющей силой репрессий было высшее политическое руководство страны во главе со Сталиным. Именно он и его сообщники, облеченные высшей властью, разрабатывали планы, давали директивы о репрессиях в отношении той или иной категории «врагов народа». Репрессивные кампании раскручивались отнюдь не потому, что обнаруживались преступные деяния, а потому, что в верхних эшелонах власти в какой-то миг наступало «прозрение» по поводу очередной затаившейся враждебной социальной группы и давалась команда по ее обезвреживанию.

Можно сказать, что анкетный принцип ложился в основу технологии организации массовых репрессий. Карательным органам на местах предписывалось в кратчайшие сроки отыскать соответствующих директиве врагов и собрать доказательства их вины. Нерадивость рассматривалась как нелояльность с вытекающими последствиями.

В Прикамье действовал тот же сценарий, что и везде. О том, как протекала одна из кампаний, повествуют документы архива по делам политических репрессий Пермской области.

2 июля 1937 г. секретарь Свердловского обкома получает телеграмму, разосланную по решению Политбюро ЦК ВКП(б): *«ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков ... с тем чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки...»* Пять дней дается регионам, чтобы представить в ЦК состав троек и подсчитать, сколько людей в области подлежит расстрелу и сколько — высылке.

30 июля 1937 г. последовал оперативный приказ народного комиссара внутренних Дел Союза ССР № 00447 *«Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»*. *«Перед органами государственной безопасности стоит задача самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства...»* — так ориентировали непосредственных исполнителей. Так развязывались руки сотрудникам НКВД для преступного произвола и беззакония.

Осенью по всем районам нашего края* прошли оперативные совещания. Там сотрудники НКВД получили указание начать 5 августа массовую карательную операцию против бывших кулаков и активных антисоветских элементов. Операцию предписывалось закончить в четырехмесячный срок. Подлежащие репрессиям разбивались на две категории. К первой категории относились «наиболее враждебные элементы», подлежащие аресту, после которого предусматривалось рассмотреть их дела на тройках и расстрелять. Во вторую категорию попадали все остальные, признанные менее активными. Их следовало арестовать и после завершения всех формальных процедур («следствие», «судебное» заседание тройки и т. п.) отправить в лагерь на срок от 8 до 10 лет. В Свердловской области, исходя из спущенной свыше разнарядки, планировалось арестовать 10 000 человек.

Для проведения этой массовой операции в начале лета 1937 г. создается оперативный штаб. Его возглавил начальник Управления НКВД по Свердловской области Дмитрий Матвеевич Дмитриев-Плоткин, 1901 года рождения, уроженец г. Днепропетровска, еврей по национальности, член ВКП(б).

Летом 1937 г. Дмитриев дает директиву начальникам городских и районных отделений НКВД ликвидировать обнаруженную аппаратом УНКВД в Свердловской области контрреволюционную повстанческую организацию. В ориентировке утверждалось, что организация создана по принципу формирования воинских частей, делится на корпуса, роты, взводы, возглавляют ее «правотроцкисты». Читая документы, нетрудно заметить, что эти установки базировались на искаженных показаниях арестованных. Директива получена — местным органам необходимо любым способом обнаружить вражескую сеть в своих районах.

Неудивительно, что абсурдный вымысел областного НКВД уже вскоре находит подтверждения на местах. Свердловские чекисты добиваются показаний одного из арестованных, что Свердловская область разбита на шесть повстанческих округов. В Коми-Пермяцкий округ якобы вошли все коми-пермяцкие районы, в Березниковский — Кизел и Чердынь, в Надеждинский — Верхотурье, Ляля, Гари и Ивдель, в Пермский — 22 западноуральских района, в Красноуфимский — 18 районов и в Свердловский — 22 района. Первичной боевой единицей является взвод, который формируется по колхозам, во главе взвода стоит взводный командир. Во главе четырех взводов стоит упол-

* До 3 октября 1938 года территория нашей будущей Пермской области входила в состав Свердловской области.

номоченный от начальника повстанческого округа, фактически — ротный командир. Он непосредственно связан с начальником повстанческого округа и действует по его указаниям².

Для проведения следствия по делам арестованных создаются оперативно-следственные группы в областном управлении НКВД и в горотделах НКВД. Сам Дмитриев, а вместе с ним его подручные Н.Я.Боярский и С.А.Кричман, руководя этими следственными группами, давали прямые установки, чтобы каждый следователь ежедневно «имел в результате своей работы» не менее 10 человек, признавшихся в совершенной ими антисоветской работе. Так следователей вынуждали совершать подлоги³.

В августе 1937 г. бригада из восьми человек под руководством начальника 6-го отдела УНКВД по Свердловской области Боярского прибыла в г.Кудымкар. Результаты не замедлили себя ждать.

13 августа арестован председатель окрсовета Осоавиахима Яков Алексеевич Кривощеков, которого обвинили в том, что он *«является руководителем и начальником контрреволюционной повстанческой организации»*. Согласно обвинительному заключению, Кривощеков руководил командным составом контрреволюционной повстанческой организации, разрабатывал план вооруженного восстания против Советской власти, имел связи с 37-ю членами контрреволюционной организации, бывшими белыми офицерами, белодружинниками и кулаками. В обвинении утверждалось, что он *«подготавливал вооруженное восстание и захват города Перми, взрыв железнодорожного моста через реку Каму и разрушение Пермского железнодорожного узла, имея в своем распоряжении взрывматериалы: аммонал, минный порох, пулемет системы Дегтярева и боевые винтовки. Вел шпионскую деятельность. Подготавливал взрыв пороховых складов. Использовал для контрреволюционных целей организацию Осоавиахима»*. Нетрудно догадаться, что все оружие и боеприпасы, имевшиеся в наличии у Осоавиахима, следователи, не мудрствуя лукаво, приписали к арсеналу мифической повстанческой организации. Теперь налицо впечатляющие вещественные доказательства — как не поверить в существование повстанческой организации. «Руководитель» такой организации вряд ли имел шансы уцелеть. Тройка при УНКВД Свердловской области 7 сентября 1937 г. приговаривает Кривощекова к высшей мере наказания. 8 сентября приговор был приведен в исполнение⁴.

В поисках подтверждений существования контрреволюционной повстанческой организации в Коми-Пермяцком округе составляется список участников повстанческих формирований. Техника составления этого

списка была простой: туда записывали всех, на кого имелись данные о бывшей службе в белой армии, о принадлежности к другим партиям, о былых судимостях, о подозрительном социальном происхождении (из кулаков, попов и т. д.)⁵. В конечном счете в список попало около 2 000 человек⁵. Вскоре, согласно этому списку, начинаются аресты «участников повстанческой организации»...

Из протокола допроса оперуполномоченного Окротдела НКВД И.И.Иванова
6 апреля 1955 года⁶*

Вопрос: Как велось расследование при наличии такого большого количества арестованных?

Ответ: При первом аресте группы в 500 человек на этих лиц уже имелись в Окротделе НКВД компрометирующие материалы. После ареста этой группы по каждому из арестованных было проведено расследование, т. е. допрошено несколько человек свидетелей. Обвиняемый подвергался допросу, и после этого дело направлялось по подсудности.

С приездом бригады из Управления НКВД под руководством Боярского следствие по делам арестованных стали вести более упрощенным методом. По делам не стали допрашивать свидетелей, а каждый из арестованных изобличался показаниями других обвиняемых. Руководителей контрреволюционных организаций и повстанческих групп допрашивали члены бригады из областного Управления НКВД, а нам, сотрудникам Окротдела НКВД, поручались допросы рядовых членов, входивших в эти контрреволюционные организации.

Вопрос: Какие Вам известны факты нарушений социалистической законности со стороны бригады УНКВД по Свердловской области под руководством Боярского и сотрудников Коми-Пермяцкого Окротдела НКВД в период проведения массовых арестов в округе?

Ответ: Мне известны следующие незаконные методы, которые допускались в ходе следствия по делам арестованных как со стороны сотрудников из бригады Боярского, так и со стороны сотрудников Окротдела НКВД: протоколы допросов обвиняемых подвергались корректировке со стороны руководителя бригады Боярского. После корректировки эти протоколы давались на подпись обвиняемому. Если обвиняемый отказывался подписывать протокол, то его держали сутками в кабинете следователя без питания и сна, применяя к нему конвейерный метод допроса, т. е. следователь уходил на отдых, а допрос продолжал другой следователь. Кроме того, применялся метод уговора подписать такой протокол допроса на пользу дела. После того как обвиняемый подписывал такой протокол, то его размножали на машинке и копии вкладывали в дела другим обвиняемым, как доказательство... Собирались данные о пожарах в лесах, о падеже скота в колхозах, и справки по этим фактам приобщались к делам обвиняемых без всяких доказательств причастности их к этим делам.

Вопрос: Вами лично допускались подобные нарушения при допросах арестованных?

Ответ: Да, допускались. Я также допускал по отношению к арестованным метод длительного допроса, лишая арестованного отдыха и питания. Держал арестованных при допросе в стоячем положении, не разрешая ему садиться до тех пор, пока он не подпишет протокола с признательными показаниями, написанного мной. Кроме того, я применял также метод уговоров к арестованным подписать протокол. Путем убеждения арестованного в

* Фамилия изменена.

том, что сейчас такая обстановка, что нужно на пользу дела, т. е. согласно инструктажа, который мы получали от руководства отдела и представителя УНКВД Боярского.

Вопрос: Какие Вам известны факты незаконных арестов?

Ответ: Мне известно, что Коми-Пермяцким Окротделом НКВД в 1937 году были подвергнуты аресту жены ряда лиц, арестованных в период массовой операции. Никаких компрометирующих материалов на этих женщин не было, и арестованы они были только за то, что арестованы были их мужья. Так, я помню, была арестована Кузнецова Татьяна Ивановна – жена бывшего окружного прокурора Юркина, арестованного как троцкиста.

Из протокола допроса бывшего следователя Ворошиловского райотдела НКВД П.П.Петрова от 18 ноября 1955 года⁷*

Вопрос: Скажите, Вы раньше работали в Ворошиловском райотделе НКВД?

Ответ: Да. В Ворошиловском райотделе НКВД я работал оперуполномоченным с конца 1935-го по 1940 год.

Вопрос: Вы принимали участие в массовых арестах граждан Ворошиловского РО НКВД?

Ответ: Да, лично я участие в массовых арестах, начавшихся примерно с начала 1937 года, принимал. Массовые аресты начались после приезда в Ворошиловский райотдел следственной группы УНКВД Свердловской области во главе с помощником начальника Управления Дашевским.

Вопрос: На основании каких материалов производились массовые аресты РО НКВД?

Ответ: Массовые аресты граждан Ворошиловским РО НКВД в 1937 – начале 1938 года производились в основном без наличия каких-либо компрометирующих материалов. Начальник райотдела нам говорил, что массовые аресты проводятся по указанию начальника Управления НКВД Свердловской области. Вначале были арестованы все перебежчики и лица нерусской национальности, а после, когда арестовали весь контингент лиц, указанных выше, было дано указание арестовывать кулаков-трудпоселенцев. Аресты последних производились целыми поселками. Еще раз повторяю, что на большинство арестованных материалов о их преступной деятельности в распоряжении райотдела не имелось.

Вопрос: Каким образом велось следствие по делам таких арестованных в Ворошиловском райотделе НКВД?

Ответ: Все арестованные были свезены в Соликамск, где были помещены в церковь и церковный двор, огороженный высокой стеной. Для проведения расследования по их делам была создана примерно из 40 человек следственная группа, в которую входили не только сотрудники органов НКВД, но и милиции. Начальником райотдела была специально подобрана группа лиц и специально проинструктирована на то, как вести работу среди арестованных, чтобы при вызове на допрос они признавали себя виновными в контрреволюционном преступлении. После такой обработки большинство арестованных признавали себя виновными в несовершеннощих ими преступлениях и подписывали протоколы допроса без заpirationства. Арестованным говорилось, что их подписи на протоколах допроса нужны якобы для пользы Советской власти, и они, доверяя сотрудникам органов НКВД, подписывали протоколы. Большинство протоколов допроса следователями писались в отсутствие самих арестованных. Я как участник этой следственной группы также писал протоколы допроса в отсутствие арестованных и передавал их для корректировки. В протоколы допроса иногда вставляли несуществующие диверсионные акты или вписывали фамилии других арестованных, которые

* Фамилия изменена.

должны были пройти по показаниям этого обвиняемого. После этого протоколы допроса отдавались для печатания на машинке.

Кизеловский район также становится зоной следственного беспредела и беззакония. В декабре 1937 г. начальник УНКВД по Свердловской области Дмитриев устанавливает контрольную цифру для арестов по району — 500 человек. Местные чекисты с заданием справились. При этом ордера на арест прилежно выписывались, но постановлений об аресте не принималось, соответствующие бланки заполняли во время допросов. Санкции прокурора на арест также не было.

Всех арестованных свезли в Кизел и посадили в механический цех законсервированной обогатительной фабрики. О создании хотя бы минимально приемлемых условий для содержания арестованных никто не задумывался, люди лежали на полу в жуткой тесноте, для каких-либо проходов не было места... Следствие по этой группе велось в ускоренном порядке. Для начала получили протокол допроса руководителя контрреволюционной группы. В этом же протоколе 20–30 арестованных перечислялись как участники контрреволюционной группы.

На допросы следователям дали только одну ночь. Установка ставилась четко: добиться максимального количества признавшихся участников контрреволюционной группы. В качестве практической контрреволюционной деятельности фиксировались все факты аварий, о которых говорили на допросах свидетели. В результате получалось, что все производственные поломки и аварии не были случайны, а являлись умышленными вредительскими или диверсионными действиями. Без какой-либо проверки все они приписывались арестованным. Допрос арестованных начинался с вопроса о принадлежности к контрреволюционной организации или группе. Большинство из них, в основном трудпоселенцы, под влиянием кем-то пущенных слухов о том, что их ожидает новая ссылка, признавали себя виновными в этом.

На следствие по делу на 500 человек хватило двух недель. Рассматривалось дело тройкой УНКВД Свердловской области. Председательствовал заместитель начальника УНКВД Дашевский, присутствовали секретарь обкома ВКП(б) Берман и военный прокурор Покровский. «Во время заседания дела никто из членов тройки не смотрел и просили зачитывать. Смотрели по повесткам и решали...» — рассказывал потом один из следователей⁸. В общей сложности Кизеловский горотдел НКВД арестовал тогда около 2 000 человек. Подавляющее большинство из них расстреляли или отправили в лагеря.

А вот как проводилась в г. Краснокамске операция по трудпоселенцам-татарам. Началось все с директивы начальника УНКВД по Свердловской области Д.М. Дмитриева, «спущенной» в декабре 1937 г. В ней содержалось требование усилить следственную работу. Следователей клеймили за то, что они допускают дачу обвиняемыми показаний, где они признаются лишь в антисоветской агитации. Вышестоящим инстанциям требовалось нечто иное. Далее четко указывалась цель. Утверждение о том, что татары и кулаки — база иноразведок, шпионы и диверсанты, сопровождалось недвусмысленным указанием, что нельзя ослаблять работу по пресечению этих преступлений⁹.

Далее события разворачивались таким образом. Следственная бригада, прибыв в Краснокамск, обратилась в комендатуру трудпоселка с просьбой предоставить списки и личные дела трудпоселенцев. Получив эти документы, следователи на глазок подбирали людей для предполагаемого ареста. Составив таким образом список, бригада приступала к операции. Никакие процессуальные формальности не волновали ее организаторов. Ни ордеров, ни постановлений на арест не выписывалось. Вооруженные люди просто врывались в бараки и арестовывали попавших в черный список. Потом их сажали в грузовики партиями по 50—60 человек и направляли на вокзал, где их должны были ожидать выделенные специально для этой операции железнодорожные вагоны.

Пока арестованных татар рассаживали по грузовикам, их семьи, родственники и знакомые толпами собирались у стоянки автомашин. Женщины и дети плакали, некоторые мужчины открыто выражали недовольство совершаемым произволом. Но это сразу же пресекалось. Тех, кто пытался протестовать не в меру рьяно, согласно заблаговременно отданному приказу, втаскивали на борт грузовиков и арестовывали. Когда автомашины с арестованными направились к вокзалу, толпы, их окружавшие, двинулись за ними в том же направлении, увлекая за собой зевак.

Когда первая партия прибыла на вокзал, оказалось, что железнодорожные вагоны еще не прибыли из Перми. Люди на машинах вынуждены были ожидать прибытия вагонов. Вокруг грузовиков снова собралась толпа. Органам пришлось попотеть, чтобы нейтрализовать особо любопытных.

В Перми для ускорения разбирательства согнали татар в одну большую комнату в помещении горотдела, а затем по одному вызывали на допрос и давали подписывать фиктивные протоколы, после чего направляли в тюрьму¹⁰.

Несколько позже чекисты провели операцию по «кулакам». 750 трудпоселенцев, как кулаков, так и рабочих, было арестовано в январе 1938 г. по указанию на-

чальника Пермского горотдела НКВД В.Я.Левочкиного в Краснокамском районе без наличия к этому реальных оснований. В следственном деле они фигурируют как участники контрреволюционной, шпионской, повстанческой организации¹¹.

В начале 1938 г. для проведения специального расследования следственная группа выезжает в Добрянку, где было арестовано около 120 человек кулаков-спецпереселенцев, высланных из пограничной полосы. Перед командировкой следователи получили установку, что следственными материалами уже доказано: румынская разведка создала среди ссыльных крупную повстанческую, диверсионную, шпионскую организацию. Поэтому следствие нужно провести в 5–6 дней. В целях ускорения следствия больших протоколов не писать, а только указывать в них, что арестованный является участником этой контрреволюционной организации, завербован таким-то и провел ту или иную диверсионную работу. Поработав с арестованными, следователи убедились, что никаких компрометирующих материалов на них, кроме того, что они ссыльные кулаки, не существует. Но запущенную карательную машину уже нельзя было остановить — кулаков все равно осудили¹².

Одна за другой прокатывались по стране репрессивные кампании. На каждую директиву об усилении борьбы с той или иной группой замаскировавшихся врагов местные органы должны были ответить арестами и приговорами. А что делать, если соответствующих врагов нет в поле зрения «компетентных органов»? Чекисты на местах быстро нашли способ проведения операций с выполнением заданных установок. К примеру, поступает директива об усилении борьбы с агентами иностранных разведок. В Перми агентов находят очень просто: через адресный стол и через спецотделы предприятий выявляются лица с иностранными фамилиями. На них тут же выписываются постановления, где указывается, что они причастны к разведывательным органам. Аресты производятся без санкции прокурора. В число арестованных зачастую попадают и русские, старые кадровые рабочие, члены ВКП(б), и такие «иностранцы», которые унаследовали фамилию от своих прадедов, никогда не бывавших за границей. По одному только Мотовилихинскому району арестовали 200 человек с иностранными фамилиями¹³. Можно докладывать: шпионы ликвидированы!

Когда массовые чистки только начинались, пермские энкавэдэшники старались вести аресты, опираясь на данные своей агентуры. Однако вскоре от этого отказались. С одной стороны, многие агенты сами попали «в ежовые рукавицы». С другой стороны, агентура не давала то, что

требовало начальство, по большей части информируя лишь об «антисоветских» разговорах.

Начальник областного управления НКВД Дмитриев нашел простой способ интерпретировать поступающие сообщения. Он дает установку «исключить из справок антисоветские разговоры и предложить писать шпионаж, диверсию и террор»¹⁴.

И чем дальше катилось красное колесо большого террора, тем меньше НКВД использовало видимость объективной информации о контрреволюционных преступлениях. Все больше и больше занимаются органы подгонкой анкетных данных будущих жертв под поступающие директивы.

С грубейшими нарушениями существовавшей законности подверглись аресту в ходе соответствующих кампаний бывшие эсеры, меньшевики и участники других политических партий. Никаких других компрометирующих материалов, кроме членства в небольшевистских партиях, на них не было. Однако существовали заранее составленные списки¹⁵, которые, по существу, и стали основанием для ареста¹⁵. Значительная часть этих людей¹⁶ прошла через тройку и получила расстрельный приговор¹⁶.

Такая же участь постигла и так называемых харбинцев: так в энкавэдэшных инструкциях и приказах именовались бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Маньчжоу-Го. В оперативном приказе наркома внутренних дел СССР Н.И.Ежова от 20 сентября 1937 г. говорилось, что «аресту подлежат все харбинцы». В первую очередь предписывалось «арестовать работающих в НКВД, служащих в Красной Армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах других заводов, в электросиловом хозяйстве всех промпредприятий, на газовых нефтеперегонных заводах, в химической промышленности»¹⁷. Во вторую очередь следовало арестовать всех остальных «харбинцев», работающих в советских учреждениях, совхозах, колхозах и проч. Кроме того, от областного управления НКВД местные органы получают установку, «что за каждого оставшегося харбинца... будет отвечать тот оперуполномоченный, в чьей части это будет обнаружено»¹⁸. Согласно дьявольской логике НКВД, все «харбинцы», конечно, обвинялись в том, что они являются агентами японской разведки. Чтобы выбить необходимые признания из обвиняемых, поступает указание «применять все меры вплоть до физического избиения арестованных»¹⁹.

В репрессивную мясорубку попали также финны, поляки и лица других национальностей. «По национальным признакам определялась принадлежность арестованных к

той или иной разведке: белорусы — к польской разведке, эстонцы — к эстонской или немецкой разведке, татары и другие национальности восточных народов — к японской, немцы — к немецкой разведке... По анкетам составлялись группы — резидентуры с указанием резидентов, затем составлялись протоколы, в которых указывались придуманные каждым следователем факты диверсий, террора, повстанчества и вредительства», — так впоследствии рассказывали бывшие опера о своих методах ведения следствия²⁰.

При ведении следствия в областном и городских отделах НКВД широко применялись методы провокаций. Следователи, с ведома руководящих оперативных работников, уговаривали арестованных подписать сфабрикованные ими протоколы. При этом они заявляли арестованным, что их показания нужны в интересах Советской власти, что за преступления, в которых они сознались, их привлечь к ответственности никто не будет. Показания нужны лишь для того, чтобы предъявить счет иностранным государствам, проводящим агрессивную политику, направленную против СССР.

Помимо уговоров, которые велись следователями, провокационная обработка арестованных продолжалась и в камерах специально привлеченными лицами из числа арестованных²¹.

Применялся метод «допроса арестованного под «карандаш», т.е. показания арестованного следователь записывал карандашом, а подписывать этот протокол давал ему чернилами. После следователь резинкой счищал показания, написанные карандашом, и вместо них воспроизводил фиктивные показания, которые записывал чернилами. Таким образом, выходило, что арестованный признавался в преступлении, которого никогда не совершал.

Существовал также двухпротокольный допрос, при котором следователь еще до вызова арестованного имел у себя заранее сфабрикованный протокол показаний с признаниями о принадлежности к шпионской, диверсионной или иной контрреволюционной организации. Вызвав арестованного на допрос, следователь записывал в протокол все то, что рассказывал арестованный, но старался отвлечь его внимание и дать ему на подпись заранее сфабрикованный протокол показаний. Не подозревая обмана со стороны следователя, арестованный подписывал протокол показаний, не читая их, и, таким образом, считался «сознавшимся». Кроме того, работники горотделов НКВД практиковали и такие методы, как подпись фиктивных показаний арестованного самим следователем, в то время как арестованный не вызывался и не допрашивался.

Применялось также подписание арестованным своих показаний постранично, а не после каждого ответа. В этом случае обвиняемому задавали вопрос: «признает ли он себя виновным?» Получив отрицательный ответ, следовательно все же записывал, что обвиняемый признал себя виновным в шпионаже или диверсии, и, не давая подписывать этот ответ, задавал следующий вопрос о знакомых или родственниках. Записав ответ обвиняемого, следовательно давал ему подписать протокол в конце страницы, что арестованный и делал, а следовательно, подписывал и все показания, изложенные на данной странице.

Широко использовался метод прямого обмана подследственного. В этом случае обвиняемому зачитывали одни показания, а на подпись давали другие. Этим методом, как правило, пользовались сотрудники горотдела НКВД, расследовавшие дела татар, арестованных по фиктивному делу повстанческой, шпионско-диверсионной организации, руководимой японской резидентурой²².

Зачастую следователи ограничивались лишь получением от арестованных заявлений, в которых излагалось в общих фразах, что они являются шпионами, диверсантами или проводят еще какую-либо контрреволюционную деятельность. Как правило, это заявление оформлялось, и на этом следствие заканчивалось.

В результате применения в ходе следствия провокационных методов областной и все городские отделы Урала ежедневно получали большой процент признавшихся. Количество их иногда исчислялось сотнями²³.

Вот только несколько характерных примеров. Пермским горотделом НКВД в середине 1937 г. репрессирована искусственно сфабрикованная польская националистическая шпионско-диверсионная организация, руководимая ксендзом Будрисом и насчитывавшая в своих рядах до 100 человек. Осенью того же года таким же порядком создается вымышленная польская шпионско-диверсионная и террористическая организация, возглавляемая польским перебежчиком Кривченей. В эту организацию НКВД включило более 150 человек из 500 арестованных перебежчиков и политэмигрантов, доставленных в Пермь из г.Первоуральска (Свердловская область). В феврале – марте 1938 г. фантазии НКВД порождают шпионско-диверсионную организацию во главе с немцем Баумгартеном, работавшим на Краснокамском бумкомбинате. Любопытно, что в эту фиктивную организацию включили всех арестованных нерусской национальности, работавших ранее на разных предприятиях г.Перми. Аресты этих лиц производились без наличия каких бы то ни было компрометирующих их материалов.

На глазах у начальника горотдела НКВД следователи избивали арестованных. Впрочем, и сам начальник занимался рукоприкладством. Русские арестованные превращались в арестованных других национальностей, рабочих и служащих показывали бывшими кулаками или торговцами по воле следователя. Все это сходило с рук и даже поощрялось руководителями УНКВД²⁴.

Однако, вопреки бытующим представлениям, до физических мер воздействия дело доходило нечасто. «Абсолютное большинство обвиняемых фиктивные протоколы допроса подписывали «добровольно». Арестованных вызывали по 20–30 человек одновременно в одну большую комнату, где их рассаживали за столы и предлагали подписывать протоколы допроса... Были случаи, когда для «развлечения» арестованных при подписании ими протоколов допроса играл патефон...» — вспоминал впоследствии один из рядовых проводников Большого террора²⁵.

Следственные бригады пользовались также методом подкармливания арестованных за счет средств УНКВД. Деньги расходовались и оформлялись на агентурно-оперативную работу, а фактически шли на камерную обработку арестованных. Особенно часто эта практика применялась к «правотроцкистам». Поскольку они содержались в камерах внутренней тюрьмы и специальном отделении, то рассадка арестованных производилась таким образом, что несознавшиеся специально пересаживались к сознавшимся. Последних же, как правило, следователь уговаривал «обработать» несознавшихся в интересах следствия.

При этом таким «колунам», как их называли сами чекисты, создавалось наиболее привилегированное положение: их подкармливали, устраивали свидания, передачи. Арестованных уговаривали, чтобы они не меняли позиции. Им говорили, что «военная коллегия присудит высылку или тюремное заключение до 5 лет». В следовательской среде было принято считать, что одни арестованные, «сознавшиеся», крепко себя держат, другие, «колеблющиеся», хотя и «сознались», надо их чаще вызывать и уговаривать.

Энергично «отрабатывался» актив «колунов», который систематически работал в камерах с непризнавшимися. Были случаи, когда дела на этих арестованных на очередной военной коллегии не докладывались, а оттягивались, с расчетом, что между первым и вторым заседанием ВК помощники-«колуны» понадобятся для обработки новых арестованных. А однажды, в связи с недостатком «сознавшихся», для обработки непризнавшихся по распоряжению заместителя начальника управления НКВД по Свердловской области Д.М.Варшавского во внутреннюю

тюрьму специально перебрасывают группу уже осужденных «помощников».

Самая горячка «обработки» арестованных наступала накануне приезда военной коллегии. Дни и ночи весь следственный аппарат управления занимался беседами с арестованными, носящими характер уговоров, увещаний и даже подготовки сценариев выступления подследственного во время суда. Интересно, что следователи не только вызывали арестованных к себе, но и сами ходили по камерам и вели беседы в указанном духе.

Арестованные содержались в невероятно тяжелых условиях. Как вновь организованные временные тюрьмы, так и постоянные были переполнены. Люди долго мучились в чрезвычайной тесноте. И это само по себе можно назвать пыткой. Такая обстановка в известной мере тоже способствовала скорейшему признанию подследственным несуществующей вины.

В отношении арестованных, которые упорно отказывались признать свое участие в контрреволюционной организации или подписать заранее заготовленный протокол, применялись методы физического воздействия. Самым распространенным, по утверждению бывших следователей, был «конвейер» — допрос арестованного с подменой следователей или с длительным содержанием арестованного в кабинете²⁶. Выдержать несколько часов, а тем более несколько дней «конвейера» подавляющему большинству сопротивлявшихся оказывалось не под силу...

До сих пор исследователи ломают голову в поисках ответа на вопрос: зачем власть поддерживающие добивались формального признания вины своими жертвами, зачем прибегали к провокациям и прямому обману подследственных ради их подписи под компрометирующими показаниями? Не проще ли было публично обвинить несчастных во всех смертных грехах и покарать без всяких излишних трудов и формальностей? По всей видимости, не проще. Законы тоталитарной логики отличаются от общечеловеческих. Для Системы немаловажно было всеобщее признание справедливости происходящего. Жертвы должны были осознавать необходимость суровых мер по отношению к врагам народа, в борьбе с которыми можно закрыть глаза на такую частную несправедливость, как собственное дело. Рядовые чекисты не должны сомневаться в существовании сотен тысяч врагов. Если они не могут найти их, не применяя фальсификаций, причину надо искать в их собственной неумелости. Это позволяет властвующей элите держать массу в повиновении; боязнь противопоставить себя Системе и фанатическая убежденность в непогрешимости вождей локализуют и блокируют иногда пробуждающееся недовольство.

Следователи-фальсификаторы, попавшие впоследствии на скамью подсудимых, чувствовали, что происходит что-то неладное, но старались не думать об этом. По их показаниям «командование УНКВД утверждало на совещаниях, что все то, что мы делали, исходило из указаний партии и правительства»²⁷. Некоторые сотрудники пытались протестовать против составления фиктивных протоколов и других «упрощенных» методов ведения следствия. Таких запугивали, а самых строптивых увольняли из органов. Но большинству проще было «поверить» в необходимость и праведность методов работы НКВД. На совещаниях из уст своих начальников Дашевского и Леоцкого рядовые сотрудники Пермского горотдела выслушивали недвусмысленные заявления, «что малейшее понижение темпов разоблачения врагов будет расцениваться как отказ вести борьбу с классовым врагом»²⁸. Безоглядно довериться своему руководству или попасть под подозрение в недостаточной лояльности — такая альтернатива ставилась перед «бойцами невидимого фронта».

Чекисты испытывали давление не только со стороны своего начальства. На путь фальсификаций их подталкивали и партийные руководители, придавая творившемуся произволу видимость законности и целесообразности. Один из следователей так объяснял свои действия на заседании военного трибунала: «Мое чутье большевика притупилось благодаря тому, что секретарь [обкома] Буханов всегда постукивал меня по плечу и говорил: «Вася, жми». Он сам давал мне список на целый ряд коммунистов-иностранцев и истолковывал недвусмысленно международную обстановку. Я поэтому не мог разобрататься, я верил приказам наркома и разъяснениям областных работников партии»²⁹.

Характерно, что, стоя перед военным трибуналом в августе 1939 г., пермские следователи-фальсификаторы, по существу, не раскаялись в реально совершенных ими преступлениях. Они раскаивались только в том, что поверили своим начальникам-врагам, подтолкнувшим их к неправильным методам дознания. Необходимость массовых репрессий не ставится ими под сомнение, не испытывают они нравственных мук за изломанные судьбы и превращенные жизни сотен ни в чем не повинных своих жертв.

*Из протокола судебного заседания Военного трибунала
Московского округа войск НКВД 21–23 августа 1939 г.*³⁰

Подсудимый А.: Мы все притупили свою бдительность. Я на руководящей работе никогда не был. Ни с кем не общался из руководящего состава и надеялся, что поставленные партией и правительством люди являются стойкими большевиками и чекистами. Наша вина, в том числе и моя, заключается в том, что мы плохо изучили Сталинскую конституцию, и правильно трибунал нас судит за наши преступления. В дальнейшем я никому доверять не буду.

Подсудимый Т.: Я работал всегда честно и добросовестно и был предан партии. Я прошу учесть, что на преступный путь я не сам встал, но меня толкнула обстановка придти на скамью подсудимых. Наша семья вся честная, мой брат орденоседец, командир РККА, и я не враг по нутру.

Подсудимый К.: Я работал честно и добросовестно, никогда не занимался преступлениями...

Я категорически утверждаю, что августовская кампания по изъятию кулаков была правильна. Вторая группа также была проведена правильно. Работа шла хорошо до тех пор, пока нашу область не посетили враги – Дашевский, Кричман. Они наш горотдел распустили, создали «штаб», который руководил всеми арестами и нарушениями революционной законности, все незаконные распоряжения не исходили лично от меня, а были приказы и директивы области.

Подсудимый Б.: Я пошел на преступный путь только благодаря окружающей обстановке...

Я никогда не хотел быть врагом, подхалимом и циником, меня долго проверяли перед направлением в горотдел. Я не социально чуждый элемент. Моя основная вина заключается в том, что я не сообщил о творимых безобразиях и моих в Центральный комитет партии. Я понял сейчас, что Дмитриев – не Дмитриев, Леоцкий – не Леоцкий, а это враги Советской власти.

В результате преступного ведения следствия органами НКВД тысячи жителей Прикамья попали под каток репрессий, отправились в лагеря и на эшафот. Разгул Большого террора 1937–1938 гг. унес жизни 7 319 расстрелянных.

Количество расстрелянных в Прикамье в 1937–1938 гг.³¹

Год	Месяц	Кол-во расстрелянных	Год	Месяц	Кол-во расстрелянных
1937	январь	-	1938	январь	1129
	февраль	-		февраль	660
	март	81		март	337
	апрель	-		апрель	-
	май	7		май	124
	июнь	-		июнь	130
	июль	2		июль	72
	август	420		август	503
	сентябрь	1710		сентябрь	15
	октябрь	475		октябрь	32
	ноябрь	633		ноябрь	4
	декабрь	981		декабрь	4
	Итого:	4309		Итого:	3010

17 ноября 1938 г. Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР подводили итоги работы органов НКВД за 1937–1938 годы. Великая чистка в целом признавалась большим благом для страны. Ставилась задача дальнейшей борьбы с «врагами народа».

Под руководством партии органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых и уголовников, представляющих из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР и, в особенности, разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции.

Одновременно органами НКВД проделана большая работа и по разгрому шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок, переброшенных в СССР в большом количестве из-за кордона под видом так называемых политэмигрантов и перебежчиков из поляков, румын, финнов, немцев, латышей, эстонцев, харбинцев и прочих.

Очистка страны от диверсионных, повстанческих, шпионских кадров сыграла свою положительную роль в деле обеспечения дальнейших успехов социалистического строительства.

Однако не следует думать, что на этом дело очистки СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов окончено.

Задача теперь заключается в том, чтобы, продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, организовать эту борьбу при помощи более совершенных и надежных методов.

Однако основной смысл ноябрьских решений заключался не в одобрении репрессивной работы карательных органов. Напротив, политическое руководство, исходя из целого ряда разнообразных соображений, делало шаг к ограничению масштабов репрессий и установлению партийного контроля над политической полицией. В постановлении отмечались «крупнейшие недостатки и извращения в работе органов НКВД и Прокуратуры». Именно на них возлагалась вся тяжесть вины за творившиеся беззакония.

С лета 1938 г. начались аресты бывших руководящих работников УНКВД и следователей, ставших винтиками в системе Большого террора 1937–1938 гг. на территории нашего края. Это были молодые люди, как правило не старше 30 лет, в большинстве своем с начальным образованием, выходцы из мещан и крестьян. Некоторые из них родились и выросли за пределами нашего края, другие — местные. На закрытых заседаниях военной коллегии Верховного суда СССР и военных трибуналов войск НКВД Московского и Уральского округов рассматривались следственные дела по обвинению бывших сотрудников НКВД. Начальник управления НКВД по Свердловской области Д.М.Дмитриев и начальник Кизеловского горотдела УНКВД Д.А.Шахов пошли под расстрел, остальные получили от 2 до 25 лет лишения свободы. В то же время «бериевскую» чистку пережила значительная часть чекистских кадров образца 1937 г. После небольшого затишья репрессивная машина начала вновь набирать обороты. Методы ведения следствия в целом не менялись...

«ВРЕДИТЕЛИ НЕ ВСЕГДА РАБОТАЛИ ПЛОХО»

«Великая чистка», развернувшаяся после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., искалечила жизни сотен тысяч людей. Одни были расстреляны, другие отсидели в лагерях. Очень многие лишились работы или были исключены из партии. Удар наносился по всем крупным общественным и государственным структурам, которые могли нести хотя бы потенциальную угрозу для власти. Одним из объектов террора стал наркомат тяжелой промышленности. Это было крупнейшее ведомство, на котором лежала основная тяжесть проведения индустриализации. Оно было тесно связано с армией и местным партруководством. Некоторые современные исследователи считают, что в 30-х гг. потенциально существовала угроза «смычки» политических кланов, зарождавшихся вокруг местных партруководителей, с отраслевыми и территориальными хозяйственными группами. Сталин, по-видимому, считал ее потенциально опасной, и это многое объясняет в вопросе о направленности террора.

Кроме потенциальных, существовали и реальные «провинности», за которые наркомат подвергся разгрому. Действия возглавлявшего его Г.К.Орджоникидзе далеко не всегда нравились правящей группе Политбюро. Более всего ее не устраивали сопротивление репрессиям и аполитичный метод подбора кадров.

Г.К.Орджоникидзе, в отличие от многих других руководителей, защищал своих людей. Он добился решения, в соответствии с которым никто не имел права арестовывать технических руководителей предприятий без согласования с директором и самим Г.К.Орджоникидзе. Не раз наркому удавалось, пользуясь авторитетом члена Политбюро, выводить из-под ударов директоров, которые все же попадали под обстрел со стороны чрезвычайно бдительных партработников.

Наконец, многим кололо глаза то, что в НКТП работает много, как тогда говорили, «чуждых элементов». На 1 декабря 1936 г. только в центральном аппарате наркомата работали 12 бывших троцкистов, 80 бывших меньшевиков, эсеров и анархистов, 71 офицер белой армии, 131 выходец из семей торговцев и промышленников¹. Г.К.Орджоникидзе понимал, что без хорошо подготовленных кадров проводить индустриализацию невозможно.

Владислав Валерьевич Шабалин, аспирант кафедры культурологии Пермского государственного технического университета.

Поэтому он и собирал вокруг себя специалистов, невзирая на их политическое прошлое и социальное происхождение.

То же самое повторялось и на местном уровне. Директора предприятий, по мере возможности, ограждали своих работников от нападок со стороны «охотников за вредителями» и подбирали персонал не по политическим, а по профессиональным качествам. Система взаимной поддержки, сложившаяся в наркомате, сдерживала темпы набравшего обороты террора.

В конце 1936 г. на эту систему обрушился ряд последовательных ударов. Для начала арестовали заместителя Г.К.Орджоникидзе Г.Л.Пятакова и ряд других крупных хозяйственников. Все они получили ярлык вредителей и высшую меру наказания. В феврале 1937 г. Сталин доводит до самоубийства Г.К.Орджоникидзе. Его подчиненные остались без защиты. На злосчастном февральско-мартовском Пленуме председатель СНК В.М.Молотов в своей речи выразил недовольство хозяйственниками, которые не только «...не ведут еще настоящей активной борьбы по разоблачению вредительства», но и мешают ей². Молотов призвал повысить революционную бдительность и «выкорчевать» вредительство в тяжелой промышленности и на железнодорожном транспорте.

Выступления крупных партийных деятелей принято было считать руководством к действию. Вскоре в стране началось повсеместное выявление саботажников и иностранных шпионов. Собственно говоря, их поиск не прекращался все 30-е гг., но в 1937 г. это явление приобрело массовый характер. За выявлением следовало в лучшем случае смещение с должности, в худшем — пытки и расстрел.

Волна разоблачений не миновала Пермь. В 1937 — 1938 гг. аресту подверглись сотни квалифицированных технических работников. В их числе и несколько директоров крупных предприятий: И.И.Побережский (завод им.Сталина*), И.И.Петрашко (завод им.Дзержинского), П.К.Премудров (завод им. Молотова**).

Остановим внимание на судьбах П.К.Премудрова и его подчиненных. Биография Петра Константиновича Премудрова по тем временам была почти безукоризненна. Из рабочих. Член партии с 1912 г. Руководил двумя забастовками в Сормово. После революции член ВЦИК. В 20-е гг. занимал должности директора завода «Новая Этна» в Нижнем Новгороде, председателя правления «Металлосиндиката» ВСНХ в Москве, председателя правления тре-

* Свердловский завод, ныне — АО «Пермские моторы».

** Мотовилихинский завод, ныне — АО «Мотовилихинские заводы».

ста Краматорских заводов на Украине. Его считали крупным хозяйственником и умелым руководителем.

В ноябре 1930 г., по настоянию Л.М.Кагановича, П.К.Премудров становится директором Молотовского артиллерийского завода № 172. В главке, перед отъездом в Пермь, ему сказали: завод старый, он должен до конца выработать себя и встать³. Действительно, Молотовский завод в 30-м г. представлял собой довольно печальное зрелище: захламленные территория и цехи, устаревшее оборудование, чрезвычайно слабая инфраструктура. Как следствие — регулярное невыполнение плана. Несмотря на это, ознакомившись с заводом, П.К.Премудров поставил перед центром вопрос о возможности его реконструкции. Созданная комиссия подтвердила: завод перестроить можно. В Москве согласились, но скепсис по отношению к предприятию остался, что, видимо, сказалось в дальнейшем на его финансировании.

В течение 1932–1935 гг. создается и начинает реализовываться генеральный план реконструкции завода. Возведены новые цехи (листопрокатный, термический и др.), создано инструментальное и транспортное хозяйство. Начала создаваться техническая и конструкторская база для разработки и освоения новых артсистем⁴. На этом стоит остановиться столь подробно, чтобы показать, насколько бессмысленно звучали обвинения во вредительстве, брошенные в 1937 г. Петру Константиновичу. Для вредителя проще всего было бы оставить завод в прежнем состоянии: со старым оборудованием, с телегами, на которых продукцию перевозили из цеха в цех по бездорожью, с женщинами-водоносами, которые носили воду для технических нужд.

За пять с лишним лет директорства Премудрова завод сильно изменился. Конечно, реконструкция не могла идти абсолютно гладко в условиях форсированной индустриализации. Утопизм в планировании приводил страну к кризисным ситуациям, которые следовали одна за другой на протяжении всех 30-х гг. Молотовский завод не мог выполнить завышенный план выпуска военной продукции. В 1935 г. военная программа была выполнена на 57,8%. Значительно лучше обстояло дело с выпуском мирной продукции: план по ней был выполнен на 92,7%⁵. Примерно так же работал завод и ранее. А в 1936 г. Премудров работал всего несколько дней, так как сломал ногу и лечился в Москве и в Сочи.

Прорывы в выполнении производственной программы на большинстве предприятий страны происходили по вполне объективным, не зависящим от директоров и других работников завода, причинам. Нереальные и несбалансированные планы, недостаток финансирования, перебои

со снабжением основными материалами дестабилизировали производство. А заводу тем временем поручали одновременно вести работы по созданию сразу нескольких артиллерийских систем. Мало того, артиллерийскому заводу навязывают производство мирной непрофильной продукции. В том числе возникали такие крупные заказы, как освоение производства драги глубокого черпания и экскаваторов! Брак и перерасходы сырья и материалов при освоении новой продукции в такой ситуации вполне естественны. Но по традиции, заведенной в 30-е гг., во всех неполадках и недочетах винили директора и его помощников...

Тучи над Премудровым начали сгущаться с начала 1937 г. В конце января, в его отсутствие*, в связи с делом «Параллельного антисоветского троцкистского центра» на заводе прошло несколько партсобраний. Кроме требований расстрелять вредителей, там было выражено недоверие руководящим работникам завода, в том числе П.К.Премудрову. В январе же были исключены из партии как троцкисты-двурушники и смещены с занимаемых должностей его ближайшие помощники: заместитель директора А.И.Залекман и заместитель главного инженера П.Н.Аликин.

Через месяц в газете «Известия» появилась статья «К вопросу о бессмертии», в которой П.К.Премудров обвинялся в том, что окружил себя подхалимами, а среди рабочих известен чванством, грубостью и недоступностью. Автор статьи не очень заботился о достоверности. Современники вспоминают, что у рабочих директор пользовался уважением⁶. Факты и объективный анализ ситуации, очевидно, не интересовали тех, кто готовил статью. Она была сигналом для усиления нападков на Премудрова.

Между тем до Мотовилихи дотягивается сеть интриг, сплетенных НКВД в Свердловске. Весной 1937 г. в Москве арестовали первого секретаря Свердловского обкома И.Д.Кабакова. Вслед за «хозяином» области пошли его ближайшие сотрудники, а затем некоторые работники горкомов, подчиненных И.Д.Кабакову. Чистка задела и Пермский район. Репрессии, связанные с арестом И.Д.Кабакова, коснулись не только партаппарата, но и хозяйственников.

В июне в обком партии поступил донос на П.К.Премудрова и А.И.Залекмана. Директор обвинялся в связи с арестованным И.Д.Кабаковым⁷. В июле 1937 г. в газете «Молотовский рабочий» были опубликованы три статьи о том, что дирекция давала вредительские установки, направленные на ослабление мощности завода.

* Премудров вернулся с лечения лишь в августе 1937 г.

По возвращении с лечения Премудрова сразу же вызывают на закрытое партсобрание заводоуправления. На повестке дня стоял разбор материалов, опубликованных в «Молотовском рабочем». Однако исключение Петра Константиновича из партии – а именно этим закончилось собрание, видимо, было уже предreshено. Директора обвиняли в том, что он «...проводил явно преступную политику, не имеющую ничего общего с заданиями партии и правительства, что привело к срыву и систематическому невыполнению оборонной программы завода за 1934, 1935 и 1936 гг.»⁸.

При чтении протокола собрания поражает то, как присутствовавшие пропускали мимо ушей все то, что говорил П.К.Премудров, который буквально разбил все выдвинутые против него обвинения. На вопросы отвечал четко, не идя на поводу у тех, кто их задавал.

Из протокола закрытого партийного собрания 8 августа 1937 г.⁹

Малолетов: Какие факты вредительства Вы можете назвать?

Ответ: В отношении капстроительства и большой номенклатуры изделий на заводе не могу назвать ни одного акта вредительства.

Клюев: Почему начальники цехов были белогвардейцы?

Ответ: Они были поставлены раньше, уволить их я не мог без разрешения наркома.

Клюев: Правильную ли политику проводил Войцеленок?

Ответ: Главный металлург политики не проводит, ее проводит только директор завода. Работу он выполнял неплохо, недостатки у него были.

Собравшиеся скорее всего ждали от П.К.Премудрова обычных для того времени раскаяний и разоблачений со служивцев, но этого не произошло. Возможно, Петр Константинович решил идти до конца, отстаивая свою правоту. А может, еще не осознал нависшей над ним опасности. Утверждать что-то определенное сегодня трудно. Зато позиция выступавших в целом ясна.

Из протокола закрытого партийного собрания 8 августа 1937 г.¹⁰

Тов. Рочев: Тов. Премудров построил доклад неудовлетворительно... Положение завода доказывает, что к нему была приложена рука вредителя, этого доказывать на сегодня не требуется. Вредители не всегда работали плохо, иногда они работали и хорошо, чтобы замаскировать себя...

Тов. Малолетов: Двухчасовой доклад тов. Премудрова – это доклад хозяйственника, дяляческий доклад. Мы ждали от него слова большевика, но ничего подобного не услышали...

В процессе обсуждения несколько человек предложили исключить П.К.Премудрова из партии. Для него, всю сознательную жизнь отдавшего ВКП(б), это было большим ударом. В заключительном слове он сказал: «Я не чувствую за собой таких ошибок, которые бы вели к исключению меня из партии, человека в высшей степени честного,

в высшей степени преданного партии. Я думаю, что совсем не полезно, а вредно исключать людей честных и преданных партии. Я сознаю, что положение требует внимательной проверки. Если вы даже меня исключите, я думаю, меня восстаноят. Партия ценит честных и преданных людей»¹¹.

Но партия не оценила. П.К.Премудров был исключен из членов ВКП(б) как скрытый правый уклонист. Одна из его дочерей позже вспоминала, что, вернувшись с партсобрания, он не спал всю ночь и написал письмо Сталину, которое позже изымут при обыске¹².

Ордер на арест бывшего директора Молотовского завода был подписан уже 11 августа 1937 г. Он проходил по делу правой контрреволюционной организации правых, якобы созданной секретарем обкома И.Д.Кабаковым. Целью организации значилась подготовка государственного переворота, который предполагалось осуществить при помощи иностранных держав. Против П.К.Премудрова дали показания несколько партийных и советских работников области.

Следствие по делу П.К.Премудрова длилось чуть больше пяти месяцев. Он обвинялся в том, что «...являлся участником контрреволюционной террористической организации правых, подготавливавшей террористические акты против руководителей ВКП(б) и Советского Правительства, входил в одну из групп названной организации, одновременно проводил шпионско-диверсионную вредительскую работу...»¹³

Судебное заседание 13 января 1938 г. длилось 15 минут. Приговор был predetermined. Расстрел. В тот же день¹⁴.

На чем же основывалось обвинение? Во-первых, на показаниях членов мифической организации правых. Следователи добивались, чтобы обвиняемые давали показания друг на друга. Вся эта система взаимных обвинений, завязанная на показаниях И.Д.Кабакова, распалась, как только реабилитировали последнего (1956). Никаких следов существования на Урале террористической организации, конечно, найдено не было. Во-вторых, на том, что на Мотовилихинском заводе постоянно увеличивалось производство мирной продукции, а план по военной не выполнялся. П.К.Премудров обвинялся в связи с этим в том, что в створе с секретарем горкома превратил оборонный завод в завод общего машиностроения, чем подрывал военную мощь страны. Очевидна лживость этого обвинения, так как ни директор предприятия, ни секретарь не имели полномочий для изменения специализации завода. Производство мирной продукции увеличивалось по письменным приказам наркомата и Политбюро¹⁵. Наконец, третьим

основанием для обвинения стало собственное признание П.К.Премудрова. Судя по протоколам допросов, Петр Константинович в течение четырех месяцев отвергал все предъявленные ему обвинения. Это большой срок. Другие не смогли продержаться и один-два месяца. Лишь в начале декабря Премудров начал давать показания, которые от него требовали.

Представление о том, как следователи добивались признаний от подследственных, могут дать показания С.Л.Ананьева. Главного инженера Молотовского завода Ананьева арестовали вместе с другими представителями технического руководства — П.Н.Аликиным, В.Я.Володиным, А.М.Зеликманом, А.И.Крюковым, Л.Л.Войцеленком и А.И.Полюдовым — осенью 1938 г. Их обвиняли как участников диверсионно-вредительской организации правых, которую якобы создал П.К.Премудров для того, чтобы тормозить выпуск артиллерийских орудий¹⁶. Все они довольно быстро признались в своей «вредительской» деятельности и наверняка бы разделили участь своего директора, если бы не очередная смена внутрисполитического курса.

В ноябре 1938 г. с поста наркома НКВД смещен Ежов. Незаконные методы ведения следствия осуждены. Репрессии ослабли. Следователей, которые вели дело Премудрова, осудили в 1939 г. за организацию системы «массовых необоснованных арестов граждан, систему подлогов, фальсификаций в следственной работе»¹⁷.

А в феврале — марте 1939 г. все семь человек, шедших по делу вредительства на Молотовском заводе, отказались от своих прежних показаний. С.Л.Ананьев на вопрос нового следователя о причинах отказа от ранее данных показаний ответил: «Причиной, побудившей меня к отказу от собственноручных показаний и протоколов последующих допросов, где я подтверждал их, является ложность этих показаний и клевета их как на себя, так и на других. Вызвано это было принуждением со стороны следствия, выражавшемся в устной брани, оскорблениях, угрозах... и, наконец, очная ставка с бывшим работником завода № 172 — Николаевым Н.Н. Всего этого я не выдержал и начал писать ложные показания»¹⁸.

Зачем же уничтожали опытных хозяйственников, обезглавливали производство? Вопрос сложный. Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что поиск врагов был нужен для того, чтобы снять социальное напряжение в стране. «Вредители» и «шпионы» были нужны для того, чтобы переложить на них всю ответственность за ошибки в экономической и социальной сферах, допущенные руководством страны.

Говоря о репрессиях, нельзя, видимо, не учитывать некоторого совпадения интересов руководства страны и отдельных слоев рабочих. Многим из них «великая чистка» помогла продвинуться вверх по социальной лестнице, при этом они активно способствовали устранению «вредителей» (если не физическому, то, по крайней мере, административному) с помощью доносов. Так, например, на арестованного в 1938 г. П.Н.Аликина (зам.главного инженера) в горком поступило несколько докладных, в которых он обвинялся в том, что принимает на работу людей, явно не пролетарского происхождения. Причем автор одного из доносов проявлял явную заинтересованность в том, чтобы занять место «чужака» Якунина, являвшегося протезе Аликина¹⁹. Руководство страны старалось, чтобы в партию и хозяйственный аппарат пришло новое поколение, всем обязанное вождю и учителю товарищу Сталину. Новое поколение было не против...

ГОВОРЯТ УЗНИКИ ГУЛАГА

Из воспоминаний Зинаиды Максимовны Бушуевой

Я, Бушуева Зинаида Максимовна, родилась 24 сентября 1906 г. в Соликамском районе. Школу-семилетку окончила в Соликамске, затем двухгодичные бухгалтерские курсы в г. Перми. Всю жизнь работала бухгалтером, бухгалтером-ревизором, главным бухгалтером. В данный момент пенсионерка.

В 1932 г. вышла замуж за Бушуева Владимира Георгиевича, уроженца города Очера. Родители мужа в Очере имели свой дом. Владимир Георгиевич работал в Камском речном пароходстве. Последнее место работы его — судостроительный завод «Кама» в Судозаводе, т. е. в Нижней Курье. Мы и жили в Судозаводе, имели двухкомнатную квартиру.

Детей у меня было трое: две дочери и сын (сын родился после ареста мужа).

Я работала бухгалтером в больнице, с дочерьми нянчилась няня-старушка.

17 июля 1937 года я поехала в Пермь по служебным делам. Муж предложил купить билеты в театр. Шла новая постановка «Как закалялась сталь». Выполнив все служебные дела, я поехала домой. Проходя мимо работы мужа, зашла к нему, но кабинет был закрыт, и секретарь не сказала, где он. Муж работал тогда начальником теплотехнической партии. Сдали шесть пароходов для канала Москва—Волга. Я пошла домой. Проходя мимо окон, заметила, что все книги разбросаны, и газеты, и бумаги — в комнате беспорядок.

Спрашиваю у бабушки, что искал Владимир. Она плачет. Приходит соседка и говорит, что у нас был обыск, а Владимира арестовали и увезли.

В те годы арестовывали прямо у проходной. Арестовали многих рабочих, специалистов, был арестован и директор завода.

Меня прорабатывали на профсоюзном собрании за мужа, исключили из профсоюза, и сразу же от меня все отвернулись. Из квартиры нас выселили, перевели в барак, в комнату 10 кв.м, а нас было четверо: двое детей, я и няня.

После ареста мужа на следующий день я поехала его разыскивать. Поехала в управление водного транспорта, но ничего там не узнала.

Разыскала его случайно, он сидел в камере и знал, что я его буду искать, и встал на окно. Теперь в этом здании железнодорожный техникум. Мне разрешали с ним свидания, но они проходили в присутствии следователя, и говорить разрешалось только о домашнем, о детях. Следователь был знакомым мужа, учились вместе, Новоселов.

Прихожу я на очередное свидание 12 января 1938 г., муж говорит: «Если придешь в следующий раз, меня, возможно, не будет, не разрешат свидание, ты не бегай, меня не разыскивай».

14 февраля я приехала на свидание с мужем, меня не приняли, прошел мимо Новоселов, не здоровается, не обращает на меня внимания. Подходит дежурный и говорит, что свидание не разрешается, что Бушуева здесь нет.

Я поехала разыскивать в пересыльную тюрьму и там ничего не узнала о нем. Так муж и пропал в неизвестности. Что делать? Поехала домой, в Нижнюю Курью. А вечером родила сына. Это было 14 февраля 1938 г. Как жить дальше? Поехала к матери в Пермь. Мама жила с сыном, моим братом Виталием, в комнате с подселением. Комната 18 кв. метров. Мама приняла меня с детьми. Спали на полу. Я не работала. Потом по знакомству устроилась работать счетоводом. Меня несколько раз вызывали в управление, разговаривали и отпускали. Видимо, арестовать совесть не позволяла: у меня был грудной ребенок и дочери маленькие, старшей 4 года, младшей 2 года.

В августе 1938 г. мама уехала с братом по малину, я с детьми была дома одна. Ночью приехал «черный ворон», следователь, понятые, предложили мне ехать с детьми до управления на несколько часов. Я ушла в летнем платье, сын был в одной рубашке и пеленке, девочки — в летних платьях. Обрато мы не вернулись. В управлении следователь, написав протокол, стал звонить по телефону в детские учреждения, определять дочерей. Говорит: «Мать срочно уезжает из города, нужно устроить девочек». Неле

было 4 года, ее он определил в детский сад. Але было 2 года, ее — в дом ребенка. Пришел дежурный забирать их, они держались за мой подол, плакали. Дежурный отобрал их и увел. Я осталась с сыном Славой, ему было всего полгода. Нас посадили в «черный ворон» и увезли в пересыльную тюрьму. В тюрьме у меня взяли отпечатки пальцев. Я была как безумная, ничего не понимала. Меня стали обыскивать, искали иголки. Какие иголки? Только что оторвали двоих детей, я реву, а они ищут какие-то иголки. Поместили меня в палату при тюремной больнице. В палате со мной была женщина-уголовница, все просила у меня Славу, говорила: «Тебе в этапе одной легче будет». Но разве я могла отдать последнего ребенка? И так я с ним прошла пять пересыльных тюрем.

В тюрьме в дежурной я встретила двух знакомых мужчин, которые были арестованы как враги народа. Я сидела и плакала, они меня успокаивали, говорили, что скоро выпустят. Один стал рассказывать, как он играл с ребенком на полу и в этот момент явились его арестовывать и забрали. Второй мужчина был сотрудником мужа, мы когда-то все вместе работали в управлении Камского речного пароходства. Я все рассказала ему о муже.

В тюрьме нас гоняли на прогулку на несколько минут, ходили по одному определенному месту. Сколько я просидела в тюрьме, не помню, долго. Мама несколько раз приходила, хотела меня видеть, передать теплые вещи, но не разрешили.

И так я ушла по этапу в одном летнем платье. Нас вывели под конвоем, человек 50. Стояла лошадь, груженная разными котомками заключенных. Меня с ребенком посадили среди котомок на телегу. Так проехали мы через весь город, от Разгуляя до Перми II. Проезжали по знакомым улицам. На углу улиц Кирова и Куйбышева я увидела маму всю в слезах и сестру Нину. Мама не могла идти, а сестра пошла на Пермь II. Она просила конвой передать мне теплые вещи и продукты, ничего не приняли и ее ко мне не подпустили. Она стояла на перекидном мосту и ждала, когда нас отправят.

В этапе из 50 человек женщин было двое. Кроме нас двоих, все были уголовники, воры, разная шпана. Они ухитрялись на станциях стащить конфет и пряников. Толкали Славе и говорили: «Ешь, пацан». Предлагали нести его, но я боялась дать сына. Повезли нас в Свердловск. Уголовники ехали в специальных вагонах, я ехала в общем пассажирском вагоне. На дорогу мне дали кусок черствого черного хлеба и хвост селедки, ребенку ничего не дали. Слава плакал, а молока у меня уже не было. Пассажиры сочувствовали и давали ребенку что-нибудь.

В Свердловской пересыльной тюрьме меня втолкнули в камеру, где были женщины уголовницы, их звали «урками». Народ страшный, пьяницы. Меня встретили жестоко, с матом. Указали мне место около «параши». «А, явилась, враг народа!» Меня предупредили раньше, чтобы я с «урками» не связывалась, народ страшный. Я и молчала, не возражала им.

Принесли мне ужин, они все отобрали. Была суббота. Они каким-то образом ухитрились напиться браги. Все были пьяные, вульгарные. Одна из осужденных родила прямо в камере и задушила своего ребенка грудью...

В Курганской пересыльной тюрьме, началась перекличка. Надо было отвечать фамилию, год рождения и какая статья, за что судим, свой срок. Мы не знаем своей статьи и за что осуждены. Конвой сердится, материт нас, кричит: «Ваша статья — «враги народа»...

В Петропавловской тюрьме мы были недолго. Ночью нас вызвали на этап и сказали, что будет последняя тюрьма — Акмолинск. Из Акмолинской тюрьмы нас на машинах повезли на 26-ю точку, где наш лагерь.

В кузове нас было двое: Катя с девочкой и я с сыном. Уже был сентябрь месяц, холодно. Мне Катя дала кофту. Бросили нам сено. Я Славу закутала в кофту и укрыла сеном. Ехали 60 км по степи. Было страшно холодно. Приехали в лагерь ночью. Поместили нас в изолятор. Слава заболел, было у него крупозное воспаление легких. Медикаментов нет, ребенка не лечили, надеялись на его организм. Сын справился с болезнью.

Лагерь наш находился в степи, обнесен высоким забором, колючей проволокой. Летом была страшная жара, а зима холодная, с буранами. В столовую ходили по веревочке, чтоб не замело бураном.

Мы были лишены всякой переписки, оторваны от всего мира. Мама не знала, где я, я не знала, где мои дочери.

В лагере нас, женщин, было 12 000 всякой национальности. Были женщины с высшим образованием и домашние хозяйки. Народ трудолюбивый, выносливый, несмотря на всякие переживания.

Со Славой (сыном) я просидела до весны. Потом в лагере открыли детские ясли-садик, так как матерей прибавилось: кого из дому отправили с ребенком, кто родил в дороге. Забрали наших детей. Свидание разрешали раз в месяц. Дети начали отвыкать от родителей. Мне предложили работу в бухгалтерии, я отказалась. Боялась потерять разум. Отдала троих детей, нет мужа. Как тут выжить! Пошла на самую тяжелую работу, физическую. Зимой была на снегозадержании в степи, мы ходили туда при любых морозах. Охранял нас конвой, два человека, а нас было человек 100. Выводили за зону, в степи. Нас

оставляли работать, а сами уходили в теплые места. Конвой говорил: «Никуда вы не убежите, кругом степь, бегом побежите в зону».

Так мы и работали. Зимой еще ходили и на озеро жать камыш: лагерь отапливался камышом. Была установлена норма. Мы старались не только выполнить норму, но и перевыполнить. Делали по полторы нормы. Конвой с нами на камыш не ходил. Были только бригадиры из заключенных. Целый день в снегу. Ходили в ватных брюках и ватных куртках. На ногах тряпочные бурки. Приходили вечером все промокшие, голодные. Утром давали по 400 г хлеба и баланду. Не знали, что делать с хлебом: съесть утром или оставить на вечер. Выручали швейники — женщины. Они нам, «наружным рабочим», ложили свой хлеб под подушки. А мы и рады были добавкам и благодарили женщин. Мы же приходили озябшие. Сушилок не было. Сушили, как придется. Развесим на нарах, а белье к утру и не высохнет. Потом придумали спать на сыром, сушили своим телом что можно. Утром уходили на работу в непросушенном белье.

В лагере были хозяйственная часть, цехи вышивания, швейный, большое огородное хозяйство. Выращивали помидоры, огурцы, дыни, арбузы, картофель, рыли арыки, воды же не было. Поливали вручную. Урожай был очень хороший. Летом я работала грузчиком. Разгружали машины с овощами. Мешки спускали в подвалы, в закрома. Грузчиков нас было двое, а мешки килограммов 50. Бросали нам на плечи по мешку, да еще и подгоняли: «Быстрее, быстрее, скорей разгружайте машину!» А мешок нужно было отнести вниз, в подвал, и высыпать в закрома.

Потом меня перебросили работать в столовую уборщицей. Нужно было вымыть котлы, залить водой, котлы были по 30–50 ведер, а котлов штук 20. Вымыть кругом полы: в столовой, кухне и в подсобках. Бригада у нас была из 12 человек. И здесь торопили: «Носи скорей воду, заливай котлы». Приходилось бегать всю смену бегом, по лужам, воду носили в ведрах.

Но бригадир у нас была хорошая, Галя, из заключенных. Относилась к нам хорошо. Всегда после смены старалась покормить нас чем-нибудь вкусеньким, чтоб не видела администрация...

Переписку нам разрешили в лагере через 4 года, и то только тем, у кого дети были в детдомах, чтобы разыскать их. Так я наугад написала в дом ребенка г. Перми. Мне пришел ответ, что моего ребенка забрали родственники, кто — не сказали. Оказывается, мама разыскала дочерей и забрала их. Потом уж мне рассказали, как их нашли...

После смерти Сталина началась реабилитация. Я вернулась в Пермь, жили на квартирах, дети продолжали учебу. В 1957 г. меня реабилитировали. Получив справку, я начала хлопотать насчет квартиры, дали пособие денежное с последнего места работы до ареста, купили всем по пальто, жили до этого на квартирах. За угол приходилось платить 30 рублей. А угол был таков: одна кровать, столик и стул.

Аля окончила техникум и уехала в Соликамск. Мы жили втроем. Слава работал и учился в вечерней школе, Неля работала. Спали на кровати по очереди. Один на кровати, двое на полу...

В Дзержинском ЖКО (я жила до ареста в Судозаводе) мне не отказывали и не давали квартиру. Меня научили написать в обком партии. Я все подробно описала и с заявлением опустила письмо в пятницу, а в понедельник уже меня вызвали за получением ордера на квартиру к начальнику ЖКО Дзержинского района. Дали комнату с подселением в коммунальной квартире без всяких удобств. На 18 кв.м. Но мы так были рады! Своя квартира! Аля вернулась из Соликамска, Неля работала в больнице, Слава — на телефонном заводе. Это было в ноябре 1957 г. Прошло 20 лет! Слава ушел в армию, Неля вышла замуж и уехала в Севастополь.

Когда Слава пришел из армии, я подала заявление о расширении жилплощади на сессию горисполкома. И нам дали двухкомнатную квартиру в Закамске. Так закончились все мои хождения по мукам в феврале 1963 г.

В 1957 г. я получила справку о реабилитации мужа посмертно и денежное пособие с его места работы в сумме его заработка, в Судозаводе, а позднее получила по списку за конфискованное имущество деньги. Но какой это был список, там и половины имущества не было записано. Всех денег нам хватило только для покупки всем пальто: девочкам зимние, а нам с сыном демисезонные, тумбочку-этажерку да кровать. И то тогда мы были рады и этому...

Когда я была с сыном в тюрьме, разгуляйской, сын был маленький. Нас поместили в тюремный изолятор. Окна выходили к кладбищу. Ночами ребенок плохо спал, и я ходила с ним, укачивала его на руках. Ночью было тихо, и слышалось за окном, будто бы подходили подводы, копали лопатами, создавалось впечатление, что тут, под тюремной стеной, велись захоронения. Но кого там хоронили: или тех, кто умирал в тюрьме, или привозили расстрелянных, — не знаю. Еще только: в это же время в камере тюрьмы находился мужчина, говорили, что это был депутат. За него должны были голосовать, а его арестовали. Он кричал, бил в двери. Кто это был, тоже не

знаю. Он тоже был в больничной камере. Мы ушли на этап, а он остался.

В Казахстане, в лагере, уже в 1942 г. наш женский лагерь объединили с мужским. У них, у мужчин, было несколько бараков. Они умирали как мухи. Очень много умирало мужчин. Были, в основном, старики, или они нам такими казались. Хоронили их тоже ночью. У поварихи, которая работала со мной, из вольных, муж возил покойников. Так он каждую ночь возил умерших. Из женщин я не помню, чтобы кто-то умер, а из мужчин умирали многие. Женщины болели, в основном, простудными заболеваниями, но и с температурой ходили на работу.

Были среди нас и кабардинки, и грузинки, и украинки, корейки, русские, башкирки. Из Перми нас было:

Петрова Александра Ивановна. Мы с ней вместе шли по этапам. Ей было дано 8 лет. Я ушла за зону через 4,5 года, а она осталась в зоне, и больше я о ней ничего не знала. Она из Мотовилихи, жила на 1-й Вышке. Потом в Перми уже в 1947 г. мы встретились с ней. У нее было 5 детей. Последнее время она жила с дочерью и зятем (он какой-то даже обкомовский работник), два сына у нее погибли на фронте. Одна из дочерей, учительница, после окончания университета уехала по направлению. Ее звали Зоя. Это младшая из дочерей. Внука, сына одного из погибших сыновей, воспитывала Александра Ивановна.

Мария. В лагере работала возчиком-ассенизатором. Также жила в Мотовилихе со взрослой дочерью. За работу ей давали молоко и хлеб. Она делилась со мной.

Батракова Надежда Федоровна – врач. После возвращения жила в Перми на улице Революции, воспитывала приемную дочь Валю.

Снохи Чесноковы: Надя, и не помню, как другую звали. В лагере они работали на хозработках. Надя после освобождения работала в Пермском оперном театре костюмершей-портнихой, жила с дочерью где-то на улице Горького.

Гилева Анна Петровна. В лагере мы с нею жили в одной мазанке, когда еще были с ребятами. У нее была дочь Вера, ровесница Славы. Дома у нее осталось много детей. Кто-то даже умер без нее. Вера потом окончила фармацевтический техникум.

Из Вологды были Некрасова Мария, Командирова с сыном Сережей, Комиссарова с дочерью 5 лет. Из Ленинграда Женя Еременко. Работала на хозработках. Мы спали с ней на одних нарах. Я вверху, она внизу. Маруся Плаксина, не помню откуда. Хорошаева – тоже не знаю откуда. С Соболевой Катей шли этапом. Дорогой она родила дочь Нину...

С Камского речного пароходства были арестованы Галанинский Петр Федорович. Я работала с ним в одном отделе. Крупочкин Александр Михайлович. Кандалинцов – директор, Галкин – инженер-механик, техники Скобцев, Калюнин...

Р.С. Бушуева Зинаида Максимовна, записавшая эти воспоминания, умерла 25 апреля 1992 г. в возрасте 85 лет в г. Перми.

Нашлась дочь Александры Ивановны Петровой – Юлия Павловна Петрова, учительница, живет в Перми. Дочь Галанинского, Нонна Петровна Потапова, – преподаватель университета. Они успели встретиться с Зинаидой Максимовной. Воспоминаниям и разговорам не было конца...

Из воспоминаний Ивана Андреевича Ширинкина

Я работал начальником технического отдела пассажирской службы управления Пермской железной дороги. 26 июня 1941 г. я пришел с работы, покушал, около полночи лег спать. Вдруг приходят один штатский, другой военный. Предъявляют ордер. Что такое? Не знаю. Оказалось, что мне предъявляют обвинение по 58-й статье. Все сделали, все обыскали, забрали 270 листов бумаг, составили акт. Потом решили всю переписку, как не составляющую интереса для суда и следствия, уничтожить путем сожжения. Зачем сжигать-то было?

Посадили сразу в карцер. Маленькая клетушечка. Только стоять и присесть можно. А для воздуха внизу дверей три дырочки просверлено. Сажу сутки. Потом забрали в тюрьму. Все петлицы сняли. И вот суд: «Давай сознавайся в своей контрреволюционной деятельности!» – «Какая контрреволюционная деятельность?» Судят первый день. Свидетелей пять человек, и все с одной стороны. А я писал записки, кого выставить свидетелями с моей стороны. Но суд начался – моих нет никого... Заседатели были работники НКВД. Как я это узнал? Когда меня судили, я запомнил их фамилии. Когда привели в камеру после суда, сказал своим. Один говорит об одном: «Это мой следователь», а другой о другом: «А это мой следователь».

О том, что я якобы распространяю слухи, что на Мотовилихинском заводе делают пушки, донос написал мой сосед, Зильберштейн. А комнату в моей квартире я ему выхлопотал, жили мы вместе с января и до моего ареста. Распределили мы обязанности по уборке квартиры. А он ничего не делал. Я ему раз замечание делаю, второе, да по-доброму... Читаю материал своего дела: первая страница – его донос. Писал он 12 июня.

Второй донос написала Никуличева. Она все просилась у меня в командировку. Станции проверять. Зачем? Не

даю. Необходимости нет. И вот в стенгазете (я был редактор) ее нарисовали: она едет на метле в командировку (оформлял газету не я) — и написали статейку, где ее критиковали. За это она давай плести на меня, якобы я был недоволен правительственным указом. Будто бы я сказал: кто выпустил этот указ, того надо за шкуру. Никуличева еще говорила, что я будто бы сказал, что нас в армии плохо кормили. А я служил в 1928—1929 гг. Этого у нас не было. У нас в полку даже был сад семь десятин! Жили мы очень хорошо. Никогда не мог сказать, что плохо кормили.

Следствие закончили 14 августа. 14—15-го был суд. 25-го нас отправили баржой по Каме в Соликамск. Там уже палатки для нас готовы были. Поселились. Сказали: после десяти часов никуда из палаток не выходить; если кто выйдет, шаг вправо, шаг влево — стрелять будут.

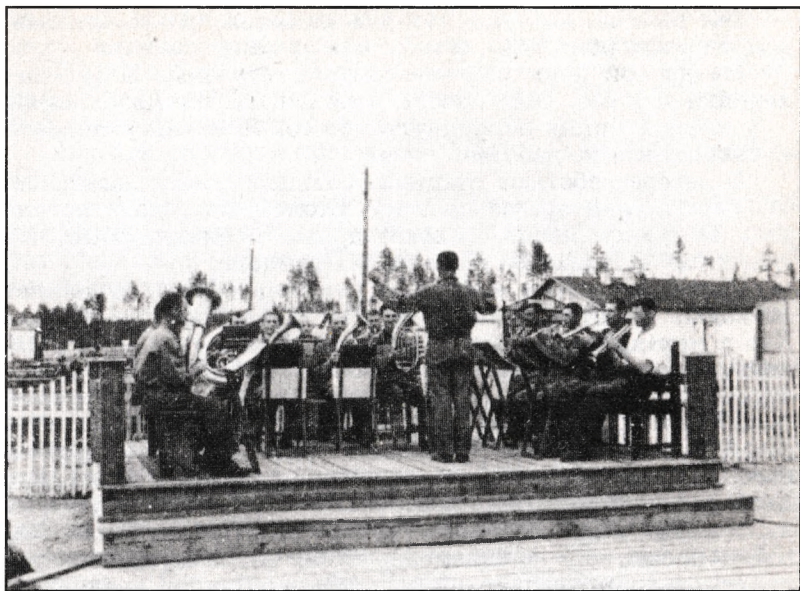
Под следствием сидели мы человек 20 в одной камере. Но не было тесно. А вот после суда я в свою камеру не попал. Я захожу, там набито битком. Валяются на полу, лежат, сидят, стоят. Человек 40, а камера меньше, чем та. Жарища. Дышать нечем. Ой, какая была беда!

Вдруг кричат мне. Смотрю, навстречу идет Вася, в нашей службе на Перми II работал. Смотрю еще — Гриша Вшивков, вместе в школу ходили. А вот Вася Держунин — с ним учились в техникуме. Вот сколько знакомых! Все сидят по 58-й. Через несколько дней нас перевели в другую камеру. Но вся наша компания переехала. Спали на полу, никаких коек не было. Я спал рядом с одним врачом валетом. Если что надо, по людям прямо шагают, те кричат, ругаются матом: куда ты лезешь! Ад, ад самый настоящий.

Одного, он тоже по 58-й сидел, выбрали старостой. Раз он староста, нужно ему платить. А мы сами крошки получаем — 400 г всего. Кормили хотя и три раза, но все вода, вода, хуже, чем потом в лагере. Один раз в день водили на прогулку.

До Соликамска ехали баржой. Охраны было много. Мы все сидели в закрытой барже. Так начальник охраны нас подбадривал: я знаю, что из вас можно роту не одну собрать, бойцами были бы, но вас осудили. Он хотел к нам проявить свою симпатию, чтобы мы не взбунтовались, не выкинули чего. Сутки ехали мы до Соликамска. Потом нас помыли — и в палатки.

Работаем. Это было от Соликамска километров 8—10 в лесу. Поселок Боровск и от него километра два. Потом нас присоединили к Соликамлагу. Он был при Соликамбумстрое. Он был к комбинату пристроен. Около целлюлозного комбината мы и работали. Поначалу меня сделали мастером: у меня было образование (строительный техникум)

2-й лагерный район Соликамстроя НКВД СССР. Оркестр самодеятельности.
1944 г.

2-й лагерный район Соликамстроя НКВД СССР. Внутренний вид барака № 1 командировки "Фанерный завод". 1944 г.

и опыт работы. Но один тут нажаловался, что я, дескать, неправильно руковожу, и меня сняли копать землю.

На другой день пошел копать котлованы. Я работал хорошо, как все. Вот глубоко докопал, выбрасываю землю — у меня в спине всхрипнуло что-то. Я не могу лопатой копать. А кто не работает — тому 300 г. Вот и всё.

В лагере работают старики, больные. Кончилась работа, идут в санитарную палатку. Стоят в очередь квартала два. Дежурит лошадь — увозит прямо в больницу. Ой, что творится! ... Подхожу. Говорят: «Пройдет».

Потом нас стали водить на комбинат. Кто лес достает из воды, кто грузит с берега, кто доставляет его в цеха. Кто в механических цехах работает. Кто в домостроительном комбинате работает. Я попадаю туда случайно. Когда переехали в основной лагерь, меня перевели опять мастером. Вдруг приходят ко мне на работу, вызывают в контору. А у меня бригада, строим коттеджи для эвакуированных. Их много, они пока живут в палатках. Прихожу. Безбородко сидит, старичок. «Вы — Ширинкин?» — «Да, я». — «Вы что окончили?» Я говорю. Побеседовали. Он мне вопросы, как на экзамене: «Чему равен момент сопротивления прямоугольного сечения?» — «Два аш квадрат на шесть». — «А круглого?» — «Дэ куб на двенадцать». Он больше не стал спрашивать: «Будете работать со мной». А он в лагерях с 1938 г., а это был 41-й. Он уже лагерь знал хорошо. И меня устроили в бригаду техработников, в проектный отдел. Я там работал при этом отделе. Но там по категориям кормили, поэтому плохо было. Кто землю копал, тому давали до 700 г, но таких было мало. А нам давали 500, а штрафникам — 300 г.

Нас человек восемь в бригаде работало. А еще работали ЧСИРовки* — Валя и Тася. Они копировщицы. Мы чертежи делали, они копировали. Команда была человек 18. Мы подчинялись заместителю директора по технической части. Гражданскому. В этой бригаде на комбинате я работал года три. Потом меня перевели на спиртозавод. Это было самостоятельное производство, но на сырье от бумкомбината. Потом, в начале 1946 г. нас переводят из Соликамска в Березники.

Работали на заводе 577. Я строил котельную и трубопроводы. Завод построили в один год. В 1942 г. осенью его уже сдали. Потом перевели на завод 881. Тоже бараки. Там уже лагерь другой был. Оттуда я и демобилизовался. Когда освобождали, подписку давали ничего не распространять. Мы ничего и не говорили.

Жилось там очень плохо. Очень редко выходили. Скажи слово поперек — тебя сразу к теще (оперуполномочен-

* ЧСИР — член семьи изменника Родины.

ный). После этого одних прятали*, других куда-то переводили, в другие лагеря. Очень было трудно оттуда выйти...

Жили в бараках. Барак большой — метров десять длинной — палатка. Стены все отекли льдом. Ночью к железной печке становишься, жарить вшей...

Бараки каркасно-засыпные были. Стены засыпались землей...

Иной раз надо работать, а ты сядешь, на доску голову положишь — сил нету. Очень плохо кормили. Целый день без обеда. Как утром в 7 часов покушал и обратно уже в 6 часов приходишь.

Уголовные были в почете. Бригадир-уголовник.

Была такая история. Вдруг бригадир-уголовник берет меня к себе в помощники: белье в стирку собирать, сдавать, получать. Утром получать хлеб. Я у него работал, все ничего. И один раз получилось так. Он закосил одну пайку. Значит, он как-то лишнюю получил. А я не знал, и он мне ничего не сказал. Я получил, раздаю всем. И оставил ему не корочку, а там корочка в почете, а из середины. Я раздал, говорю: у меня осталась одна. «Что это такое? — говорит. — Все, тебе конец. Больше ты мне не нужен».

Уголовник — это не человек. Он тебе и в глаза наплюет, и что хочет сделает...

Среди конвоиров были и сочувствующие. Вот такой пример. Идет со стороны спиртозавода на комбинат по территории охранник с винтовкой на плече и ведет одного арестованного. Останавливает его. Сам отошел немного и закурил. Говорит: стой тут пока. Маленько покурил, бросил папироску, сам отошел: ну, иди. Тот подобрал папироску, докурил ее...

Ходили в тракторной одежде: на ногах покрышки от тракторов. Валенки все старые (новых нам не давали), все подшиты этой резиной.

Выжил я благодаря терпению. Всяко было. Вот заставляют лампочку вернуть, а я не могу, сил нету. Лежишь, доска перед тобой, надо чертить — сил нет...

Помогло только терпение. Помогло еще то, что я не курил. Вот это курево губило людей. Он, может, сам не поест, а еду на курево меняет...

Были и люди хорошие. Но там компанию составлять никак нельзя, а если вместе, то только официально. Иначе наговорят: они вместе, то, то! А там уже прячут...

Было, хвою пили. Сами хвою от цинги заваривали. У меня ни одного зуба там не осталось...

* Т. е. добавляли срок, садили в тюрьму, расстреливали.

Из воспоминаний Николая Николаевича Кожина

Я был арестован 1 июля 1941 года. В то время вся пересыльная тюрьма (ул.Луначарского) была освобождена от уголовного элемента, уголовников этапировали. В тюрьму шла исключительно 58-я статья, пункты 10, 11. Камеры ежедневно пополнялись. Дошло до того, что ночью нельзя было повернуться с боку на бок. Надо было вылезти наружу, встать и снова втиснуться между людьми. Там я находился вплоть до этапа.

Мне вынесли приговор: «10 лет одиночного тюремного заключения». Приговор вынес народный суд.

Тогда возможность посадить была настолько велика, что достаточно было человеку просто наклеузничать на соседа, чтобы его наверняка арестовали. Сомневаюсь, что у 90% арестованных обвинения были настоящие. Шли какие-то плановые аресты.

В первое время я, конечно, не мог поверить. Считал, что это — ошибка. Разберутся. Но когда побеседовал с другими, убедился: арестовывали не для того, чтобы выпустить. Я уже понял, что меня неминуемо ждут 10 лет. Так практически и было.

В следственной тюрьме пробыл недолго. Два-три дня, не больше. Оттуда с Коммунистической улицы был препровожден на суд... Этапировали меня приблизительно в середине июля.

Первоначально находился на лесоповальной командировке «Вишера»... Примерно через год прибыл механик Кушмангортского ОЛПа. Он искал слесарей. Список составлялся по формулярам. И я попал в этот список. Я очутился в железнодорожном узкоколейном депо, которое занималось вывозкой леса с лесных участков к месту весеннего молевого сплава...

В основном работал слесарем в депо. Там были несколько иные условия. Может быть, поэтому только я и выжил.

Жили в бараках, привилегий не было. Производственная зона. Там — депо. В депо небольшие мастерские. Маленький токарный станок, строгальный, сварочный аппарат. В основном ремонтировали узкоколейные паровозы. Рабочий день был 12 часов...

Вокруг были колхозы, которые страшно нуждались в ремонтных работах. Оттуда втихаря приносили разные детали. Их в мастерской делали, тоже втемную. А мы получали картошку, крупу и т. д. Это была поддержка к основному пайку...

Охрану любой мог пройти. У нас даже был случай, что охранник сам приносил детали. Мы делали, что-то получали — делились с ним. Они ведь тоже голодные были.

Однажды моя мать спокойненько приехала туда. Разрешил ей начальник небольшое свидание. Но что-то осложнилось. Она подошла к постовому на вышке, сунула ему пачку махорки — и мы с ней через забор поговорили.

Была там режимная бригада — БУР (барак усиленного режима). Они ночью под усиленной охраной грузили лес и вывозили к месту сплава. Ребята отпетые — оторви и брось! Там, в основном, был рецидив. Представляете, бригадир договаривался с караулом — и одного человека отпускают в деревню за картошкой. И что интересно, это ворье, если он сказал, что вернется, он возвращался. Он возвращается с картошкой, разводит два костра: в одном для бригады печет, в другом — для караула. Тяжело было. Они тоже были полуголодные.

При выполнении плана лесоповала получали 800 г хлеба и трижды — баланду. А у нас просто был паек — 700 г и эта же баланда трижды в день.

Питание в 1949 г. не улучшилось по сравнению с 41-м. Как оно было, так и шло, так и ехало. Поэтому очень многие не возвратились. Например, в 42-м г. вышел указ за прогул на производстве давать от месяца до двух тюремного заключения. Представляете, многие, особенно молодежь, попав на два месяца в условия лагеря, думали: ничего, как-нибудь протянем — и не работали. А раз не работаешь, хлебушка — 400–300 г и один раз — баланда. И знаете, сколько их погибло? Очень много. Они не могли выдержать два месяца таких условий...

Кушмангортский ОЛП, в основном, лесоповальный. Но для вывозки существовало узкоколейное депо. У нас было только депо. А вокруг — командировки. Оттуда лес свозился к Кушмангарту, здесь штабелевался, а весной, по вскрытию реки, начинался молевой сплав. На нашей командировке, в основном, была 58-я. Много было по закону 7.8.32. Даже анекдот такой был. Цыган говорит: «Посадили от седьмого до восьмого, а уже третий год сижу!»

Уголовники нас звали «контриками». Так, например, они делали. Называлось «фазан». Они брали с собой различные вещи, к примеру брюки, рубашку, и заходили в барак, где содержался неуголовный контингент. Договариваются — продают. Спустя час приходят двое-трое, эту вещь отнимают, получив предварительно часть стоимости по договоренности. Политическим родственники иногда посылали посылки. Так пусть только попробует кто не поделиться! Отнимут все! Лучше сразу делиться: это будет гарантией, что что-то останется и тебе. В противном случае ничего не останется. Ночью вытасят, если днем нельзя. А администрацию эти вещи совсем не интересовали, их интересовало только соблюдение лагерного режима.

Нарядчики и коменданты назначались администрацией сплошь из уголовников. Они тоже достаточно изощренно издевались над себе подобными. В общем, это была сволочь.

Например, утром объявлялся подъем. И попробуйте вы задержаться! И не выскочить из барака в строй, для того чтобы идти на развод, а потом на место работы. Последний бывал буквально избит чем попало. Это называлось «выход без последнего». Поэтому в следующий раз все стремились выбежать в дверь. Ветром сдувает всех из барака. Спрашивается: зачем это нужно? Времени достаточно, чтобы быстро встать, одеться и выйти.

Нарядчик может вас бригадиром сделать. Это совсем не трудно. Или будете стоять у него на особом счету. Он может делать для вас исключения, может оставлять в бараке без явной на то причины.

Охрана издевалась в случае побегов... Однажды в побег ушел молодой китаец... Но был пойман. Почему? Впервые, администрация лагеря сразу извещала все населенные пункты о побеге. А за помощь и поимку премировали. Давали около пуда муки... На следующий день он уже лежал мертвый у ворот лагеря. При поимке они делали так, идиоты. Заостряют кол, сзади ему в спину вставляют и заставляют бежать. А человек ведь изможденный. Он, может, и пробежит 200–300 м, а потом не может. Потом уже еле-еле идет. А пока дойдет до проходной, отдает концы. И его кладут на всеобщее обозрение, в назидание тому, кто думает о побеге...

Помню, как-то выхожу из барака. На крыльце стоят полномоченный особого отдела и несколько заключенных. Я слышу, он говорит: «Как же мне реагировать, когда вы сами друг на друга ходите и капаете?»

На «Вишере» выгоняли нас за 6–7 км на лесоповал. Летом еще полбеда. А потом – осень, дожди, холод. Утром слышу звонок на подъем, сунулся под нары – а ботинок нет, украли. Босиком. Холодно. Тогда еще обошлось. А ведь 10 часов в мокрой холодной траве с лучком в руке и, как говорили заключенные: «тебе-себе-начальнику»...

Спали, в основном, не раздеваясь. Снимали обувь, шапку. Никаких постельных принадлежностей, когда я был на лесоповале, не было. А в депо мы уж сами соображали. Тряпья какого-нибудь найдем, сошьем какое-то подобие наволочки. А когда были на повале, обязательно с собой полено брали под голову. Возьмешь полено, сверху телогрейку, закроешься бушлатом – все в порядке! Нары были общие, вагонки не было. Бараки были сколочены наспех. Были такие случаи. Привезут этап и говорят: «Вот тут будет ваша командировка, начинайте строиться».

Дрова в барак тащили все, как полагается. Всегда с дровами приходили с лесоповала. В барак вы не пронесете ни пилу, ни топор. Полено можно.

Санитарное состояние? Никакого не было. Во дворе выкопана яма и положено два бревна — вот и все. Питьевая вода была привозная. В бачок наливали ее. Потому что негде было взять ее. Клопов не было, потому что эти бараки промерзали. А лета я мало застал.

Воскресенье был выходной день. Один. Давали все-таки.

Был так называемый лепила. Это — лекарский помощник, акушер. Заключенный. У него так. Один пузырек был, приклеен какой-то рецепт. Из этого пузырька он всех больных лечил. Что он мог лечить? Он мог только так: дать вам освобождение от работы или не дать. Вот в этом вся его задача и заключалась. Сюда все его медицинские познания вкладывались. Если, допустим, были случаи большого ранения, он вынужден был освобождение дать. Или когда к нему приходили ворюги: рубашку поднимет, а там поперек нож лежит. Он рубашку опускает, а тот пишет: освобожден.

Поваров прихватывали, хлеборезов. Где народу нет никого, прихватят, финка наготове — и диктуют свои условия. А куда ему деваться? Что могли попросить? Хлеб — у хлебореза, а у повара — баланду. Он им погуще, с донышка зачерпнет. Приходилось выкручиваться. Я как-то напал на свалку. А свалкой этой пользовалась вольнонаемная столовая. Туда выбрасывали разные консервные банки и т. д. Я где-то нашел кусочек стали, заточил и стал делать котелки. Потому что посуды ведь не было. Как хочешь, так и действуй. Если у вас нет своего котелка — подставляйте шапку. И голодные на это шли. А как быть? Из шапки что-то, но сумеет поесть. Вот я стал делать эти котелки. А это было 500 г хлеба за каждый котелок. Это тоже было в какой-то мере спасение... Никакой официальной посуды. Да и растащили бы ее сразу.

Администрация чувствовала, что если рабочий контингент будет бессилён, это означает остановку вывоза леса. А ведь они имеют задания свыше. Это не только их затея — лес валить и вывозить. Этого требовало правительство. Поэтому они особенно так уж и не напирали. У нас и барак был отдельный. Там только рабочие жили, работавшие в депо. Потому что, доведи их до такого состояния, значит, остановится ремонт, остановится вывозка леса.

Разговаривать о политике боялись. И так ни за что посадили, да еще если тут дадут червончик... Тогда вообще считайте — жизнь закончена. А во-вторых, боялись стукачей. Обязательно донесут, стоит что-то сказать...

Начальство разное было. Например, у нас начальник УЖД был. Тоже в прошлом заключенный. Ему там дом оттяпали. И все остальное ему делали. И не только ему, но и многим другим помогали по дому. Вплоть до того, что их жены за водой гоняли заключенных. А другой – Файерштейн его фамилия. Это человек, который понял, что сидит контингент невинный, что перед ним не преступники, а люди с тяжелой судьбой. Он это понял. Свидания разрешал, передачи разрешал. И чувствовался в нем человек. И жена была такая же, с гуманными, так сказать, задатками. А так – многие там пользовались из вольнонаемных. Что стоит ему сказать нарядчику: оставь сегодня столько-то человек понадежнее для того-то. Офицер любой мог это сделать. Пользовались этим трудом вовсю. Огороды копали и т. д. Но у них тоже положение-то было не шибко блестящее. Представляете, он – майор, как наш начальник КОЛПа был. И вот загнали его в такую дыру. Там же выйти некуда. Ничего нет абсолютно. Ни клуба, ничего. Может быть, привозили им кино раз в месяц...

Если бы не мое слесарное ремесло, моя судьба, наверное, изменилась бы резко. А тут взяли в депо. А там было в какой-то мере послабление режима и питания. Оно хоть и поддерживающее только, но тем не менее регулярное. Я тоже, что называется, халтурил. Принесут что-то несложное – что не помочь. Потом, я работы не избегал, даже на лесоповале. Я, например, валил до 18 кубометров леса. А это в зимних условиях тяжело очень. Механизация? А какая там механизация? Лучок, топор, все. Вывозили уже без нас. Делали такие ледяные дороги. Там трактора были. После освобождения я еще в ссылке был пять лет, в Казахстане.

У меня был брат старший. И он договорился со знакомым летчиком слетать туда. Ну и полетели они, да еще дали круг над зоной. И там сели в поселке. А там же оперуполномоченный. Они быстро разузнали, к кому и как прилетели. Я брата так и не видел. Они улетели, а меня лишили пропуска (у меня был пропуск на выход в свободное от работы время) и – на этап. Вот так мне обошелся его полет. Если б он знал, он бы присел километров за 30–50...

Из воспоминаний Валентины Николаевны Мельниковой

Было это 20 октября 1942 г. Вдруг вызывают меня в милицию. Я пришла к тому, кто вызвал, показала повестку. Он говорит: «Посиди в коридоре». Я в коридоре час сижу, два сижу, до конца смены сижу. Он пошел домой, а я все сижу. Я говорю: «Вы уходите, а как же я?» Он: «Давай документы». Подаю. Он: «Пошли со мной». При-

водит меня к дежурному: «В КПЗ ее». Зачем? почему? — непонятно. Это было 20 октября. Сажу я там 10 дней. Людей — как сельдей в бочке. Спали не то что на полу, почти стоя спали. Кормили раз в день. Гулять не водили. Никуда оттуда не выводили все 10 дней. Все сидят сутки, двое, трое. Никто меня не вызывает, никто ничего не предьявляет. А 30 октября увозят в другую тюрьму, где ТЮЗ. А КПЗ — на Ленина, 17. Посадили меня, сажу.

Мне было 17 лет. Я никогда милиционера-то не видела, не то что тюрьму. За что, почему? Никто со мной не разговаривает. Никаких допросов не было — сразу под трибунал, и все. Военный трибунал был 11 декабря 1942 г. Приговорили к пяти годам тюрьмы по какому-то указу. Этот указ говорит о том, что я якобы сделала какие-то прогулы. Но никаких прогулов я не делала, числилась на хорошем счету. Работала я тогда на телефонном заводе (завод № 629). С октября 41-го. За год работы на заводе я прошла все операции. Я была в бригаде по ремонту агрегатов с фронта. И сколько на суде я плакала, чем больше плакала, тем меньше меня слушали. Я там была почти без сознания — ничего не помню, что они там говорили. Девчущечка с косичками, нигде никогда не была, а тут такое...

Преступления никакого я не делала; может быть, я там что-то и подписывала. Они меня эти десять суток держали и за них меня посадили, как потом это выяснилось. Десять дней, которые я просидела в КПЗ, сочли прогулом. Да разве я посмела бы прогулять!

Я совершенно темная была, не знала даже, что можно писать жалобу. Потом уже начальник УРЧ Вотинов увидел это и заставил меня написать в Москву. Я написала в Верховный Совет. Верховный Совет меня освободил, но это было уже 9 марта 1945 г. Почти всю войну я просидела.

Сначала я в промколонии была, потом на Красном Октябре — там какой-то филиал был. Работала на Красном Октябре, из Камы вытаскивала багром деревья. Потом меня отправили в пересыльный пункт тюрьмы, это на Плоском было. Водили нас оттуда на Пермь I — чушки литые в вагон бросали. Эта чушка 10–15 кг, я еле-еле поднимала. Сейчас я буквально вся больная... Большую часть срока я там сидела. В конце меня расконвоировали. Я ходила без конвоя, работала сторожем. Сторож из меня! Я дрожала вся...

Потом уже, когда документы в Москву отправили, начальник видел, что меня освободят, взял меня в отдел писать документы — не было людей совершенно...

Бумаги долго ходили. Когда пришли, меня тут же освободили и приняли вольнонаемной на работу...

Политических у нас было больше. Очень много было нерусских: крымские татары и другие. Гибло их много. Не выдерживали они наших условий: холод, голод. Каждый в своем был. Никого не одевали. Кто в чем.

Народ был какой-то сплоченный, друг другу помогали, давали, если у кого-то что-то есть. Но было очень голодно. Раз такой случай наблюдала. Тогда я уже работала вольнонаемной и была дежурной по столовой. Между двух дверей один нерусский схватил пайку хлеба, за ним побежали, он встал, наклонился, и, пока его еще не поймали и не пбили, он все стоит и ест, ест, ест. На все шли.

Жуть, жуть. И вот это все я перенесла. Всю жизнь поломало. Так получилось, что не выучилась, специальности не получила. А желание было. И у меня очень хорошо все получалось, я все быстро схватывала... Все потеряла. Был у меня жених, ВАТУ раньше было. Он приезжал на усовершенствование. Ему дали направление в Москву работать. Мы с ним сходили в милицию, там надо было пропуск. Меня начальник колонии не выпустил. И он уехал. Надо было ехать с ним, а меня с работы не отпустили. Всю жизнь мне война перечеркнула. Замуж не вышла, как положено. За что сидела, не знаю...

Мать у меня была уборщицей. Так я лет с десяти все мыла, матери во всем помогала. Ни от какой работы я не отказывалась и вела себя всегда хорошо. Да и характер у меня такой: я и с чертом уживусь.

Гибли, в основном, больные и те, у кого не было поддержки. Передачи все-таки принимали. А если он нездешний, значит, ему уже хуже доставалось.

Было, конечно, что уголовницы отбирали передачи. Они были нехороший народ.

И потом люди боялись: ведь ни за что сажали. Скажешь слово, его переиначат — и 10 лет.

Строгость была ужасная. Отчим мой был уже пожилой. Война началась — его взяли в армию стрелком-охранником. Когда мы на Красном Октябре вытаскивали бревна, смотрю — он. Но он не мог ни передать мне ничего, ни поговорить со мной. Он плачет, и я плачу. Очень жесткая была дисциплина. Сразу на фронт отправят и все...

Меня несколько раз пытались изнасиловать. Даже начальник колонии. Когда я уже была вольнонаемной, пришла документы подписывать. Я разбила стекло, охрана сразу прибежала...

Я все старалась правильно себя вести.

Нас на работу не возили, а водили. С Плоского до Перми I. Так под винтовкой и ведут. Водили еще на механический завод у Перми II. Там мы вату носили из ваго-

нов. Положишь на себя тюк, и тебя не видно. Падали, вставали и снова несли.

Мужчины и женщины выполняли одну работу. Меня один раз направили на пивзавод кочегаром! Я прихожу, девчоночка, говорю: «Меня послали к вам работать». Они хохочут, мужики здоровые: «Тебе лопату-то не поднять!» Спрашивают: «Откуда ты? Где живешь?» — «На Кирова». — «Так беги домой скорей, мамку повидай! А к пяти приходи». Потом меня послали дом сторожить: там ремонтировали, доски были и прочее. Самое большее, что я могла сделать в случае чего, так закричать, позвать людей. А если бы что там украли — судили бы, наверное. Но Бог миловал...

В промколонии размещались на широких нарах по несколько человек. На Плоском такие же нары были. Из досок. В чем работали, в том и спали. На голых нарах. Потом в пересыльном пункте уже были простыни, подушки. Сушилки были. В ограде стояла, вшивобойка называлась. Туда загружали одежду, прожаривали.

Баракы были мужские и женские. На ночь выставлялся дежурный. И конвоиры ходили. Но все равно на улицу в туалет не выйдешь: опасно.

Заболела я там сыпным тифом. Вообще-то там был специальный барак для больных, но инфекционных отправляли в гражданскую больницу. Привезли меня туда, поставили конвоира в коридоре. Потом сказали ему: иди, бесполезно, она умрет. Он ушел. Вызвали мать попрощаться. Но выжила. Маленькая, худенькая, а выжила. Снова прислали конвой.

На Красном Октябре, помню, раз совершенно все заболели гриппом. Ни одного врача или медсестры нет. Не помню, как это получилось, я врачом там стала. Не медсестрой, а врачом! Лекарств не было совершенно. А надо было на работу ходить. Что делали? Марганцем поясницу крестили, заваривали какую-то траву. Ему сеточку сделаешь, с собой травки дашь, да и организм сам борется — приходит: ой, доченька, спасибо!..

Зарплаты никакой не платили. Не будешь работать — не получишь пайку. Выводят, говорят: вот это сделаете, тогда пойдете домой... Пайка была 400 г. Баланда. Картошкой иногда кормили. Цинга там была. Кто о нас будет заботиться, когда другому населению есть нечего...

Я там даже балериной была! Раньше, когда я в 26-й школе училась, у нас год преподавала с Ленинграда, из хореографического. Когда я туда (на зону) попала, у нас там культмассовая работа велась. Я помню, что я выплясывала. Были люди, которые этим занимались, на репетиции ходили. А потом в столовой собирали народ, они смотрели. Почему люди этим занимались? Начальство

приказывало. От работы освобождали по этому поводу. Лекции, беседы тоже проводились. Воспринималось это заключенными хорошо. Что говорилось о политике, воспринималось как правда... Действовала и пропаганда добросовестного отношения к труду. Делался акцент и на помощи фронту. И это действовало.

Сейчас мне 73. Я просто удивляюсь, как я столько смогла прожить.

Из воспоминаний Ивана Владимировича Гренадерова

Это было 12 июня 1945 г. Прошел месяц с окончания войны. Утро выпало теплое, ясное. Я тогда был студентом второго курса Московского института инженеров железнодорожного транспорта. Мне было 19 лет. У нас началась зачетно-экзаменационная сессия. Я готовился к математике. Был один в комнате (нас вообще-то жило трое). Но товарищи были в институте, я — один. Постучали в дверь, заходят два молодых мужчины. Одному лет 25, второму — 32. Вместе с комендантом. Спросили: я — такой-то? — Да. Коменданту говорят: спекулянт. Меня это возмутило: «Вы пришли в общежитие да еще вдруг такими словами бросаетесь!» — «Ладно, ничего, не сердитесь, пойдемте в институт с нами». — «Пойдемте».

Пришли в институт в кабинет начальника гражданской обороны. Щетинкин был, помню, такой. Он писал диплом в то время и одновременно такую должность там занимал. Думаю, Щетинкин сыграл не последнюю роль в нашей судьбе. Подождали. Потом один зашел, говорит: «Машина прибыла». Вышли — народу полно: студенты, как раз сессия. Подошла «Победа», сели и поехали в центральную тюрьму. Я несколько раз проходил мимо этого здания, на полтора этажа мраморными плитами выложенного. У меня почему-то такое мнение сложилось: почтайт, что ли, какой-то. Вот открываются двери этого «почтайт» — и меня туда завезли. Сначала посадили в бокс: такая каморка, примерно метр на метр.

Насколько же я был тогда неосведомлен и глуп! Я о Пугачеве когда-то фильм смотрел. Его везли в металлической клетке. Так у меня такая мысль появилась: сейчас такие камеры, как у меня, появились, чтобы человеку не было так оскорбительно. Его не в металлической клетке держат, а в такой вот камере. Меня там до вечера подержали. Потом перевели в камеру. А на следующий день меня вызвали на допрос. Следователь-майор говорит: «Признавайтесь в своей антисоветской деятельности. Вы обвиняетесь по статье 58-10, часть II». Месяц меня в этой тюрьме мурыжили. Побывал я и в камере на троих, и в одиночке, и в карцере...

Какие обвинения мне предъявляли? Во-первых, клевета на советскую действительность. Вспоминали такой случай. Был я в деревне в отпуске, видел, как плохо там живут, рассказывал ребятам. Вот это — клевета. Во-вторых, клевета на вождя. Я читал книгу Тарле «Наполеон». Читаю такую историю. Когда Наполеон собирался форсировать Ла-Манш, он получил сразу два известия: о том, что его эскадра потерпела поражение, и о том, что Австрия выступила против Франции и ее войска направились на Париж. Наполеон сказал, что если Австрии удобнее, чтобы ее на материке били, мы так и поступим. Свернул свой лагерь и расколотил Австрию. А незадолго до того, как я это прочитал, корреспонденты обратились к Сталину с вопросом, как он расценивает форсирование Ла-Манша союзниками. Сталин высказался примерно так: Наполеон позорно провалился с форсированием Ла-Манша, а вот союзники форсировали его удачно. Я оторвался от книги и говорю: как же так он говорит, что Наполеон позорно провалился? Во всяком случае, в описании этого события Тарле нет ничего позорного. Если бы он форсировал Ла-Манш, а Австрия захватила бы Францию, вот это был бы позор. Это — клевета на вождя, в том, что он не знает историю.

Наконец, восхваление врагов народа. По-видимому, один из жителей нашей комнаты был завербован и доносил о моих словах. И вот для проверки этого к нам и послали упомянутого Щетинкина. Он придет, поиграет на гитаре, споет. Нам лестно: мы еще второкурсники, а он уже диплом пишет и к нам заходит. Начинает он вести такие разговоры, что, дескать, сейчас рабочий тяжело, неделями не выходят из цехов. А что колхозникам, на трудодни они получили, зимой делать нечего: сидят на печке, поплевывают в потолок. А я-то только что оттуда, я-то знаю, как они «поплевывают в потолок»! А клевета-то на советскую действительность подтверждается. Он же спрашивает: «А знаешь, кто считается самым лучшим оратором двадцатого века?» — «Черт его знает!» Он говорит: «Троцкий». Я говорю: «Я тоже слышал, что он хорошим оратором был». Это уже восхваление врагов народа.

Еще один момент. Как-то я читал выступление Мехлиса. Он говорит о Сталине в его присутствии: любимый, дорогой, великий и т. д. Я газету в сторону отложил и говорю: «Неужели ему не стыдно! Ведь это же явная лезть!» Это — клевета на руководителей партии и правительства, что они льстят вождю. Вот уже сколько грехов получается.

Вот следовательно из меня выколачивал признание. А мне в чем признаваться? Никакой деятельностью не занимался... Но поскольку я вел себя, если так можно выра-

зиться, гордо, он меня в карцер и определял. Потому что дважды были такие случаи, что я говорю одно, а следователь пишет совсем другое и подсовывает мне подписывать. Я дважды рвал протокол. И, наверное, за это мне дали восемь лет, а моим подельникам по пять.

Вызвали меня из общей камеры. Захожу в кабинет. Капитан спрашивает: «Фамилия? Имя? Отчество? За антисоветскую агитацию и пропаганду приговаривается к восьми годам лишения свободы». Говорю: «И за это спасибо!» — «Распишитесь». На этом все кончилось. Это было Особое совещание. Никакого суда не было.

Оттуда меня отправили в Ульяновск. С месяц в совхозе картошку убирали. Потом — в Соликамск. Это было в декабре месяце. А тогда морозы были не в пример нынешним, за сорок градусов. А везли нас в грузовых вагонах. У нас была печка-буржуйка. И давали нам ведро угля на сутки. А нары были сделаны из сплавных досок. Только после сплава, обледеневших. На мне были надеты какой-то немыслимый бушлат, совсем драный, какого-нибудь третьего срока носки, шапка и тряпичные ботинки. Чтобы там нам не замерзнуть окончательно, нары эти почти что все сожгли. Остались на нарах только урки. А мы, все остальные, на полу. Прижмемся друг к другу, прикроемся чем могли...

Помню случай. Пересчитывали нас в дороге. Стоим мы. А конвоир одному из нас: «Что глаза вылупил?!» И как ему по лицу даст! А у него был скрученный из проволоки жгут. Тот сразу кровью залился...

Вот нас пригнали в Соликамск. Сначала я попал на командировку «Долгая». О ней ходили такие разговоры: «Командировка — Долгая, а жизнь на ней — короткая». На самом деле люди мёрзли... Каждый день увозили. (Это зима 1945/46 г.) И побег были. Но, если кто-то сбежал, утром он лежал около проходной, чтобы все видели, что это бесполезно.

Меня сразу определили на повал. Помню, было нас три человека: кроме меня, сын учителя сельского, десятилетку закончил, не работал и работать не хотел, и один парень, татарин. А нас предупредили: вот вам две недели на то, чтобы освоиться и специализироваться, половину нормы давать, а через две недели вы должны давать полную норму. А я глупыш был. Думаю, надо мускулатуру подготавливать, чтобы полную норму давать. Я пилю поперечной пилой с сыном учителя. Мы валим, я сучья обрубая. А этот самый татарин целый день задом кверху: дует, никак костер не разожжет. Раз прошел, второй раз прошел с мастером. Потом вечером слышу про себя: этого парня надо убрать из этого звена, а то недолга будет его жизнь.

Вечером объявляют: кто хочет давать по шесть кубометров, дадим такого сучкоруба, что успевай только валить.

Там снегу очень много было. К каждому дереву нужно было подойти. Потом нужно было его окопать и валить. Это был очень тяжелый труд, неблагоприятный. А весь контингент заключенных делился по категориям. Первая категория — это люди, которые могли выполнять любые работы. Вторая категория — это люди, которые могли работать на лесоповале. А третья — на подсобных работах (на дорожных и других). Четвертая группа — это уже доходяги. Мне дали третью категорию. И определили меня в дорожную бригаду. А я поначалу не захотел даже идти. Что мне — в эту бригаду, я уже тут как-то освоился. Бригадир мне говорит: я тебя не гоню, не неволю, как хочешь.

На следующий день пошел в эту бригаду — снег чистить с УЖД. Так я, когда пошел, понял: и здесь по-разному можно работать. И здесь работают не все одинаково. Так вот, меня направили в бригаду дорожных строителей. Я, наверное, месяца три там был. Но почему-то, когда весна подходила, я поплыл, поплыл, как говорится, — похудел здорово. А тут как-то еще поднялся утром. Позавтракали. Прилег до развода. И чувствую: у меня голова кружится и как будто температура. Я пошел к врачу. Смерили — 39 градусов. Меня от работы освободили. Говорит: «Вечером приходи». А я ни подняться не могу, ни дышать: вся грудь болит. Пришел вечером в медпункт. А врач был тоже заключенный. Мы с ним разговорились, я ему рассказал свою историю. Э, говорит, у нас с тобой судьбы одинаковые. Он тоже был студентом медицинского института, с четвертого курса ушел добровольцем на фронт. Он всю войну был в полевом лазарете. А когда война кончилась, его тоже по 58-й статье. Говорит: пока я жив, ты не умрешь! Он меня положил в стационар. Я был такой худой и неделю не мог ничего есть. У меня тогда определили дистрофию четвертой степени. А это такое истощение, когда уже происходят необратимые процессы в организме. На мое счастье, этот процесс не был слишком долгим.

Нас, доходяг, собрали и с этой Долгой отправили на 21-й километр. Нас врач встретил и говорит: кого вы привели, их надо в стационар класть, а вы на работу привели.

Когда я был на командировке «21-й километр», меня определили коновозчиком. А потом обратно — с 21-го на Долгую. Там я был бригадиром дорожной бригады, потом комплексной бригады (валили и вывозили лес). Я сделал таким образом: один день только два человека на вывозку, а все остальные — на лесоповале. Мы за этот день валили на три дня. Потом три дня вывозили, сколько полагалось

по плану, но не больше, и получали пайку. А потом через три дня — та же история.

Раз меня придавило...

Тут в Соликамске организовали курсы мастеров лесозаготовок. Меня послали на эти курсы. Расконвоировали. На них я оказался самым грамотным человеком. У нас, правда, был один юрист. Но он в технике ничего не понимал. А я все-таки два курса института закончил.

На этих курсах я подружился с преподавателем. Старший инженер-транспортник Александр Васильевич Трипель, немец. Тогда немцы были на правах интернированных. Умница был. Он у нас транспортное освоение вел и основы геодезии. А я геодезию в институте прошел, практика у нас была. Я ему понравился.

Меня вначале отправили на Сим. А Александр Васильевич в это время был в отпуске. Он написал мне две бумажки. Одну начальнику Симского ПТО. Это был друг его, немец. Он написал: «Эрвин, если помнишь своего Сашу, то сделай для этого человека все, что он будет просить». Вторую — инженеру-транспортнику: «Эргард, если хочешь уехать оттуда, готовь этого человека на свое место».

Когда я туда приехал, они меня назначили помощником технорука. А я в то время в лесе так здорово стал разбираться, что, стоило мне только посмотреть на дерево, я мог сразу сказать, какая кубатура, какие можно будет бревна выпилить, какие у дерева пороки. Всю древесину знал назубок. Все Госты знал назубок: на пиловочник, на авиационную древесину, на фанеру и т. д. А там все надо было подбирать достаточно строго. Я организовал технический кабинет, вел занятия с мастерами и бригадами. Я пробыв там, наверное, месяца полтора. А потом пришла телефонограмма о моей отправке в Соликамск, для того чтобы отправить на Мысью инженером-транспортником. А Мысья был режимным лагпунктом. Строгий режим. Там были самые отпетые. Их запирали на ночь. А Александр Васильевич говорит: «Что тебе делать на Мысье, поедешь в Кушмангорт». Дал мне денег на дорогу. Он знал каждого из руководства отделения. Каждому дал характеристику. Объяснил, как с каждым надо будет поступать, как себя вести. И эти его характеристики, как я убедился, были просто отличные. А это очень много значило...

Приехал я вечером, переночевал, пошел к начальнику отделения. Файерштейн был, Павел Евсеевич. Еврей. Но умнейший еврей. Младший лейтенант. Я ему отдал бумаги. Посмотрел он на них без особого интереса: мальчишка, 58-я статья. Звонит Александру Васильевичу, говорит: «Ну, удружил ты мне! Что я с ним делать-то буду? С этим мальчишкой?» А тот ему так сказал: «Во-первых, у меня других нет. А во-вторых, я все-таки отвечаю с Вами на-

равне за транспортное освоение. А в-третьих, подождите, еще хвалить будете».

А я хоть и курсы закончил, хоть в геодезии разбирался, но не сказать, что уже был в этих делах специалистом. Поэтому я днем в лесу пропадал, а ночью я сидел над книжками. Я назубок выучил все технические условия. Люди потом удивлялись: откуда он все это знает?..

По совету Александра Васильевича, я, когда приезжал в отделение, всегда заходил к Файерштейну и ему докладывал: в этой делянке леса остается столько, этого леса хватит до такого-то числа, переходить будут в такую-то делянку, надо будет все готовить...

При мне сократилось дорожное строительство в два с половиной раза. Я делал таким образом. Я считал, сколько там есть. Знал, что все равно выпрашивать будут, поэтому я немного меньше указывал. Когда приезжал на лагпункт, мастера ко мне: Ваня, паршивый лес, надо будет дорогу подновить. Хорошо, я пишу: лимит увеличивается на столько-то. Принимали мои бумаги без всяких разговоров...

Однажды там было так называемое Кровавое воскресенье. Это было в день пуска канала «Волга—Дон». Наверное, 1951 г. Тогда объявили рекордным днем. Вечером с нижнего склада ведут людей под конвоем на головную командировку (КОЛП, Кушмангорт). А перед командировкой был загончик, огражденный колючей проволокой. Через этот коридор проходят, а их в это время обыскивают. Но люди-то стараются побыстрее пройти, около коридора много их столпилось. Команда: «Отойти отсюда!» Но это не один человек, сразу не отойти. И дали команду стрелять. Прямо по людям начали палить с вышки... Одного насмерть убили, а второго ранили. Тут, конечно, заключенные взбеленились. Раненого сразу забрали в стационар. А убитого не отдают: «Не подходи, не дадим, пусть едет сюда начальник лагеря». Тогда Тарасюк, моему, был. И, наверное, часа три с половиной не подпускали никого к труп. Там собралось все кушмангортское начальство. Только благодаря оперуполномоченному Пономареву (его уважали) удалось труп унести. За ночь прилетел сюда заместитель начальника Усоллага подполковник Хорошев. Он когда-то был в кремлевской охране. В чем-то там провинился, и его сюда, в Усоллаг, заместителем начальника. Утром всех вывели на площадь. Он сказал, что меры будут приняты, разберемся, виновные будут наказаны. Правда, троим из охранников, вроде, по году дали. Но как раз амнистия была, и их освободили.

И так я был там до апреля 1953 г. Срок закончился. Все восемь лет отсидел за минусом пятидесяти трех дней. Это у меня зачеты были. Зачеты практиковались два раза,

как-то кусочками было. А в основном не было этих зачетов...

Я там пришел к убеждению, что одно из преступлений Сталина — это создание лагерных охранников. Это было целое племя. Которые на людей смотрели, как, например, я сейчас смотрю на дерево. Может, даже мне срубить дерево сложнее, чем ему убить человека. Тогда такая была психология, что они передовой отряд. Гордились, что туда не любых ставят, а только передовых и лучших...

Те, кто режим соблюдал и работал, тем еще ничего... Но если кто работать не хотел, тех в карцер сажали. Там и били в карцере. Все было.

На Долгой каждый день люди мёрли. А в мои обязанности, когда был статистиком у нарядчика, входило составлять акт, когда люди умирали. Причем в шести экземплярах акт составлялся. И на этих актах должны быть его пальцы. Человек умрет, ко мне бегут: идите, смотрите. Я вначале на самом деле их пальцы печатал. Но они же костенеют, и я свои туда! Проходило!

Я остался жить только благодаря добрым людям. Я мог высчитать день своей смерти с математической точностью. Но благодаря людям я все-таки остался жить. Первый был Иван Иванович Дураков, мастер железной дороги. Он оказался моим земляком. Когда он узнал, что я земляк да еще в железнодорожном институте учился, он стал меня выделять. В мои обязанности входило приготовить обед, который сухим пайком давали на бригаду, и поддерживать огонь в кострах у охранников и у него. Второй Александр Александрович Ерошкин. Это врач. Если бы не он, я бы давно на том свете был. Александр Васильевич Триппель. Жаль, он умер, 54 года ему было. Кандидат наук. Когда я освободился, сразу к нему пришел. Он благовоременно договорился, что я приду в Гидроспецлес инженером-изыскателем. В Соликамске. Сами жили они в никудышных условиях. Да я еще жил у них, дней, наверное, десять. Да и он же меня направил инженером-транспортником в такое место.

Осужденным по политическим и бытовым статьям поначалу очень трудно было сосуществовать с блатными. Потому что все были доходягами. Потом люди стали немножко поправляться. Года через полтора после войны стали чуть лучше кормить. Вместо гнилой брюквы стали крупу, лапшу готовить. Люди стали немного силу чувствовать. А то отнимали. Если посылку кому пришлют, отнимут. Одежду отнимали. У меня тоже костюмишко был серый — отняли. Да еще с боем отняли. Их собралось человек пять. Я к стенке спиной прислонился: не подходите, говорю, загрызу! Набросились, избили, отобрали. А когда люди почувствовали силу, они стали давать им отпор. Первыми были такими чеченцы. Их

было человек 12–14 на командировке. Дружные были. Как-то один получил посылку, у него отобрали блатные. Они возмутились и пошли шерстить урок. Их поддержали остальные. Они тогда в один барак заскочили, забаррикадировались. Им говорят: выходите, а то или барак подожжем, или крышу обрушим, но вам уже не жить. Тут сразу охрана прибежала. Сделали им коридор, и они по одному из барака выходили. Их на другие командировки отправили. После этого стало лучше, поспокойнее.

Когда люди были на грани жизни и смерти, урки особо безжалостны были. Это была главная опора надзирателей. Они им делали поблажки. Надзиратели им приносили еду, даже водку. Урки поддерживали дисциплину. Сами они не работали, а работающие записывали на них норму...

Наша зона была чисто мужская, а были и женские. 21-я командировка была женская. И была еще командировка Восточная. Там лес не валили. Там было подсобное хозяйство.

У начальства поселок был при командировках, несколько поодаль. Жили они с семьями. Правда, у охранников жизнь тоже не сахар была. Они тоже такие же, можно сказать, заключенные.

Постельных принадлежностей поначалу не было. Спали так. Я стелил то, что на мне было, и бушлатом накрывался. А ботинки – под голову. Чтоб не украли. Да и подушек-то не было. Потом, когда я был уже инженером-транспортником, я спал уже в постели, у нас были и матрасы, и одеяла были, и подушки были...

А вот еще была какая история. На одной командировке не стало врача. В чем-то провинился, его перевели на другую. Самым старшим медицинским работником остался санитарруктор, в обязанности которого входило следить за чистотой бараков и т.п. И вот он ведет прием. Но ведь черт его знает, какое лекарство надо давать! Он был летчик по специальности. Так он кирпичом лечил! Кирпич натрет немного, настит. Сам кирпич убирал, а воду эту давал. И был при нем такой случай: одному урки пырнули в живот. Привезли его с распластанным животом. Что делать? Так он все кишки в живот сложил и ниткой зашил. Потом отправили беднягу в отделение, где он и умер...

Из воспоминаний Израиля Абрамовича Зекцера

...Я мечтал стать ученым физиком, атомщиком либо астрономом. Увы, судьба не позволила мне подняться вы-

Израиль Абрамович Зекцер, председатель Пермской ассоциации жертв политических репрессий, член правления Пермского областного отделения международного общества «Мемориал». Воспоминания печатаются в сокращении.

ше прикладной геофизики... Осенью мы собрались в 10-м классе школы № 11, в ту пору последнем классе полной средней школы. Но не пришлось мне его закончить. Я все чаще задумывался, почему мы так плохо живем, почему говорим одно, а делаем другое, почему так беззастенчиво хвалим себя, а сказать правду боимся. Дошли до меня и слухи о кровавом терроре. Мой дядя в 1937 г. попал под жернова Ежова, готовился под следствием на роль «диверсанта», намеревавшегося взорвать электростанцию, но «доблестные» чекисты не успели его «обломать», и с приходом Берии дядя попал под «свежую струю», которой и был выметен из тюрьмы. Дяде сказочно повезло, хотя после всего пережитого он немного «свихнулся».

Если жестокие провалы в сельском хозяйстве, экономике, в обеспечении товарами народного потребления еще можно было в ту пору оправдать последствиями войны, то процветающую коррупцию, особенно партийно-чиновничьей элиты, вездесущий блат и соответствующую общественную мораль оправдать в моих глазах было нечем. Переполненный чувством неудовлетворенной справедливости, детскими мечтами и «революционным духом», я и создал «Новую коммунистическую партию справедливости» в составе: Изя Зекцер, председатель, Слава Павлов, Вадя Юмшанов, Боря Белов и Дима Плешков, присоединившийся впоследствии. Мы признавали программу ВКП(б), а устав собирались переработать. Наша цель была — восстановить справедливость, устранить коррупцию, построить «действительно социалистическое» общество. Наш метод — путем пропаганды и агитации вовлечь в свои ряды большинство населения и сбросить, отстранить от власти партийно-чиновничью элиту. Но о диктаторе — ни слова. Настолько был силен страх перед ним и его репрессивной системой, что определиться в отношении к ним мы интуитивно не решились. Мы были дилетантами, мы не имели понятия об азах макроэкономики, об основах управления государством. Мы были просто большими детьми и затеяли большую, вдохновенную, но опасную в этом государстве игру. Во всяком случае — я! Ибо, как оказалось, из пяти членов нашей «партии» (впоследствии именуемой «антисоветской организацией») двое изначально оказались сексотами (секретными сотрудниками КГБ). Ничего противоестественного в этом не было: таков, примерно, был расклад нашего «передового советского общества». Нам дали просуществовать два месяца. 6 декабря 1945 г., после дня «Сталинской конституции», я был арестован. Наступила юность, начались мои лагерные университеты.

Ранним утром 6 декабря я вышел из дому и направился в школу. Было совсем темно. Как только я завернул на Комсомольский проспект, между улицами Коммунистической и Ленина, меня догнали двое здоровенных мужиков в штатском, а рядом остановилась «эмка». Меня схватили и потащили в нее. С большого испуга, еще не поняв, в чем дело, я вырвался и побежал. Естественно, меня догнали и затолкали в машину. Один из «группы захвата» собрал мои рассыпавшиеся учебники и тетрадки (шик моды: мы ходили в школу без портфелей), что меня несколько успокоило, хотя всю недолгую дорогу я канючил: «Дяденьки, куда вы меня везете?» Когда машина остановилась, старший, сидевший рядом с шофером, вылез, встал в позу и изрек: «Есть такое учреждение – КГБ!» Меня отвели наверх, почти сразу завели в кабинет начальника следственного отдела полковника Хецелиуса. Мы «познакомились». Это был красивый мужчина, лет 35. Я узнал, что я государственный преступник, что следствие будет вести он лично и что я буду помещен во внутреннюю тюрьму Пермского КГБ, куда меня вскорости и отвели.

Помню неширокий коридор, по обе стороны примерно десять металлических дверей с кормушками и глазками, в конце коридора была уборная вокзального типа и двери, ведущие в два прогулочных дворика. В камере стояли две койки и между ними столик у окна, закрытого «намордником». У входа слева – обязательная параша, и оставалось немного свободного места, достаточного для «прогулок»: два шага туда, два обратно. В этой клетке уже содержались два человека. Один представлялся инженером из Краснокамска, другой – шахтером из Кизела. Фамилии не назывались. Днем мы сидели на койках, как в купе, на ночь сдвигали койки и спали с «комфортом», я, как самый молодой (16 лет) и не пользующийся ночью парашей, – посередине. Днем спать запрещалось, ночью яркий свет электролампочки в металлической решетке упорно бил в глаза. Однако я быстро привык к этому. На допросы арестованные вызывались, как правило, днем (чувствовалось послабление режима против 1937 г. и некоторое благодушие режимного состава в связи с благополучным окончанием войны). На допросах физические воздействия ко мне не применялись, сокамерники также не жаловались. Только однажды «гражданин Хецелиус» не выдержал моего упорства и подскочил ко мне с кулаками, но сдержался. На допросах мы вели с ним, в основном, идеологический спор. Я не скрывал свои «антисоветские» взгляды, но утверждал, что я прав. Полковник аккуратно записывал мои ответы, вставляя такие слова, как «злостно», «с целью очернить советскую власть» и т. п. Я же, подписывая каждую страницу, заставлял их вычерки-

вать. Но всю ответственность за нашу «партию» я брал на себя. Так и трудились мы дружно, пока не поссорились при попытке выдать из меня признание о руководстве мной со стороны взрослых. Когда я гордо заявил, что до «всего» додумался сам, изучая нашу действительность, Хецелиус уверил меня, что я еще молокосос и что он с удовольствием бы снял с меня штаны и всыпал бы по первое число. На что я вскочил, возмущенный, и изрек: «Попробуйте!» Хецелиус подскочил ко мне с кулаками, но... — я уже рассказывал. После этого попытки навязать мне взрослого руководителя прекратились. Я долго удивлялся, почему всеисильные органы даже не попытались привлечь к делу моего отца, почему легко согласились иметь дело только со мной — одиночкой, не привлекая к «ответу» больше никого, хотя приписали мне две статьи: 58-10 (болтовня — «антисоветская агитация») и 58-11 («антисоветская организация»). Потом я понял: обком (т.Гусаров) не был заинтересован в раздутии дела и процесса у себя под боком, в среде советских школьников и комсомольцев (проглядели, товарищи!). И я благодарил Бога за отца, за семью и за своих «друзей-соучастников». Лишь через много лет, знакомясь со своим следственным делом, я узнал о той роли, которую сыграли двое из них. Узнал я также, что все дружно постарались не заметить, не акцентировать мое исчезновение, только шептались об этом по углам. Это подтвердило мои догадки о «ЦУ» обкома. Как я понял впоследствии, власти были даже готовы признать меня «психом» и после завершения следствия направили на судебно-медицинскую экспертизу. Но об этом — потом.

Я просидел во внутренней тюрьме КГБ до июля 1946 г. с перерывом на один месяц, ушедший на психиатрическую экспертизу. Довольно скоро, еще в декабре 45-го, мне были разрешены передачи и свидание с отцом в кабинете у Хецелиуса. Отец заплакал, а я только теперь осознал всю глубину трагедии, произошедшей в моей жизни. Но было уже поздно, да и я продолжал считать себя правым. И до сих пор считаю! (И глупым!)

В самом начале я оказался под доброжелательным покровительством кашевара, простого солдата, недавно вернувшегося с войны с ранением в челюсть. Он всегда предлагал мне добавку и первого и второго, его расположение и внимание были мне дороги и тепло вспоминаются до сих пор. Неважно, что он, когда обнаружил, как я делю добавку между всеми сокамерниками, обругал меня и прекратил оказывать «гуманитарную помощь». Мои сокамерники постепенно менялись, бывали мы вдвоем, а однажды около двух недель я сидел в камере один. Это совпало с майскими праздниками, я слышал звуки оркестров

и песни демонстрантов, и жуткая тоска овладела мной. Я выл. Спасибо Богу, он сжалился надо мной и послал мне сокамерника пожилого и очень умного. Он многое мне объяснил, многому научил, а главное, показал настоящий уровень игры в шахматы, которой мы постоянно занимались благодаря разрешению Хецелиуса.

Что произошло со мной в психушке? Было лето, и я все дни проводил в зеленом дворе, огороженном забором с колючей проволокой. Сторожевых вышек не помню, но мы (потенциальные психи) находились под постоянным наблюдением. Я подружился с одним взрослым интеллигентом, который мне признался, что «косит под сумасшедшего», и время от времени выкидывал всякие штучки. Он играл в шахматы не хуже меня и играл со мной «на интерес», например на яйцо, конфету или что-либо иное из съестного, поступавшего нам в передачах, периодически доставляемых моими несчастными родителями и его не более счастливой женой. Что с ним стало, удалось ли обмануть «сторожевых психиатров», «родных и близких» профессора Сербского, не знаю, ибо ушел оттуда первым. Мне — не удалось, да я и не старался. Настал день, когда собралась компетентная комиссия под руководством профессора Залкинда, чтобы прокомиссовать меня. Из всей процедуры мне запомнился только последний вопрос: «Сейчас ваша семья имеет возможность уехать в Польшу. Хочешь ли ты туда вернуться?» И мой ответ: «Нет, ведь там тоже нет социализма!» На что последовала реплика профессора: «Так ты до сих пор упорствуешь, что в СССР нет социализма? Иди!» И вскоре меня водворили обратно в тюрьму. Оглядываясь теперь на ушедшие события, я благодарю Бога и профессора за то, что избежал насильственного помещения и «интенсивного» лечения в психиатрическом лечебном заведении.

Примерно до конца июня я прокантовался в «родной» тюрьме, занимался только чтением, шахматами и едой. Затем был вызван к начальнику тюрьмы, и он зачитал мне под расписку приговор ОСО (особого совещания при министре ВД): 3 года ИТЛ общего режима. И поздравил с таким «мягким» решением. И то правда: когда я недавно знакомился со своим делом, то узнал, что тов. Хецелиус, направляя дело в ОСО, просил для меня 5 лет. Спасибо, пожалели пацана! Спасибо судьбе, что я не угадал ко временам космополитов и врачей-вредителей, а то бы «отмотали» мне на «полную катушку»!

Моя «пересыльная» эпопея завершилась благодаря стараниям отца. Начальником ОЛП № 1 был лейтенант Фудельман, и это помогло отцу упросить его (думаю, не бескорыстно) взять «ребенка» к себе. Нас, человек 50, в том числе около 10 малолеток построили, предупредили о

последствиях побега («шаг вправо, шаг влево — считается побег!») и вывели из ворот тюрьмы. Конвоиры с собаками повели нас по улицам Перми до будущего кукольного театра на Карла Маркса. Так я оказался в «привилегированной» промколонии, где и отбыл весь оставшийся срок.

Колония (ОЛП) занимала целый квартал между улицами Карла Маркса и Газеты «Звезда» и была разделена на примерно равные жилую и производственную зоны...

В первую же ночь в бараке «малолетки», куда я попал с этапа, зарезали одного урку (воришку). Для меня это было большим потрясением. Заметившие меня влиятельные политзеки (в основном, соплеменники) немедленно изъяли меня из барака, и я очутился во взрослой камере. Во вторую ночь я был «занаряжен» на работу слесарем в замочный цех. Мастером ночной смены был зек, еврей из Белоруссии. Он выдал мне напильник, показал, как надо опиливать литейные заготовки под замочные языки, и пожелал успешно выполнить норму. К сожалению, я по своей природе не был приспособлен для физического труда и до сих пор надлежащим образом не владею ни слесарным, ни плотницким, ни столярным ремеслом. К утру мастер доделывал (и переделывал) за меня работу, а я спал под верстаком. После обеда я был вызван в каптерку. Так я познакомился с Жаном Фельдманом, ставшим для меня другом, товарищем и защитником. Это был молодой, красивый, исключительно эрудированный румынский еврей-интеллигент, конечно, с 58-й статьей и 10-летним сроком. Устроился он в лагерном понимании исключительно удачно, жил себе во второй комнате каптерки «в ус не дуя», еду ему приносили «на дом» с «барского стола», вольнонаемные дамы сами бегали к нему в каптерку «на прием». Он был единоличным распорядителем каптерского добра, начиная с постельного белья до шуб и полушубков, а после войны это очень ценилось. Первым делом Жан расспросил меня обо всем, затем мы сыграли с ним партию в шахматы, которую он проиграл (впоследствии он мне почти никогда не проигрывал). Потом в каптерку был вызван Зюня Гельман, начальник электроцеха, и я был определен учеником электрика. Из всех людей в колонии, ставших мне друзьями, товарищами, доброжелательными наставниками, и не только евреев, а и русских, и украинцев, самым любимым стал Зиновий Гельман. Одессит, исключительно умный, остроумный, с добрыми, излучающими блеск и тепло глазами! Ко мне он относился с юмором, даже с иронией, ибо явно не одобрял мою непригодность к физическому труду. Что его мирило со мной, это моя сообразительность, честность и умение играть в волейбол! А сам он играл вдохновенно и прекрасно.

Уже на второй день моего появления в колонии я получил возможность продемонстрировать свою игру. А ведь я даже не дотягивался до верхнего края сетки, был исключительно защитником и, главное, распасующим игроком. Так и повелось: я «работал» всегда с двумя нападающими, с правой руки — Зиновий, с другой — левша, тоже мой постоянный партнер (фамилию забыл). Надо сказать и о футболе. Вскоре появились у нас два футболиста. Это самый старший из знаменитых братьев Старостиных, Александр, и молодой грузин, «Кацо», бывший игрок тбилисского «Динамо». Старостин, бухгалтер по профессии, так и числился, а был расконвоирован и тренировал команду «Динамо». Каждый день они вдвоем отправлялись на «работу» и возвращались обратно на ночь. Мы познакомились, когда на плацу гоняли по выходным мяч. Как бесценную реликвию я вынес из колонии подаренный мне учебник игры в футбол с дарственной надписью Александра Старостина: «Изе Зекцеру, будущему мастеру спорта, от бывшего». Я не стал мастером спорта, а к Старостину это заслуженное звание вернулось со славой.

В нашей игре обычно участвовали сам Старостин, и «Кацо» (если они были свободны от большого футбола), и мой наставник электрослесарь Саша Карташев. Молоденький рабочий парень, бытовик, он учил меня в электроцехе мотать статоры сгоревших моторов. Вскоре я с грехом пополам научился мотать статоры крупных моторов, а мелкие портачил, так как требовалась ювелирная работа рук, и мне ее не поручали. Расчеты обмоток делал Гельман, а непосредственно командовал нами в цехе мастер Дьяченко, компанейский и добрый человек. Примерно через год меня перевели на работу в «придурки» на место клерка в отделе снабжения и сбыта после освобождения работавшего там Гришина. С Гришиным впоследствии меня снова свела судьба в ссылке в Сибири...

Шел 1948 г., близилось мое освобождение. Однако молодая начальница спецчасти сообщила Жану Фельдману, что пришло указание направить меня вместо освобождения в ссылку на спецпоселение в Красноярский край. Отец поднял на ноги всех, кого мог, и постановлением областной прокуратуры, учитывая мой возраст и примерное поведение, я был все-таки освобожден!

Конечно, мне дали 24 часа на то, чтобы я убрался из режимной Перми с запретом проживания во всех областных, краевых и прочих центрах. Поэтому я на второй день был передислоцирован на временное проживание к тете, где прокантовался целых десять дней.

Надо было устраивать свою жизнь, несмотря на приклеенный мне штамп инакомыслящего и пятый паспортный параграф. Мне было 19 лет, образование 9 классов

средней школы, ну и, конечно, трехгодичный лагерный «университет». В колонии я сделал попытку продолжить образование в заочной школе, что мне было высочайше разрешено начальством, однако вскоре забросил учебу. Не так давно где-то мне попало в глаза рассуждение одного академика о том, что гениальные люди не могут не быть отчасти лентяями. Так вот, по этой части я в жизни оказался «сверхгениальным». Итак, семейный совет решил, что для меня будет наиболее реальным поступить учиться в какой-нибудь техникум в заштатном городишке, поближе к Перми. Папа повез меня сначала в Краснокамск в целлюлозно-бумажный техникум. Но директор техникума «струхнул» принять меня не то что на второй курс, но и на первый. Тогда мы поехали в Красновишерск. Помню, на вокзале Перми по перрону важно прогуливался милиционер, и я дрожал, как осиновый лист: вдруг он проверит документы. В Красновишерске я был зачислен на второй курс техникума и устроен на квартиру к папиной хорошей знакомой, сын которой, Толя, учился на том же курсе техникума. Шла вторая декада декабря, в январе предстояла сессия за первый семестр, и я неукротимо принялся вгрызаться в общеобразовательные дисциплины, например в высшую математику, и в целлюлозно-бумажные науки. Все было для меня ново, но я успешно сдал экзамены и зачеты, в том числе и аналитическую химию, котировавшуюся не хуже сопромата. И впервые (последний раз в жизни) я получил учебную стипендию. К сожалению, Толя, с которым мы сдружились, оказался еще более «гениальным» по части лени, чем я, и завершил сессию с хвостами. Я же мог себе позволить поучаствовать вместе с однокурсниками во встрече Нового 1949 года, где впервые основательно приложился к уральской бражке до потери сознания; поиграть в шахматном турнире на первенство техникума, где занял второе место; подружиться на новогоднем вечере с Генриэттой Чепурновой, милой девушкой, моей ровесницей, очень полюбившейся мне за красоту и внешнюю, и внутреннюю, за исключительную доброту и моральную чистоту. Но не судьба была мне ни жениться на Гете, ни стать техником-технологом целлюлозно-бумажной промышленности. В середине января, во время каникул, когда меня не было дома, явился милиционер и оставил повестку: явиться мне к начальнику отделения милиции. На следующий день, ничего не подозревая, я пришел, заслушал постановление о моем задержании и препровождении в ссылку по месту назначения в Красноярский край. Мне не дали даже проститься с друзьями, знакомыми, с Гетей. Меня ждали КПЗ, этап до Соликамска, затем столыпинским вагоном до Перми и дальше, дальше...

Завершилась одна страница моей неприкаянной юности, впереди маячила романтика тайги, «сибирских рудников» и неведомых приключений!..

Во второй половине февраля мы были снова погружены в столыпинские вагоны и отправлены в Красноярск. Красноярская пересылка мало чем отличалась от Свердловской. Здесь я пробыл также почти полмесяца, пока собирался этап на Ангару. Здесь мне встретились люди, которые сыграли громадную роль в моей дальнейшей судьбе, которые отечески заботились обо мне и учили меня уму-разуму вплоть до 1954 г. и моего возвращения с Валей, женой-ангаркой, и дочкой Любушкой в Пермь. Это были (да, мои соплеменники) Берникер, инженер-механик, бывший директор завода, и Бацер Давид Миронович, по профессии бухгалтер, меньшевик, доживший до наших дней (в основном, по тюрьмам, лагерям и ссылкам), оба исключительно интеллигентные, эрудированные люди. В начале марта 1949 г. нас наконец-то спецавиарейсом доставили на Ангару в село Матыгино. Посадка производилась прямо на ангарский лед. Затем погрузка на грузовики-студебеккеры, и к вечеру мы были уже в Киргитее, маленьком поселке недалеко от конечного пункта нашего путешествия — поселка Нижне-Ангарска, или Усово — по имени ученого, открывшего здесь залежи железных (гематитовых) руд.

На следующий день мы прошли профессиональный отбор и к вечеру прибыли в Усово. Каждый уже был определен на работу и жилье. Я как неквалифицированный рабочая сила был зачислен младшим буровым рабочим на крелисное (мелкое) разведочное бурение. В поселке размещалась Нижнеангарская геологоразведочная экспедиция Енисейстроя МВД СССР. Буровиков, таких как и я, разместили в большой десятиместной палатке с железной печкой «буржуйкой» посередине (был март, и сибирских холодов уже не ожидалось). На следующий день спозаранку за нами явились наши буровые мастера и увели каждого на буровую, большинство из которых располагалось в тайге в радиусе 2–3 км от поселка. Моя буровая КАМ-300 применялась на самое мелкое бурение, до 50–100 м, обслуживалась двумя: моим начальником и мной. Он, молодой невысокий парень, был и движущей, и основной физической силой, я — подсобной. Моей обязанностью было при спуске инструмента подсоединять трехметровые буровые штанги к элеватору — специальному замку на конце подъемного троса, свинчивать их и последовательно устанавливать спускаемый инструмент на специальную вилку. При подъеме инструмента все делалось в обратной последовательности. Конечно, такая работа никак не удовлетво-

ряла меня. К тому же в первое время я оказался совсем на голодном пайке: своих денег не было, а вновь я их еще не заработал. Выручил меня Берникер. Он меня кормил почти полмесяца, пока мне не пришел перевод от отца, и я с благодарностью рассчитался. Правда, на обед в столовке приходилось есть только суп да кашу, но тут уж выбор был не за мной. С получки я гульнул. Впервые заказал в столовой стандартную порцию спирта (а в наших краях бывали только спирт, коньяк да «Советское шампанское») — 40 г. После чего весь вечер ходил очень веселый и был отведен строгими дружинниками с танцев домой. Очень быстро освоился я в поселке, стал участником самодеятельности (танцевальный кружок), завсегдаем танцевальных вечеров в поселковом клубе и вошел в состав поселковой волейбольной команды, а затем и футбольной. Конечно, я участвовал в шахматных турнирах и был бесменным чемпионом поселка. Быстро завелись друзья на спортплощадке, а подружки на танцах. Я написал Гете, объяснил свое положение, обреченность на вечное положение ссыльного и попросил у нее прощения за то, что не оправдал ее надежды. Движимый чувством бескорыстной любви, я довольно сурово предложил ей прекратить нашу дружбу. Вскоре я получил ответ. Он был полон любви и желания самопожертвования. Но этого я не принял, я был уверен, что не имею права загубить жизнь Гети, и вскоре переписка прекратилась.

А жизнь шла своим чередом. Я познакомился с Мордухаем Исаковичем Сингаловским, варшавянином, инженером-связистом, также после лагерного срока направленным в ссылку в Красноярский край. Он руководил телефонной станцией поселка и, так как в лагере работал в геофизической разведке, предложил главному геологу экспедиции Иванченко (это был специалист, культурный человек, ранее, до ее перевода в состав МВД, руководивший экспедицией) опробовать на поисковых работах электрическую разведку. В начале июня был организован геофизический отряд под руководством Сингаловского, и он взял меня к себе. Я получил задание освоить логарифмическую линейку и вскоре уже выполнял работу вычислителя. Эта работа мне понравилась. Мне полюбилась тайга, хотя было трудно передвигаться по мягкому мху-ягелю. Большим испытанием была мошка, сплошь заполнявшая тайгу и выедавшая у некоторых людей мясо аж до костей, особенно в тугих местах, например между пальцами рук. Без накомарника можно было ходить только в поселке (там больше продувал ветер), но никак не перед дождем, когда мошка сплошь заполняла воздух, залезала в рот и нос, глаза и уши. Зато лесные клещи совсем не были за-

ражены энцефалитом, и их укус обычно был неприятен, но совершенно безвреден...

Нас было сначала 5 человек: Илья Бахур, белорус, бывший водитель какой-то партийной шишки в Минске, поплатившийся лагерем за это; Станислав Иванович Ковалевский, самый умудренный жизнью, отбывавший срок за «сотрудничество с немцами» (если верить ему — а я верил, так как это был очень честный, мягкий, дружелюбный человек, — «сотрудничество» заключалось в работе дворником при магистрате); Вилли Гробман, немец, инженер, попавший в Советский Союз в числе специалистов, направленных Гитлером на помощь Сталину согласно пакту Молотова-Риббентропа в 1939 г. Естественно, в 1941 году он был направлен дальше — прямехонько в лагерь, а потом попал и к нам, в ссылку. Это был очень простодушный человек, никак не сумевший приспособиться к нашим советским нравам, честный и верный товарищ. Четвертый — Юра Кулунчаков, мой одноклассник и самый близкий друг, прибывший к нам после распределения из ашхабадского техникума. Пятый я.

Илья, Юра и я с осени поселились вместе в доме-срубе, купленном Ильей, и жили коммуной. Нередко выпивали, и я быстро обучился этой «грамоте». Зимой 1949/50 г. у нас уже работали два электроразведочных отряда (Кулунчакова и Симонова), а Сингаловский стал начальником партии и сидел дома. Я работал с Юрой вычислителем, а Станислав Иванович старшим рабочим, таскал на спине две тяжелые электроразведочные батареи и командовал рабочими. Передвигались мы по тайге на камусных (покрытых оленьим мехом) широких лыжах. Так как нам платили побригадно-сдельно (по установленной цене за точку), то мы первыми стали работать не всемером, а вшестером: я выполнял работу и вычислителя, и рабочего на ближнем измерительном электроде. Это позволяло зарабатывать больше. В камералке у нас работала Анеля, юная ссыльная литовка. Вся наша молодежь приударяла за ней, но она была правоверной католичкой и ждала «своего» жениха. Помню кратковременный «десант» нашего отряда в глубь тайги на участок Северный. Нас вывезли со всем оборудованием на тракторных санях, и мы заночевали прямо на снегу в меховых спальных мешках: наломали хвойных веток под спальные мешки, разожгли костер и, главное, хорошо приняли внутрь. Сколько было смеха, когда оказалось, что спальный мешок слишком мал для Станислава Ивановича, и мы всей пьяной оравой еле затолкали его туда...

Весной 1950 г. Сингаловский куда-то съездил и привез Льва Давыдовича Поллака с женой. Это был известный ученый в области радиационной химии, попавший под

молот сталинской системы и волею судьбы оказавшийся тоже в красноярской ссылке. Стал он техруком нашей партии и в мгновение ока лично организовывал и осуществлял измерения ВЭЗ (вертикальные электрические зондирования), что позволило проследить рудоносные пласты на большую глубину...

В марте 1950 г. у нас произошло знаменательное событие: под руководством Поллака были организованы курсы геофизиков-операторов с присвоением специальности «техник-оператор по электро- и магниторазведке». Я с отличием закончил курсы и уже на законном основании стал работать техником-оператором электроразведочного отряда, а с осени – старшим техником-оператором каротажного отряда.

Для меня главными событиями лета 1950 г. были посещение отца, приехавшего повидаться со мной, и появление у нас молодого специалиста. Это была Катя Кузнецова, закончившая геологический факультет МГУ и попавшая по распределению в геолком «Енисейстроя» МВД, а оттуда – к нам. Летом мы все работали в камералке, т. е. на обработке полевых материалов и составлении геологического отчета. Очень быстро у нас с Катей возникла взаимная симпатия, и я, немного выпив для храбрости, явился к ней в гости. Мы читали стихи (я пытался читать и свои), поговорили о многом, в том числе и о моей судьбе, и... признались в любви. Решили получше узнать друг друга и, если не разочаруемся в своих ожиданиях, – пожениться. Катя была очень душевным человеком, очень чистым и честным. Мне в ней нравилось все, но больше всего, теперь я могу сознаться, то, что нравился ей я, отмеченный клеймом политпоселенца, не имеющий высшего образования и особых перспектив в жизни в советском обществе. С другой стороны, опять же мой характер, склонность к рыцарскому самопожертвованию, особенно ради близких друзей, излишняя самокритичность и заниженная самооценка не позволяли мне добиться физической близости и ускорить нашу женитьбу. И я поплатился за это. Катя, конечно, была в комсомоле, и, когда всем стала ясна наша дружба, она подверглась жесточайшему давлению со стороны партийного, комсомольского руководства да и «войск МВД» в лице майора Панкова. Ей популярно разъяснили, что ее ожидает в случае, если она станет женой бывшего политзека. И Катя, не кривя душой, со слезами призналась мне, что ей не хватает мужества на это. Мне, конечно, было очень больно, но... возобладал мой характер. И я пошел на разрыв с Катей, считая, что так будет лучше для нее. Такова была наша судьба! И по прошествии стольких лет, в свете последовавших событий, не берусь судить, что было бы лучше для нас: сойтись

наперекор судьбе, выстоять и попытаться построить свое счастье или то, что случилось? Во всяком случае, через некоторое время, когда наши пути уже совсем разошлись, Катя в письме моей маме пожалела об этом, но было уже поздно... Милая Катя! Я еще очень долго вспоминал тебя и всю жизнь хранил благодарность тебе за те мгновения счастья, которые ты мне доставила!

Дорогая моя мама! Ты справедливо упрекнула меня тогда за нерешительность, «либерализм». Сама такая маленькая и хрупкая, но мужества тебе было не занимать. И в начале лета 1951 г. ты приехала ко мне. Посмотрела, повидалась и с моими друзьями и уехала успокоенная. С большой благодарностью, преклоняясь перед тобой, я вспоминаю это.

Летом 1951 г. наша геофизическая партия была ликвидирована. Катя, Анеля и некоторые специалисты были переведены на север, другие, например Юра Кулунчаков, во вновь организуемую татаро-мурожнинскую геофизическую партию с размещением в селе Матыгино при геологическом управлении района, я же с Ильей Бахуром были оставлены самостоятельным каротажным отрядом в Усово. Я пребывал в сильной депрессии и не желал оставаться в этом месте, навевающим гнетущие воспоминания. Мне повезло. В экспедицию приехал главный геолог районного управления Лебедев. Я знал, что он с большим участием относится к политссыльным, которых он называл «белыми неграми». И я подал ему рапорт с просьбой о переводе в татаро-мурожнинскую партию. Побеседовав со мной на ходу, он тут же написал резолюцию о моем переводе в татарскую геофизпартию (село Татарка), которой руководил ссыльный известный геофизик Зандер. Зандер же назначил меня начальником вновь организуемого отдельно действующего электроразведочного отряда в тайге в 5 км от Киргитея по поискам бокситовых руд. Я набрал рабочих в Усове из числа вновь прибывших ссыльнопоселенцев, в том числе своего будущего большого друга харьковчанина Новаковского, организовал полевой лагерь, снабжение и сам в качестве оператора выполнял ежедневно электроразведочные работы. То есть работал за троих, а в качестве вознаграждения получил и оплатил в конце сезона недостачу продуктов, которые висели на моем подотчете и хранились в лагере в простом шалаше. К ноябрю, когда уже стояли морозы и лежал снег, отряд завершил исследования на полигоне и выполнил поставленную задачу. Меня перевели в зимний электроразведочный отряд, стоявший в селе Рыбное. Часть зимы 1951/52 г. прошла опять на тяжелой зимней таежной работе. Там мы вновь встретились со Станиславом Ковалевским и жили с ним

коммуной, работал у меня в отряде и ставший мне опекуном Новаковский...

К этому времени я уже был женат на Валентине Калабиной, матыгинской сибирячке, с которой познакомился на танцах, быстро сдружился и... женился. В первый и последний раз в жизни! Валя была из рабочей семьи. Жила с матерью и отчимом в своем доме за речкой Рыбной. Несмотря на то что при первых же проводах после танцев местные ребята обещали мне «ноги вырвать и спички вставить», наша связь не прекратилась, просто я перестал провожать Валю, а она стала провожать меня и оставалась ночевать... Так мы и поженились. В апреле была сыграна свадьба.

Летом 1952 г. мы работали в поле вместе с Валею, она — рабочей геофизотряда. Опять мы встретились с Юркой Кулунчаковым, также уже женатым, всласть побродили вместе по тайге вдаль от постоянных людских селений. А к зиме нас с Валею опять сократили. Только к февралю 1953 г. мне удалось устроиться рабочим в Ишимбинскую буровую партию (разведка на гематит), руководил которой знакомый мне геолог. Перед этим была попытка «органов» загнать меня в колхоз, но я выстоял. К лету нам с Валею выделили комнатку в поселковом доме-бараке. На Ишимбе мы вновь встретились с Давидом Мироновичем Бацером, который работал главным бухгалтером буровой партии. Для нас он был вместо отца. Мы часто по вечерам пропадали у него в доме, вместе со многими интеллигентами поселка, в том числе Грампами — «английскими» армянами, естественно, ссыльными.

И вот настал март 1953 г. **Умер Сталин!** Помню напряженную обстановку перед этим событием. Голос Левитана! И, наконец, траурный митинг, на котором «идейное» меньшинство, в том числе и мужики, ревело, а большинство (ссыльные) хмуро стояло и сдерживало рвавшуюся наружу неизмеримую радость! Прозвучал указ об амнистии, под которую попал и я со своим трехлетним сроком «наказания». Но только через год, в течение которого произошло для нас с Валею еще более радостное событие — Валя родила дочь-первенца Любу, — я был официально освобожден из ссылки со снятием судимости и с правом возврата в Пермь.

В начале июля 1954 г. мы распрощались со всеми, с кем могли, получили благословение Валиных родителей и погрузились на пароход, следовавший по Ангаре из Богучан до Стрелки на впадении Ангары в Енисей. Любушке было 4 месяца, Вале — 22 года, мне — 25 лет.

Завершался мой сибирский ссыльнопоселенческий период жизни, завершились мои лагерные университеты! Прощай, Сибирь, такая холодная и жаркая, далекая и

близкая, такая молчаливо агрессивная и романтически привлекательная! Прощайте, дорогие мне друзья, ставшие мне родными и близкими, прощайте, люди добрые, спасибо вам за все, хорошее и плохое, чему вы меня учили, за то, что вы не позволили мне ни на йоту потерять веру в человека, в созидательную силу великой Природы!

Впереди нас ждал этап взрослой жизни, воспитания детей, взаимной притирки и радужных надежд и ожиданий...

А. Решетов

Когда отца в тридцать седьмом
Оклеветали и забрали,
Все наши книги под окном
Свалили, место подобрали.

И рыжий дворник, подпитой,
При всех арестах понятой,
Сонеты Данте и Петрарки
Рвал на вонючие сигарки.

Осколок солнца догорал.
Из труб печных летела сажа.
И снова Пушкин умирал.
И Натали шептала: – Саша...

Десятки лет прошел я вспять.
И вот увидел я опять
И дом со сломанным крыльцом,
И мать с заплаканным лицом.
Но не зашел я в отчий дом,
Я лишь сказал:
– Вернусь потом.

Я обязательно вернусь.
Забудем боль, оставим грусть...
Я дни и ночи без конца
Ищу погибшего отца
На Колыме, и в Соловках,
И на земле, и в облаках.

Алексей Леонидович Решетов (р.1937) – поэт. Отец его был арестован в 1937 г. и погиб. Мать тоже была арестована, отбывала срок в Карагандинском, затем в Соликамском лагере. С 1944 г. семья Решетовых живет на Урале.

Но Млечный Путь, но Чуйский тракт
Не говорят, где отчий прах.
– Отец, отец! – кричу ему,
Но Вега прячется во тьму,
Но исчезает без следа
Во мгле Полярная звезда.
И вдруг из вечной мерзлоты
Чуть слышный шепот:

– Это ты?

Зачем твой крик, зачем твой стон?
Ты не для слабости рожден.
Прошло полвека, не полдня,
Пора отвыкнуть от меня.

Весна – красна, нам говорят.
Но как суров ее рисунок:
Вот-вот беззвучно догорят
Огарки черные сосуллек.
Играет щепками река.
А в небе серый гусь-салага
Летит, отстав от косяка,
Куда-то в сторону ГУЛАГа.

Кликуны

Вешним утром, в начале рассвета
Звуки трубные с неба слышны.
Это лебеди, лебеди это,
Соловецких кровей кликуны.
Друг за другом, за ангелом ангел,
Чуть заметны среди облаков,
Пролетают за наши бараки,
За угрюмые вышки стрелков.
Здесь хорошие люди сидели.
Умирили за совесть и честь.
Нынче эти места опустели.
Как надолго – не знаю. Бог весть...
Чу! Опять голоса неземные!
А давно ли твоих кликунов
Заглушали собаки цепные,
Лязг затворов и мат паханов?
Птицы – тоже живые мишени,
Что и люди, законы одни.
Но сейчас в поднебесье весеннем
Без потерь пролетают они...

МАТЬ ПОЭТА

Поэта Алексея Решетова представлять не надо. Его стихи известны читателям всей страны.

Но родился он далеко от наших краев – в Хабаровске. На Урале семья Решетовых оказалась не по своей воле. Мать будущего поэта привезли в Пермскую область по этапу...

Когда бы я ни зашла к Решетовым, Нина Вадимовна всегда сидела с книгой в руках. Литература, живопись – это повседневные интересы их семьи. Вечные интересы.

Но существует и быт. Очередь в магазинах, внезапный вызов врача, ремонт холодильника и прочие, прочие заботы.

Быт... Привычное, не очень уважительное слово.

Быть... Значит, бытовать. Значит, жить.

– Крысы закрывали весь пол, они на нас не обращали никакого внимания. И мы на них тоже. Помню, сижу, что-то штопаю, мне подруга говорит: «Нинка, у тебя на валенке крыса, сбрось хоть ее». Сбросила, надеваю куртку, а в рукаве опять крыса.

Это тоже был быт. Многолетний быт лагерей.

Судьба одного человека, одной семьи – капля в истории страны. И в то же время она отражает историю. Тем более, семья поэта.

Именно поэтому мне захотелось записать рассказы матери Алексея Решетова – Нины Вадимовны Павчинской.

– Родилась я на Русском острове, – рассказывает Нина Вадимовна. – Это недалеко от Владивостока. Дед и отец были офицерами. Во время гражданской войны у белых они не служили. Наоборот, симпатизировали красным. Помню (мне было 7 лет), на острове началась паника: идут красные! Недоваренные обеды остались на плитах – все кинулись на пароход, который шел в Японию. На острове осталось восемь семей, в том числе и наша. Мы и встретили красных.

– Я знаю, что ваша семья грузинских корней. Вот и у Алексея иконописные грузинские черты, и внучка Ольга как будто родилась в Грузии.

– По материнской линии мы принадлежим старому грузинскому роду Церетели. Были среди них и поэты. В детстве я знала много грузинских слов, мешала их с русскими. Но ни я, ни мои дети в Грузии, к сожалению, так ни разу и не побывали. Я считаю своей родиной Дальний

Восток. Там провела свое детство, юность. Там началась моя семейная жизнь, родились дети — Бетал и Алеша. Там был расстрелян мой муж Леонид Сергеевич Решетов.

Нина Вадимовна достает письмо.

— Недавно пришло из Хабаровска. Там нашли место расстрела и захоронения заключенных. Почти в центре города. Я ходила по городу и не знала, что рядом могила мужа.

Решетовым прислали из Хабаровска газету, где рассказывается о Леониде Решетове, и копию приговора.

— Прошло 53 года, а я прочитала приговор и как будто заново похоронила мужа. Для меня всю жизнь было загадкой, где он погиб и что ему ставили в вину. И вот сейчас загадка разрешилась. Он приговорен к расстрелу как изменник Родины, и приговор приведен в исполнение в родном городе.

По рассказам Нины Вадимовны, Леонид Решетов был очень способным журналистом. У него уже вышли две брошюры, и он был полон творческих планов. Как раз в это время в центральной прессе появилась статья, которая называлась «Осиное гнездо».

— В той статье Леониду Решетову был приклеен ярлык — «дальневосточный Радек». После выхода газеты и начался разгром нашей редакции.

— Когда арестовали вашего мужа?

— Младший сын Алеша родился в апреле 1937 г. Мужа арестовали в октябре.

— Как это произошло?

— После статьи «Осиное гнездо» сотрудников редакции по очереди стали вызывать на бюро горкома. Идет заседание, а «воронок» уже стоит у крыльца. Домой никто не возвращался.

Ждали своей очереди и мы. И вот наступил день: вызывают в горком мужа. Ушел, а я не могу найти себе места: вернется — не вернется? И вдруг — возвращается! Тогда я не выдержала и разрыдалась. Он меня успокаивает: кончилось все хорошо. Утром мы сидим, пьем чай. Еще не верим в свое счастье. Вдруг подъезжает машина, останавливается. Звонок в дверь. Дворник говорит: «Открой!» Я открываю. Входят пять энкаведешников. Мужа забирают и увозят. Больше я его не видела.

Через полвека сын, поэт Алексей Решетов, напишет:

Когда отца в тридцать седьмом,
А вслед за ним и мать забрали,
Все наши книги под окном
Свалили, место подобрали.
И рыжий дворник подпитой,
При всех арестах понятой,
Сонеты Данте и Петрарки
Рвал на вонючие цигарки...

– Вы пытались разыскать, где находится ваш муж?

– После ареста я сразу побежала к брату Вадиму. Он сказал: «Я знаю об аресте. Меня уже уволили с работы».

Меня тоже уволили из редакции. Шесть месяцев я никуда не могла устроиться, хотя всюду висели объявления.

О судьбе мужа я долго ничего не знала. Но однажды увидела: по улице вели колонну арестованных. Мне показалось, что мелькнуло знакомое пальто. Я побежала вслед, но колонна уже завернула за угол и вошла в ворота тюрьмы. Потом я узнала: Леша действительно содержался в этой тюрьме. Не обмануло меня сердце. Но увидеться не пришлось.

– Вам не разрешали свидания?

– В эту тюрьму я ходила к нему раз в месяц. То есть не к нему, а нам разрешали передавать в конверте немного денег. У них был там ларек, и арестованные могли себе хоть что-то купить.

Но не так просто было сделать эту передачу. Очередь была до двух тысяч человек, стояли дня по три, а мороз был дикий. Из окошек тюрьмы шел пар – от дыхания арестованных в камерах.

Однажды у меня конверт не приняли. Сказали: «Выбыл». Куда? Неизвестно.

В следующий раз я снова выстояла очередь. Снова отказ. И так несколько раз. Наконец тот, кто принимал в окошечке конверты, меня пожалел и показал мне журнал, где фамилия Решетова была вычеркнута красным карандашом. Больше я о судьбе мужа ничего не узнала.

«Отец мой стал полярною землей...» – напишет потом сын.

– А что было с вами, Нина Вадимовна? С вашей семьей?

– Меня арестовали в июле 1938 г. Я поняла: значит, следствие по делу мужа закончилось, его признали изменником. Два моих малолетних сына остались с бабушкой – Ольгой Александровной.

Под тюрьму, где сидели женщины, был переоборудован какой-то старый заводик. Потолок был стеклянный. Солнце страшно нагревало, в камере духота, падали в обморок. Камера была рассчитана на 40 человек. А в ней помещалось 500 арестованных. Нары в два яруса. Новенькие занимали место под нарами, а там вообще не пошевелишься.

В тюрьме я пробыла около месяца. В августе нас посадили в товарный вагон и повезли из Хабаровска в Казахстан.

– Знала ли ваша мама Ольга Александровна, что вас отправили в Казахстан?

— Мы тогда сами не знали, куда нас везут, что с нами будет. В тюрьме нам сказали: «Собирайтесь с вещами!» — и все. Перед отправкой я стала думать, как бы мне сообщить домой, что меня увозят по этапу. Нас предупредили, что если кто-то попытается передать на волю письмо, то это будет расцениваться как побег и добавят еще два года к сроку. Всех тщательно обыскивали.

И все-таки я рискнула. Написала записочку на папиросной бумаге огрызком карандаша, который у кого-то тайно хранился. У меня был конверт. На нем я написала: «Кто найдет конверт, отправьте по этому адресу». Но как его выбросить на волю?

Привезли на станцию. Тут пришел поезд, который привез уже освобожденных. Один из них смотрит на меня и говорит: «Сейчас ты ягодка, а когда освободят — вот будешь!» — и показал скрюченный палец. Я говорю: «Возьми у меня письмо!» Он пообещал, сказал, что даст знак, когда передать.

Нас посадили в вагон, поезд тронулся. Я на ходу бросила письмо. Но оно не долетело, упало на перрон. Переполох начался, поезд остановился, собаки залаяли. Я ни жива ни мертва. Потом все же решилась в окошко взглянуть. А тот парень стоит, будто газету читает, а сапогом закрыл письмо.

Охранники побегали, ничего не нашли. Уже после освобождения я узнала, что мама то письмо получила.

Ну, а тогда привезли в Карагандинский лагерь — 6,5 тысячи женщин только с Дальнего Востока.

А нас, 400 человек, отправили через год снова по этапу. В Соликамск.

С того самого времени Нина Вадимовна и живет на Урале. Хотя можно ли назвать годы, проведенные в лагере, жизнью? С точки зрения нормального человека — нельзя. Но они жили. Молодые, красивые женщины, одетые в арестантские одежды. Все были разные и в то же время одинаковые: жены изменников Родины. У всех одна статья, одна судьба.

— Заключение были бесплатной рабочей силой. Какую работу выполняли вы?

— Я была бригадиром. С севера сплавляли лес по Каме. Бревна вмерзали в лед. Мы их вырубали из льда. Работали вместе с уголовниками, они нас не обижали. Но надо было и к ним относиться «уважительно». Например, сидим у костра. На всех одна сигарка. Она идет по кругу. Противно брать эту сигарку в рот. Но надо, иначе наживешь себе врагов.

Нину Вадимовну освободили в 1944 г. без права выезда.

— Я мечтала скорее встретиться с мамой и детьми. Выход был один — вызвать их сюда. Очень волновалась. Дети меня совсем не знали. Не возникнет ли отчуждение? Такое случалось нередко. И вот настал день, когда я поехала встречать семью в Пермь. На станцию Пермь II подошел поезд из Хабаровска. Из вагона вышла мама с двумя мальчиками.

Как вспоминает Алексей Решетов, мать показалась ему изумительно красивой. Любовь возникла с первой минуты. Отношения между ними сразу же стали такими близкими, будто они всегда жили вместе.

Нелегкой была жизнь бывшей заключенной. И холод, и голод, и постоянная отметка: на месте, никуда не сбегала.

— Жили в бараке, — рассказывает Нина Вадимовна. — Под окном был небольшой кусочек каменистой земли. Мы просили, чтобы нам ее отдали. Своими руками расчистили, вскопали, разбили огород. Этот огород нас и кормил.

Ссылный край... Горький край. Он стал родиной поэта Алексея Решетова.

Я понимаю, почему Нина Вадимовна сумела выстоять в лагерях, — не зачерстветь, не обозлиться и даже не потерять красоту: у нее огромный запас душевных сил. Недаром в своих стихах Алексей Решетов так часто обращается к матери:

Ты одна перед Богом ходатай
За меня, моя старая мать.
Ты одна мне поможешь когда-то,
Ничего не боясь, умирать.
Ты одна мне дарила победу
Над бедой тяжелее свинца.
Нет конца материнскому свету.
Есть начало — и нету конца.

Когда по ЦТ прошел фильм об Алексее Решетове «Белый лист», неожиданно для Решетовых на него откликнулись старые знакомые из Новосибирска, Киева. Пришло письмо и из Рязани. «Дорогая Нина Вадимовна! Помните ли вы Розову? Наверное, уже забыли. Это пишет ее дочь Наташа...»

— Помню ли я? — качает головой Нина Вадимовна. — Вместе в лагере сидели. Красавица была. Помню ли я? Еще как помню!

Р. С. Нины Вадимовны не стало 12 мая 1991 года. Она читала этот материал. Мы еще хотели с нею поговорить, что-то дополнить. Не успели...

МОЛЧАНИЕ ПОМЯНЕННОГО КАМНЯ

И раньше, и во времена Ивана Грозного в здешних местах шла стремительная и суровая, как вишерская стремнина, жизнь: сталкивались в битвах у подножия горы с языческим названием Полюд тюркские, славянские и угорские народы; скрипели санные обозы с рыбой и пушниной, драгоценной, мерцающей, жаркой; рыскали по берегам рудознатцы. По реке Вишере, а далее – волоком до Ивделя – проходила здесь дорога в Сибирь. Здесь началась территория ясычных вогул, крещенных в 1751 г. в деревне Сыпучи, что на берегу Вишеры. «...Они простотой сердечной своих идолов приравнивают к иконам, называя их шайтанами».

Все мы, северяне, из вогулов: кто бы нас ни крестил, своим богам молимся. Михаил Никонович, в квартире которого мы сидим и беседуем, согласен.

«Ничего из того, что думаешь, нельзя было ни записывать, хоть и хотелось, ни говорить, – вспоминает он, – всю жизнь пришлось молчать...»

Значит, своему деревянному богу молился, хотя в команде иноверцев работал.

Молодой курганский крестьянин Михаил Бутаков с оперуполномоченным ОГПУ разговаривал дерзко, с прокурором – тоже. Суд приговорил его к пяти годам заключения за антисоветскую агитацию. Он подал апелляцию. Но второго суда не было. Михаилу показали короткий приговор, отпечатанный на дешевой курительной бумаге, известной в то время под названием «филигран».

«О Господи, помоги убежать!» – молился он. «Убежишь – поймают, голову отрубят», – отвечали ему с небес голосом соседа по этапу.

В челябинской тюрьме двое уголовников вбили мужику гвоздь в голову, а потом изнасиловали...

Человеку, который произнес эту фразу, девяносто лет. Это худой, седоволосый, светлоглазый и ироничный старик. Он очень любит собирать грибы по ясным вишерским борам. Однажды, рассказывает, нашел белый гриб, при-

Юрий Иванович Асланьян, поэт, журналист, автор повестей "Сибирский верлибр" (1988), "Пролом Вишера" (1990). Вторая повесть не опубликована, она посвящена жизни ссыльных в Красновишерске – автобиографическое повествование о судьбах армян, об отце, в юности партизанившем в Крыму и получившем "награду" – ссылке.

поднял мох, а там — еще один и еще один... Всего двадцать три.

«Однажды только такое было», — с радостью и сожалением качает он головой. Однажды, один раз, один... Второго раза не будет.

Как не было второго суда. В той же самой челябинской тюрьме начальник конвоя — невидный человек, невзрачный такой — с азартом начал избивать заключенных рукоятью нагана. «Бейте их, бейте!» — кричал он.

Но рядовые с места не двинулись, ведь шел невинный тридцатый год.

Михаил Никонович не был блатным, не стал сексотом. Он был сам по себе — сам себе царь.

Этап прибыл на место, здесь шло строительство Вишерских химических заводов, будущего бумкомбината, силами четвертого управления СЛОНа — соловецких лагерей особого назначения. Директором заводов был Эдуард Петрович Берзин, тот самый, известный по делу Локкарта чекист. (Позднее Берзин был расстрелян в Магадане как японский шпион.)

Здесь, на Вишере, работал в то время заключенный Шан-Гирей, татарский князь из свиты царя. О нем можно прочитать в книге Варлама Шаламова — антиромане «Вишера». Будущий писатель входил тогда в администрацию лагеря, хотя и сам прибыл на стройку со сроком и под конвоем.

Первое зафиксированное письменно упоминание о поселении на месте нынешнего Красновишерска, теперешнем пригороде — Морчанах, относится к 1689 г. В начале прошлого века здесь было 14 дворов со 143 жителями. В начале этого века построена церковь.

Кроме воды, земли, гор и тайги, здесь есть все, но немного. Возникает такое ощущение, будто Вишера — сказочная шкатулка, инкрустированная всеми драгоценностями мира. Еще сто лет назад здесь обнаружены медные руды, серный колчедан, золото и платина, соленосные пласты и залежи гипса. Сегодня на Вишере качают нефть и добывают алмазы.

Символ сегодняшней Вишеры — это, конечно, он, алмаз. Углерод, самый твердый минерал, рождающийся в земле под большим давлением. И в россыпях все равно одиночка, сколько бы ни было каратов. Сам себе царь. Как сильный человек — не сломать, не расколоть.

А если огранить умело, то замерцает светом прожитых лет.

— К этой мере тогда прибегали редко, — рассказывает Бутаков. — После неудачного побега расстреляли группу

молодых заключенных. За конбазой... Знакомое место. Когда едешь от Соликамска до Красновидерска — сто асфальтированных километров между сосен, в конце минувешь современный язвинский мост, а затем такой же — вижаихинский. За рекой, за Вишерой, возвышается синий плавник Полюда. И слева от моста начинаются сохранившиеся бараки мужского отделения бывшего лагеря, в которых до сих пор (!) живут люди — никому не нужные, ни Богу, ни российскому народу, честно отработавшие свое старухи. Ни звезд, ни алмазов не досталось героям тыла, доживающим свой век в камерах жестокого одиночества.

Справа находилось женское отделение лагеря. А за ним — конбаза, гужтранспорт. Четыреста лошадей, на которых доставляли грузы из Соликамска, а позднее отправляли рулоны бумаги. В 60-х гг. мы, «лагерские» пацаны, наблюдали с испугом в карьере за конбазой, как вываливаются из песка на белый свет человеческие кости. Бутаков, конечно, не помнит, а моя мать до слез хорошо знает имя одного из расстрелянных...

Место для строительства Вишхимза выбрали удачное: высокий, ровный песчаный берег. Сплошные золотые сосны. После войны на главной улице города посадили аллею лип, невысоких, густых. Теплых и ароматных после июльского дождя.

На Вишеру привезли германские машины, чтобы делать бумагу для шедевров пролетарского вождя и претенциозных столичных журналов. А среди сосен построили дом с мезонином — для Берзина. Он и сейчас стоит за высоким забором, как пришедшая в упадок барская усадьба. Через шестьдесят лет дом строителя социализма был приватизирован одним из последних директоров завода. Дом перешел в сферу частной собственности. Жители города были изумлены и бессильны. Знал бы Эдуард Петрович! Впрочем, у него тоже был своеобразный взгляд на законность.

Михаил Никонович жил вне лагерной территории, как и многие в то время. Среди бывших донских и кубанских казаков. Потом казаков куда-то увезли. Существует версия, что они остались лежать в песке, неподалеку от камня Помяненный, вместе с детьми и женами. Бутаков не слышал об этой версии. Кстати, и Варлама Тихоновича он не помнит: тысяча людей прошли перед глазами этого человека.

— Не могу сказать, что книга Шаламова мне очень понравилась. Мне кажется, она написана пристрастно, с большим чувством, чем следовало бы. Тогда на Вишере все

было проще, хотя порой и хуже, чем изображено в антиромане. Моего земляка Ивана Бахтомина в штрафном участке на Волынке, у Помянного, до смерти заморили голодом. В то время угнетало не столько начальство, сколько засилье шпаны. Как тот случай в челябинской тюрьме.

Михаил Бутаков видит прошлое Вишеры не так, как Варлам Шаламов. Но, вероятно, поэтому мы и люди, что разные.

— А необыкновенных каких-либо заключенных или ссыльных вы знали?

— Нет, не знал.

— А царского доктора?

— Доктора? Он был врачом при царском дворце. Михаил Михайлович Костров... Когда на «Потемкине» вспыхнуло восстание, матросы выбросили за борт всех офицеров, кроме одного — корабельного врача. Который умер позднее — в 1942 г., на Вишере.

Был здесь и Василий Васильевич Кондырев, полковник царской армии. Потом он служил в Красной — и запил. С тоски, наверно... Он жил в бараке сангородка с женой. После войны преподавал в автошколе.

— А фрейлину императрицы, которая владела шестью языками, вы знали?

— А, Наталью... Она была фрейлиной императрицы-матери, Марии Федоровны. Помню, когда у нее родился сын, каждый день покупала ровно по 50 г масла — для мальчика. Так все рассчитала. Аккуратной женщиной была...

В антиромане Варлам Шаламов пишет, что многие аристократы отлично владели каким-либо ремеслом. Так, полковник Панин возглавлял на Вишере столярную мастерскую, а тот же Шан-Гирей работал агрономом.

Люди еще встречались те, а страна была уже не та. Все боялись друг друга. Говорили: если стоят трое, то двое наверняка сексоты.

— А вас расколоть пытались? — спрашиваю. — Не раз, — отвечает. — Что предлагали? — Женщину. — А вы? — Сам найду, — говорил. — Нашли? — Нашел...

Этой парой, Михаилом Никоновичем и Юлией Федоровной, рассказывают, любовались в городе — оба красивые, статные. Когда впервые встретились, она была замужем, имела двоих детей. Дочерей с мужем поделили...

Бывший муж Юлии Федоровны, механик речного флота, на войне стал Героем Советского Союза. А Михаил не

получил ни медали, ни звездочки — даже на погоны. Имел одну контузию и одну награду.

Заслуги признавались, а звания не давались. А он чести никому не отдавал. Под сорок уже было. Старшину роты железнодорожных войск солдаты называли «дядей Мишей».

Он улыбается, вспоминая это:

— Из-под Архангельска сняли нас — аллюр три креста! — и под Сталинград...

Там и получил контузию с наградой: «...за проявленное им отличие в боях с немецкими захватчиками судимость по приговору выездной тройки ОГПУ в 1930 г. по ст. 58-10 УК РСФСР с него снята. Военный совет Южного фронта. 4 мая 1943 г.».

Двухэтажный бревенчатый дом в центре города. В небольшой уютной квартире тепло и чисто. Мебель послевоенного образца. Старые фотографии, на которых хозяин молод и полон сил.

«И на фронте приходилось постоянно сдерживаться, молчать — было о чем...»

Войну закончил в Германии, неподалеку от подземного бункера немецкого генштаба. До сорок шестого находился в госпитале, а потом вернулся к семье, на Вишеру. Работал на разных должностях, в том числе и главным бухгалтером комбината. Так вот, если коротко, — о девяностолетней жизни. Жизни, в которой он всегда был со всеми и всегда — один.

Этот город — самый ровный и чистый в области. Он стоит на песке, улицы покрыты асфальтом, а крыши бараков — мшистым налетом времени. В этом городе жили столичные аристократы, поволжские немцы, крымские татары, греки, армяне и болгары.

Одни привезли сюда запах черноморского табака и кофе, другие — сундучки с веерами и придворными фотографиями.

Если подняться на вершину Полюда, то слева увидишь стометровую скальную стенку камня Ветлан над рекой, а вдаль, за синей тайгой, — камень Помяненный. Тот, который обо всех помнит. И на вершине, в одиноком раздумье, ты вспомнишь слова с первой страницы антиромана: «Здесь была возможность понять навсегда и почувствовать всей шкурой, всей душой, что одиночество — это оптимальное состояние человека... Идеальная цифра — единица. Помощь единице оказывает Бог, идея, вера».

Правее увидишь узкую и светлую полосу города, растянувшегося по берегу холодной и стремительной реки, имя которой каждый выбирает себе сам.

СПЕЦКОНТИНГЕНТ В ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ (1929–1953)

Сон разума рождает чудовищ. Зловещая эпоха порождает зловещие понятия. Весьма характерным для сталинской эпохи стало понятие «спецконтингент». Так на казенно-тоталитарном языке именовали различные категории населения, «заботу» о жизни которых целиком и полностью вверили Наркомату внутренних дел. Иногда чины из этого ведомства писали просто: «контингент» или «контингенты». Тем не менее все понимали, что речь идет либо о заключенных, либо о ссыльных, либо о спецпереселенцах, либо о военнопленных, либо о всех вместе взятых.

Условия труда и быта каждой из этих групп населения могли отличаться, иногда весьма существенно. Но их объединяло главное: все они не были свободны, все они работали по принуждению там, куда их направило НКВД. Пермская область не стала, слава Богу, самым большим островом архипелага ГУЛАГ. Но нельзя сказать, что это был маленький островок: сотни тысяч несчастных мучились на нашей земле. Здесь размещались почти все категории зависимого населения Советского Союза.

З/к з/к

Заключенные в России всегда были. Да и в ближайшем будущем цивилизованное общество вряд ли откажется от содержания преступников под стражей. Но только во времена сталинского диктата мы сталкиваемся с феноменом ГУЛАГа как с системой, сочетающей широкомасштабное использование подневольного труда для решения крупных народнохозяйственных задач с политическими репрессиями. Конечно, труд заключенных использовался и до и после ГУЛАГа. Но никогда в России подневольный труд не был, во-первых, столь массовым и, во-вторых, столь очевидно нацеленным на решение задачи мобилизации рабочей силы. Кроме того, только в это время в местах лишения свободы оказывается значительная доля политических заключенных, только в это время массы, пострадавшие от политических репрессий, втягиваются в сферу принудительного труда.

Андрей Борисович Суслов, кандидат исторических наук, ст.научный сотрудник кафедры отечественной истории Пермского государственного педагогического университета.

До конца 20-х гг. принудительный труд в народном хозяйстве использовался редко (если не считать время «военного коммунизма»). Увеличивающиеся расходы на содержание все возрастающего контингента заключенных при дефиците рабочей силы на стройках первой пятилетки не давали покоя жрецам социалистического строительства. В апреле 1929 г. нарком юстиции РСФСР Н.М.Янсон, нарком внутренних дел РСФСР В.Н.Толмачев и заместитель председателя ОГПУ Г.Г.Ягода обращаются к Совету Народных Комиссаров с запиской по этому поводу. Они предлагают создать в качестве эксперимента несколько концлагерей общей «емкостью» 50 000 человек для освоения северных окраин. (Кстати, инициаторам предстояло на себе испытать «эксперимент с емкостями» — всех их поглотил ГУЛАГ.) Авторы проекта подчеркивают, что организация лагерей позволит сократить расходы на содержание заключенных с 250 до 100 руб. в год, и обращают внимание СНК на то, что «в организации таких лагерей несомненно будут заинтересованы союзные республики». Уже в мае того же года идея получает поддержку Политбюро, благословившего ОГПУ на практическую ее реализацию.

Из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 мая 1929 г.²

Слушали: Об использовании труда уголовных арестантов.

Постановили: Перейти на систему массового использования за плату труда уголовных арестантов, имеющих приговор не менее трех лет, в районе Ухты, Индиго и т. д. Поручить комиссии в составе т.т. Янсона, Ягоды, Крыленко, Толмачева, Угланова подробно рассмотреть вопрос и определить конкретные условия использования арестантского труда на базе существующих законов и существующей практики.

Вскоре комиссия Янсона подготовила постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», утвержденное Политбюро 27 июня 1929 г. и СНК 16 июля 1929 г. Концентрационные лагеря ОГПУ переименовывались в «исправительно-трудовые». Туда передавались заключенные, осужденные на срок три года и выше. Остальные оставались в ведении НКВД. ОГПУ предписывалось расширить существующие и организовать новые лагеря на территории Ухты и других отдаленных районов «в целях колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы». Таким образом, задаче колонизации труднодоступных территорий первоначально отдавался очевидный приоритет. Это подтверждается и тем, что Наркомюсту, ОГПУ и другим заинтересованным ведомствам поручалось разработать мероприятия по колонизации, исходя из следующих принципов: досрочный перевод на вольное поселение лагерников «за хорошее поведение», наделение землей

отбывших срок заключенных, лишенных права свободного выбора места жительства, заселение районов колонизации отбывшими срок и пожелавшими остаться добровольно³.

*Из «Положения об исправительно-трудовых лагерях»
(утверждено постановлением СНК 2 февраля 1930 г.)⁴*

Исправительно-трудовые лагеря имеют задачей охрану общества от особо социально опасных правонарушителей путем изоляции их, соединенной с общественно-полезным трудом и приспособлением этих правонарушителей к условиям трудового общежития...

Все заключенные, независимо от категории и режима, пользуются пайком в соответствии с характером выполняемой работы...

Норма пайков определяется Объединенным Главным Политическим Управлением, но во всяком случае не ниже необходимой калорийности...

Рабочий день заключенных, по общему правилу, не может превышать 8-ми часов...

Нормы оплаты и охраны труда заключенных устанавливаются Объединенным Главным Политическим Управлением по согласованию с Народным Комиссариатом Труда Союза ССР...

Между тем правительство не дожидалось завершения оформления принятых решений. Уже 6 июня 1929 г. Совнарком СССР решает отпустить ОГПУ средства на организацию концентрационных лагерей в районе Олонца—Ухты, сначала на 10 000, а затем на 50 000 человек⁵. А с осени 1929 г. ОГПУ всю разворачивает строительство сети «исправительно-трудовых» лагерей.

В числе первых были и Вишерские лагеря особого назначения. Их организации предшествовала организация в 1926 г. под эгидой Военно-Хозяйственного управления РККА треста ВИШХИМЗ — Вишерских целлюлозно-бумажно-химических фабрик и заводов для разработки лесов Верхнекамского округа и переработки лесных материалов. Первоначально трест занимался лесозаготовками, строительством лесопильного и известково-кирпичного заводов, мастерских и т. д. Основной его рабочей силой стали заключенные Вишерского концлагеря особого назначения, входившего в систему Соловецких лагерей особого назначения. Однако центральный объектом ВИШХИМЗа должен был стать Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат. Целесообразность строительства комбината на Вишере обсуждалась в верхах более полутора лет, что было весьма продолжительным сроком для того времени. Не последним аргументом стал довод о дешевизне рабочей силы из числа спецконтингента для строительства и для обеспечения комбината сырьем после его постройки. Решение о расширении сети лагерей ОГПУ пришлось как нельзя кстати. 6 июля 1929 г. Совнарком принимает постановление «Об отпуске средств на строительство Вишерского лагеря особого назначения». «Общий

размер расхода на строительство бараков для размещения заключенных Вишерского лагеря и на оборудование этапных пунктов» определялся в 500 000 руб.⁶ Правда, ОГПУ запрашивало на увеличение Вишерлага немного больше — 611 410 руб., мотивируя затраты экономической целесообразностью содержания в лагере больших масс заключенных.

Из письма зам. председателя ОГПУ Г.Ягоды и нач. спецотдела при ОГПУ Г.Бокия в СНК СССР от 27 июня 1929 г.⁷

... 5 000 заключенных, сконцентрированных в Вишерском отделении УСЛОН в 1929-30 г. полностью должны окупить свое содержание путем использования на работах без затраты средств госбюджета.

Попутно с установлением доходных источников для содержания вышеназванной численности заключенных ОГПУ выявило, что экономические возможности, предоставляемые территорией Вишерского лагеря с находящимися там заводами и происходящим строительством, позволяют увеличить вместимость лагеря и довести численность заключенных до 8 000 чел., сохраняя при этом принцип самокупаемости.

В этом случае лишь особо выделяется вопрос о жилищных условиях заключенных и об оборудовании этапных пунктов по пути следования, так как изыскать потребные на эту цель средства в доходной смете лагеря не представляется возможным, а самый размер доходных поступлений обеспечивается тоже лишь при наличии относительно удовлетворительного содержания заключенных как рабочей силы.

Идея самофинансирования лагерей продолжала будоражить умы государственных деятелей. Осенью 1929 г. ей придается законодательное оформление в виде постановления СНК «О финансировании лагерей ОГПУ», содержащего, в частности, установку «перевести с 1 октября 1929 г. Соловецкий, Вишерский и Северные лагеря ОГПУ, емкостью до 90 000 заключенных, на самокупаемость».

Однако в реальности не все было так гладко, как на бумаге. Из 30 000 заключенных, намеченных к передаче в лагерь ОГПУ в сентябре-октябре 1929 г., реально было передано 25 733 человека, а в декабре 1929-го — феврале 1930 г. вместо 39 000 заключенных передали только 16 935. Первоначально главными причинами были отбраковка ОГПУ заключенных с физическими недостатками (до половины контингента) и нежелание НКВД отдавать своих заключенных. В январе 1930 г. выяснилось, что имеющиеся лагеря ОГПУ переполнены, а новые еще не построены. Поэтому в 1930 г. НКВД пришлось даже пойти на такую меру, как разгрузка мест заключения.

Хозяйственные аппетиты ОГПУ росли. Ведомство стремилось к значительному увеличению рабсилы из заключенных в лагерях. Во время тяжбы с Наркомюстом в августе 1930 г. по поводу ведомственной принадлежности заключенных, имеющих срок более трех лет, ОГПУ оценивало свои потребности в рабочей силе на 1930—1931 гг. в

276 000 человек. При этом на 20 августа 1930 г. в лагерях находилось 180 000 заключенных, из них на работу вывезено 150 000. В частности, по Вишерским лагерям особого назначения потребности исчислялась в 18 000 человек, из них на строительстве целлюлозно-бумажного комбината бывшего ВИШХИМЗа предполагалось занять 6 000, а на лесозаготовках для комбината и для внутреннего употребления — 12 000 лагерников¹⁰.

В 1930 г. в структуре ОГПУ появляется главное управление лагерями. Уже вскоре это управление полностью подчиняет себе многие строительства, ведущиеся силами лагерных контингентов. Так произошло и со строительством Вишерской целлюлозно-бумажной фабрики, переданной в ведение ГУЛАГа «в целях правильной организации и централизованного руководства». Главная дирекция ВИШХИМЗа упраздняется, а в управлении лагерями создается специальный Отдел ВИШХИМЗ, что свидетельствует о значимости данного объекта для руководства ОГПУ. Возглавить строительство Вишерской ЦБФ на месте предписывалось Э.П.Берзину вместе с его заместителем Я.С.Лифшицем и помощником З.А.Алмазовым. Берзин при этом одновременно назначен начальником отдела ВИШХИМЗа при ГУЛАГе ОГПУ¹¹.

Красновишерский целлюлозно-бумажный комбинат стал первым промышленным объектом, возведенным трудом заключенных. За строительство его в рекордный 15-месячный срок начальник этой стройки ОГПУ Э.П.Берзин был награжден орденом Ленина.

Впоследствии 20-тысячный контингент Вишерских лагерей использовался для заготовок леса, строительства Березниковского химического комбината и города Березники, других объектов на севере нашего края. Количество заключенных в тюрьмах и колониях Прикамья в то время было невелико. На 1 июля 1931 г. в Перми содержалось 1 516 заключенных, в Чусовской колонии — 2 435, в Березниковской колонии — 1 425 заключенных и 2 660 ссыльных с принудработами¹². 14 июля 1934 г. Вишерские лагеря расформировали¹³. Некоторое время в крае не было самостоятельных лагуправлений, действовали только колонии и тюрьмы областного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний. Все тюрьмы и колонии Наркомюста с 1934 г. перешли в ведение только что сформированного НКВД СССР.

В середине 30-х гг. резко меняется отношение к контингенту лагерей, об образцовых лагерях уже нет и речи, лагеря превращаются в жернова, перемалывающие огромное количество людей, в том числе множество осужденных во внесудебном порядке. Рабочий день увеличивается до девяти, а потом до десяти часов; бывало, что он длился и

дольше. Пайка постепенно урезалась, к концу 30-х гг. она с трудом дотягивала до физиологического минимума. Впрочем, не всегда и не везде.

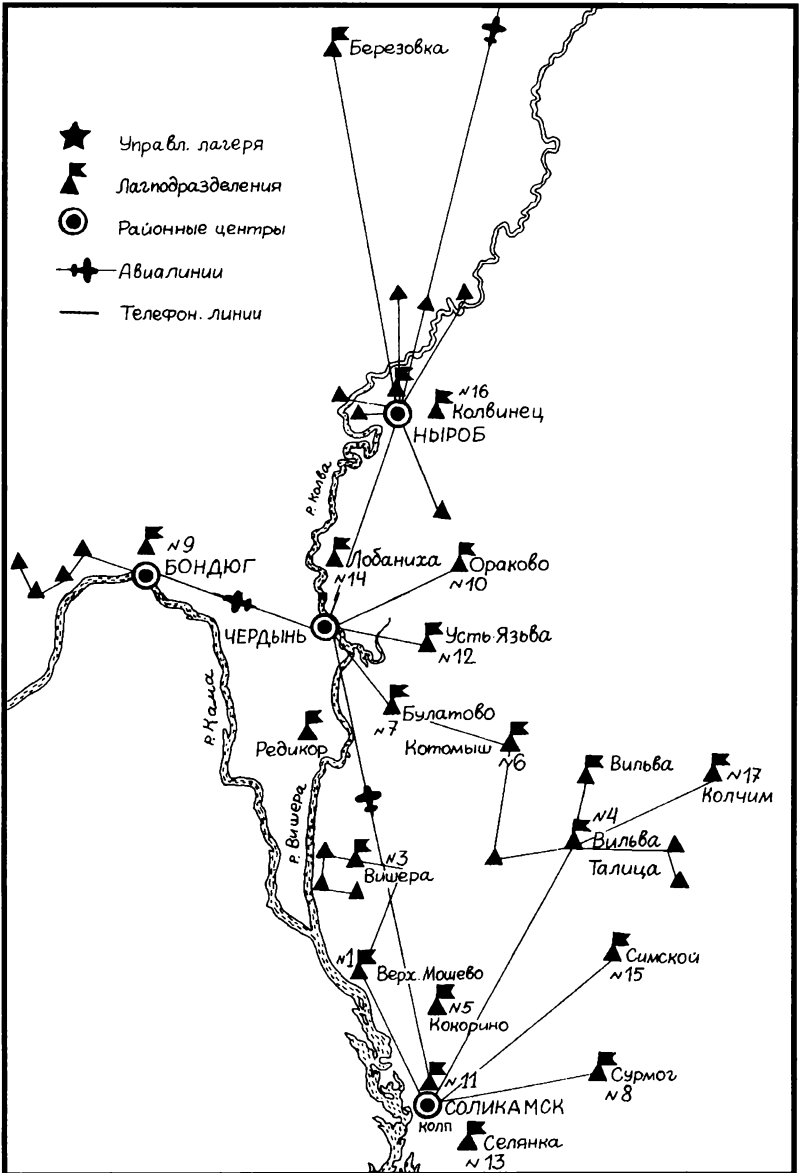
В это время в ведомственную лексику НКВД, да и в неофициальную лексику, уже довольно прочно внедрились слова «з/к» и «зек». Зеками называют заключенных и сегодня, хотя многие и не догадываются, что означало в официальном делопроизводстве сокращение «з/к». Между тем это сокращение расшифровывалось просто: «заключенный каналаармеец». Так называли заключенных, свезенных со всей страны на строительство Беломоро-Балтийского канала в 1931–1933 гг. Называя беделог «каналаармейцами», политическое руководство стремилось подчеркнуть их отличие от узников тюрем царского времени. Именно тогда советская пропаганда поднимала на щит лозунг трудового перевоспитания заключенных и захлебывалась от восторга над «первым в мире опытом перековки трудом самых матерых уголовников-рецидивистов и политических врагов». Однако идея «перевоспитания» скоро перестала восприниматься всерьез, хотя и вожди, и лагерные начальники повторяли слова о трудовом перевоспитании как заклинание. Уже с середины 30-х гг. все отдавали себе отчет в том, что главной задачей лагерей и колоний является не пресловутая «перековка», а получение максимальной хозяйственной отдачи от «з/к» при минимальных затратах на их содержание.

Концентрация заключенных в Пермском крае до конца 30-х гг. оставалась сравнительно невысокой. До образования Усоллага в 1938 г. здесь действовало только 5 колоний, в которых содержалось около 5 000 заключенных.

Строительство Соликамского сульфит-целлюлозного завода, начавшееся в 1936 г. (предполагалось закончить его в сентябре 1939 г.), потребовало привлечения значительного количества заключенных. В мае 1938 г. стройка передается Главлесстроем в ведение ГУЛАГа. Однако вплоть до августа 1938 г. заключенные для строительства предоставлялись Свердловским ОМЗ. Непосредственно на строительстве работало около 1 500 человек, составляли они более 2/3 работников¹⁴. Но для возведения объекта требовалось развитие вспомогательных производств (заготовка леса, строительство дорог и т. п.). Решение этих задач стало одной из причин появления в 1938 г. Усольского лесного лагеря. С осени того же года строительство почти полностью обеспечивалось рабочей силой из Усоллага. Вольнонаемные составляли весьма незначительный процент. В только что созданном Усольском лагере на 1 февраля 1938 г. насчитывалось 873 заключенных. Численность их стремительно увеличивалась. Через месяц их стало 4 983, через два — 10 749. Этапы продолжали при-

Карта

размещения производства и оборудования
Усольяга НКВД СССР. Март 1941 г.

бывать, и на 1 февраля 1939 г. в Усоллаге насчитывалось уже 34 403 заключенных¹⁵. Потом, правда, число их несколько уменьшилось, во многом в связи с превращением Соликамбумстроя в самостоятельное подразделение ГУЛАГа с собственными весьма населенными лагерями.

На 1 января 1940 г. за Соликамбумстроем числилось 9 936 заключенных, а за Усоллагом — 31 190. В конце того же года заключенных в этих лагерях чуть поубавилось: в Соликамбумстрое содержалось 6 749 заключенных, в Усоллаге — 27 562¹⁶. Областное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний, напротив, увеличило свой контингент до 9 671 заключенных (на 1 марта 1941 г.)¹⁷.

После начала войны, в связи с эвакуацией лагерей из западных районов, количество заключенных в Прикамье резко увеличивается. В октябре 1941 г. в 13 колониях и пересыльном пункте УИТК содержалось 21 862 заключенных, а в декабре 1942 г. в 20 лагподразделениях УИТК насчитывалось уже 27 526 человек, в том числе 5 857 женщин¹⁸.

В годы войны система ГУЛАГа в целом сформировалась. Уменьшение количества заключенных с 1 500 000 человек в 1941 г. до 700 000 в 1945 году произошло, прежде всего, вследствие увеличения текучести контингента: через лагеря и колонии ГУЛАГа в военное время прошло более 5 000 000 человек, из них около 1 000 000 освобождено досрочно и отправлено на фронт, а 2 000 000 умерло¹⁹.

Именно в военные годы на пермской земле появилась большая часть лагерей: Кизеллаг, Ныроблаг, Березникилаг, Широковлаг, Понышлаг. Эти лагеря включали в себя десятки лагерных подразделений, в которых томились десятки тысяч заключенных. Например, в январе 1944 г. в Усоллаге содержалось 36 456 заключенных, в Соликамлаге — 7 025, в Широковлаге — 10 904. Кроме того, немало заключенных находилось в лагерях и колониях УИТЛК. На 15 октября 1944 г. там пребывало 23 287 человек²⁰.

В послевоенные годы некоторые лагеря исчезают, например, Широковлаг и Понышлаг. Одновременно появляются новые: Кусьинлаг, Усольгидролес, Молотовстрой. На апрель 1953 г., накануне амнистии, согласно справке МВД, в Молотовской области содержалось 112 238 заключенных (УИТЛК — 22 757*, Кизеллаг — 22 120, Усоллаг — 24 201, Ныроблаг — 27 425, Молотовстрой — 12 267, Усольгидролес — 3 468)²¹.

* Незадолго до составления этой справки в состав УИТЛК был передан Кусьинлаг, в котором в первом квартале 1953 г. содержалось 1844 чел. — См.: ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.187, л.43.

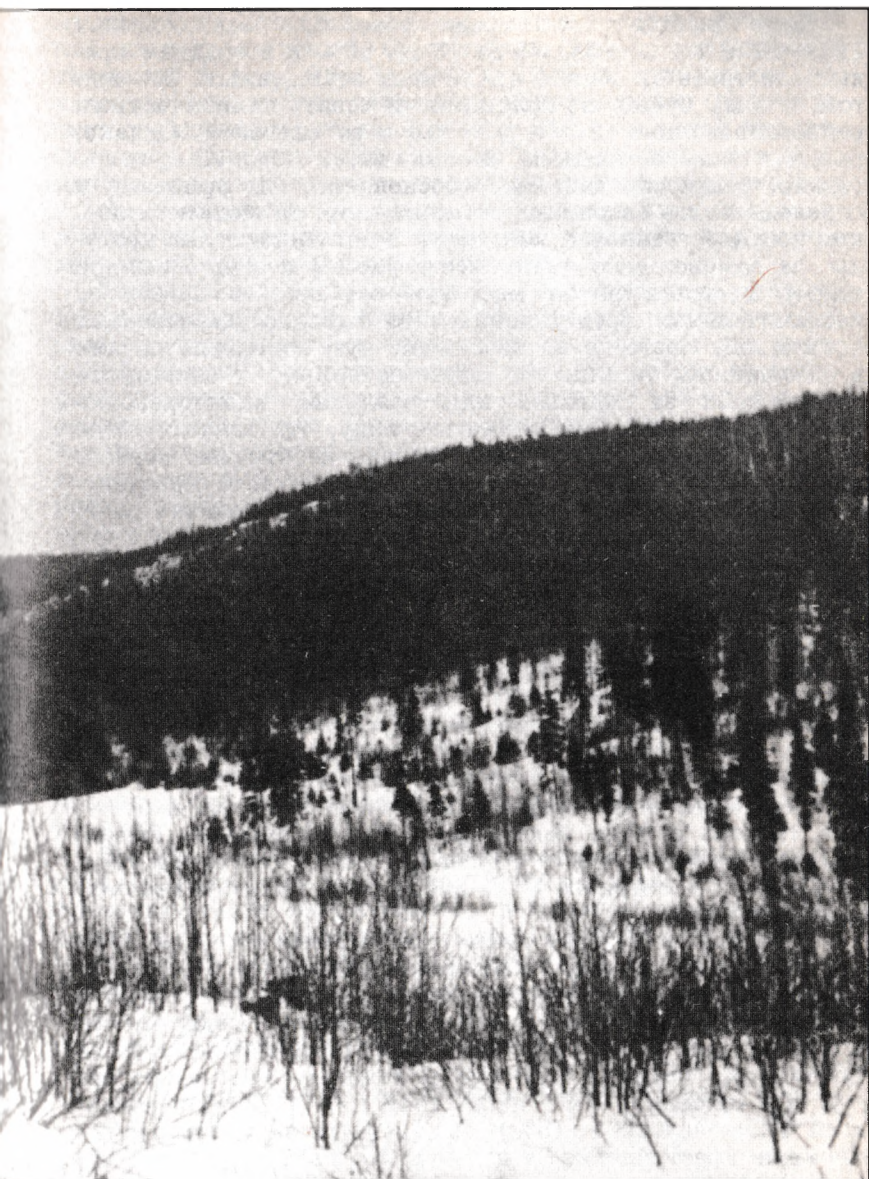
Строительство Понышевской ГЭС. 1-е отделение Понышлага (вахта).
Март 1943 г.

Строительство Понышевской ГЭС. Шпалорезка. Март 1943 г.

Строительство Поньшевской ГЭС. Общий вид реки Чусовой. Март 1943 г.

Доля политических среди советских заключенных 1929–1953 гг. колебалась от 18 до 56% и в среднем превышала треть от общего числа всех осужденных. Это при том, что мы будем, по традиции, называть политическими репрессированных по 58-й статье и ее аналогам. Однако, признав всех остальных не политическими, а, следовательно, репрессированными обоснованно, мы признаем и справедливость сверхжестких наказаний за мелкие хищения государственной и колхозной собственности, за прогулы, за самовольную смену места работы и т. д. Большой террор предусматривал массовую отправку в лагеря за незначительные преступления. Это было государственной политикой. Поэтому, во избежание путаницы, употребляя в дальнейшем термин «политзаключенные» в отношении осужденных за мнимые или реальные «контрреволюционные» деяния, будем иметь в виду, что значительную часть оставшихся составляли отнюдь не отпетые воры и убийцы, а крестьяне, «мотающие» свой срок за пресловутые «колоски», рабочие, пожелавшие сменить место работы, сбежавшие из своих училищ фэзэушники и т. д.

58-я статья на Западном Урале, как и в других регионах страны, в основном, концентрировалась в лагерях, составляя не менее четверти заключенных. Например, на 1 октября 1938 г. в Усоллаге находилось 18 192 заключенных. 7 420 из них были осуждены за контрреволюционные преступления, 1 920 – за преступления против существующего порядка управления, 1 698 – за имущественные преступления, 87 – за нарушение закона о паспортизации, 5 279 попали туда как «социально опасный элемент» и «социально вредный элемент», 110 – за нарушение «закона о пяти колосках»²². Таким образом, можно смело утверждать, что в 1938 г. подавляющее большинство узников Усольского ИТЛ пострадали по политическим мотивам.

В колониях УИТЛК политзаключенные составляли не столь значительную долю лагерного населения. На 1 января 1943 г. из 25 338 заключенных по ст. 58 УК РСФСР и аналогичным статьям союзных республик содержалось 1 876 человек (7%), по ст. 59 – 311 (1%), осужденных за прочие преступления – 19 443, находилось под следствием – 3 708 человек²³. На 1 июля 1949 г. в УИТЛК содержалось 4 694 человека (13%), осужденных за контрреволюционные преступления, а на 10 июня 1951 г. – 2 554 человека (9%)²⁴.

В конце 20-х – начале 30-х годов политзаключенные, несмотря на пристрастное отношение к ним со стороны властей (по сравнению с уголовниками), содержались и работали, по большей части, вместе с остальными заключенными. Поскольку они, как правило, были людьми гра-

мотными, их зачастую использовали в качестве начальников лагподразделений, бухгалтеров, делопроизводителей, связистов и т. д. Однако уже в 1933 г. гулаговское начальство строжайше запретило использование политических на административной работе, увидев в такой практике угрозу существующей системе²⁵. Однако эти запреты до начала «великой чистки» частенько нарушались, так как в глазах лагерных начальников, нуждавшихся в специалистах для выполнения плановых заданий, нарушение запрета выглядело меньшим злом.

Впоследствии осужденные по политическим статьям рассматривались как «социально опасный контингент» и поэтому содержались в отдельных секциях лагерей и колоний, так же как и подследственные. На работу их выводили отдельными бригадами, на отдельные объекты и под усиленным конвоем. Правда, в реальной практике политзаключенных частенько не отделяли от прочих сидельцев, за что местным начальникам, решающим в первую очередь производственные проблемы, иногда попадало от проверяющих.

Лагерная администрация, как правило, использовала уголовников для поддержания дисциплины. Им доставались выигранные рабочие места: нарядчиков, комендантов, бригадиров и т. д. Начальство сквозь пальцы смотрело на террористические методы «наведения порядка» блатными, похоже, других методов оно само не знало. Уркам дозволялось обирать остальных заключенных и издеваться над ними. Это позволяло администрации снять с себя значительную часть бремени забот о выполнении производственных заданий и поддержании внутреннего порядка.

В 1950 г. руководство МВД принимает дополнительные меры для отделения осужденных за контрреволюционные преступления и бандитизм от остальных заключенных, кроме того, констатируется очевидная необходимость четче проводить разделение по полу и возрасту. Общего приказа по МВД оказалось недостаточно, лагерное начальство ожидало более ясных указаний от своих местных руководителей. Такие указания появились.

Из приказа начальника Управления МВД по Молотовской области от 18 марта 1950 г.²⁶

1. Сконцентрировать осужденных по всем пунктам ст.58 УК:

- а) в Л/О № 9 на участке в Кр.Вишере – до 15/IV-50 г.
- б) в Л/О № 13 на участке № 4 – до 1/IV-50 г.

Вновь поступающих в пересыльную тюрьму заключенных по 58-й ст. УК направлять только в эти подразделения.

2. Осужденных за бандитизм, вооруженный грабёж, нарушителей лагерного режима, поступающих в пересыльную тюрьму, независимо от состояния их здоровья направлять:

Мужчин:

- а) в лаготделение № 5 – центральный участок;
- б) в ОЛП № 23 – Гремячинский участок;
- в) в ОЛП № 19 – центральный участок;
- г) в лаготделение №10 – ЦШЛП.

Женщин:

- а) ОЛП № 23 – участок Горелое;
- б) ОЛП № 1 – участок Ераничи;
- в) ОЛП № 10 – участок Центральный

В каждом из указанных подразделений за счет имеющейся жилплощади оборудовать бараки для содержания злостных нарушителей режима. Эти бараки выгородить из общей зоны двойным забором, охраняемыми постами ВСО, с расчетом полной изоляции отрицательного контингента от остальных заключенных.

3. Заключенных, не достигших 18 лет, впредь направлять:

- а) юношей, ранее учившихся в школах ФЗО металлообрабатывающей промышленности, в Пром. ОЛП № 1; остальных в Пром. ОЛП № 22;
- б) девушек в ОЛП № 10 – участок «Лямино»...

4. Категорически запретить как совместное проживание заключенных мужчин и женщин, так и совместную их работу...

Заключенные в Пермской области работали на стройках и на фермах, валили и сплавляли лес, делали обувь и другой ширпотреб. В годы войны они изготавливали боеприпасы и другую военную продукцию. На каких только работах не были заняты заключенные. Проще, наверное, отметить, чем они не занимались. ГУЛАГ становится крупнейшим народнохозяйственным наркоматом. А главной причиной его могущества стала возможность безжалостной эксплуатации тех, кого на казенном языке называли спецконтингентом.

В использовании труда заключенных постепенно появляются свои нормативы. В частности, определяемая ГУЛАГом доля годных к физическому труду (группа «А») в разное время составляла 80–85%. Реальное количество заключенных, способных трудиться, вследствие неудовлетворительных условий их содержания зачастую было меньше. Это вызывало недовольство гулаговского руководства, местные начальники, в случаях существенного снижения доли трудоспособных, получали взыскания по служебной линии.

С самого начала своего существования ГУЛАГ неплохо освоил предоставление дешевой рабочей силы различным ведомствам, что очень походило на сдачу рабов в аренду. Поразительно, но факт, что гулаговское начальство ставило на одну доску получение прибыли от производственной деятельности заключенных и от предоставления рабочей силы в распоряжение других предприятий. Например, в «Сведениях о выполнении производственной программы по ОИТК Пермской области за январь–июль 1939 г.» в одной таблице соседствовали две строки, свидетельствовавшие, что за изготовленные промышленные изделия колонии

получили 2 082 000 руб., а за предоставление рабочей силы — 8 663 000 руб.²⁷. То есть торговля людьми принесла ведомству в четыре раза больше денег, чем производство!

Из 25 338 заключенных, содержавшихся в колониях УИТЛК на 1 января 1943 г., 16 268 были заняты на контрагентских работах, т. е. были предоставлены в качестве рабочей силы другим ведомствам²⁸. В октябре 1944 г. 12 760 заключенных колоний УИТЛК (более половины от общего количества) содержались в контрагентских подразделениях. Из них 8 100 работали на различных объектах, а 4 660 производили ширпотреб в самих колониях, работали в подсобном хозяйстве, в хозобслуге или не работали вообще²⁹. В одном только в 1947 г. Молотовское управление ИТЛК заключило договоры с 30 предприятиями двух десятков министерств на выделение в общей сложности около 15 000 заключенных³⁰. А в июле 1949 г. в контрагентских подразделениях содержалось уже 22 007 человек (62%) заключенных УИТЛК, половина из них выполняла работы непосредственно на объектах различных министерств, с которыми были заключены договоры³¹.

Заключенные, переданные предприятиям области, использовались не только на подсобных работах. Например, Мотовилихинский завод, использовавший труд заключенных ОЛП № 5, часть подневольной рабочей силы (187 человек в 1947 г.) направлял на промышленное производство, остальные работали на лесобазах, УКС, обслуживали транспорт³².

Ведомства, зажатые тисками планов и оборонных заказов, выжимали все соки из арендованных невольников, не считаясь с их здоровьем. На 1 января 1943 г., по данным врачебных комиссий, в контрагентских колониях УИТЛК насчитывалось 39% годных к физическому труду, в то время как группа «А» по основным работам составляла 57% заключенных³³. На деле это означало, что на тяжелых физических работах использовались годные только к легкому физическому труду и инвалиды.

ГУЛАГ, по мере возможностей, старался использовать квалифицированных специалистов из заключенных по специальности. Для этого налаживается централизованный персональный учет инженеров, техников, врачей, экономистов и т. д. Непосредственно в лагерях ценились квалифицированные слесари, токари, плотники да и просто грамотные люди. Местное начальство, как правило, ценило специалистов, без которых трудно было обеспечить выполнение плана, им предоставляли более терпимые условия питания и проживания. Так, обладание профессией становилось в ГУЛАГе условием выживания. Кроме того, организация производства требовала от исполнителей хотя бы минимального владения специальностью, поэтому в

лагерях в широком масштабе разворачивается производственное обучение заключенных целому ряду рабочих специальностей.

Экономия на питании и обустройстве заключенных позволяла сделать рабский труд относительно эффективным. При этом, естественно, не брался в расчет такой фактор, как быстрый «износ» рабочей силы и массовая гибель работников.

Питание заключенных на протяжении 30–40-х гг. оставалось скудным и некачественным. Все без исключения очевидцы отмечают это. В документах 1939 г. зафиксировано, что в Молотовской колонии не имелось овощей и картофеля, преобладающими продуктами были чечевица, соленое мясо и соленая рыба, а в Березниковской ИТК «питание заключенных бедно овощами, вследствие чего имеются случаи заболевания цингой»³⁴.

Большая часть заключенных традиционно содержалась в негодных для эксплуатации, неотремонтированных бараках, недостаточно снабжалась бельем, постельными принадлежностями и бытовым инвентарем.

В документах 1939 года читаем: «Помещения з/к з/к состоят из ветхих, частью непригодных для жилья барачков, расположенных на низком, болотном месте. Постельным и нательным бельем з/к з/к³⁵ снабжены недостаточно. Сушилок в бараках не имеется»³⁵. «Бытовые условия заключенных [ло № 1] неудовлетворительные, — читаем в приказе начальника УИТЛК от 11 мая 1948 г. — В бараках большая скученность, грязно, имеются клопы. Окна барачков не протираются, форточек нет, секции не проветриваются, на участке усиленного режима заключенные завшивлены»³⁶. В акте проверки л/о № 8 УИТЛК от 3 декабря 1948 г., наряду с прочими недостатками, отмечалось: «На ОЛП № 1 первое блюдо подается в чугунках емкостью на 3 литра, но так как многие заключенные не имеют ложек, то кушают из этих чугунков первобытным способом, хотя необходимости в применении этих чугунков нет»³⁷.

Спать в чем работаешь, укрываться своей рабочей одеждой, принимать пищу как придется — все это стало нормой гулаговского быта конца 30-х — начала 50-х гг.

*Из акта проверки состояния режима содержания, изоляции и охраны заключенных Усольского ИТЛ МВД СССР 1 июня 1951 г.*³⁸

В Першинском, Челвинском, Мошевском, Кокоринском, Сурдинском ОЛПах в бараках грязь, клопы...

Прибывающие с КОЛПа (пересылка) в лагподразделения заключенные карантинизации не подвергаются и размещаются по разным жилым секциям, в результате чего не исключена возможность эпидемических заболеваний... На производстве в лесу заключенные не обеспечиваются кипяченой водой и

вынуждены пользоваться сырой водой из водоемов, расположенных поблизости к месту работы.

В исключительно антисанитарном состоянии находится лагпункт Головной Мысынского ОЛПа. На территории жилой зоны много мусора, помойных ям не имеется, и отходы с пищеблока выливаются в деревянные ящики из горбыля... Во всех бараках сырость в результате мытья полов палубным способом, когда грязная вода сливается в проделанные в полу дыры. В камере ШИЗО грязь, на полу кучи мусора, окурков, параша деревянные, насквозь пропитанные фекалием, не закрываются, а отсюда в камерах зловоние...

Военные тяготы до предела обострили положение заключенных, поставив их на грань выживания. Министр внутренних дел Круглов в 1948 г. вынужден был констатировать, что в годы войны нормы питания заключенных сократились сверх физиологически допустимого предела, составляя в среднем 2 125 калорий при минимально необходимых для занятых на физических работах 3 000 калорий³⁹. Средняя площадь, приходившаяся на одного заключенного, сократилась до 1,4 кв.м, а в этапно-пересыльных пунктах — до 1 кв.м. Следует учесть, что эвакуированные заключенные прибывали ослабленными и изнуренными долгой дорогой, в то время как бараки и подсобные помещения для них еще не были подготовлены, не хватало больничных коек, лекарств и медицинских работников. Молока и других диетических продуктов, необходимых больным, в наличии не было. Зимой отмечались значительные перебои с питанием. Поэтому смертность осенью—зимой 1941 г. резко возросла. За октябрь—декабрь в колониях Молотовского ОИТК умерло 1 889 человек⁴⁰. Однако к весне 1942 г. ситуация стабилизируется, смертность заметно сокращается, хотя еще остается достаточно высокой. В первом квартале 1943 г. умерло 1 169 заключенных УИТЛК (4,6%), в четвертом квартале того же года — 234 (1,2%). В декабре 1944 г. смертность составляла уже 0,6%, а за весь послевоенный 1946 г. среднегодовая смертность составила 0,23% (среди каторжан — 0,76)⁴¹. В первом полугодии 1949 г. в лагерях и колониях УИТЛК умерло 255 человек, или 0,1% от среднемесячной численности заключенных⁴².

Недостатки централизованного снабжения дополнялись нерадивостью местных начальников. В актах проверок зимы 1941—1942 гг. зафиксирован ряд безобразий, творившихся в колониях. Отмечалось, что в ряде колоний заключенных выводят на работу без завтрака, доставляя пищу на работу в холодном виде. По возвращении с работы уставшие заключенные долгое время простаивают у окна выдачи, раздача пищи затягивается до 11 часов вечера. Часто не отапливались бараки, заключенные спали в непросушенной одежде и обуви⁴³.

Перебои в снабжении продовольствием, бельем и обмундированием были в 1942–1943 гг. В январе 1944 г. отмечалось, что «контингент заключенных продуктами питания не обеспечен», в ряде колоний совершенно отсутствовали овощи и картофель. Значительная часть заключенных не имела шапок и других зимних вещей⁴⁴. Калорийность питания по норме № 2 в ИТК № 15 и 16 составляла, по оценкам лагерного персонала, в октябре 1943 г. 1 800–2 000 калорий, что вызывало опасения начальства⁴⁵.

Окончание войны принесло некоторое облегчение, немного улучшилось снабжение лагерей и колоний продуктами и одеждой. Однако и в конце 40-х гг. повсеместно реальные условия содержания заключенных не соответствовали весьма ограниченным гулаговским нормам. Виновны в этом были центральные органы, не обеспечивающие полностью лагеря всем необходимым, и местные начальники. Об этом свидетельствует целый ряд отчетов, актов, приказов и других документов того времени. «Контингенту заключенных до сего времени не создано нормальных жилищно-бытовых условий, — констатировалось в приказе начальника УИТЛК «О состоянии лаготделения № 15» 19 марта 1949 г. — 30% заключенных спят на голых нарах при наличии матрасных и подушечных наволочек по причине того, что руководством отделения не было принято должных мер к доставке набивочного материала. Несмотря на то что в лаготделении имело место заболевание брюшным тифом, кипяченая вода контингенту выдается нерегулярно. Зоны загрязнены фекалиями, систематическая вывозка которых не организована... На 3-м участке длительное время картофель и овощи контингенту не выдавались. Доставка пищи контингенту на место работы производится нерегулярно»⁴⁶. В середине 1949 г. на одного заключенного УИТЛК приходилось в среднем 1,8 кв.м жилой площади⁴⁷.

*Из акта проверки л/о №8 Молотовского УИТЛК от 24 сентября 1948 г.*⁴⁸

Весь контингент содержащихся заключенных в л/о № 8 обеспечен верхней одеждой и обувью по летнему сезону. Натальное белье имеется в недостаточном количестве, поэтому некоторые заключенные одеты только в верхнее обмундирование без натального белья. Имеющееся натальное белье на заключенных грязное. На ОЛП № 1 мужчины содержатся в завшивленном состоянии. Санобработку многие из них не проходили с июня месяца с/г по причине отсутствия санпропускника при ОЛП № 1. В ОЛП № 4 имеется примитивный санпропускник крестьянского типа, и санобработку на этом ОЛП заключенные проходят регулярно в месяц 4-5 раз, контингент содержащихся заключенных в ОЛП № 4 не завшивлен. Женщины обмундированы в большинстве своем в мужское обмундирование и натальное белье. Постельными принадлежностями заключенные обеспечены не полностью, а имеющиеся матрасные и подушечные наволочки в большинстве не набиты. В результате чего заключенные размещены на сплошных нарах, изготовленных из круглого лесоматериала, жилплощади в ОЛП № 4 0,9 кв. м на одного человека, а в

ОЛП № 1 по 0,1 кв. м на одного человека. При этом следует отметить, что содержащиеся больные заключенные в ОЛП № 4 размещены в одной секции со здоровыми, в том числе имеются и туберкулезно больные, больные лежачие и температурающие...

Питание заключенных в целом по л/о плохое. В период проверки в лаготделении имеются в наличии следующие продукты: чечевица, сушеный картофель, мука, соль, сахар, испортившийся маргарин, картофеля в наличии нет, имеются кабачки, от которых при обработке остается для закладки в котел не более 20% пригодного для пищи продукта. Мяса в наличии нет.

Имеющийся маргарин с запахом керосина используется в пищу как полноценные жиры при перетапливании... Санитарное состояние пищеблока неудовлетворительное, хлеб заключенным выдается плохого качества и нерегулярно. Бывают частые случаи, когда заключенные получают в сутки хлеба по 400–500 г вместо установленной нормы 675 г и уже в последующие дни недоданный хлеб компенсируется. Перебои в продуктах и хлебе бывают по причине несвоевременной их доставки в лагпункты, так, например, в день проверки в л/о овощей не имелось как на базе, так и на складах лагеря. Аналогичное положение и по другим видам продуктов, как жиры, мясо, крупы и диетпродукты.

Наибольшие бытовые неудобства приходилось терпеть заключенным пересыльной тюрьмы и следственного изолятора. Практически все репрессированные с ужасом вспоминают психические адские условия содержания в следственном изоляторе и пересыльной тюрьме. К концу 40-х гг. стало немного полегче, хотя до решения проблемы было еще далеко. Например, во время проверки пересыльной тюрьмы в январе 1949 г. из 1 254 ее узников 454 содержались сверх установленного лимита⁴⁹.

Отношение лагерного начальства и охраны к заключенным можно охарактеризовать одним словом: произвол. Большинство из них воспринимало заключенных как людей второго сорта. Мелкие людишки упивались своей властью над незащитными людьми, вынужденными выполнять любые распоряжения. Издевательства начальства, охранников и надзирателей стали повседневным и повсеместным явлением. Хотя встречались и проявления гуманного отношения к арестантам.

Лагерные начальники чувствовали себя полновластными хозяевами всего, что находилось на лагерной территории, в том числе и заключенных. Служебное положение позволяло им в любой момент воспользоваться бесплатной рабочей силой для решения отнюдь не государственных, а личных проблем. Им ничего не стоило распорядиться направить несколько государственных рабов для обустройства своего быта. Все это воспринималось как должное.

Однако, несмотря на то что местные начальники могли творить произвол в своих лагподразделениях и имели значительную долю автономии при реализации политики центра, существовали и определенные границы, преступать которые не дозволялось. Характерным примером

может служить дело руководства 301-й колонны Широковилухстрой НКВД СССР.

301-я колонна начала создаваться в конце августа 1943 г. Заключенные прибывали на Урал с юга страны легко одетые, размещались в недостроенных и плохо подготовленных помещениях. Спали в одежде в сырых и холодных бараках. Питание было организовано неудовлетворительно, скудные нормы урезались. Посуды не было. Антисанитария. Воду в первое время черпали из ручейков и луж. Кражи и избиения были системой. Сильные постоянно отбирали пищу у слабых. Все это – при полном попустительстве администрации. К этому следует добавить и прямой произвол начальства. Развод и поверки проводились часами на холоде и под дождем. Значительная часть нетрудоспособных от работы не освобождалась для занижения данных по категории «больные» в отчетах. У начальника санитарной части на жалобы больных был один ответ: «Вы паразиты, сволочи, бандиты. Вас надо убивать, а не лечить». Коменданты и нарядчики постоянно избивали заключенных при выводе на работу при одобрении начальников колонны и отделений, которые сами зачастую занимались рукоприкладством. Следствием стал чрезвычайно высокий даже для военного времени уровень заболеваемости и смертности. В третьем отделении 301-й колонны в сентябре–ноябре от работы освобождалось в среднем 34% заключенных даже при заниженном количестве больных. В сентябре–декабре смертность заключенных составила 25,7% списочного состава колонны⁵⁰.

Из протоколов допросов свидетелей и обвиняемых по следственному делу Огурцова, Свентицкого и Нестеровой (октябрь–декабрь 1943 г.)⁵¹

А.И.Петров (дежурный 301-й колонны): Навести режим было невозможно, так как люди жили в ужасных условиях и были в результате доведены до безумия. Развод на работу длился до 2-3 часов, в течение которых люди простаивали в строю на холоде и подчас под дождем... Начальник колонны Свентицкий ежедневно сажал на ночь несколько человек из заключенных в холодный, недостроенный изолятор... Комендантов Белявского и Буряка всегда приходилось видеть с палками в руках, которыми они наводили порядок в бараках после отбоя. Всех неподчинившихся они били безжалостно и по любой части тела. Это делалось в присутствии начальника колонны Свентицкого...

Т.Т.Буряк (комендант): Людей раздетых, разутых и больных выгоняли на работу, а тех, которые отказывались, сажали в тамбур по 18 человек, в котором могло с трудом поместиться не более 3 человек. Тамбур был из досок, холодный. Набивали их, как сельдей в бочку. Люди в этом тамбуре могли только стоять, но повернуться им было невозможно... По распоряжению начальника отделения Огурцова также неоднократно выстраивались на лежневке в дождь и холод больные, раздетые и разутые. Опрос их Огурцовым длился не менее 2-3 часов. При опросе [он] крепко бил кулаком под бок на каждый ответ заключенного на его вопрос о причине невыхода на работу.

А.М.Сухоруков (комендант): Режима на колонне не было никакого: пища раздавалась до 12-1 ночи, разводы и поверки длились по полтора-два часа. Люди спали не более 5 часов в сутки, да и эти часы редко кто мог использовать для сна, ибо от холода и сырости никто почти не спал... Не проходило ни одного развода, ни одной поверки, чтобы не уносили с них на руках по 2-3 человека.

А.И.Огурцов (начальник 3-го отделения): Благоустройство задерживалось... в результате отсутствия в отделении стройматериалов, как то: пиломатериалы, кирпич, гвозди, а также инструменты и квалифицированная рабочая сила... Руководству управления строительством о состоянии 301-й колонны было известно.

Характерно, что творившийся в 301-й колонне беспредел побудил прокурора Широк-Вилухстроя возбудить уголовное дело против начальника колонны С.В.Свентицкого и начальника 3-го отделения А.И.Огурцова. Оба они имели опыт руководства лагерными подразделениями. Однако сами не заметили, как вступили в противоречие с Системой, требовавшей максимальной эффективности в использовании рабов ГУЛАГа. Местных начальников, плохо усвоивших установки свыше, с помощью карательных мер «приводили в чувство». Кстати, обвиняемые реального наказания так и не понесли. Дело затянулось до марта 1945 г. и было прекращено⁵². ГУЛАГ стремился сохранить свои кадры. Возбуждение уголовного дела явилось своеобразным предупреждением зарвавшимся.

Советская тоталитарная система не знала лагерей смерти, подобно Освенциму и аналогичным фашистским учреждениям. Исключение, может быть, составляет только Сухановская тюрьма НКВД, где, по непроверенным данным, имелся крематорий. Для советской системы, равно как и для кремлевской элиты, заключенные были прежде всего дешевой рабочей силой. Задачи поголовного их истребления не ставилось. До нас не дошло ни одной инструкции или приказа, нацеливавшего местное руководство на уничтожение заключенных. Напротив, гулаговские начальники, допустившие расточительное использование государственных людских ресурсов, к коим зеки, без сомнения, причислялись, наказывались. Гибель тысяч несчастных до определенного предела рассматривалась «верхами» как неизбежная плата за дешевизну рабочей силы. Если же смертность заключенных становилась массовой, доходила до 1/5 или даже до 1/4 контингента – это в глазах высших инстанций виделось уже как небрежение государственными интересами.

Границы самоуправства гулаговских начальников, конечно, не выражались в точных цифрах «допустимых потерь». Тем не менее в случае забвения на местах смысла существования ГУЛАГа «верхи» реагировали однозначно: явный произвол и халатное отношение к созданию надле-

Строительство Широковской ГЭС. Производство земполотна
на строительстве железнодорожной ветки. Март 1943 г.

Строительство Широковской ГЭС. Шпалорезка. Март 1943 г.

Строительство Широковской ГЭС. 2-е отделение Ширлага. Март 1943 г.

жащих условий труда и быта репрессированных пресекались. Царькам островков ГУЛАГа ставилось в вину нарушение инструкций по содержанию и использованию заключенных, хотя в обыденной практике вышестоящие инстанции смотрели на нарушения сквозь пальцы. Да и обеспечение заключенных всем необходимым в большей степени зависело не от рачдения местных начальников, а от централизованного снабжения, определяемого волей высшего руководства, цинично требовавшего от своих подчиненных выполнения всех инструкций вне зависимости от чего-либо.

Но, так или иначе, для высшего руководства главнейшим показателем работы лагерей и колоний всегда оставалось выполнение производственных заданий. А это во многом зависело от того, как будут работать заключенные, как лагерное начальство сумеет заинтересовать или заставить их выполнять и перевыполнять нормы. Первоначально основными стимулами трудовой активности заключенных были относительно небольшие денежные премии в 1, 2, 3, 5 руб. По словам Шаламова, даже самая маленькая премия позволяла несколько раз получить дополнительный обед. И это в то время, когда питание было на удовлетворительном уровне и не зависело от выработки. Кроме того, в особых случаях, на ударных объектах применялись чрезвычайные методы стимулирования труда в виде дополнительных премий, отпусков и т. д.

*Из приказа по ГУЛАГУ ОГПУ от 25 сентября 1931 г.*⁵³

Учитывая ударность работ по линии Кунгур—Свердловск, проводимой управлением Кунгурских лагерей, и необходимость закончить таковые к 15 ноября, ПРИКАЗЫВАЮ:

- 1) Увеличить выплату премиальных ударникам из заключенных на 100%.
- 2) Усилить ассортимент ларьков, предоставляя возможность 100% реализации премиальных. Нормы отпуска установить 5-му отделению.
- 3) Выделить премиальный фонд в размере 10000 руб.
- 4) Предоставить по окончании работ 10-дневный отдых всем заключенным, работающим на ударной работе.

С началом пресловутой «перековки человеческих душ» с помощью труда вводится система «зачетов», формально устанавливавшая зависимость возможного сокращения срока от степени перевыполнения плана. На практике, однако, зачетами в большей степени пользовались «блатные», заставлявшие записывать на свой счет чужую работу. Для гулаговского руководства, впрочем, не составляло большого секрета, что «зачет рабочих дней зачастую предоставляется лодырям, злостным нарушителям лагерной дисциплины, а добросовестные лагерники не получают заслуженного ими поощрения». Начальник ГУЛАГа Берман в сентябре 1934 г. потребовал от всех лагерей тща-

тельной проверки зачетов рабочих дней⁵⁴. Однако создавшееся положение вряд ли можно было переломить с помощью директив. В июне 1939 г. зачеты и условно-досрочное освобождение осужденных отменяются. На этот шаг политическое руководство пошло отнюдь не с целью восстановления социальной справедливости. В условиях постановки перед НКВД новых народнохозяйственных задач его руководство уже не могло допустить досрочного освобождения значительного числа заключенных. «Эта практика сводит на нет значение исправительно-трудовых мер наказания и не способствует правильной организации труда в лагерях и полному использованию лагерной рабочей силы», — писал в приказе от 15 июня 1939 г. нарком НКВД Л.П.Берия. «Осужденный должен отбывать установленный судом срок своего наказания полностью», — подчеркивалось в приказе. Основными стимулами повышения производительности труда теперь объявлялись «улучшение снабжения и питания хороших производственников, дающих высокие показатели производительности труда, денежное премирование этой категории заключенных, свидания с близкими родственниками и облегчение лагерного режима с общим улучшением бытового положения»⁵⁵. Таким образом, на концепции перевоспитания преступников трудом ставился жирный крест.

В инструкции НКВД, введенной в действие в июле 1940 г.^{*}, система стимулов была уже достаточно разработана. Она включала в себя дифференцированную, в зависимости от выработки, шкалу питания, премиальное вознаграждение перевыполнившим план, предоставление им свиданий, создание улучшенных условий содержания для «стахановцев». Рекомендовалось размещать их в благоустроенных бараках, обеспечивать им индивидуальное спальное место на топчанах или койках с полным комплектом постельных принадлежностей, в столовых выделять им отдельные столы с первоочередным обслуживанием и дополнительным питанием, предоставлять им вещевое довольствие первого срока носки. Кроме того, «стахановцы» могли претендовать на первоочередное получение газет и журналов в библиотеке, на лучшее место в клубе, на преимущества в пользовании ларьком⁵⁶. Начальники лагерей в 1941 г. получили право в порядке исключения представлять в Особое совещание материалы на досрочное освобождение заключенных, добившихся значительного повышения производительности труда.

А вот как, к примеру, стимулировалась трудовая активность в Кунгурской трудколонии для несовершеннолетних в 1940 г. Вряд ли можно поставить в заслугу ад-

* Данная инструкция действовала до 1947 г. — А.С.

министрации поголовное вовлечение 850 воспитанников в соцсоревнование. К достижениям можно отнести то, что почти половина на 1 апреля 1940 г. выполняли производственные нормы, а четверть стали «ударниками» и «стахановцами». Это неудивительно, поскольку «стахановцы» и «ударники» получали лучшее питание, одежду и обувь. Выдача заработной платы на руки зависела от производственной активности. При месячном заработке до 25 руб. на руки выдавалось 10% заработанного, от 25 до 50 — 20%, от 51 до 100 — 30%, от 101 до 150 — 35%, от 151 до 200 — 40%, от 201 до 250 — 45%, от 251 до 300 руб. — 50%⁵⁷.

Главным трудовым стимулом в 30–40-х гг. был голод. Невозможность выжить, получая штрафную пайку, заставляла заключенных хотя бы наполовину выполнять план. Каждые добавленные к выполнению плана 25–30% увеличивали пайку на 100 г, а иногда и немного более (премблюда и т.п.). На Широковстрое в 1946 г. передовикам выдавали даже по два пайка, а также по 100 г табаку и денежные премии.

Однако, несмотря на это стимулирование, в передовиках желали ходить далеко не все. И дело было не только в некоторых нравственных ограничениях. Дополнительное трудовое напряжение требовало компенсации через питание. Дополнительный паек не мог компенсировать избыточные трудозатраты. Не случайно многие зеки вспоминали поговорку: «Губит не малая пайка, а большая». Ударный труд при мизерных добавочных пайках мог привести к быстрому истощению и смерти. Поэтому большинство предпочитало получать «гарантийку».

Иногда лагерное начальство придумывало особые стимулы к ударному труду. Например, 3 января 1946 г. начальник лесной ИТК-6 издал приказ, согласно которому «бригады, выполняющие нормы от 150 до 200%, назвать стахановскими. Для этих бригад выделить в столовых отдельные столы, лучшую посуду, обслуживать официантками. Лучшие помещения оборудовать под общежития стахановских бригад, обеспечить всех работающих постельными принадлежностями»⁵⁸. Это можно назвать игрой на человеческих слабостях. «Стахановцы» получали то, о чем на зоне, казалось бы, нельзя было даже мечтать: постель и обслуживание женщинами-официантками!

Немалое значение имела и спекуляция на патриотических чувствах людей, оказавшихся за колючей проволокой. Культурно-воспитательные части лагерей с рвением выполняли поставленную перед ними приказом НКВД в 1943 г. задачу: «...путем широкого проведения массовой политической и разъяснительной работы парализовать влияние враждебно настроенных элементов на основную

массу заключенных, вызвать у заключенных чувство патриотизма и любви к Родине и создать у них производственный подъем для выполнения и перевыполнения производственных планов и заданий»⁵⁹.

Конечно, функции КВЧ не исчерпывались этим. Из числа главных ее задач никогда не исчезало социалистическое перевоспитание «оступившихся». Для тоталитарной системы желательно, чтобы никто не мог ускользнуть из-под ее влияния, в том числе и временно изолированные от общества заключенные. Не случайно куратор Беломорканала А.Сольц заявлял, что «заключенный и в тюрьме должен жить тем, чем живет страна»⁶⁰. Навязывание «социалистического образа жизни» в ГУЛАГе приобрело в 30–40-х гг. тотальный характер. В зонах, не умолкая, вещали громкоговорители, систематически выходили многотиражки, выступали зэковские агитбригады, организовывалось социалистическое соревнование и многое, многое другое. Организующим началом, как правило, выступала лагерная культурно-воспитательная часть (КВЧ)⁶¹.

Сегодня нас поражает использование в ГУЛАГе моральных стимулов, заимствованных с другой стороны колючей проволоки. В Усоллаге, например, как и на воле, организовывались слеты ударников и обмен передовым опытом. Как потом рассказывали бывшие зеки, участников этих слетов привлекали в первую очередь отнюдь не заявленные цели таких мероприятий, а возможность оторваться от своего опустылевшего труда, пообщаться с женщинами, кормежка и т. п. В ряде лагерей стало традицией учреждение переходящих Красных знамен. Кое-где дошло и до учреждения переходящих красных кистетов. Можно подумать, что революционный красный цвет символов ударничества (вне зависимости от премиальных вознаграждений деньгами, табаком и т. д.) мог стимулировать труд заключенных. Тем более что в лагерных приказах ставилась задача обеспечить «полный охват» заключенных социалистическим соревнованием. В приказах по пермским лесным лагерям, касающихся организации ударничества и социалистического соревнования, постоянно превозносились успехи советской страны, самоотверженный труд всего народа; мотивация ударного труда заключенных основывалась на том, что они своим трудом помогают стране, всем трудящимся в решении задач построения социализма.

Из приказа начальника лесной ИТК-6 «О премировании лучших производственников-заключенных лесной ИТК-6» от 29 апреля 1946 года»⁶²

Лучшие заключенные проявили образцы трудовой дисциплины и мобилизовали основную массу работающих на выполнение поставленных задач. Этим самым оказали должную помощь руководству колонии в деле выполне-

ния плана по лесозаготовкам... Руководство колонии поздравляет всех заключенных с великим праздником 1 Мая и впредь надеется, что заключенные будут честно и добросовестно выполнять порученные работы, с любовью подготавливать жилище колонии на новом месте и готовиться к выполнению плана 1946–1947 гг.

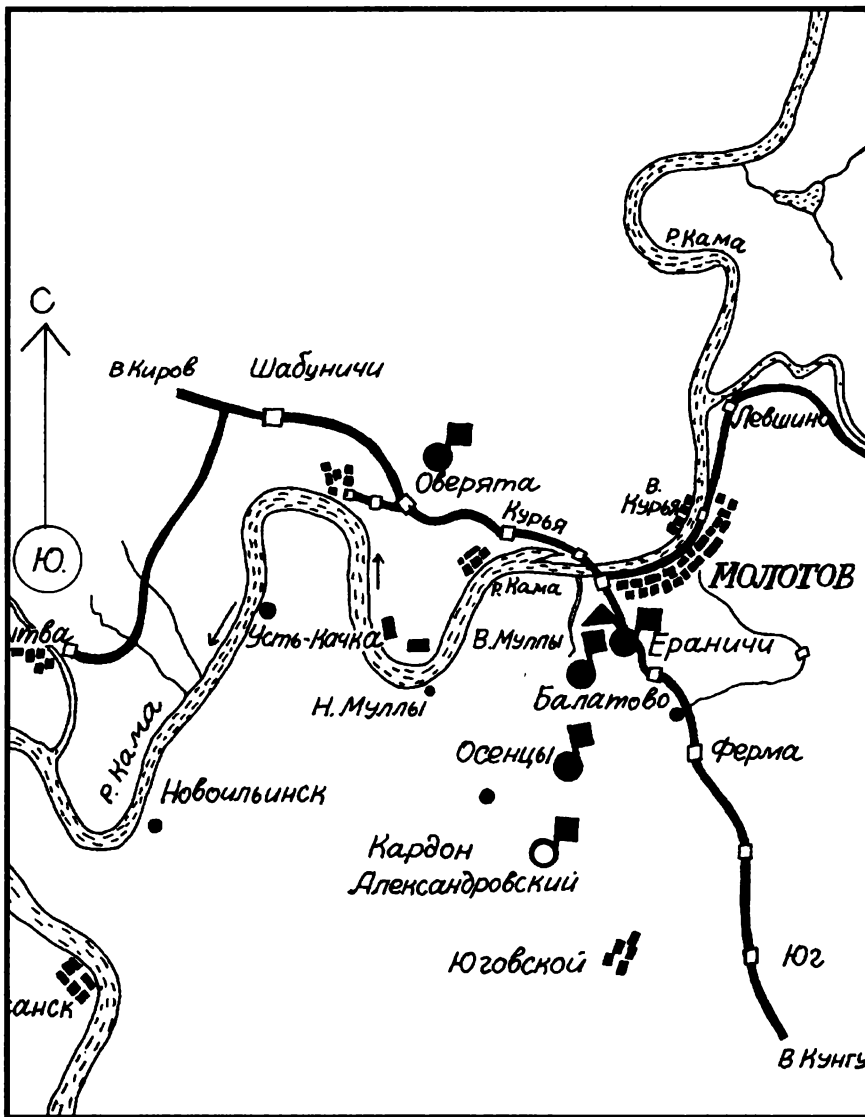
Возникает вопрос: кого хотело обмануть лагерное начальство, насыщая свои приказы столь велеречивыми лозунгами, организуя формально-социалистические починны? Здесь речь не шла об обмане каких-либо групп наблюдателей, вроде провезенных по Беломорканалу «гидами» из СГПУ писателей, часть из которых поверила в возможность социалистической перековки в местах лишения свободы⁶³. Вряд ли можно допустить и то, что гулаговское начальство жило иллюзиями социалистического перевоспитания заключенных. Скорее всего, эта шумиха была данью общепризнанным ритуалам, отказ от которых был чреват серьезными карами. Конечно, на деле никакие старания коммунистических вождей и лагерных начальников не могли привить рабам ГУЛАГа социалистического отношения к труду. Заключенные, когда подворачивалась возможность, «лепили туфту» и не желали трудиться «социалистически». Попытка навязать заключенным социалистический образ жизни была заведомо обречена на провал. А. Солженицын по этому поводу вполне авторитетно заметил: «... если с сияющими глазами станут вам рассказывать, что кто-то перевоспитался казенными средствами через КВЧ — уверенно отвечайте: брехня!»⁶⁴.

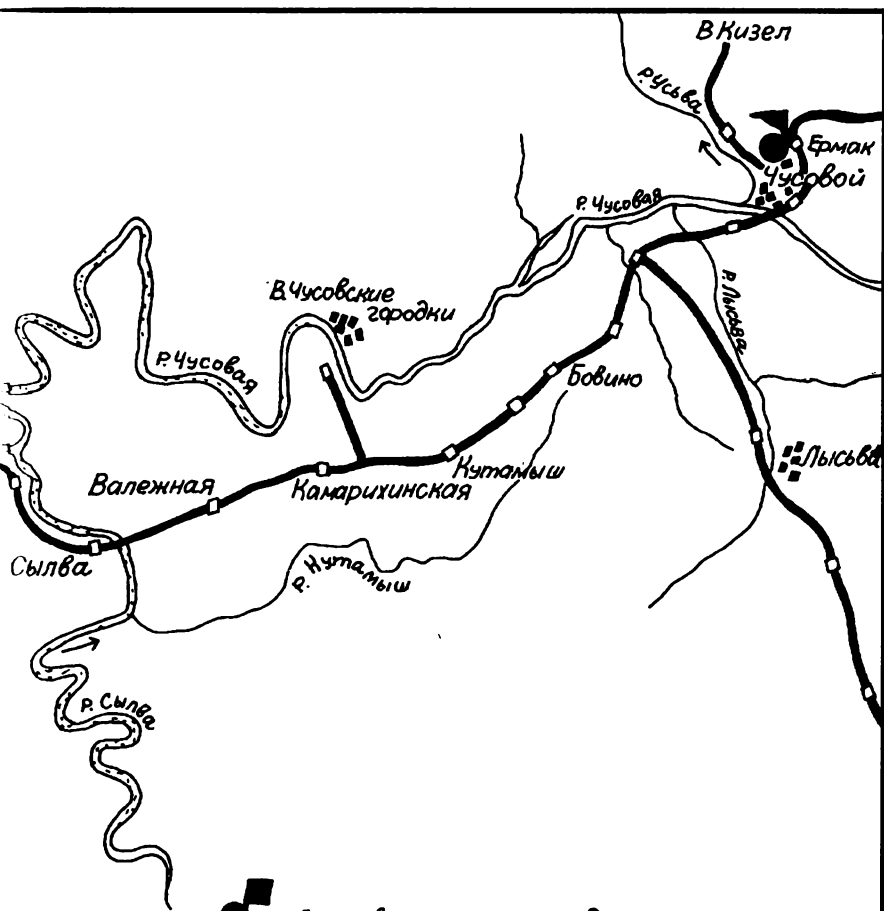
Тем не менее кое-каких результатов с помощью «промывания мозгов» все же удалось добиться. Многие, хотя далеко не все, заключенные принимали официальные пропагандистские заявления, лекции и политинформации за чистую монету, сохраняли убежденность в непогрешимости вождя и правильности социалистической ориентации и считали добросовестный труд одной из главных возможностей выживания в лагере.

Надо сказать, что к концу войны плановые задания лагерями, в основном, выполнялись. К примеру, в 1944 г. производительность труда колоний УИТЛК составляла 112% от плановой⁶⁵. В послевоенные годы также в целом обеспечивалось выполнение плановых показателей.

С августа 1950 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР заключенным вновь начали выплачивать заработную плату. У лагерников появилась возможность улучшить питание, истратив выданную на руки часть заработка в лагерных столовых и ларьках. А это было существенным стимулом для увеличения производительности труда.

Схематическая карта
расположения подразделений
УИТЛ строительства «Молотовстрой» МВД СССР
по состоянию на 1 апреля 1952 г.

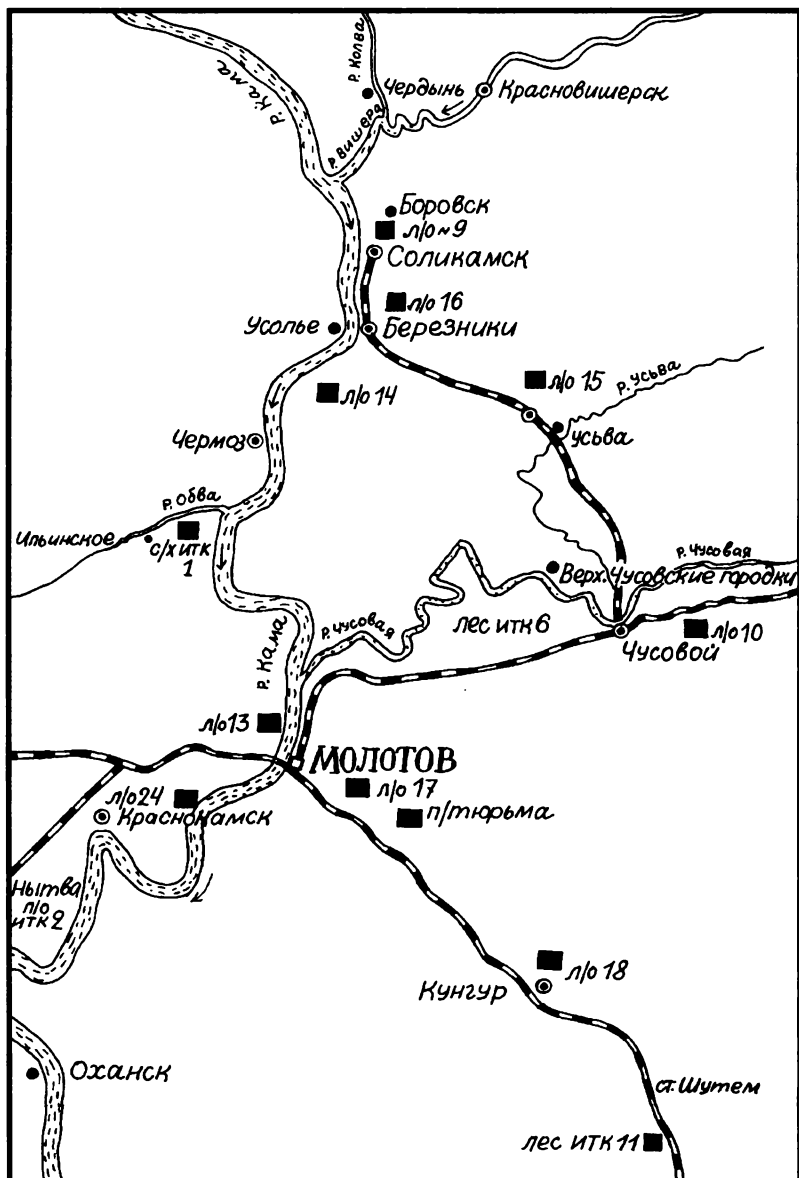
Действующие лаг. отделения

Строющие лаг. отделения

Управление - Уитл строительства

Схема

расположения лагподразделений УИТЛК УМВД
по Молотовской области. Март 1952 г.

Кроме того, начальство частенько использовало некоторые послабления режима для ряда заключенных в качестве своеобразного стимула. Например, оно могло закрыть глаза на проживание лагерников в подсобно-хозяйственных помещениях: в сушилках, каптерках, банях, парикмахерских, в сапожных и пошивочных мастерских и т. д. Некоторым даже удавалось жить за пределами зоны. Иногда, в нарушение установленного порядка, расконвоировались рецидивисты, осужденные по статье 58, по закону от 7 августа 1932 г. и другие, кому данное послабление не полагалось⁶⁶.

В лагерях, как и во всем советском обществе, тотальная система насилия дополнялась тотальной системой страха. Заключенные боялись противопоставить свою волю воле начальства даже в случае явного нарушения их прав. Дерзнувших хотя бы словом выразить свое недовольство ждали суровые кары. Страх попасть под подозрение леденил душу. Люди боялись делиться сокровенными мыслями о советском общественном устройстве с себе подобными. Так с помощью системы страха удавалось добиться всеобщего разобщения людей, атомизации общества. Лагерники чувствовали эту характерную составляющую тоталитарной системы особенно отчетливо.

Одним из самых страшных явлений, порожденных ГУЛАГом, стало тотальное подавление человеческой личности. Человеку ежедневно давали ощутить свою ничтожность, демонстрировали, что превращение любого индивида в лагерную пыль чрезвычайно просто и не вызывает никаких последствий. Голод и лишения доводили людей до животного состояния. Всеобъемлющее насилие подавляло волю, заставляло повиноваться любым приказам. Лагерь вытраивал человеческое из своих узников. Главной целью лагерного населения становилось выживание.

При всем однообразии лагерных порядков жизнь в различных лагерях и лагподразделениях все же немного отличалась. Для некоторых категорий заключенных вводились особые строгости в содержании. Это можно отнести к узникам лагподразделений особого режима, появившимся в Молотовской области в марте 1949 г. «в целях укрепления режима и усиления борьбы с преступностью заключенных», и еще в большей степени к каторжникам.

Каторжане

В 1943 г. гулаговский словарь пополнился зловецим словом «каторга». Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., на каторжные работы, как правило, осуждали за измену Родине и другие особо

опасные преступления. Использовались каторжане на особо вредных и самых тяжелых физических работах.

В 1946 г. появились первые каторжане на пермской земле. 7 февраля 1946 г. начальник УНКВД по Молотовской области издает приказ об организации на базе бывшего проверочно-фильтрационного лагеря НКВД № 519 Понышского ИТЛ «для содержания осужденных к каторжным работам 3-й и 4-й категории трудоспособности с лимитом 4 000 человек»⁶⁷. Все имущество и личный состав старого лагеря передавались новому.

*Из приказа начальника управления Понышского ИТЛ УИТЛК УМВД по Молотовской области от 12 апреля 1946 г.*⁶⁸

1. Организовать в составе лагеря следующие лагерные пункты и подкомандировки и впредь их именовать:

1) На правом берегу реки Чусовая, в 18 километрах от ст. Всесвятская (Створе) – Отдельный лагерный пункт № 1.

2) На ст. Всесвятская – Отдельный лагерный пункт № 2.

3) На 9-м километре от ст. Всесвятская (в направлении Створа) – Отдельный лагерный пункт № 3.

4) На 6-м километре от ст. Всесвятская по грунтовой дороге – лагерный пункт № 4 Центральный лазарет.

5) На левом берегу реки Чусовая – подкомандировка Торино, в составе Отдельного лагерного пункта № 1.

2. Управление Понышского исправительно-трудового лагеря дислоцировать на ст. Всесвятская Пермской жел. дороги.

3. Установить лимит содержания контингента заключенных по лагерным пунктам и подкомандировкам в следующих количествах:

1) Отдельный лагерный пункт № 1 – 1 400 человек, в том числе 200 человек хоз. службы из обычного контингента заключенных.

2) Отдельный лагерный пункт № 2 – 800 человек, в том числе 100 человек хоз. службы из обычного контингента заключенных.

3) Отдельный лагерный пункт № 3 – 400 человек заключенных.

4) Лагерный пункт № 4 Центральный лазарет – 500 человек заключенных.

5) Подкомандировка ОЛП № 1 Торино – 300 человек заключенных.

Рабочий день для каторжан устанавливался на 1 час больше, чем общелагерный, но он не должен был превышать 12 часов. Для работающих на подземных работах рабочий день составлял 8–9 часов. Каторжанам, как и другим лагерникам, полагались не менее чем 8-часовой ежедневный сон и 3 выходных в месяц. Питанием они обеспечивались по общелагерным нормам. Каждому присваивался личный номер; полоска суровой ткани желтого цвета с номером, написанным черными цифрами 10-сантиметровой высоты, пришивалась на полупальто, телогрейку, рубаху, шаровары⁶⁹.

При подготовке к приему каторжников только что назначенному лагерному руководству пришлось потрудиться. Так как лагерное хозяйство в течение 1944–1945 гг.

трижды переходило в руки разных организаций, оно истощилось до крайности*. Без проведения капитального ремонта сооружений, пополнения транспортом, оборудовани-ем и материалами организовать новый лагерь воз-можности не было.

Наконец зоны подремонтировали, дополнили необ-ходимым оборудованием, лошадьми, собаками, охраной и т. д. 1 июня 1946 г. на ст.Всесвятская прибыл первый этап каторжан из Воркуты в количестве 1 641 человек. 8 июня прибыло еще 1 648 человек⁷⁰.

На 1 июля 1946 г. в лагере насчитывалось 3 237 каторжан и 522 заключенных «обычного» контингента. В числе каторжников значилось 78 женщин. Обычные за-ключенные, занятые на обслуживании каторжников, размещались на отдельных зонах. Большая часть женщин (69 человек) жила в отдельном бараке, отгороженном дере-вянным забором. Остальные находились в лазарете⁷¹. Только на втором ОЛП установили, согласно предписани-ям, проволочное ограждение высотой 3,5 м. Высота огра-ждения других зон пока оставалась 2,5 м.

Имеющиеся бараки, бани, дезокамеры, столовые, пе-карни и другие помещения, согласно официальным доку-ментам, в целом соответствовали установленным нормам в количественном отношении. Однако лагерное начальство само понимало, что это не совсем так, указывая, что большая часть жилых и хозяйственных помещений нуж-дается в ремонте, а на одного заключенного приходится в среднем 1,5 кв.м жилой площади, т. е. на 0,5 кв.м ниже нормы. Бельем заключенных обеспечили, но одеял и по-душечных наволочек большинству не хватило. Недостава-ло также столов, тумбочек, табуреток, умывальников и другого инвентаря⁷².

Благоустроить лагерь, оборудовать его согласно нормам не удавалось еще долго. За это лагерное начальство в те-чение 1947 г. трижды подвергалось административным взысканиям. Но это мало помогало. И дело, вероятно, не только в наплевательском отношении к заключенным, но и, главное, в отсутствии снабжения, соответствующего строгим директивам. Каторжанам в это время приходи-лось терпеть весьма серьезные лишения. Обеспеченность жилплощадью и различным инвентарем оставалась на прежнем уровне вплоть до начала 50-х гг.

Понышский лагерь создавался как «оздоровительный», но в первое время испытывал трудности в обеспечении заключенных питанием, не хватало мяса, жиров, свежих

* Лагерь был организован в 1942–1943 гг. с целью строительства Понышской ГЭС, с расчетом окончания всех работ в 2 года, в связи с чем все постройки имели временный характер.

овощей и специй. Сбор дикорастущих ягод, грибов и трав производился с перебоями вследствие недостатка охраны. По оценке начальника Понышлага, норма питания № 1 давала заключенному 2 046 калорий, норма № 2 — 2 310, норма № 3 — 3 181 калорию⁷³.

С первыми этапами в лагерь прибыл ослабленный и истощенный контингент, многие нуждались в стационарном лечении. Однако медперсонала катастрофически не хватало. По словам начальника лагеря, на 1 649 человек, находящихся в стационарах и оздоровительных пунктах на 1 июля 1946 г., необходимо было иметь минимум 16 врачей и столько же фельдшеров и медсестер. На деле имелось 7 врачей, 11 фельдшеров и 6 медсестер. Не было стоматолога, не хватало аптечных работников. Недостаток медицинских работников продолжал оставаться бичом лагеря вплоть до его ликвидации. В сущности, в наличии постоянно имелось менее половины необходимого персонала⁷⁴.

1 ноября 1946 г. на 4 405 заключенных приходилось 1 130 стационарных больных. Из них 405 человек страдали дистрофией, 155 — пеллагрой, 200 — туберкулезом. Такой диагноз явно свидетельствовал, что заболевание вызвано неудовлетворительным питанием и бытовыми условиями. С июня по октябрь 1946 г. умерло 154 человека, т. е. около 3% от среднесписочного состава заключенных⁷⁵. Такой показатель в ГУЛАГе считался высоким, но еще не вызывал нареканий свыше. В начале 50-х гг. смертность заметно снизилась. Например, во втором квартале 1950 г. она составляла около 0,8%⁷⁶.

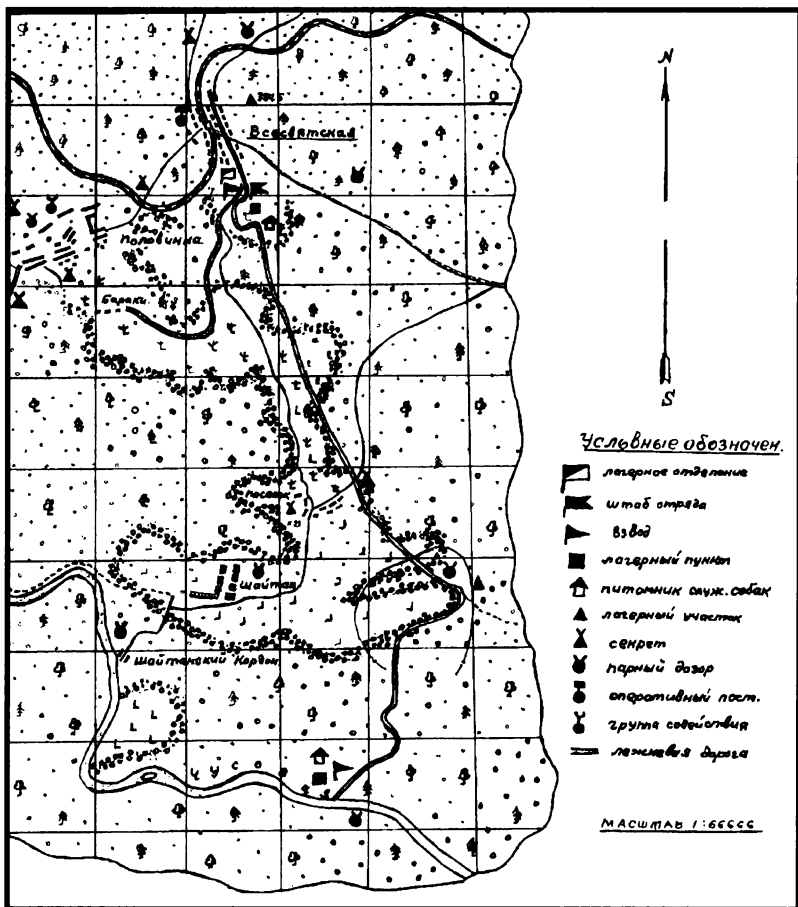
Вследствие слабого здоровья большинства каторжан лишь немногих удавалось вывести на работу. В ноябре работало только около четверти заключенных (592 из 4 405 человек). Они трудились на мельнице, в пекарнях, на лесозаводе, в портновской, сапожной, столярной и бондарной мастерских, в подсобном хозяйстве и на других внутренних работах. Главным образом работающие обеспечивали нужды самого лагеря⁷⁷.

В мае 1948 г. Понышлаг превратился в лагерное отделение № 10 УИТЛК УМВД по Молотовской области⁷⁸. Положение каторжников от смены названия не изменилось.

На 26 июля 1950 г. в 10-м лагерном отделении УИТЛК УМВД по Молотовской области содержалось 2658 каторжан, а также 662 заключенных других категорий, призванных их обслуживать. Основная масса каторжников проходила по разряду контрреволюционеров. В середине 1950 г. таких было 9 из 10. Среди заключенных, их обслуживающих, за аналогичные преступления сидел только каждый десятый.

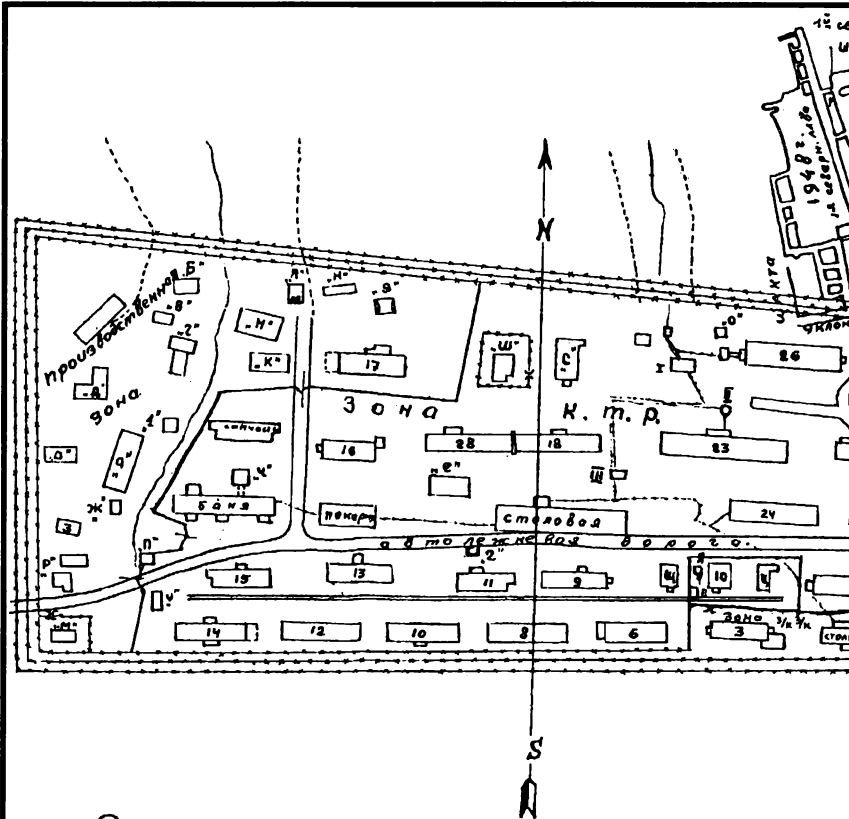
Схематическая карта

расположения подразделений и оперативных точек лаготделения № 10. Январь 1951 г.

План

зоны лагпункта № 1 лаготделения № 10 УИТЛК УМВД
по Молотовской области. Январь 1951 г.
(с нанесением подземных выработанных шахт)

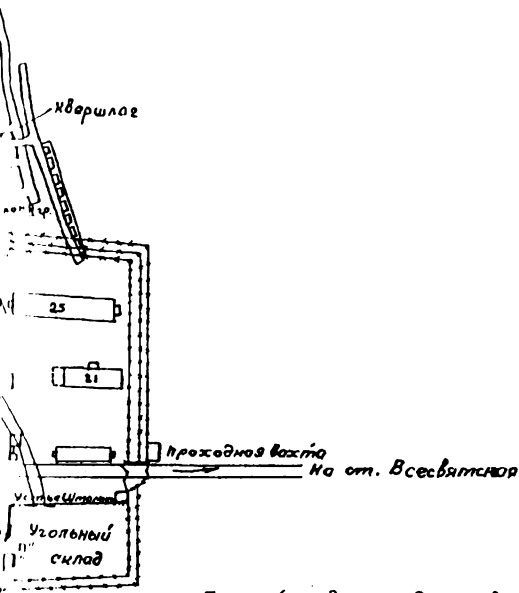

ЭТО СТЬ ЛИЖА ЧУЖА

6. Стационар
8. Стационар
9. Стационар
10. Стационар
11. Стационар
12. Стационар
13. Стационар
14. Стационар
15. Стационар

1. слесарные кузнечные мастерск.
- Ж трансформаторный пункт.
- З Двухкамера.
- И кипятилка.
- Л. продуктовый ларек.
- К. Сталярные мастерские.
- Н. навес д/хранения кирпича.
- Я. Печь для обжига кирпича.
- Ч. водонапорные чаны для бани.

Гран.

16. Барак (склад гот. продукции) Р.	Котельная.
17. Барак (портняжная мастер.) М.	Морг.
18. Жилой барак	П. Проходная будка.
	У. Уборная.
	О. Ремонтно-портняжн. маст.
	Ш. Шизе.
22. Жилой барак	С. Санизолятор.
24. Жилой барак	Ц. Бухгалтерия.
27. Жилой барак	Ю. Комн. Нач. П/п.
28. Жилой барак	Щ. Коммерческая столовая.
1. Жилой барак	Т. Шахта.
3. Жилой барак	Э. Комната свидания
21. Жилой барак	Г. Водосборный чан на 90 м ³ .
23. Жилой барак	II. Водосборник на 400 литров.
25. Жилой барак	III. Будка водосборных чанов на 7,3 м
26. Жилой барак	Е. Вещевой склад
А. Столярные мастерские.	— Водопровод
Б. Известковая печь.	— досчатый забор h=4 м.
В. Навес хранения известки.	1' Пожарный водоем на 90 м ³
Г. Сушилка и дегтекурка.	2' — " — — на 4 м ³

ПО СТАТЬЯМ:

КАТОРЖАНЕ – 2658 чел.		ЗАКЛЮЧЕННЫЕ (не КТР) – 662 чел.	
За к.-р. преступления	2401	За к.-р. преступления	86
За расхищ. соц. собств.	20	За бандитизм	16
За бандитизм	46	За умышл. убийства	17
За побег с места посел.	191	За побег	22
		Прочие преступления	521

ПО СРОКАМ ОСУЖДЕНИЯ:

До 1 года включительно	2 чел.
От 1 года до 3 лет включительно	98 «
От 3 до 5 лет включительно	155 «
От 5 до 10 лет включительно	364 «
От 10 до 15 лет включительно	17 «
От 15 до 20 лет включительно	2648 «
Свыше 20 лет	36 «

Состояние здоровья каторжан в 1950–1951 гг. оставляло желать лучшего. В начале 1951 г. каждый третий заключенный (1176 человек) находился в госпитале⁸⁰.

Каторжане занимались заготовкой и вывозкой леса, изготовлением тарной доски и клепки, а также деревообработкой, металлообработкой, сельским хозяйством. На прочих работах числились шоферы, грузчики, шахтеры и т. д.

На сдельных работах в четвертом квартале 1950 г. числилось лишь около шестой части (555 человек). Из них норму выработки в среднем выполняли 159 человек, перевыполняли – 200, не выполняли – 196 человек. Невыполняющие норму выработки, в основном, находились на 1-м лагерном пункте, где концентрировались заключенные с пониженной трудоспособностью. Кроме того, на выполнении норм выработки отражалась значительная потеря времени на ходьбу к отдаленному месту работы и обратно⁸¹.

Ограждение жилых зон первого и второго лагпунктов состояло из проволочных заборов высотой 3,5 м, третий лагпункт был обнесен дощатым и проволочным заборами высотой 3,5 м. Согласно действующим инструкциям, на окнах всех барakov имелись решетки, на ночь бараки запирались на замки.

За 1950 г. было зафиксировано 239 нарушений режима, из них 150 пришлось на отказы от работы, 24 – кражи, 32 – картежная игра, 2 случая лагерного бандитизма и т. д.

*Из докладной записки о состоянии режима содержания и работе надзирательского состава специального лагерного отделения № 10 для каторжан УИТЛК УМВД по Молотовской области от 21 апреля 1951 г.*⁸²

19 января 1951 года каторжанин Брусов, осужденный по ст.59-3 на 20 лет каторжных работ, в тамбуре столовой, где для каторжан готовятся платные обеды, набросился с ножом на повара столовой заключенного Целовальникова, осужденного по Указу от 4/VI-47 года на 10 лет ИТЛ, и нанес Целовальникову 8 ножевых ран, от которых Целовальников умер. Расследованием установлено, что каторжанин Брусов убил заключенного Целовальникова на почве мести за то, что Целовальников отказался снабжать его бесплатно питанием.

Каторжане на всех лагерных пунктах размещались в бараках каркасно-засыпного типа постройки 1943–1949 гг. На каждого каторжанина в среднем приходилось 1,5–1,8 кв.м жилой площади при норме 2 кв.м. Но следует еще учитывать и качество жилья. К 1951 г. более 2/3 жилого фонда и многие бытовые помещения пришли в негодность, а некоторые бараки впору было списывать⁸³. Бани и дезокамеры имелись во всех лагподразделениях, хотя кое-где нуждались в ремонте.

Питались каторжане весьма скудно, хотя установленные нормы в целом соблюдались. Правда, ввиду малой мощности овощехранилищ, овощи зимой выдавались только мороженые. Да и летом, бывало, кормили заключенных прокисшей капустой да подпорченной рыбой. Этой же рыбой заменяли половину положенного сидельцам мяса. Как следствие, снижалась калорийность питания. Насколько нам известно, физическую форму заключенным позволяло поддерживать получение питания со стороны (посылки, неофициальный обмен с местным населением и т. д.). Но строгость режима в значительной степени ограничивала для каторжан такие возможности, что ставило их на грань выживания. Одеждой каторжане обеспечивались также по существующим нормам, т. е. худо-бедно. Такое снабжение позволяло поддерживать жизнь ослабленным в течение достаточного времени, однако о полноценной их деятельности и тогда и в дальнейшем речь уже не шла.

Гораздо больше внимания начальство уделяло идеологическим мероприятиям, без которых в то время не обходилось ни одно учреждение. Заключенные каторжного отделения подвергались довольно массивной культурно-воспитательной обработке. Некоторые беседы, конечно, могли принести известную пользу лагерникам. Например, лекции на медицинские темы: о простудных заболеваниях, о сыпном тифе. Темы некоторых докладов явно заимствовались из арсенала стандартных лекционных мероприятий, разрабатывавшихся идеологическими органами для

всего населения, например: «Борьба корейского народа за свою независимость», «О работе 2-й Всесоюзной конференции и 2-го Всемирного конгресса сторонников мира» и т.п.⁸⁴.

Любопытно, что политическое руководство не обращало внимания на явное противоречие между социалистическим характером пропаганды и явно антисоциалистическим (по составу преступления) контингентом. Трудно представить, что вожди всерьез надеялись перевоспитать каторжников. Хотя, кто знает, может быть, они находили именно этот смысл в ежедневном навязывании лживых идеологем обреченным годами их выслушивать...

Спецпереселенцы

«Великий перелом» порождает и такую категорию зависимого населения, как спецпереселенцы. Цель спецпереселения неплохо интерпретировал в своем циркуляре от 14 июля 1931 г. полномочный представитель ОГПУ по Уралу Раппопорт: «Политика Советской власти в отношении высланных совершенно определенная: изолировать кулака из деревни и, вместе с тем, максимально использовать его в интересах социалистического хозяйства»⁸⁵.

На долю покинувших родные места не по своей воле выпали самые тяжелые испытания. Выселение первой партии кулаков пришлось на время лютых морозов, а большую часть одежды у переселяемых отобрали. Каждая семья могла взять в дорогу трехмесячный запас продовольствия. Вопрос в том, все ли могли найти продукты. Раскулаченные Прикамья чаще всего переселялись в необжитые северные районы Пермского округа, а иногда и за его пределы. На их место, да и на север тоже тем временем двигались эшелоны с раскулаченными из южных и центральных областей страны...

Прибыв к месту назначения почти без ничего, спецпереселенцы должны были сами строить для себя жилье. При этом материалы и инструменты могли отсутствовать, а защиты от мороза или дождей искать было негде. Питание скудное, медицинское обслуживание никуда не годное. Немудрено, что многие несчастные умерли или серьезно заболели. Чуть полегче было тем, кого выселяли весной—осенью 1930 г., однако более или менее сносные условия труда и быта для спецпоселенцев создаются только после передачи спецпоселений в ведение ОГПУ в июле 1931 г.

Кстати, сам термин «спецпоселок» появился уже после начала массовых выселений, в постановлении СНК РСФСР от 10 декабря 1930 г. «О трудовом устройстве кулацких семей, высланных в отдаленные местности, и о порядке организации и управления специальными поселками». В

тексте этого постановления отчетливо просвечивает хозяйственно-колонизаторская цель спецпереселения: «Спецпоселки организуются в местностях, где ощущается недостаток в рабочей силе для лесозаготовительных работ, работ по разработке недр, для рыбных промыслов, а также для освоения неиспользованных земель».

Планы хозяйственной колонизации северного Прикамья составлялись без учета мнения местных специалистов и руководителей. Тем не менее им предписывалось выполнять заведомо невыполнимые директивы, навязывалось расселение десятков тысяч высланных при отсутствии надлежащих условий для этого, требовалось обеспечить снабжение огромного количества людей при отсутствии соответствующих фондов.

Из письма председателя Коми-Пермяцкой окружной контрольной комиссии ВКП(б) Рубцова председателю Уральской областной контрольной комиссии ВКП(б) Назаретяну⁸⁶

8 мая 1931 года

В Коми-Пермяцкий округ в мае месяце с/г. должны прибыть кулаки-переселенцы 9 000 семей, или в среднем 45 000 чел., и едут они в три района: Гаинский, Косинский и Кочевский, а в этих районах живет коренного населения 43 625 человек, да плюс в 1930 г. кулацкая ссылка 8 000 чел. расселена в этих же районах, и еще административных ссыльных наберется в этих районах до 1 000 человек, таким образом на 7 000 чел. кулацкой и другой ссылки больше, чем коренного населения.

Я не знаю, тов. Назаретян, как это считать, что это нужно делать я не спорю, иначе и быть не может, но делать так, что сейчас нам несет большой ущерб, это факт.

Вы подумайте, что 45 000 чел. нужно от пристаней перевезти, ну здоровые пойдут пешком, а будут дети, больные, старые, багаж по 30 пудов на человека, как было в прошлом году, надо будет только 9 000 подвод для багажа, да для людей 4 500 подвод и телег, а в этих районах всего телег найдется не больше 500, вот это столько понадобится транспорта и людей, а у нас начался сев, сплав, летние лесозаготовки, перевозка грузов с пристаней, и эта кулацкая перевозка так сильно отразится в нашем хозяйстве, что надо сказать, что будут кое-где прорывы.

Мы во фракции Окрисполкома, подсчитывая, что можем принять только 2 000 семей или 10 000 человек, руководствовались такими соображениями, что для 2 000 семейств за лето сумеем ихними же силами построить кое-какие жилища, а для 45 000 чел. нам не построить, и их придется расселять каждому крестьянину и не по одной семье, а когда на совещании в Свердловске был наш комендант по этим делам, то сказал, что прямо везите их в лес и начинайте строить. Да мы знаем это, но тов. просто формально подходят, как будто бы расселить 100 чел...

В ходе первых волн спецпереселений около 1 800 000 человек вывозятся с родных мест в неизвестность. Около 600 000 из них оказались на Урале⁸⁷. В начале 1933 г. массовые выселения кулаков прекращаются. К этому времени на спецпоселении находились более 1 300 000 кулаков, из них более трети дислоцировались на Урале, что

позволяет называть Уральский регион, наряду с Сибирью, основным районом кулацкой ссылки.

В Пермском крае в общей сложности бедовало около 140 000 спецпереселенцев (раскулаченных 1-й и 2-й категории). Большую часть из них передали в распоряжение промышленных трестов: валить лес, строить новые предприятия, добывать уголь и т. д. Можно сказать, что раскулаченные внесли существенный вклад в хозяйственное освоение северных районов Прикамья. В целом ряде районов спецпоселенцев оказалось больше, чем вольных граждан. Например, на апрель 1932 г. в Ныробском районе спецпереселенцы составляли 156% по отношению к численности коренного населения, в Березниковском — 91%, в Кизеловском — 85%, в Чердынском — 52%, в Коми-Пермяцком — 77%⁸⁸.

Дислокация мест расселения и использования спецпереселенцев в Уральской области, не позднее мая 1931 г. (данные взяты по районам Пермской области)⁸⁹

Район	Хозорганизация	Кол-во семей	Примечание
Кыновский	Серебрянский ЛПХ	76	
Чердынский	Чердынский ЛПХ	2201	
Березниковский	Яйвинский ЛПХ	697	
	Соликамский ЛПХ	794	
	Чердынский ЛПХ	-	Кол-во показано вместе с Соликамским ЛПХ
Косинский	Косинский ЛПХ	971	
Гаинский	Гаинский ЛПХ	499	
Кудымкарский	Строительство	68	
ВСЕГО ПО УРАЛЬСКОЙ ОБЛ.		47157	

Главным несчастьем этих людей было фактическое лишение свободы. Жить и работать они могли только там, где укажут. Выход за пределы спецпоселков не позволялся. «У крепостных за неделю или после Юрьева дня было право перейти от одного хозяина к другому, — делится своими мыслями бывший спецпереселенец И. Шарыгин. — Мы же без разрешения коменданта не могли ступить ни шагу»⁹⁰.

Любопытно, что несвободные люди должны были еще и содержать своих охранников: четверть зарплаты изымалась в первое время у спецпереселенцев на содержание спецкомендатуры и прочие расходы по «обслуживанию» ссылки. С августа 1931 г. до февраля 1932 г. эти отчисления составляли 15%, потом сократились до 5%⁹¹.

Отношение к ссыльным бывало разное. Кто-то понимал и сочувствовал, а кто-то ненавидел как классовых врагов.

Жестокости и откровенных издевательств пришлось нартерпеться с лихвой. К.А.Чудинова, высланная вместе с родителями в Соликамский район, вспоминает, как однажды, придя в школу, она положила буханку хлеба на подоконник (покупка хлеба входила в ее семейные обязанности). Учительница во время урока заметила хлеб и тут же вышвырнула его в уличную грязь, буркнув под нос: «Вечно вы голодные!»⁹²

Из воспоминаний Г.Добрякова (Чердынский район)

Тут у нас недалеко поселок был из спецпереселенцев – раскулаченных с Украины. Мне тогда 16 лет было, помню, как их привезли зимой, без теплой одежды, выбросили в лесу, дали по пиле и одному топору на 10 мужиков и сказали, чтобы строились как могут. Охраняли их красноармейцы.

Продуктов им почти не давали, наши матери помогали тайно. Одну такую бабу поймали охранники, долго над ней издевались, насильничали, говорили, что врагам трудящихся помогает.

Ну те построились, как смогли. А спустя года два их поселок стал самым лучшим хозяйством в районе. Хлеба собирали столько, сколько сейчас весь район не собирает. Видно, хорошими хозяевами были. Только после того, как Хрущев на съезде Сталина раскритиковал, им вышло послабление, практически весь поселок на родину вернулся, и сейчас там уж никто не живет.

Запрет на массовые выселения 1933 г. не означал прекращения порочной практики как таковой. В 1933–1940 гг. выселениям подверглось еще около 600 000 человек. Значительная часть из них, как и ранее, прибыла на Урал. В то же время в 1938–1941 гг. части поселенцев разрешают покинуть свои поселки.

В марте 1941 г. на Западном Урале оставалось 20 549 семей трудпоселенцев, как с апреля 1933 г. стали именовать раскулаченных крестьян. 75 369 человек дислоцировались в 101 трудпоселке, в основном на севере области.⁹³

В 1939 г. спецконтингент области пополнился спецпоселенцами-осадниками. На 1 марта 1941 г. их насчитывалось 9 160 человек. Размещались они также по большей части в районах, подлежащих хозяйственному освоению. Кроме того, в Прикамье проживало 507 семей (1 516 человек) административно-высланных беженцев.

Самые тяжелые испытания выпали на переселенцев 1930-го – первой половины 1931 г., поскольку местные советские и хозяйственные органы, в чье ведение они поступали, не имели возможности обеспечить даже минимальные условия их существования. Нормы снабжения уральских спецпоселенцев устанавливались на низком уровне. Осенью 1930 г. одному человеку полагалось 200 г муки в сутки, 100 г капусты, 195 г картофеля при отпускных ценах на 15% выше кооперативных. Но даже эти нормы в реальности не обеспечивались.

Продовольствие	Требовалось по нормам	Фактически отгружено	% потребности
Мука, т	24500	14733	60,1
Крупа, т	1620	853	52,7
Овес, т	3520	1740	49,4
Рыба, т	4280	2640	61,7
Масло раст., т	232	164	71,0
Сахар, т	557	598	107,4
Мыло, т	163	45	28,0
Табак, т	267	27	10,0
Х/б ткани, руб.	1239000	45000	7,7
Шерст. ткани, руб.	272000	150000	55,1
Обувь, руб.	280000	59000	21,1
Готовое платье, руб.	700000	150000	21,4
Кожтовары, руб.	430000	12000	2,8

Наряду с отвратительным снабжением, изгоям общества приходилось терпеть притеснения и издевательства комендантов и прочих мелких начальников. Они могли самовольно поднять нормы или снизить расценки, отказать в пайке за невыполнение двойной нормы, снять со снабжения беременных женщин, объявить симулянтами действительно нетрудоспособных да и просто побить зависимых от них людей.

С передачей спецпоселений такому мощному ведомству, как ОГПУ, условия труда и быта спецпоселенцев постепенно нормализуются. Летом 1931 г. Совнарком устанавливает для них такие же нормативы оплаты труда и снабжения, как и вольнонаемным рабочим, на них распространяется законодательство по охране труда и социальному страхованию, им разрешают иметь огороды, на первое время выделяются необходимый инвентарь, семена и скот.

Однако, взяв под опеку спецпоселки, ОГПУ хорошо понимало свой интерес, трудно заподозрить это ведомство в альтруизме. Спецпереселенцы вынуждены были отчислять четверть всех своих заработков за «обслуживание» своим заботливым «кураторам» из ОГПУ. Главная цель — обеспечение индустриальных объектов рабочей силой — находилась далеко за пределами гуманизма.

Несмотря на «заботы» ОГПУ, условия жизни спецпереселенцев еще долго не дотягивали до установленных стандартов, а иногда оказывались за пределами мыслимого благополучия. Например, в Кизеловском районе, где в конце 1932 г. проживало 48 600 спецпереселенцев, на каждого из них приходилось от 0,05 до 1,25 кв.м жилой площади⁹⁵.

К концу 30-х гг. уже считалось, что жилищно-бытовые условия спецпоселенцев удовлетворяют существовавшим нормам. Это при условии, что эти нормы мы признаем нормальными. На каждого приходилось 1,5–3,5 кв.м жилой площади. Снабжение также признавалось удовлетворительным⁹⁶.

В 40-е гг. значительно пополняется контингент спецпереселенцев на Урале и в других восточных регионах страны. Используются они, как и раньше, на тяжелых физических работах: валят лес, добывают уголь, строят дороги и т. д.

В годы войны к раскулаченным добавляется несколько категорий граждан, выселенных с мест постоянного проживания по политическим мотивам. В их число попали заподозренные в возможном пособничестве гитлеровцам кавказские народы, крымские татары и греки, калмыки и другие народности.

В похожем положении оказались советские немцы, «мобилизованные» в трудовую армию и депортированные на восток, в частности на Западный Урал*.

Спецпоселенцы начали прибывать в Пермскую область с 1943 г. в дополнение к 56 317 трудпоселенцам, зарегистрированным на 1 января 1943 г. На 1 апреля 1945 г. в Пермской области числилось 47 556 бывших кулаков, 19 847 переселенцев из Крыма и 1 043 «оуновцев»⁹⁷.

Начавшуюся войну трудпоселенцы восприняли по-разному. Некоторые вполне искренне стремились всеми силами отстоять Родину. Другие готовы были пойти хоть к черту на рога, только бы избавиться от опостылевшего ярлыка «спецпоселенец». Трудно сказать, насколько искренни были слова красновишерских призывников: «Мне выпало великое счастье пойти на фронт и бить фашистских бандитов», «Я иду охотно и буду иметь возможность проявить себя на фронте, чтобы смыть с себя кличку — кулак». Но едва ли можно усомниться в настроениях тех, кому было за что ненавидеть советскую власть: «Навряд ли кто из трудпоселенцев найдется защищать Родину. Что мы, трудпоселки, что ли, будем отстаивать, чтобы Гитлер не забрал!», «Хоть Красная Армия и победит немцев, нам от этого слаще не будет: большевики нас жалеют только нашей шкурой», «Наша родина у Гитлера, и нам нужно воевать вместе с немцами, помогать им скорее уничтожить всю эту красную чуму, они все у нас забрали»⁹⁸.

Эшелоны со спецпоселенцами прибывали в Прикамье и в послевоенные годы. После войны на спецпоселение от-

* В 1945–1946 г. мобилизованных немцев переводят на режим спецпоселения, уравнивая таким образом в правах с другими категориями спецпереселенцев.

правляются семьи участников антисталинского сопротивления на Украине и в Прибалтике. В 1944–1946 гг. Особое совещание при НКВД СССР выселяло их из западных областей на 5 лет, в 1947–1949 гг. выселять стали уже на 8–10 лет и бессрочно.

В 1950 г., когда пришло время начинать возвращение выселенных, руководство МВД, не мудрствуя лукаво, сочло целесообразным «отменить сроки выселения членам семей украинских националистов, бандитов и бандпособников и установить, что они переселены в отдаленные районы СССР навечно и возвращению в места прежнего жительства не подлежат»⁹⁹. Ослушники наказывались 20-летней каторгой.

К примеру, в документообороте МВД, члены семей организации украинских националистов (ОУН) условно обозначались как «оуновцы» и т. д. Тоталитарный язык выполнял свою идеологическую функцию: эти же словечки проникают в официальный и неофициальный лексикон партийных и советских работников, да и не только их. Для большей части населения, вряд ли разбиравшейся в этимологии этих терминов, спецпереселенцы представляли как явные враги народа. Еще бы! Они носили ярлыки «оуновцев», «немецких пособников», «сектантов» и т. д.

Большой прилив спецпереселенцев вынуждает принимать меры по ограничению спецконтингента. Через год после окончания войны большую часть «кулаков» освободили из спецпоселения. Таким образом государство избавлялось от расходов по управлению «кулацкими» спецпоселками, не теряя при этом рабочую силу: аналитические материалы НКВД свидетельствовали, что большая часть спецпоселенцев останется на месте. В 1946 г. в Пермской области из 46 000 спецпоселенцев-раскулаченных освобождается немногим менее 42 000. Для остальных режим не смягчался.

Появлялись все новые и новые категории спецпереселенцев. Так, по указам Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля и 2 июня 1948 г. на спецпоселение отправляются «злостно уклоняющиеся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущие антиобщественный и паразитический образ жизни» вместе с добровольно выехавшими с ними членами семей. В 1948–1952 гг. из западных областей СССР перемещаются кулаки с семьями и члены семей «бандитов». В конце 40-х – начале 50-х гг. на Западном Урале размещалось около 20 разнообразных категорий спецпереселенцев. Среди них были и бывшие кулаки, и «власовцы», и «литовцы», и народности Крыма, и немецкие репатрианты, и многие другие. В июле 1950 г. на учете областного отдела спецпоселений стояло 90 860 человек. К 1953 г. их число сократилось совсем ненамного.

На 1 января 1953 г. в Пермской области числилось 87 171 спецпоселенец, 42 ссыльнопоселенца, 6 ссыльных и 287 выселенцев¹⁰⁰. Большая часть из них передавалась для «трудового использования» в системы разнообразных министерств, решавших таким образом проблему набора рабочей силы.

Лагеря и спецпоселения оставались неотъемлемой составляющей советской социально-экономической системы до смерти ее «главного конструктора».

Через несколько месяцев после кончины Сталина большая часть заключенных и спецпоселенцев обрела свободу. Система спецпоселений ликвидируется в 1954 г., большая часть лагерей в течение короткого времени ликвидируется, оставшиеся лагеря и колонии утрачивают свое бывшее экономическое значение.

Трудармия

Во время Великой Отечественной войны советское политическое руководство столкнулось с нарастающим дефицитом рабочей силы. Для решения этой острой проблемы изыскивались все новые и новые источники. В их числе следует отметить и мобилизацию на принудительные работы по национальному признаку. Есть все основания считать призыв в так называемую трудармию особой формой репрессий по национальному признаку, поскольку туда, как правило, попадали советские граждане тех национальностей, которые официально были признаны враждебными советскому народу. Нет ничего удивительного, что львиную долю «трудармейцев» составили советские немцы.

Заметим, что мобилизации трудоспособного населения на производство и строительство предприятий оборонного значения проводились во время Великой Отечественной войны широко. По всей видимости, не будет преувеличением утверждение, что мобилизациям было подвергнуто почти все неработающее трудоспособное население и значительная часть работающих в необоронных отраслях. Такие мобилизации проводились региональными партийными органами (обкомами, крайкомами ВКП(б) и т. п.) и исполкомами соответствующих Советов на основании распоряжений Государственного комитета обороны и Совета Народных Комиссаров. Однако многие историки не замечают весьма специфическую и значительную составляющую трудмобилизаций — мобилизации представителей «подозрительных» национальностей, прежде всего — немцев, в промышленность, проводимые при помощи региональных управлений НКВД. Именно о таких мобилизациях в трудармию пойдет далее речь.

Пик трудмобилизаций падает на начало 1942-го — первую половину 1943 г., время, когда достижения на трудовом фронте во многом определяли коренной перелом в ходе войны. Мобилизации немцев проводились на основании решений ГКО и СНК. 10 января 1942 г. ГКО принимает решение о мобилизации 120 000 немцев от 17 до 50 лет на лесозаготовки, на стройки НКВД и на строительство железных дорог. 14 февраля того же года ГКО постановил провести новую мобилизацию на предприятия и стройки НКВД СССР. 7 октября 1942 г. ГКО дает директиву о дополнительной мобилизации немцев, согласно которой мужчин передавали в угольную промышленность, женщин — в нефтяную. Совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 24 октября 1942 г. предусматривало мобилизацию спецпереселенцев, в том числе около 5 000 немцев в рыбную промышленность. По постановлению ГКО от 2 августа 1943 г. мобилизации на строительство № 500 НКВД подлежало 10 000 человек, в том числе — немцы. 19 августа 1943 г. по решению ГКО 7 000 немцев и 7 000 других спецпоселенцев мобилизуются для работы в угольной промышленности¹⁰¹.

Пермская область не являлась местом расселения немцев, выселяемых по решению правительства. Но мобилизованных немцев здесь трудилось немало. С ноября 1942-го по август 1943 г. на Западный Урал прибыло 16 467 немцев, мобилизованных на предприятия Наркомнефти, Наркомугля и других хозяйственных наркоматов согласно постановлению Государственного комитета обороны от 7 октября 1942 г.¹⁰². Кроме того, значительная часть мобилизованных отправлялась на работы в исправительно-трудовые лагеря. Так, согласно постановлению ГКО от 10 января 1942 г. в рабочие колонны Усоллага попало 4 940 немцев и на Соликамстрой — 2 396 немцев; чуть позже, согласно директиве ГКО от 14 февраля того же года, Соликамстрой принимает еще 141 немца¹⁰³; 19 января 1943 г. по распоряжению заместителя наркома внутренних дел в Усоллаг направляется 3 000 немцев для использования на сельхозработах и на лесобирже¹⁰⁴ и т. д. Мобилизации проводились и в последующие месяцы. Например, только за ноябрь 1943 г. на предприятия области прибыло 443 мобилизованных немца¹⁰⁵.

Нельзя сказать, что административный способ обеспечения предприятий истроек рабочей силой всегда был эффективен. Зачастую предприятия не могли в короткий срок создать даже минимальных условий для приема значительного количества трудармейцев. Так, Молотовский нефтекомбинат и строительство Молотовского нефтеперерабатывающего завода смогли на начало декабря 1942 г. принять только 3 000 мобилизованных немцев, что составляло

меньше половины направленного туда контингента. Поэтому Наркомнефть вынужден был в спешном порядке переадресовать 3 эшелона мобилизованных (4 800 человек), предназначавшихся для Молотовского нефтекомбината¹⁰⁶. Приблизительно в то же время (декабрь 1942 г.) на Молотовский завод № 260 Наркомата боеприпасов перебрасывают 500 мобилизованных немцев, которых не сумел принять Пензенский завод № 50¹⁰⁷. Подобные внезапные изменения планов мобилизации и вынужденные перемещения значительного количества мобилизованных в 1942–1943 гг. были широко распространены. Кроме того, первоначальные планы мобилизации, составленные на основании данных учета НКВД, куда включались все немцы, приходилось существенным образом корректировать в соответствии с возможностями трудового использования граждан немецкой национальности. В докладной начальника УНКВД по Молотовской области заместителю наркома внутренних дел Чернышову от 6 октября 1943 г., где сообщается о результатах выполнения директив НКВД № 428 и 429 от 27 августа 1943 г., на основании которых мобилизовывались трудпоселенцы за исключением занятых на предприятиях оборонного значения, отмечалось, что многих из тех, кого планировали мобилизовать, пришлось оставить на месте либо по причине выполнения оборонных заказов необоронными предприятиями, либо из-за занятости на уборочной, либо вследствие малой трудоспособности. Все, «что есть годного» (570 человек), как сообщал начальник Молотовского УНКВД, было направлено в угольную промышленность. «Мобилизации продолжить не можем и просим отмены наряда на мобилизацию 1 000 человек», — упрощивает он¹⁰⁸.

Всего, по неполным данным, за годы войны в СССР было мобилизовано и передано в промышленность 204 825 немцев. Из них 30 000–40 000 составляли местные немцы, не подвергавшиеся выселению¹⁰⁹. На предприятия Пермской области было завезено минимум 28 000 мобилизованных немцев¹¹⁰.

Под трудовые мобилизации попадали и уже находившиеся на спецпоселении (бывшие «кулаки» и выселенные по национальному признаку), и ранее не подвергавшиеся репрессиям представители «подозрительных национальностей». Все эти категории находились на особом учете НКВД. В частности, в Пермской области на 1 октября 1942 г. на положении трудссыльных (т.е. раскулаченных. — А.С.) находилось 310 немцев и 198 финнов¹¹¹. Аналогичным образом брали на учет всех других граждан немецкой национальности. Сведения о немцах из регионов поступали в центральный аппарат НКВД, на их основании составлялись планы мобилизации.

На то, что в основание данного типа репрессий лег именно национальный признак, недвусмысленно указывает гулаговский циркуляр от 31 октября 1942 г., в котором, в частности, предписывается освобождать от мобилизации женщин-немок, у которых мужья — русские, а также русских женщин, мужья которых — немцы¹¹².

Формально трудармейцы репрессированными не считались. Во всех официальных распоряжениях подчеркивалось, что на них распространяется действие всего комплекса советского трудового, гражданского, уголовного и прочего законодательства. За малым исключением: в первую очередь, требовалось соблюдение специальных директив и инструкций, касающихся организации труда и жизни трудмобилизованных, которые зачастую шли вразрез с советскими законами.

На основании введенных в годы войны правил и инструкций трудармейцы лишались свободы передвижения. Им запрещалось хранить паспорта и военные билеты. Самовольные отлучки из трудпоселков приравнивались к дезертирству с поля боя с вытекающими правовыми последствиями. Сама жизнь в бараках, ничем не отличающихся от зековских, ограждение поселков, вывод на работу в строю через вахты, многочисленные проверки и другие ограничения позволяют сказать, что трудовая мобилизация обеспечивала человеку совсем иной статус, нежели мобилизация на фронт. Ничего общего со свободой такая жизнь не имела. Самой главной обязанностью мобилизованных был хороший труд. Труд не за совесть, а за страх, не по воле, а по принуждению, не там, где выберешь, а там, где прикажут. Кары за отказ от работы и за ее недобросовестное выполнение — самые суровые. «Организация труда и быта мобилизованных немцев строится на основах строжайшей дисциплины и безоговорочного подчинения установленному режиму», — подчеркивается в инструкции по использованию на предприятиях Наркомугля мобилизованных немцев от 3 декабря 1942 г.¹¹³. За малейшую провинность можно было лишиться увольнений, попасть на более тяжелые работы, попасть под арест, получить урезанный паек; за «особо злостные нарушения» трудармейцев отправляли на штрафные шахты с 12-часовым рабочим днем и повышенными нормами выработки или отдавали под суд. Судам же предписывалось по отношению к мобилизованным немцам применять более суровые меры наказания, чем к другим гражданам. Весной 1942 г. наказания несколько смягчаются, хотя и остаются очень жесткими: согласно директиве Прокуратуры СССР и НКВД СССР от 2 мая 1942 г., предписывалось «квалифицировать дезертирство и злостный отказ от работы мобилизованных немцев не по статье 58/14 УК

(контрреволюционный саботаж. — А.С.), а по статье 59/6 (призыв к участию в беспорядках или отказ от выполнения государственных повинностей. — А.С.) с применением всех мер уголовного наказания, предусмотренных санкцией этой статьи»¹¹⁴.

В то же время, степень свободы трудармейца, конечно, была выше, чем у заключенного. Он мог уходить в увольнение, охрана состояла из тех же трудармейцев и не была вооружена, одежда и обувь приобретались за наличный расчет, продовольствие и промтовары распределялись по тем же нормам, что и для вольнонаемных. Характерна реакция начальника ГУЛАГа Наседкина на рапорт начальника Соликамстроя Бойкова, запросившего разрешение прекратить выдачу на руки премвознаграждения заключенным и зарплаты трудмобилизованным в связи с отсутствием фондов для ларьковой сети. Сама постановка такого вопроса свидетельствует о том, что большой разницы между двумя контингентами соликамский начальник не видел. Любопытно, что Наседкин, согласившись с запросом в отношении заключенных, отказался санкционировать прекращение выдачи зарплаты немцам, «поскольку немцы пользуются правами вольнонаемных рабочих», и, вместе с тем, рекомендовал «организацию приписных сберегательных касс, куда и перечислять зарплату немцев с их согласия»¹¹⁵. Искомое согласие, вероятно, нетрудно было получить под нажимом, однако бюрократическую грань, отделяющую вольных от невольников, гулаговские начальники предпочитали не переступать.

Убогость жилищных условий трудармейцев, близких к гулаговскому быту, зависимость этих условий от степени добросовестности и компетентности директоров предприятий, использующих принудительный труд, — еще одно свидетельство несвободного характера труда мобилизованных. Существующие инструкции предписывали директорам предприятий в обязательном порядке заботиться о жилищно-бытовых условиях мобилизованных немцев. На каждого из них должно было приходиться не менее 2,4 кв.м жилой площади, т. е. на 0,4 кв.м больше, чем полагалось заключенным; размещение в непригодных для жилья помещениях запрещалось. Помещения следовало непременно оборудовать нарами (каждый должен был иметь отдельное спальное место), бачками для питьевой и технической воды, умывальниками, кубовыми, сушилками, камерами хранения и т. п. Снабжать мобилизованных всем необходимым полагалось наравне с вольнонаемными. Однако действительность оказывалась намного суровее.

Приведем несколько примеров, наглядно характеризующих быт трудармейцев в Пермской области в августе—сентябре 1943 г. На Югокамском заводе Наркомнефти из

550 немцев половина не имела сменной одежды, 27 человек выходили на работу босые, накалывали ноги, что при отсутствии медицинской помощи вело к постоянным нарывам; мыла мобилизованные не получали пять месяцев, карточки отоваривались на 60%, неумолимым следствием чего становилось истощение. Мобилизованных на Кунгурский машзавод разместили в неотстроенном бараке, где через щели в стенах задувал ветер, постельных принадлежностей и одеял не выдали, поэтому люди вынуждены были укрываться платками, пальто и телогрейками, многие ходили без обуви. 463 немки, мобилизованные на секретный завод № 260 Наркомата боеприпасов, разместились в необорудованных землянках с протекавшими крышами, многие из них спали на голых нарах или подстилали под себя рабочую одежду¹¹⁶.

Следствием таких ужасающих условий жизни были высокая смертность и многочисленные побегі. Из 16 467 немцев, прибывших в Пермскую область по мобилизации с ноября 1942 по август 1943 года, «дезертировало» 928 человек (5,5%) и умерло 851 человек (5,1%). Только в августе 1943 г. 51 человек умер и 102 «дезертировало»¹¹⁷. При этом, по мнению начальника оперативного отдела УНКВД по Молотовской области Макарова, главной причиной высокой смертности и побегов являлись неудовлетворительные жилищно-бытовые условия¹¹⁸. К концу года смертность и дезертирство сократились, но продолжали оставаться достаточно высокими. Так, в ноябре 1943 г. из 14 238 человек, мобилизованных на предприятия области, 16 человек умерло и 24 сбежали¹¹⁹.

Неудивительно, что тяжелые лишения вызывали недовольство. По данным военной цензуры, большое количество писем мобилизованных носило антисоветский характер. Среди мобилизованных шли разговорчики отнюдь не благостного характера: «Мобилизованные немцы находятся в худшем положении, чем заключенные, они не имеют никаких прав», «Нас сюда привезли для издевательства», «Война никакого не имеет отношения к мобилизации немцев, это произвол на местах», «Где же Гитлер так долго?», «Не стоит выполнять план, так как все деньги высчитывают на заем и на налоги» и т.п.¹²⁰ Не были редкостью отказы от работы, тихий саботаж и членовредительство. А некоторые отваживались даже на призывы к открытому сопротивлению. Так, трудармейцы Яков Клаас и Андрей Кравченко пытались организовать забастовку с целью восстановить незаконно урезанную хлебную норму. «Если мы будем действовать организованно — будем представлять огромную силу и с нами ничего не сделают, а если будем действовать поодиночке, нас всех по одному посадят», — проповедовали они¹²¹. Однако страх парализовал волю

большинства, оставив в одиночестве осмелившихся на акции протеста, обрекая их на то, чего они опасались.

Как это ни парадоксально, иногда защитником социально-экономических прав трудармейцев становилось ... НКВД. Местные органы этого ведомства стремились не допускать на своей территории волнений. Чекисты понимали, что недовольство тяжелейшими материально-бытовыми условиями может привести к стихийному взрыву доведенных до отчаяния людей. Поэтому они старались воздействовать на руководителей предприятий, где быт мобилизованных организовывался из рук вон плохо. Иногда это удавалось, иногда — нет, иногда дело доходило даже до изъятия мобилизованных из тех или иных ведомств. К примеру, три месяца продолжалась тяжба Молотовского УМВД с дирекцией заводов № 260 и № 440, не создавших более или менее удовлетворительных условий для жизни мобилизованных. Мобилизованные немки проживали в бараках, признанных негодными, на каждую из них приходилось не более чем 1 кв.м жилплощади, никаких столов, табуретов и тумбочек не было, спать приходилось на топчанах и кроватях по 2—3 человека. Ультиматумы руководства отдела спецпоселений директорам заводов, министрам нефтяной промышленности и сельскохозяйственного машиностроения должного действия не возымели. Поэтому заместитель министра внутренних дел Рясной 25 апреля 1946 г. вынужден был отдать приказ: «Мобилизованных немцев в количестве 97 человек, работающих на перевалочной базе завода № 440, и 40 человек, работающих на Гайвинском лесоучастке завода № 260, с работы снять и передать их для хозяйственно-трудового использования в другие хозяйственные организации»¹²².

Не просто ответить, на кого следует возложить ответственность за описанные безобразия. Казалось бы, в качестве главного виновника должны выступить директора соответствующих предприятий, запрашивающие дешевую рабочую силу из числа мобилизованных, но не обеспечивающие им нормальных условий существования. Однако запросы предприятий на дополнительную рабочую силу обуславливались необходимостью выполнения завышенных производственных планов, что от директоров требовалось в первую очередь. Они, скованные планами, фондами, лимитами, разнарядками и т. п., не всегда имели возможность улучшить быт мобилизованных. Главная доля ответственности за катастрофическое положение мобилизованных «бойцов трудового фронта» лежит на самой тоталитарной системе и ее руководителях, предпочитавших решать экономические проблемы за счет людей.

Конечно, находились среди местных начальников и такие, кто притеснял мобилизованных немцев, вследствие

националистических стереотипов сознания. Хотя в большинстве случаев мобилизованные снабжались наравне с вольнонаемными, иногда имела место и дискриминация. Так, в августе 1943 года в столовой лесозавода Соликамского бумкомбината обеды немцам отпустили в последнюю очередь и без вторых блюд. Начальник второго стройучастка Марговский раздавал талоны на дополнительное питание, предназначавшиеся для немцев, другим рабочим и заключенным, заявляя: «Вам, немцам, дополнительное питание не полагается»¹²³. Руководитель Баскаковской геологоразведочной партии Шунькин выдавал продкарточки и спецодежду только вольнонаемным, отказывая голодающим и мокнувшим в неутепленных палатках трудармейцам¹²⁴.

Эти проявления бытового национализма не были случайностью или аномалиями в поведении отдельных лиц. Нотки советского, а иногда и русского национализма вполне отчетливо звучали в годы Великой Отечественной войны. Марксистский принцип интернационализма совершенно не предполагал разделения наций на «плохие» и «хорошие», «дружественные» и «враждебные». По этому принципу пролетарии, вне зависимости от национальности олицетворявшие все прогрессивное, должны были сплотиться для отпора буржуазии, олицетворявшей реакцию. Однако в ходе войны тысячи советских граждан, только вследствие принадлежности к нациям воюющих против СССР государств, были заподозрены в возможном коллаборационизме и попали под репрессии. В официальный оборот вошло выражение «граждане враждебных Советскому Союзу национальностей». Запись «немец» в графе «национальность» становилась позорным клеймом, накладывающим отпечаток обреченности на судьбы вполне лояльных граждан.

Выселенные с насиженных мест парии общества были поставлены в тяжелые и унижительные условия, по отношению к ним создавалась нагнетаемая «сверху» атмосфера недоверия и подозрительности. Инструкции Наркомнефти, Наркомугля, Наркомбумпрома и других наркоматов, использующих труд мобилизованных немцев, были пропитаны ядом враждебности. Немцев опасались подпускать к взрывчатым веществам и к цехам оборонного значения. Размещали их всегда изолированно и организовывали пристальное наблюдение. Инструкции предписывали «исключить возможность общения мобилизованных немцев с местным населением». Руководство предприятий обязывалось «провести разъяснительную работу среди вольнонаемного состава о взаимоотношениях с мобилизованными немцами», сделав акцент на «недопущение панибратства и близких связей с ними и соблюдение постоян-

ной настороженности и критического отношения к их поведению и производственной деятельности»¹²⁵.

Иногда, правда, приходилось считаться с хозяйственной целесообразностью при проведении «водораздела» между вольнонаемными рабочими и мобилизованными немцами. Так, 29 декабря 1942 г. Молотовское управление НКВД обратилось с запиской к начальнику второго управления своего ведомства, в которой подчеркивалось, что «выделение для размещения немцев отдельных шахт, как это предусмотрено в инструкции Наркомугля СССР, руководители хозяйственных организаций считают невозможным, так как значительно снижает добычу угля на протяжении многих месяцев и может вывести совсем шахту из строя»¹²⁶. Однако производственная необходимость, заставлявшая карательные органы идти на смягчение некоторых инструкций по использованию труда мобилизованных, не могла разрядить общей атмосферы подозрительности по отношению к этому контингенту.

Репрессивный характер трудмобилизации немецкого населения только подтвердился после окончания войны. На основании совместных приказов НКВД и Наркомугля (22 ноября 1945 г.), Наркомата целлюлозно-бумажной промышленности (31 декабря 1945 г.), Наркомстроя (31 декабря 1945 г.), Наркомнефти (5 января 1946 г.) и Наркомчермета (19 января 1946 г.) мобилизованные немцы брались на учет отделами спецпоселений по месту работы после ликвидации зон, где они содержались в 1942–1945 гг.¹²⁷. Речь шла отнюдь не о демобилизации, а об уравнивании мобилизованных в правах с остальными спецпоселенцами. При этом часть мобилизованных немцев продолжала учитываться как «немцы, выселенные по решению правительства», часть — как «местные немцы», остальные учитывались теперь как «мобилизованные немцы»¹²⁸.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод, что трудовая мобилизация советских немцев и других граждан «враждебных» национальностей в годы Великой Отечественной войны являлась не чем иным, как особой формой репрессий, проводившейся по национальному признаку. С ее помощью политическое руководство страны одновременно решало две задачи: обеспечение промышленности дополнительными контингентами рабочих и создание особого режима изоляции для потенциальной «пятой колонны».

Проверочно-фильтрационные

В годы Великой Отечественной войны в СССР появилась еще одна особая группа лагерей — проверочно-

филтрационные. В них направлялись побывавшие во вражеском плену бойцы Красной Армии, а также служившие в гитлеровских военизированных формированиях и оказавшиеся на оккупированной территории лица призывного возраста.

С точки зрения государственной безопасности, проверка побывавших в плену военнослужащих была, конечно, оправданной. Однако следует ли считать целесообразным долговременное их пребывание в унижительных условиях, принуждение к труду, фактическое уравнивание с уголовниками? И нет никакого сомнения, что оставленные еще на несколько месяцев в ПФЛ чисто по экономическим мотивам после прохождения фильтрации (т. е. признанные незамеченными в преступлениях и связях с зарубежными разведками) должны рассматриваться как пострадавшие по политическим мотивам.

Десятки проверочно-филтрационных лагерей были разбросаны по территории страны. Появился филтрационный лагерь и на пермской земле. В июне 1943 г., на основании приказа НКВД, из лагеря военнопленных № 241 выделяется ПФЛ № 0302, имеющий в своем составе 4 лагерных отделения: в Кизеле, Березниках, Боровске и Молотове.

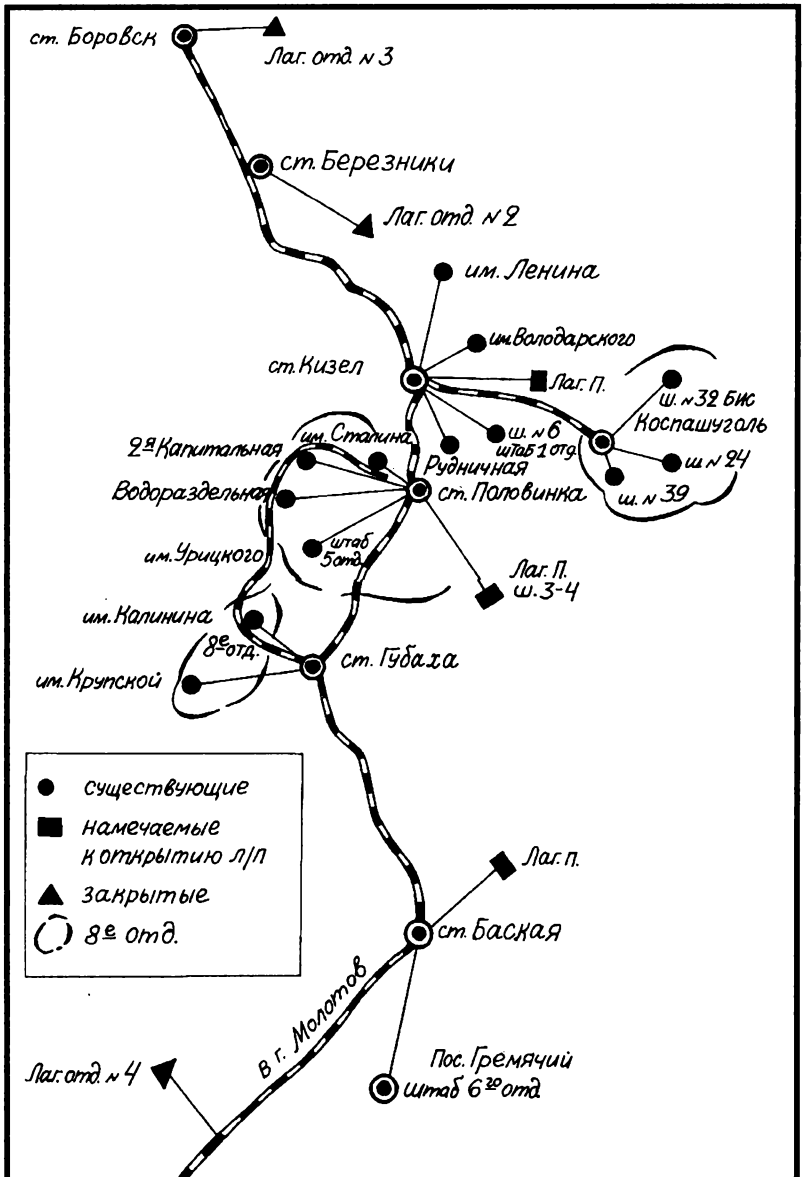
Размещались проходящие филтрацию в традиционных для исправительно-трудовых лагерей и лагерей военнопленных бараках. С точки зрения обустройства, эти бараки мало отличались от зековских. Питание заключенных ПФЛ во многом зависело от предприятия, куда они направлялись для работы, поскольку именно на предприятии лежала обязанность прибавить к основной лагерной пайке дополнительное питание. Вследствие этого питание и, соответственно, физическое состояние контингента лагерного отделения № 1, работавшего на кизеловских шахтах, было значительно лучше, чем в других лаготделениях, обслуживавших другие отрасли промышленности.

Пока шла филтрация, т. е. собирались сведения о благонадежности узников лагеря и выделялись скомпрометированные в сотрудничестве с оккупантами, труд лагерников использовался в народнохозяйственных целях. Управление лагеря заключило договоры о предоставлении рабочей силы с Кизелшахтстроем, Березниковским калийным комбинатом, Березниковским содовым заводом, с Соликамстроем и ИТЛ НКВД и с заводом № 172 в г. Молотове. На этих предприятиях во второй половине 1943 г. работало более 5 500 человек¹²⁹, именуемых спецконтингентом*.

* После появления ПФЛ в документации НКВД термин «спецконтингент» стал использоваться не в широком толковании (заключенные, спецпоселенцы и т.д.), а в узком; спецконтингентом теперь называли только проходящих филтрацию. — А.С.

Схема

дислокации лаг. отд. и лаг. пунктов спецлагеря
№ 0302 НКВД СССР. Май 1944 г.

По действующим инструкциям заключенным в ПФЛ начислялась только половина от заработанных ими сумм. Другая половина направлялась на «возмещение расходов по содержанию спецконтингента». Но сами работники могли получить на руки не более 50 руб. И лишь в случае особого благоволения начальника лагеря им могли выдать заработанные деньги полностью или перевести их родным¹³⁰.

В марте 1944 г. лагерь принял еще 5 481 человек, доставленных пятью эшелонами. Три из них находились в пути по 11 суток, один – 16 суток и еще один – целых 22 дня. В дороге людям пришлось претерпеть серьезные лишения. Люки в эшелонах задраивались наглухо. В пути, в большей части, приходилось довольствоваться сухим пайком. В трех из пяти эшелонов узники не обеспечивались кипяченой водой, в двух – обеспечивались нерегулярно. У многих отсутствовала необходимая по сезону одежда. В результате в лагерь прибыл ослабленный физически контингент. Во многом поэтому смертность в первом квартале 1944 г. несколько повысилась, достигнув 0,5% от среднесписочного состава против 0,25% в четвертом квартале 1943 г.¹³¹ Хотя в целом такой уровень смертности, по сравнению с ИТЛ, можно признать невысоким.

В 1944 г. лагерь предоставил в распоряжение предприятий области уже более 8 000 работников.

Из приложения к строевой записке на 10 апреля 1944 г. и.о.начальника управления спецлагеря 0302 НКВД СССР Аксеньева¹³²

	1-я группа*		2-я группа	3-я группа	Всего
	Рядового и мл. н/сост	Офицерского состава			
Профильровано	1191	8	2	90	1291
Всего	5105	166	2477	1222	8970

Изучение документов наводит на мысль, что отнюдь не фильтрация являлась главной задачей проверочно-фильтрационных лагерей. В частности, налицо явная зависимость завоза спецконтингента в лагерь от потребности предприятий региона в подобной рабочей силе. К примеру, в своей справке, датированной 12 апреля 1944 г., исполняющий обязанности начальника управления лагеря 0302 Аксеньев пишет, что в дополнение к 8 970 имеющимся

* 1-я группа – военнослужащие Красной Армии, находившиеся в плену или окружении противника; 2-я группа – лица, состоявшие на службе в органах оккупационных властей; 3-я группа – лица призывного возраста, находившиеся на оккупированной противником территории, но не служившие ни в Красной Армии, ни в органах оккупационных властей. – А.С.

лагерникам требуется завезти еще 2 800 человек с разбивкой их по предприятиям¹³³.

Из справки НКВД о комплектации рабочей силой из военнопленных и спецконтингентов строек и предприятий по решениям ГОКО и СНК СССР от 12 мая 1943 г.¹³⁴

В числе спецконтингента (12 750 человек) имеется значительное количество профильтрованных Особым отделом. В отношении этих лиц райвоенкоматы ставят вопрос о немедленной передаче их в армию. В связи с тем, что спецконтингент направляется по решениям ГОКО на стройки и предприятия оборонного значения, необходимо договориться с НКО об оставлении этого контингента в лагерях НКВД.

Вот где явственно проявился цинизм подходов НКВД к решению хозяйственных задач! В тяжелое время коренного перелома, когда каждый солдат на фронте был на счету, НКВД, исходя главным образом из своих ведомственных интересов, предлагает использовать проверенных и годных к военной службе людей на своих объектах. Цинизм Системы проявляется прежде всего в том, что прошедших проверку на благонадежность людей не освобождают, не направляют на фронт, а продолжают держать на положении арестантов, заставляют принять тяжелые и унижительные условия существования и продолжают использовать на принудительных работах.

Таким образом, фильтрация стала еще одним инструментом, с помощью которых карательная политика государства увязывалась с хозяйственными задачами. Еще один контингент работников удалось использовать там, где возникла потребность в дешевой рабочей силе. Благо, что это продолжалось не так долго. К концу 1945 г. фильтрация в целом заканчивается, лагерь 0302 и многие другие фильтрационные лагеря расформируют.

* * *

Сотни тысяч несчастных прошли по островам ГУЛАГа на Западном Урале. По самым минимальным подсчетам спецконтингент Пермской области за 1929–1953 гг. составил никак не менее 400 000 человек. Не прошедшим через сталинские лагеря и спецпоселки трудно представить те мучения, которые довелось испытать людям. Не дай Бог нашему народу снова пережить нечто подобное.

Меньше и меньше остается узников ГУЛАГа. Многие из них сегодня вновь должны думать о том, как выжить. Тогда у них были свои рецепты выживания. Сегодня общество, похоже, мало что может добавить к этим рецептам...

Империя

Будто в почве и воздухе черном,
шевелился почетный эскорт
лимузина с бесшумным мотором
в пустоте твоих царских ворот.

Под брусчаткой твоих площадей
я запомнил, как сдавленным сбродом
с Красной площади гнали людей
по подземным, как смерть, переходам.

Змей Горыныч, потомок дракона,
проезжал с перекошенным ртом —
будто не было ни Вавилона,
ни камней, занесенных песком.

Не хватило колонн у вселенной,
чтобы выдержать этот позор, —
все, что видел Василий Блаженный,
все, что помнит великий собор.

Раскаленным до молнии нервом
небо дернулось, мрак бороздя!
И зияла распахнутым чревом,
как могила, улыбка вождя...

*Посвящается моему отцу -
Ивану Асланьяну*

Доставай папиросы сухие,
разливай по стаканам спиртное.
Говорят на дорогах России,
будто время пришло золотое.
По Полюдову камню туман
поднимается в небо хмельное.
Пьет армянский герой, партизан,
награжденный Полярной звездой.
Опускает граненый стакан
аккуратно на плаху рассвета.
Пьет за славных людей, за славян,
за армян, за евреев Завета.
И потом, не дождавшись ответа,
пьет за всех, кого ждет пересуд:
почему, говорит он, поэты
на земле этой мало живут?
Кто не пашет, не пишет, не любит,

тому зубы и перстень за труд?
Жадность фраера, может, погубит,
если прочие раньше умрут.
Кто пригубит, того приголубит
самородный сгорающий спирт,
за Полюдовым камнем остудит
и Полярной звездой наградит.

Вот напишу я сибирский верлибр,
где расскажу, как сумел сам постичь
гнусную сущность не греческих игр,
Верно ль понял Вас, Осип Эмильевич?
Есть в нашей бережной санитарии
ползучий, казенный морозец морга -
кто кровью харкал в сортире,
тот помнит, как пахнет хлорка.

Чисты и белы на рассвете ступени,
которые ты выскоблил сам -
голодный, безумный, затравленный гений!..

Где зона? где золото поколений?
где кличка позорная – Мандельштам?

Последний побег

Кедры валят за то, что на кедрах растут
у верхушек все шишки – на самой вершине.
Может, снова меня проведут, подведут,
а потом поведут, повезут на машине.

Ты сегодня с порога рванешься ко мне,
потому что в постели, в смертельной тоске,
в позе Господа Бога я лежу на спине
с пузырьком корвалола, зажатым в руке.

Ты рвани диск и вырони в спешке ключи,
ты попробуй пресечь мой последний побег –
пусть на белой машине примчатся врачи,
словно первый и нежный сентябрьский снег.

Пусть мне током сорвут напоследок слезу
и соврут, что не кончен пожизненный срок,
что меня не на черной машине везут
колеями глубоких российских дорог.

Как проходит по венам стерильный металл,
так потом наступает сплошной снегопад...
Я сегодня пошел не на лесоповал –
и меня не вернут под конвоем назад.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРЕСТУПНИК ЭПОХИ «ОТТЕПЕЛИ»

«Очевидно тов. Шарапову нужно более уметь... разъяснить политику партии во внутренних и внешних делах»

Осенью 1955 года Министерство высшего образования СССР после вторичного представления согласилось с настойчивой просьбой ректора Молотовского университета назначить доцента И.П.Шарапова заведующим кафедрой поисков и разведки полезных ископаемых. Стаж преподавательской работы И.П.Шарапова не превышал восьми лет. За это время он поменял три института, прежде чем поступил на работу в Молотовский университет.

Геолог по профессии, долгие годы проведенный в экспедициях на Памире, в устье реки Колымы и в других гиблых местах, он оставался человеком мало пьющим. Свободное время И.П.Шарапов проводил за книжками, выбирая что потрудней. Очень любил перечитывать трактаты Баруха Спинозы, даже себя называл спинозистом... На работе неутомимо сражался с бесхозяйственностью, туфтой, показухой, иначе говоря, с бестолковщиной повседневной жизни. Стоит ли упоминать о том, что чувства задетых им людей И.П.Шарапова мало занимали.

Шарапов был настойчивым сторонником математизации геологии. Много писал на эту тему. Его не понимали вузовские работники и не печатали московские журналы. Все чаще он искал и находил отголоски своих идей в статьях и книжках геологических начальников от науки. Это приводило его в бешенство. И.П.Шарапов никак не мог взять в толк, что в бюрократическом обществе наука — казенное дело, в котором важнее всего status quo, субординация и чины. Он забрасывал журналы статьями, заметками, рецензиями, отправлял в министерство докладные записки, надеясь, что его услышат, организуют дискуссию, выслушают доводы... Тщетно.

И.П.Шарапов принадлежал к ученым, генерирующим идеи. Такие люди крайне нуждаются в оппонировании. Когда же его нет, в голову приходят все более смелые мысли. Рождается иллюзия всеведения. Появляется искушение открывать тайны смежных наук, изобретать ана-

Лейбович Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой культурологии Пермского государственного технического университета.

логии «вечного двигателя». Не избежал этого соблазна и И.П.Шарапов. В письме Н.С.Хрущеву он предлагает начать строительство «... геотермических электростанций, работающих на тепле недр Земли. Если под Ленинградом пробурить скважину глубиной хотя бы 8—10 километров, то из нее можно будет получить столько же тепла, сколько из угля, добытого целой шахтой! А таких скважин можно бурить сколько угодно»¹. К 1956 г. он смог опубликовать около 20 научных работ, но его основные тексты оставались в рукописях. И.П.Шарапов видел корень зла в недобросовестных людях, которых он аттестовал «застарелыми авторитетами», чью монополию он намеревался сокрушить.

Нетерпимый к чужим порокам, И.П.Шарапов столь же строго относился и к себе самому. В одном из личных писем к человеку, ему близкому, он винил себя за то, что «... струсил в 1937 г. и остался жив, тогда как другие порядочные люди погибли»². Смелости ему, однако, было не занимать. Вот один из эпизодов, относящийся к 1948 или 1949 г. И.П.Шарапов работал тогда доцентом в Северо-Кавказском горно-металлургическом институте. Пришло распоряжение изъять учебник Креймера «Разведочное дело». На заседании кафедры Шарапов заявил, что он как раньше рекомендовал студентам пользоваться этой книгой, так и впредь будет, так как другого учебника нет. Декан попытался урезонить строптивца:

— Как же ты защищаешь учебник врага народа?

Шарапов ответил дерзостью:

— Ты сам враг народа, коли лишаешь студентов учебника!³

Как многие одинокие люди, И.П.Шарапов искал утешения «в остром обществе дамском» и в переписке с литераторами. По всей видимости, женщинам он нравился. Допрошенные во время следствия приятельницы характеризовали его в высшей степени похвально. Было, впрочем, и одно исключение, о котором речь пойдет дальше.

С литераторами И.П.Шарапову повезло много меньше.

Свое первое письмо он отправил в 1930 г. Алексею Максимовичу Горькому и получил ответ, который должен был раз и навсегда отбить охоту обращаться со своими мыслями к «инженерам человеческих душ». Трудно удержаться и не процитировать гневную отповедь каприйского затворника.

Из письма А.М.Горького⁴

Ваше длиннейшее письмо наполнено тусклой словесной шелухой, и невращенная болтовня Ваша, не возбуждая к Вам ни малейшего сочувствия, рисует Вас человеком не умным, но крайне, до смешного самовлюблен-

ным. (...) Вам – 25 лет. Вы – еще мальчишка, и притом малограмотный, и Вы тоном захолустного Байрона говорите: «Огромное большинство людей, виденных мною, злы, глупы, эгоистичны». Извините меня, старика, но за такие слова, сказанные в наши дни, в нашей стране, следовало бы философам – подобным Вам – уши драть!

Правильно в письме Вашем сказано Вами о себе только одно: «Я родился индивидуалистом». Да, очевидно, это так, и это весьма странный рецидив интеллигентской болезни, той болезни, которая заставила огромное количество интеллигенции бежать от жизни, от процесса возрождения нашего народа в эмиграцию, где она позорно и отвратительно изгнивает.

Меня крайне изумил тот факт, что Вы, такой, каким изображаете себя в письме, пятый год воспитываете советскую молодежь, читая ей лекции по диамату и ленинизму. Мне трудно поверить в это, и я не могу понять, как же это Вы читаете? И как Вам не стыдно лгать людям, внушая им то, во что Вы явно не верите, что для Вас является «противоречиво»? Не кажется ли Вам, что Вы развращаете Ваших учеников и что честный человек был бы не способен на такое двоедушие? Предупреждаю Вас, что письмо Ваше я сообщу в агитпроп. Я не могу поступить иначе. Люди, подобные Вам, должны быть удалены от молодежи, как удаляют прокаженных. Наша молодежь живет и воспитывается на службу революции, которая должна перестроить – и перестроит мир. Уйдите прочь от нее, Вы больной и загнанный.

Вот все, что я могу Вам ответить.

М.Горький

Остается загадкой, исполнил ли Алексей Максимович свою угрозу. Скорее всего, нет. Сам ли позабыл, или секретари подвели. Неизвестно. И.П.Шарапов был уверен в обратном. Полагал, что после этого письма начались все его неприятности. Горького невзлюбил, честил его сталинским агентом, «слугой Сталина в наиболее неблагоприятных делах». (Из письма к Даниилу Гранину, переданного последним в «...органы КГБ согласно просьбе»⁵.) Даже ходил в библиотеку им.Горького в Перми, чтобы найти в «Новой жизни» доказательство горьковской неправоты в 1917 г. К совету оставить преподавание «диамата и ленинизма», однако, прислушался и в мае 1934 г. уволился из школы II ступени, для того чтобы поступить на службу начальником геологоразведочной партии.

Самое удивительное заключается в том, что стремление переписываться с литераторами у него не исчезло. В своих воспоминаниях он объясняет это намерением «... пристыдить писателей, оболванивающих народ»⁶.

На склоне лет Иван Прокопьевич Шарапов продолжал выражаться резко и однозначно, хотя и не совсем точно. Среди его корреспондентов писатели с репутацией людей свободомыслящих и либеральных: В.Овечкин, Назым Хикмет, М.Лифшиц... Все они в той или иной степени фронтеры, близкие к «Новому миру».

В «Новом мире» М.А.Лифшиц опубликовал язвительную статью по поводу восторженных писаний М.Шагинян. Та в «Дневнике писателя», кроме всего прочего, передавала свои чувства, рожденные посещением нового корпуса

Московского университета. Пересчитав лестницы, аудитории, этажи, прокатившись в скоростном лифте, Мариэтта Шагинян не смогла удержаться от предположения, что в недалеком будущем люди коммунистического завтра обретут природную способность летать, скорей всего от восторга: «Разве человек хуже журавля? Не зачешутся ли у нас в конце концов лопатки и предплечья?»

И.П.Шарапову статья понравилась, хотя он и находил ее слегка пресноватой, и он направил письмо автору. Между ними завязалась оживленная переписка. Они встречались, беседовали. М.А.Лифшиц даже познакомил доцента из г.Сталино с московскими литераторами. Судя по всему, И.П.Шарапов произвел впечатление на старшего научного сотрудника Института философии АН СССР. Такой была официальная должность М.А.Лифшица. Его письма к Шарапову носят вполне доверительный характер, хотя и не свободны от поучительного тона.

Лифшиц делится со своим корреспондентом собственным видением литературной ситуации, не скрывая своего мнения о модных литераторах.

«Овечкина я, конечно, уважаю. Эренбург надоел своими длинными романами с миллионом действующих лиц. (...) Симонов — сносный журналист, по-моему⁸, — сообщает он в своем письме, датированном 5.04.54 г. .

Шарапов тянется к писателям, надеясь в диалоге с ними выйти из интеллектуального одиночества, преодолеть тоскливую суету будничной жизни, и не замечает того, что для своих корреспондентов он просто еще один читатель: *культурный, интересующийся, развитый...* в общем, человек другого мира. Когда же Иван Прокопьевич выходил из образа, сокращая дистанцию, его старались оттолкнуть. М.А.Лифшиц на допросе скорее всего не лгал, когда уверял следователя, что «... письма (Шарапова. — О.Л.) стали для меня очень скоро тяжелой повинностью...»⁹ Ему показалось совершенно диким предложение И.П.Шарапова помочь опубликовать статью, критикующую взгляды Лифшица. Тот уже находил свою новую тему: разоблачение модернизма и ревизионизма. В «Краткой литературной энциклопедии» М.А.Лифшица похвалят за *выступления, которые носят публицистический характер (например, утверждают родство искусства модернистов и философов-интуитивистов с реакционными режимами)*¹⁰. И.П.Шарапов жил по совсем иным законам.

Таким был новый заведующий кафедрой Молотовского университета. Приняли его хорошо. Дали просторные комнаты в новом «профессорском» доме, что построили на Комсомольском проспекте. Шарапов завел знакомства, сблизился с соседями по дому, с коллегами по университе-

ту. В его квартиру часто заходили сотрудники кафедры. Вместе встречали новогодние праздники. В письме к К.И.Галаншину И.П.Шарапов подчеркнет, что «... нормальные отношения с товарищами у меня установились только здесь, в Перми, то есть с 1955 года»¹¹. Он ведет долгие доверительные разговоры с соседом по дому доцентом кафедры истории СССР Павлом Ивановичем Хитровым.

В людях Иван Прокопьевич так и не научился разбираться.

Шарапов активно работает, готовит к публикации курс лекций «Элементы-примеси в комплексных рудах, их опробование и подсчет запасов», заключает хозяйственные договоры с местными геологическими учреждениями, приобщает к научной работе сотрудников своей немногочисленной кафедры. И.П.Шарапов не сторонник совместных исследований. Он полагает, что достичь результатов в науке можно только самостоятельно. Каждый из сотрудников ведет собственную тему. В стороне остается только бывший заведующий 33-летний старший преподаватель Николай Исаакович Чернышев...

В ноябре 1956 г. партийное бюро Молотовского университета заслушивает самоотчет т. Шарапова. Из краткого протокола видно, что коммунисты высоко оценили работу нового заведующего. Кафедру хвалят за активность, за связь с предприятиями, за разработку хоздоговорных тем. Не критикуют, но советуют: объединить сотрудников вокруг одной комплексной темы, помочь Чернышеву. Просят ректора оснастить кафедру новым оборудованием¹².

И.П.Шарапов впервые заведует кафедрой, и это у него получается. Совсем иначе выглядит ситуация с его научными проектами.

XX съезд КПСС изменил общественную атмосферу, пусть на короткое время, но раскрепостил людей, вывел их за рамки жесткого речевого и политического этикета, установившегося в сталинскую эпоху. Многие ожидали от властей следующего шага — введения более либеральных политических институтов. На партийных собраниях университета звучали речи, совершенно немыслимые несколько лет назад. Тот же П.И.Хитров, не стесняясь в выражениях, бранил Президиум ЦК КПСС за *семейственность и двурушничество*, цитировал поговорку, что *рыба с головы гниет*, и осуждал *культ Президиума*¹³. И.П.Шарапов особой политической активности не проявляет, если и высказывается на собраниях, то по университетским делам, что не следует преподавателей обременять воспитательной внеучебной работой со студентами: они взрослые люди и на это есть комсомол...

Главным делом для И.П.Шарапова остается наука. Он снова и снова предлагает для обсуждения свой метод математических исчислений примесей, рассылает в журналы многочисленные полемические статьи. В ответ — тишина. Однажды пригласили в Москву на всесоюзное совещание по редким элементам. И.П.Шарапов делает доклад, который публикуют с грифом «совершенно секретно»¹⁴.

В соответствии с обычаем Шарапов обращается в ЦК, попадает на прием к какому-то инструктору, что-то ему объясняет, показывает, обещает экономическую выгоду... Все безрезультатно. «Был я недавно в ЦК партии, — пишет он в сентябре 1956 г. своему знакомому Р.Агишеву, — там, как сидели чиновники в аппарате, так и сидят сейчас. Те же люди. Ничего по существу не изменилось. Если у Вас есть иллюзии каких-то перемен, то бросьте их»¹⁵.

Вернувшись в г.Молотов, И.П.Шарапов отправляет в ЦК официальную просьбу разрешить ему послать статью в английский журнал «Fuel», но не получает ответа. Спустя месяц Шарапова вызвали в обком и сообщили, что в просьбе ему отказано. На партийном собрании в университете 10 января 1957 г. секретарь обкома М.Кокшарова сообщила об этом и добавила, что такие просьбы неправомерны.

И.П.Шарапов впал в отчаяние. Иначе не объяснить его самоубийственный порыв пойти в иностранное посольство и вручить кому-нибудь из дипломатов свои статьи для публикации. М.А.Лифшиц, с которым он поделился своим проектом, очень испугался и принял сугубо официальный тон: «За это Вас заберут и, с моей точки зрения, поступят совершенно правильно».

После этих слов собеседники поссорились. М.А.Лифшиц постарался выпроводить опасного гостя. «Я сказал ему достаточно прямо, что он либо с какой-то целью хочет «искушать» меня, то есть провоцировать на согласие с его антисоветскими намерениями, — показывал Лифшиц на допросе, — либо он действительно держится таких взглядов, которые несовместимы с советским патриотизмом»¹⁶.

И.П.Шарапов намерения своего не оставил. В «Неделю международного письма» он отправил оттиск своей опубликованной статьи британскому профессору Аренсу, известному специалисту в области геохимии редких элементов. Письмо вернули на почте¹⁷. Шарапов делает еще одну попытку. До декабря 1957 г. не требовалось специальных разрешений для публикации рукописей советских ученых в *странах народной демократии*. Воспользовавшись этим послаблением, он посылает рукописи в геологические журналы, издающиеся в Будапеште, Берлине, Варшаве и Праге. Почта не пропускает их за границу...¹⁸ Перед Ша-

раповым стена, в которой не удастся отыскать никаких брешей.

«Чтобы защитить докторскую, — объясняет он Д.Гранину, — надо ее сначала опубликовать, а издательства в руках монополистов, лжеученых. Где же печататься? За границей? Нельзя. Издание автора (за счет автора) не разрешается! Наука гибнет! (...) Нет свободы в науке, как нет ее и у вас в литературе»¹⁹.

Шарапов, не стесняясь в выражениях, отводит душу в разговоре с Юрием Павловичем Волнягиным: «В руководстве наших геологических журналов засела группа подлецов, которые не пропускают моих работ в свет и занимаются плагиатом моих трудов»²⁰. Волнягин — приятный молодой человек (ему нет и 30 лет), недавно приехавший в Молотов поступать в аспирантуру к профессору Максимовичу. Почему-то не вышло. Его приняли старшим лаборантом на геологический факультет. В этой должности он долго не задержался, избрав для себя партийную карьеру. В 1957 г. Волнягин уже секретарь партийного бюро университета. Квартиру ему дали в том же доме, что и И.П.Шарапову. Жена Волнягина Софья работает на кафедре Шарапова старшим лаборантом. Они нередко вместе возвращаются домой. Иван Прокопьевич явно симпатизирует молодой чете, не скупится на советы, приглашает в гости по-семейному, рассказывает о новых книгах...

Осенью 1956 г. журнал «Новый мир» публикует роман В.Дудинцева «Не хлебом единым». Партийные инстанции роман осудили.

Владимира Дудинцева долго прорабатывали на писательских собраниях, несколько раз приглашали на Лубянку, но в конце концов оставили в покое. Хрущев публично отпустил ему невольный грех: «...Дудинцев никогда не был нашим врагом и не был противником советского строя...»²¹

Ивану Прокопьевичу Шарапову книга В.Дудинцева понравилась. В октябре 1956 г. он спрашивает у М.А.Лифшица: «Кто такой этот В.Дудинцев? Что он еще написал? Как Симонов осмелился напечатать роман? Роман хоть и кургузый (оглядка на цензуру?), но прекрасный. Это первый роман, написанный не по канонам соцреализма. Я целый месяц ездил по Уралу и Казахстану. Везде говорят о романе. Спорят!»²²

Он расхваливает «Не хлебом единым» В.Дудинцева всем и каждому, даже тем, кто заведомо в руки книжки после школы не брал.

Позднее И.П.Шарапов с непосредственностью, ему присущей, объяснит секретарю Дзержинского райкома партии свою очарованность романом тем, что «...в судьбе главного героя я видел свою судьбу, так как много страдал

и страдаю от лжеученых, захвативших власть в изучаемой мною отрасли науки»²³.

В декабре 1956 г. И.П.Шарапов занят. Он готовит письмо в «Известия», в котором предлагает открыть Дома творчества для ученых на манер писательских. Молодые научные работники живут в скверных условиях: коммунальных квартирах, бараках, где за стеной бесчинствуют соседи. Многочисленные общественные организации отнимают у них время, заставляя исполнять бессмысленные нагрузки, так что «...писать научные труды негде и некогда». В Домах творчества должны, по мысли автора, создать условия для исследовательской работы²⁴.

Отправив письмо в Москву, он садится за новое, адресуя его на этот раз К.М.Симонову — главному редактору «Нового мира»:

«Глубокоуважаемый Константин Михайлович!

Вы хотите реабилитировать соцреализм как знамя нашей литературы, но разве дело в названии?

...Социалистический реализм не то, что официально было провозглашено, а то, что фактически было. А фактически было приукрашивание действительности. Сейчас есть только одно «действительно соцреалистическое произведение — это роман Дудинцева, но и он не свободен от пятен лакировки. Действительность чуть похуже. Уж кому-кому, а Вам, бывшему редактору Литгазеты, это хорошо известно.

...Главный недостаток в нашей литературе — идеалистический, антимарксистский взгляд на общество. Между тем классы отмирают, нарождаются, развиваются... они не вечны. Еще не было в истории человечества ни одной революции, которая не породила бы нового класса — своего могильщика. Путь к коммунизму не прямой, а зигзагообразный.

В заключение позвольте Вам пожелать острой борьбы с реакционерами. История отечественной литературы скажет Вам за это спасибо.

С уважением

И.Шарапов

5 января 1957 г.»²⁵

Если верить следственным документам, письмо до адресата не дошло. Сотрудники Московского почтамта зачем-то вскрыли конверт, на котором нельзя было прочесть адрес, ознакомились с письмом, нашли его «политически вредным» и переслали его с грифом «секретно — литер А» в управление КГБ по Молотовской области» 1 февраля 1957 г.²⁶.

В уголовном деле И.П.Шарапова сохранился вскрытый конверт, полностью залитый черной почтовой краской... Сегодня нет возможности установить, когда его испорти-

ли: до или после вскрытия. Сделали это по оплошности или специально? Имелось ли распоряжение о вскрытии корреспонденции К.М.Симонова либо письмо вернулось на почтamt из редакции журнала? Бог весть...

Перехваченное письмо дает первоначальный общесоюзный операции КГБ против И.П.Шарапова. Для начала Комитет берет под контроль его переписку.

4 мая 1957 г. помощник прокурора Молотовской области подписывает постановление «О производстве выемки почтово-телеграфной корреспонденции И.П.Шарапова», поскольку в ней «...могут содержаться данные, изобличающие его в, возможно, проводимой антисоветской деятельности...». На постановлении есть также подпись полковника Малютина — начальника областного управления КГБ²⁷.

За два месяца до того редакция газеты «Известия» («самая смелая», по мнению Ивана Прокопьевича²⁸) пересылает в органы «письмо гражданина Шарапова», посвященное Домам творчества ученых. Сотрудники ГБ отправляются по адресам, указанным на перехваченных письмах, и требуют выдачи корреспонденции. Агищев, редактор журнала «Дальний Восток», отказывается. Московские литераторы подчиняются. 10 мая 1957 г. Д.Гранин передает в КГБ «...последние письма Шарапова». В одном из них Иван Прокопьевич объявляет:

«Я понял классовую структуру нашего общества. Мне известно о конвертной системе «зарплаты» (тайной), о закрытом снабжении, о спецполиклиниках, спецшколах для детей привилегированных работников и о прочем...»²⁹

М.А.Лифшиц также представил в органы следствия письма и статьи, «...полученные в разное время от Шарапова И. П.», да еще и расстарался: «...приложил короткие пояснительные записки от руки синими чернилами»³⁰.

В октябре 1957 г. в КГБ поступили письма И.П.Шарапова, адресованные в редакцию журнала «Молодая гвардия» на имя В.Кардина:

«Газеты наши все время, всю сталинскую эпоху пишут о «расцвете» и о «дальнейшем расцвете» сельского хозяйства. Тысячи золотых медалей, сотни тысяч орденов, десятки тысяч партруководителей, сотни тысяч тракторов, миллионы тонн удобрений, сельскохозяйственная выставка, открытия Лысенко и многое другое обеспечили нам «расцвет». Если этот «расцвет» будет продолжаться хотя бы пять—десять лет, то хлеб мы будем есть только с целины, так как на старых землях колхозы и совхозы сами себя не прокормят.

Что делает Дудинцев? Могли бы Вы передать ему горячий привет?»³¹

Это письмо на Пермском почтамте почему-то не перехватили, зато все остальные не дошли до адресатов.

Он обращается к Галине Николаевой:

«Ваш роман («Битва в пути». — *О.Л.*) — полуправда. Правду Вам не удалось бы опубликовать... Походите недельку по подвалам, в которых живут лучшие люди нашей родины, по «шанхаям», которых у нас все еще много (пол-Караганды живет в землянках), поговорите с жертвами мудрой сталинской политики — с чеченцами и ингушами (в Казахстане — они), побывайте в милиции, куда приводят «золотую молодежь», пытавшуюся насилловать девушек (отцы насильников — конвертники, получают зарплату без росписи и без налогов — в конверте), побывайте на лесозаготовках, на одной из каторг (лагерей), в Смоленской области, где на месте опустевших колхозов совхозы. Изучайте жизнь! И знайте, что путь к коммунизму — не асфальт, а кровавое месиво»³².

В письме к Геннадию Фишу Шарапов набрасывает программу литературной борьбы с редакцией: «...Надо бы опозорить Суркова, этого двуличного служителя культа, Симонова тоже, Эренбурга, Шагинян, Галина, Полевого — всех этих аллилуйщиков...»

Шарапов не знает, что его письма не доходят до адресатов. Он пишет Д.Гранину в ноябре 1956 г., что со студенческой поры находится «...под тайным надзором полиции»³³. Иной раз возникает ощущение, что Иван Прокопьевич дразнит соглядатаев, заполняя письма социополитическими рассуждениями в духе Милована Джиласа:

«Номенклатурщики — зловещие фигуры нашего века». «Сталин был слугой своей социальной группы». «Классы — это не только те, которые были описаны Марксом. Новые, на новой базе, могут быть классами...»³⁴.

Свои собственные размышления о природе советского социализма И.П.Шарапов изложил в рукописи «О так называемых «пережитках» и «родимых пятнах», законченной в апреле 1957 г.

И.П.Шарапов был одним из первых отечественных интеллектуалов, кто предложил применить диалектику к изучению советского общества. Иное дело, что он толковал противоречия как взаимодействие положительных и отрицательных сторон жизни, ее преимуществ и недостатков совершенно в духе партийной пропаганды. При этом И.П.Шарапов не был этатистом. Он мало верил в благодетельную силу законов, более полагаясь на свободу слова:

«Никакими юридическими актами не уничтожить лживость, пьянство, зазнайство, произвол. Даже наша лучшая в мире Конституция не предохранила советский народ от организованной в государственном масштабе травли малых народов. Травли, переходящей в геноцид; от

презрительного отношения ко всему зарубежному, от бесправия, беззакония и произвола, от массового террора, садизма и лицемерия, от физического уничтожения целых слоев населения, от вождизма и от многого другого античеловеческого, антикоммунистического... Главным условием борьбы с ними является свобода их анализа, свобода обсуждения»³⁵.

Именно эту свободу И.П.Шарапов явочным порядком реализовал в письмах к литераторам, высказываясь без оглядки на цензуру и «всевидящее око» тайной полиции. Он критикует язык пропаганды («выражение: «партия заботится о народе, партия советуется с народом» – неправильное. Народ – выше»), весьма скептически оценивает освоение целины («Вы, конечно, знаете различие между интенсивным и экстенсивным земледелием?»)³⁶.

Свобода критики, свобода анализа, свобода дискуссии – вместе они образуют прочное основание политического мировоззрения И.П.Шарапова, своеобразный угол зрения, под которым он рассматривает современную ему социалистическую действительность. Эти ориентиры для него настолько органичны, что он не в состоянии не то чтобы отречься, но даже и умолчать о них в тех обстоятельствах, когда конъюнктура требует поступков совершенно противоположного свойства.

С весны 1957 г. все эпистолярные связи Ивана Прокöpfeвича прерваны грубым вмешательством КГБ. Его письма перехватывают, с корреспондентами проводят беседы, и те сами, без ордера, передают следователям некогда полученные от него письма.

До поры до времени Шарапов об истинных причинах молчания не догадывается. Можно предположить, что оно его глубоко задает. Он выстроил для себя систему дружеских отношений по всем канонам XIX века, а эта система отказывается работать. Один за другим исчезают привычные собеседники... Тогда он начинает говорить в самых неожиданных местах со случайными людьми. Только темы остаются прежними – политическими.

Одним из таких случайных людей был 54-летний доцент кафедры политэкономии Исаак Самойлович Сандлер, некогда «политик», отбывший срок по 58-й статье, реабилитированный партиец. Запуганным он остался до конца своих дней. В сентябре 1957 г. Сандлер пожаловался секретарю партбюро Ю.П.Волнягину на Шарапова, что тот в присутствии студентов в библиотеке «нарочито громко» высказал свое критическое мнение по поводу статьи академика Е.Варги, опубликованной в журнале «Коммунист»³⁷. Взволнованный, И.С.Сандлер все допытывался у товарища Волнягина: не провокатор ли Шарапов? А может, «просто демагог или хуже»?³⁸.

Жизнь шла своим чередом. В те дни на геологическом факультете отмечали 50-летие Ивана Прокопьевича. На кафедре говорили речи, на квартире произносили тосты. Пили за здоровье юбиляра. Среди гостей – Юрий и Софья Волнягины, Николай Чернышев³⁹.

Ю.П.Волнягин поручает доценту И.П.Шарапову сделать доклад на общеуниверситетском торжественном собрании по поводу 40-летия Октябрьской революции. Шарапов исполняет поручение. Он умеет быть лояльным партийцем, за что его и ценит руководство.

На сигнал Сандлера необходимо как-то реагировать. Ю.П.Волнягин, по всей видимости, советуется с пермскими чекистами. Сам ли догадался, старшие ли товарищи подсказали, сегодня не установить. Во всяком случае, в управлении КГБ ему раскрыли глаза на политическое лицо И.П.Шарапова и научили, что делать. Видимо, было признано нецелесообразным начинать уголовное дело против научного работника, опираясь только на перехваченные письма. Может быть, в Москве посчитали политически неверным выводить на процесс известных советских писателей в качестве заурядных доносчиков. Не исключено, что процедура привлечения к уголовной ответственности по 58-й статье изменилась таким образом, что обязательно требовала инициативы со стороны товарищей по коллективу... Так или иначе, но 15 ноября 1957 г. Юрий Волнягин пишет в управление КГБ по Пермской области донос на Шарапова, уличая его в том, что он «...допустил целый ряд политически неправильных высказываний, (которые) носят отчетливо систематический характер и отображают, видимо, гнилые настроения и несоместимые с его положением представления о нашей советской действительности⁴⁰».

Одного доноса мало. Видимо, желающих стать добровольными помощниками органов было не так уж много. Юрий Павлович привлекает к этому неблагодарному занятию свою жену.

Софья Волнягина считает «...своим долгом довести до сведения органов госбезопасности, что доцент ПГУ И.П.Шарапов в беседах со мной допустил ряд политически неправильных высказываний. Так, в конце октября с.г. я возвращалась домой в трамвае. Он спрашивал меня, почему я не повлияю на своего мужа и разрешаю ему активно участвовать в партийной работе. Ведь в партии такая смута, что нужно держаться подальше. Он возмущался тем, что за границей все знают, за что освобожден Г.К.Жуков, а он ничего не знает»⁴¹.

Ю.П.Волнягину удалось получить у Н.И.Чернышева записку «О политических настроениях на кафедре поисков и разведок ПГУ». Автор начинает ее со справки о том, что

он составил записки отнюдь не по своей инициативе, но «по просьбе Волнягина Ю.П.». (Заметим, что эту методу Ю.П.Волнягин применил впервые в мае 1957 г., когда потребовал у студента Варзакова написать донос на преподавателя Сметанина)⁴².

Далее Чернышев перечисляет «нездоровые аполитичные высказывания И.П.Шарапова:

а) наше правительство самое громоздкое и перестройка вряд ли поможет;

б) план – это анархия;

в) ...почему у нас военный министр не гражданский человек, как это имеется на Западе;

г) на заседании философского кружка стремился вставить в план работы этого кружка вопросы о национальном коммунизме, о буржуазной теории стратификации общества...»⁴³.

Через день Сандлер информирует Волнягина, что Шараров расценивает «запуск спутников как «...ненужное дело». Правительство же избрало путь «...демонстрации политики с позиции силы».

Далее Сандлер сообщает, как, какими словами, в каком тоне он давал отпор «по меньшей мере, странным» взглядам собеседника, и завершает донос самокритикой: «Очевидно, тов. Шарарову нужно более умело, чем это сделал я, разъяснить политику партии во внутренних и внешних делах»⁴⁴.

Не знаю, отнес ли Волнягин все доносы прямо в КГБ, либо по пути завернул в обком, однако власти решили пустить дело сначала по партийным рельсам.

Семья Шараровых встречала Новый 1958 год в своей квартире. Пришли друзья: Волнягины, Чернышев. Пили. Веселились. Вместе отплясывали «барыню»⁴⁵.

Уже 2 января И.П.Шараров был приглашен на беседу в Дзержинский райком партии. В кабинете секретаря его ждали пятеро: райкомовские работники Березняков и Гусева, зам. заведующего отделом агитации и пропаганды обкома Калашников, ректор университета Тиунов и секретарь партбюро Волнягин.

Шарарову предъявили обвинения в антипартийных высказываниях: восхвалял роман Дудинцева, охаивал советскую действительность, намеревался опубликовать свои статьи за границей. Предложили написать объяснительную. Шараров подчинился.

27 января 1958 г. его вызывают в обком. С Иваном Прокопьевичем беседует И.Я.Кириенко – секретарь, ответственный за идеологию. Впрочем, беседой это назвать трудно. Говорит Шараров. Кириенко слушает. Калашников записывает, занося каждое высказывание в соответствующую рубрику «Справки об антипартийных настроени-

ях и высказываниях заведующего кафедрой поисков и разведки месторождений полезных ископаемых ПГУ Шарапова И.П.»

«В беседе... заявил, что он недоволен следующим:

1) Очень медленным восстановлением ленинских принципов партийного руководства;

2) Методами партийного руководства литературой;

3) Политикой партии в области руководства сельским хозяйством. И, наконец, Шарапов заявил, что по любому вопросу, какой бы ему ни задали, он имеет недовольство.

Из бесед с Шараповым создается убеждение, что ко всем событиям советской действительности он подходит с идеей неправильности политики руководства. А общие фразы о верности ленинизму и коммунизму служат Шарапову только прикрытием»⁴⁶.

В тот же день аналогичную «Справку» заканчивает и Волнягин.

28 января назначено бюро обкома. Пятый пункт повестки – «Об антипартийном поведении члена КПСС Шарапова И.П.».

Утром Иван Прокопьевич отправляет на имя И.Я.Кириенко «Объяснение по поводу моих обывательских непартийных разговоров», в котором предпринимает еще одну попытку избежать «политического расстрела» – исключения из партии.

Он пытается переквалифицировать «систематические антипартийные высказывания» в «обывательские, непродуманные и политически незрелые...», признает свои ошибки и соглашается заранее с взысканием и, наконец, объясняет свои неправильные поступки влиянием сомнительного окружения:

«...Я позволил себе вступить в разговоры на политические, литературные и другие темы со многими людьми, даже с такими людьми, с которыми у меня ничего нет общего. Реабилитированные после отбытия срока наказания политические работники, евреи, недовольные своим положением, обиженные военные специалисты, далекие от идей научного социализма научные работники и прочие лица как-то влияли на меня и приводили к мысли о слишком медленном восстановлении ленинских норм партийной жизни»⁴⁷.

Все тщетно. Вечером того же дня бюро обкома исключает И.П.Шарапова из партии.

В постановлении бюро это решение мотивируется тем, что «...тов. Шарапов допускает антипартийное поведение, систематически ведет разговоры, в которых выражает свое несогласие с линией партии в вопросах международной и внутренней политики, осуждает проводимые ЦК КПСС и

Советским правительством мероприятия и охаивает советскую действительность»⁴⁸.

И.П.Шарапов в эти дни отправляет пространное письмо на имя секретаря обкома К.И.Галаншина. В нем он пытается оправдаться, досказать то, что не успел на бюро ввиду болезненного состояния, клянется в верности ленинизму. Со всей доступной ему убедительностью Иван Прокопьевич молит о снисхождении... Обком не слышит.

«На Вашу просьбу о вторичном рассмотрении вопроса о Вашем партийном положении обком КПСС сообщает, что оснований для пересмотра принятого решения от 28.01.1958 г. нет.

На решение бюро Пермского обкома КПСС от 28.01.1958 г. Вы можете подать апелляцию в комиссию партийного контроля при ЦК КПСС.

Секретарь Пермского обкома КПСС К.Галаншин.

11 февраля 1958 г.»⁴⁹

В тот же день партийное бюро университета утверждает характеристику на И.П.Шарапова, в которой признает его профессиональное мастерство: «...проявил себя как знающий преподаватель, умело излагающий свой предмет, ...активно вел научно-исследовательскую работу. Избирался в состав партийного бюро факультета». Кропотливо перечисляет все его действительные и мнимые грехи, вроде: ...в погоне за популярностью и авторитетом не проявлял должной требовательности к студентам...

Характеристика завершилась словами: «Тов. Шарапов проявил себя как неустойчивый коммунист, проводивший демагогические антисоветские и антипартийные разговоры»⁵⁰.

Это развязывало руки чекистам. 22 февраля 1958 г. капитан Вракин, начальник отделения УКГБ по Пермской области постановил возбудить уголовное дело по признакам статьи 58-10, ч.1 УК РСФСР⁵¹.

4-е управление КГБ запросило согласие министерства на арест доцента И.П.Шарапова и получило его: «Министр высшего образования СССР тов. Елютин против ареста Шарапова Ивана Прокопьевича не возражает»⁵².

Ордер на арест подписал 24 февраля 1958 г. прокурор области Михаил Владимирович Яковлев (к слову сказать, коллега Шарапова по преподавательской работе в университете). В своих воспоминаниях Шарапов ошибочно называет других лиц: Кафтанова и прокурора РСФСР⁵³.

В постановлении на арест и обыск И.П.Шарапову вменялась в вину антисоветская агитация среди окружающих его лиц и «переписка с писателями»⁵⁴. Шарапова взяли под стражу 26 февраля 1958 г., обыскали квартиру, потом университетский кабинет и отправили в камеру. На следующий день состоялся первый допрос. 4 марта допросы

пришлось прервать на неделю по медицинским показаниям: «резкое переутомление нервной системы, явления стенокардии»⁵⁵. Иван Прокопьевич оборонялся стойко. С первых дней он придерживался одной и той же тактики:

- признать свою вину только перед партийным уставом (за что и наказан), но не перед советскими законами;
- имен не называть («я вел очень широкую переписку и всех своих корреспондентов не помню»);
- со следствием не сотрудничать, оспаривать каждую формулировку: «на советскую литературу я никакой клеветы не возводил. О литературе я писал правду»⁵⁶ ...

Обыск на квартире дал не слишком много материала для следствия: рукопись «О так называемых «пережитках» и «родимых пятнах», несколько выписок из газеты «Новая жизнь» и письма от Н.Хикмета, В.Овечкина, М.Лифшица.

Следователи вынуждены искать доказательства вины, допрашивая знакомых, родственников, корреспондентов. КГБ проводит всесоюзную операцию. Его сотрудники изымают письма у москвичей и жителей Дальнего Востока, снимают показания у литераторов, научных работников, служащих...

Следствие идет, а в университете уже принимают меры. Изымают из библиотеки и у студентов учебное пособие «Элементы-примеси в комплексных рудах, их опробование и подсчет запасов»⁵⁷. На очередное университетское партийное собрание 17 апреля 1958 г. приходит первый секретарь обкома Струев. Он говорит о бдительности:

«Мы не можем проходить мимо нездоровой болтовни молодежи. Буржуазия ориентируется на молодежь. Шараров охаивал нашу действительность, вместо пропаганды наших успехов раздувал отдельные факты. Шараров — обыватель, злопыхатель и трус. Он говорил с «Голоса Америки» и «Би-би-си». За контрреволюцию люди всегда и везде карались по закону. То, что своевременно Шарарову не дали отпора в университете, — это тяжелая ошибка коллектива университета».

На трибуне партийного собрания один доносчик сменяет другого.

Чернышев: Шараров распускал демагогическое зловоение. В науке он был активен, но гонялся за хоздоговорными работами, с преувеличенным интересом относился к деньгам. Эти разговоры преобладали на кафедре... Шараров — ярко выраженный враг, но есть люди, которые занимают тем же в меньшей степени.

Волнягин: Шараров — это сильнейший для нас урок. В течение двух с половиной лет в наших рядах находился враг. Мы допустили величайшую близорукость и слепоту.

Уверен, что партийное собрание поддержит решение обкома партии...

Сандлер: Я до сих пор не понимаю, кто такой Шарапов — враг или психический больной⁵⁸.

Собрание отдельным пунктом единогласно одобрило «...решение бюро обкома КПСС об исключении Шарапова за антипартийное поведение»⁵⁹.

Следствие назначило психиатрическую экспертизу.

Пермские медики пытались спасти Шарапова. В акте экспертизы, подписанном Князевой (председатель), профессором Эдельштейном (научный руководитель), Трейтер, Бушуевым, Венинской, указывалось: обследуемый «...должен быть приравнен к душевнобольным, а потому в отношении инкриминируемого деяния Шарапова следует считать невменяемым. Ввиду его тяжелого физического заболевания ... и как не представляющего опасности в настоящее время рекомендуется лечение в психиатрической больнице на общих основаниях»⁶⁰.

Следователь, капитан Лыков, очень огорчился: дело надо было закрывать. По-видимому, всполошилось и начальство: вместо матерого врага — больной человек. В конце концов нашли зацепку: «...Непонятно, почему он лишь должен быть приравнен к душевнобольным и тем более признан невменяемым», — не согласился с экспертами следователь и направил И.П.Шарапова для повторной экспертизы в Институт судебной психиатрии им. Сербского в Москву⁶¹. В нем отечественные светила психиатрии признали подсудимого и невменяемым, и психически здоровым, и вполне пригодным для суда.

Пока Иван Прокопьевич находился в следственном изоляторе, у его семьи отняли одну комнату. Ассистент кафедры В.Ф.Мягков унес к себе все собранные Шараповым статистические карточки с анализами геологических проб...⁶²

2 октября 1958 г. старший следователь следственного отдела управления КГБ при Совете Министров СССР по Пермской области старший лейтенант Филимонов вручил И.П.Шарапову обвинительное заключение, согласно которому подсудимый изобличался в том, что «...на протяжении ряда лет изготовлял, хранил и распространял письма и рукописи антисоветского содержания и проводил антисоветскую агитацию, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 58-10, ч.1 УК РСФСР»⁶³.

Дело И. П. Шарапова было передано в областной суд, который рассмотрел его в закрытом заседании 7–9 октября 1958 г. с участием прокурора Трапезникова и адвоката Титляновой.

И.П.Шарапов виновным себя не признал.

«Дело в отношении меня состряпано, арестовали незаконно. Во многом я прав, во многом ошибался, но ошибки не уголовные... Я виноват против устава партии, но не против кодекса».

Более того, он обвинил сотрудников ГБ и прокурора в незаконных методах ведения следствия.

«На меня кричали, не давали самому писать протокол, петлю в камере повесили, чтобы я повесился. Я вызвал двух прокуроров. Был и сам Трапезников, он сам и сорвал петлю. За это надо судить»⁶⁴.

Суд приговорил И.П.Шарапова к 10 годам лишения свободы, с поражением избирательных прав на 3 года и права занимать профессорско-преподавательские должности сроком на 5 лет⁶⁵.

Адвокат Титлянова подала кассационную жалобу, в которой ссылалась на противоречивые выводы двух психиатрических экспертиз.

Верховный суд отменил приговор и назначил новое судебное заседание, которое и состоялось в декабре 1958 г. Обвинение поддерживал прокурор И.И.Буканов. Защищал московский адвокат Третьяков. В судебном заседании представлен новый акт экспертизы, подписанный знаменитым Лунцем.

И.П.Шарапов милости у суда не просил, на оскорбительные реплики прокурора отвечал дерзостями, свидетелей обвинения попросту третировал...

Приговор суда гласил: «Учитывая состояние здоровья Шарапова, что последствий от его пропаганды не наступило, а также общественную опасность совершенного преступления, руководствуясь ст.ст. 319–320 УПК РСФСР, Пермский областной суд приговорил: «Шарапова Ивана Прокопьевича признать виновным и на основании ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР подвергнуть лишению свободы сроком на 8 лет с поражением избирательных прав на 5 лет, с запрещением занимать преподавательские должности в течение пяти лет»⁶⁶.

В том же 1958 г. Ю.П.Волнягин был избран секретарем Дзержинского райкома партии и навсегда покинул университет.

В 1961 г. Верховный суд РСФСР приговор изменил и снизил наказание И.П.Шарапову до 3 лет и 6 месяцев лишения свободы⁶⁷.

Выйдя из заключения, Иван Прокопьевич написал ректору ПГУ В.Ф.Тиуну заявление о приеме на работу⁶⁸. Ректор не ответил...

К ИСТОРИИ ПЕРМСКИХ ПОЛИТЛАГЕРЕЙ

13 июля 1972 г. в Чусовской район Пермской области прибыл первый эшелон с заключенными из мордовских политлагерей ЖХ-385/3, ЖХ-385/17, ЖХ-385/19. Несколько сот политзаключенных в обстановке сугубой секретности были переведены в пермские лагеря ВС-389/35 и ВС-389/36 в связи с тем, что режим их изоляции в Мордовии, с точки зрения властей, был недостаточно надежным.

Эшелон с заключенными шел из Мордовии до Перми трое суток. Шел только ночами, а днем отстаивался на глухих полустанках. Конвойная команда была переодета в спортивные костюмы. Не только все окна, но и система вентиляции — в июле 1972 г., когда термометр даже по ночам не опускался ниже 30° и кругом горели торфяники, — были забраены наглухо.

Заключенные теряли сознание. Была смерть прямо на этапе. Многие, когда приехали наконец и стали выгружаться, не могли стоять на ногах.

Жестокость вызвана была чрезвычайно секретным характером операции. Никто не должен был знать, куда перевозят заключенных. Никто не должен был передать весточку...

В начале 50-х гг. документы ГУЛАГа выделяли три основных категории заключенных: «осужденные за контрреволюционные преступления», «уголовно-бандитствующие элементы» и «осужденные за прочие преступления». К первой категории относились осужденные по печально известной 58-й статье уголовного кодекса 1926 г. — за «контрреволюционные преступления». Ко второй — уголовные преступники. Третью категорию составляли так называемые бытовики, осужденные за различные бытовые преступления, от кражи до хулиганства и драк.

С момента возникновения советских лагерей и колоний и до конца 50-х гг. заключенные перечисленных категорий содержались, как правило, вместе, в одних и тех же пенитенциарных учреждениях.

В конце войны и послевоенное время постепенно вводились раздельное содержание и различные режимы для заключенных некоторых категорий. Указом от 19 апреля 1943 г. были учреждены каторжные лагеря для осужденных за измену Родине — сотрудничество с немецкими оккупационными властями. В 1948 г. были созданы особые или специальные лагеря, в которых концентрировали

осужденных по 58-й статье. Но и в каторжных, и в особых лагерях, кроме осужденных за измену и контрреволюционные преступления, содержался некоторый процент уголовников и бытовиков, исполнявших функции лагерной хозяйственной и помощников лагерной администрации.

А в общих лагерях и колониях территориальных органов НКВД и после создания особлагов оставалось немало «контрреволюционеров». В Пермской области в 1952 г. их количество составляло от 20 до 25% от общего числа заключенных¹. В некоторых общих лагерях в начале 50-х гг. отдельные лагпункты могли комплектовать преимущественно или даже исключительно из заключенных одной категории, вводить в них различные режимы содержания.

Но радикальные изменения содержания различных категорий заключенных произошли лишь в начале 60-х гг., с принятием нового уголовного и исправительно-трудового кодексов. Законодательство начала 60-х гг. предусматривало 4 режима лагерного содержания (общий, усиленный, строгий и особый) и 2 режима тюремного (общий и строгий). К содержанию в лагерях общего режима с максимальным сроком до 3 лет приговаривались лица, «впервые осужденные к лишению свободы за преступления, не являющиеся тяжкими»². В лагеря усиленного режима попадали осужденные на срок до 5 лет — «впервые осужденные к лишению свободы за тяжкие преступления»³. Строгий режим (максимальный срок — до 7 лет) предназначался для «ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы»⁴. Особый режим существовал для «признанных особо опасными рецидивистами» и тех, кому «наказание в виде смертной казни заменено лишением свободы в порядке помилования или амнистии»⁵.

В новом законодательстве появилось понятие «особо опасного государственного преступления»⁶ и предусматривалось строго отдельное содержание «особо опасных государственных преступников». Статус исправительно-трудовых колоний для особо опасных государственных преступников был присвоен ряду колоний Дубровлага в Мордовии (Управление ЖХ-385).

В начале 60-х гг. в мордовские лагеря со всей страны свезли тех, кто отбывал свои немалые «срока» по обвинению в измене Родине, шпионаже, террористических актах, диверсиях, вредительстве, антисоветской агитации и пропаганде, пропаганде войны, участии в антисоветской организации, особо опасных государственных преступлениях, совершенных против другого государства трудящихся. Они не попали ни под одну амнистию после смерти Сталина и XX съезда. Те же кары распространялись на осужденных по обвинениям в перечисленных преступлениях после массовых амнистий.

Среди многих тысяч сконцентрированных в мордовских лагерях «особо опасных государственных преступников» преобладали две группы – обвиненные в измене Родине и в антисоветской агитации и пропаганде. В первой были осужденные за сотрудничество с немецкими оккупационными властями, бойцы украинской повстанческой армии (УПА), литовские партизаны, воевавшие во время немецкой оккупации с фашистами, а с приходом советских войск повернувшие оружие против них.

Значительную часть второй группы составляли представители политической оппозиции советской власти и КПСС, оппозиции, порожденной XX съездом, возможностью обсуждения прежде абсолютно запретных тем. Если в 1956 г. по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» было осуждено 384 человека, то в 1957 г. – 1964, а в 1958 г. – 1 416 человек⁷. Среди них были выступавшие с критикой рецидивов сталинизма и советской действительности одиночки и члены легальных и нелегальных организаций и групп самой различной направленности – от коммунизма «ленинского» толка до монархизма.

Во второй половине 60-х гг. политическая оппозиция в СССР вступила в диссидентский этап⁸. Диссиденты ориентировались на открытые действия, распространение самиздата, требовали соблюдения международных правовых норм. «Диссидентские группы начали свободно обращаться к международной общественности и западным средствам массовой информации, что было совершенно невозможным для групп предшествовавшего периода». неизбежные репрессии против новой волны Сопротивления привели многих диссидентов, прежде всего активистов и лидеров движений, в мордовские колонии для особо опасных государственных преступников.

Осужденные по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде диссиденты совершенно справедливо осознавали и считали себя политическими заключенными, хотя власти категорически отказывались признать за ними этот статус. В заключении они стали играть все более заметную роль. И вскоре в самиздате, а затем и в зарубежных средствах массовой информации мордовские колонии для особо опасных государственных преступников стали именоваться мордовскими политлагерями.

Связи с международной общественностью и средствами массовой информации заключенные диссиденты не утрачивали. Поток информации о внутрилагерных репрессиях, о регулярных нарушениях прав человека из Мордовии поступал в Москву, Ленинград, Киев, распространялся по стране и миру. Этому способствовал некий фактор, до начала 70-х гг. властью в расчет не принимавшийся. Дело в

том, что Мордовия еще в 30-е гг. была превращена в крупный лагерный регион. В некоторых районах республики большая часть населения на протяжении многих десятилетий служила в лагерях, охраняла их, обслуживала многочисленные лагерные подразделения. Охрана «сжилась» со своими подопечными, и никакие жесткие меры по пресечению каналов поступления информации из лагерей «на волю» большого эффекта не давали¹⁰.

В начале 70-х гг. карательные органы готовились к массовым акциям по пресечению самиздата. В январе-марте 1972 г. в Москве, Ленинграде, Киеве, Вильнюсе и многих других городах прокатилась волна обысков и арестов. Но мордовские политлагеря уже не были достаточно надежными. Тогда было принято решение о создании новых политлагерей. Местом их дислокации была избрана Пермская область.

Одновременно велось ужесточение режима содержания заключенных: 14 января 1972 г. министр внутренних дел подписал новые правила внутреннего распорядка в лагерях и тюрьмах, существенно урезавшие и так небольшие права заключенных. В апреле были установлены новые нормы питания осужденных, по которым горячая пища в штрафных изоляторах стала выдаваться через сутки. 7 июля Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил указ об уголовной ответственности за передачу или попытку передачи заключенным каких-либо предметов.

Пермская область еще с конца 20-х гг. была одним из заметных островов архипелага ГУЛАГ. К 1952 г. здесь насчитывалось до 170 лагерных пунктов различных лагерных управлений¹¹. Из этого множества лагпунктов были выбраны два – бывший третий лагпункт ЛО № 10 и бывший первый лагпункт лесной ИТК-6 УИТЛК УМВД Пермской области.

Лагерное отделение 10 было основано в 1943 г. в составе ИТЛ Поньшстрой в качестве каторжного лагеря и в этом же качестве было в 1946 г. передано УИТЛК УМВД по Молотовской области. В составе ЛО были три лагпункта: № 1 – в пос. Створ на р. Чусовая, № 2 – на станции Всесвятская и № 3 – в пос. Центральный¹². К 1952 г. ЛО № 10 перестало быть каторжным. В это время (апрель 1952 г.) в отделении насчитывалось 2 583 заключенных (при лимите наполнения – 2 378 человек). Третий лагпункт находился, вероятно, в стадии реконструкции – в нем зафиксировано 136 заключенных строгого режима при лимите наполнения в 500 заключенных¹³. Первый и второй были лагпунктами усиленного режима¹³.

В 60-е гг. третий лагпункт перестроили в колонию для девочек-подростков, совершивших уголовные преступле-

ния. На рубеже 60–70-х гг. лагпункт снова реконструировали, построили два двухэтажных кирпичных благоустроенных здания (даже с теплым туалетом и умывальником) для размещения малолетних преступниц.

В 1972 г. девочки-подростки были из колонии вывезены и в лагерь доставлены политзаключенные из мордовских лагерей. Третий лагпункт ЛО № 10 стал именоваться ИТК ВС-389/35, или политлагерем «Пермь-35».

Лагпункт № 1 лесной ИТК-6 (дер. Кучино Чусовского района) в 50-е гг. был превращен в механизированную ИТК общего режима, а с начала 60-х гг. стал колонией для осужденных работников правоохранительных органов. В 1972 г. эту колонию перевели в Нижний Тагил Свердловской области, а в Кучинский лагерь (ИТК ВС-389/36) привезли политзаключенных из Мордовии. Оба лагеря имели более совершенные заградительные системы, чем обычные уголовные лагеря, усиленные и особо подготовленные штаты охраны и обслуживания.

Не случайно, видимо, в качестве места дислокации одного из новых политлагерей была выбрана благоустроенная женская «малолетка» – в годы перестройки ее посетят представители международных правозащитных организаций, в том числе и комиссии Конгресса США, и найдут условия содержания в ней вполне приемлемыми. Подобная ситуация могла прогнозироваться в момент выбора места. К тому же новые политлагеря находились в европейской части страны, хотя и достаточно далеко от центра.

К отбыванию наказаний в лагерях и отделениях особого режима приговаривали особо опасных рецидивистов: многократных убийц, насильников, бандитов, тех, кто первоначально был приговорен за уголовные преступления к высшей мере наказания, но потом по кассации помилован с заменой расстрела 15 годами лагерного срока. Но возглавляли список рецидивистов все же «лица, ранее осуждавшиеся к лишению свободы за особо опасные государственные преступления».

До 1979 г. единственная в стране «особая» зона для государственных преступников находилась в пос. Сосновка Zubovo-Полянского района Мордовской АССР – так называемый восьмой участок ИТК-1 Дубровлага. Большинство заключенных мордовского лагеря особого режима составляли военные преступники, а также уголовные рецидивисты, попавшие по тем или иным причинам в политический лагерь из общеуголовных колоний.

Осенью 1979 г. власти развернули последнюю и самую широкомасштабную акцию по тотальному искоренению инакомыслия в СССР, которую арестованный в третий раз

Анатолий Марченко назвал в своем последнем слове на суде гражданской войной правителей против своего народа. С осени 1979-го по 1981 г. в стране по политическим мотивам было арестовано более 500 человек.

В заключении оказались практически все руководители и активисты Хельсинских групп (группы содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР), правозащитного движения, Христианского комитета защиты прав верующих в СССР, редакторы и распространители самиздата, ведущие деятели всех национальных движений и многие другие. В итоге всех этих действий сопротивление коммунистическому режиму в СССР оказалось на какое-то время серьезно подорвано. Многие независимые гражданские движения были обезглавлены, резко сократился выпуск самиздата.

Подготовку к тотальным акциям репрессивные органы начали еще в 1977 г. Тогда подверглись арестам первые руководители только что возникших Хельсинских групп. Но аресты еще не были массовыми, отчасти из-за боязни обострения международных отношений периода разрядки, отчасти, видимо, из-за неготовности лагерной системы.

Колония ВС-389/35 занимала ключевое положение в «пермском треугольнике» политзон. Вблизи нее располагалось центральное руководство всех трех политлагерей, на ее территории находилась лагерная больница, обслуживавшая эти зоны. Здесь отбывали наказания многие сотни и сотни заключенных. Значительное число из них составляли осужденные по ст.64 УК РСФСР («измена Родине») и аналогичным статьям УК республик бывшего СССР. Были лица, осужденные за военные преступления: действительные пособники немецких оккупационных властей и вермахта периода второй мировой войны, а также бойцы Украинской повстанческой армии Организации Украинских националистов (ОУН УПА), литовские партизаны и др.; лица, уличенные в шпионаже или обвиненные в попытке шпионажа; осужденные за переход или попытку перехода государственной границы, обвиненные в государственном терроризме, диверсиях, вредительстве.

Большая часть заключенных была осуждена по чисто политическим статьям: «антисоветская агитация и пропаганда», «организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации», какowymi считались все организации, – кроме созданных или официально одобренных властями. Количество осужденных по этим статьям неизменно возрастало, особенно после проведения репрессивными органами в конце 70-х –

начале 80-х гг. широкомасштабной операции по искоренению инакомыслия в СССР.

Среди заключенных колонии Пермь-35 были Арнольд Анучкин-Тимофеев, Владимир Буковский, Иван Ковалев, Ярослав Перчишин, Валерий Сендеров, Феликс Серебров, Алексей Смирнов, Габриэль Суперфин, Аркадий Цурков, Вахтанг Читава, Юрий Шиханович, Натан Щаранский и многие другие активисты самых различных форм и направлений Сопротивления.

Колония ВС-389/36 отличалась от колоний ВС-389/35 и ВС-389/37 более жестким режимом. На ее территории сохранились уникальные памятники истории – деревянные лагерные постройки 1946–1947 гг.

За период с 1972 по 1987 г. заключение в этом лагере отбывало свыше 500 человек, среди которых были такие известные ныне не только в России политзаключенные, как Павел Кампов, Богдан Климчак, Сергей Ковалев, Михаил Кукобака, Мирослав Маринович, Владимир Мармус, Михаил Мейлах, Виктор Некипелов, Александр Огородников, Пятрас Плумпа, Валентин Погорилый, Николай Руденко, Альфонсас Сваринскас, Евгений Сверстюк, Иван Светличный, Лев Тимофеев, Михаил Фурасов, Степан Хмара и многие, многие другие.

Колония ВС-389/37 начала функционировать в качестве колонии для особо опасных государственных преступников с 1976 г. В 1978 г. в составе лагеря выгородили вторую, так называемую малую зону, причем первоначально содержащиеся в ней заключенные были заняты на отдельном производстве или вывозились на работы в промзону так, чтобы они не имели возможности контактировать с заключенными «большой» зоны.

В этой колонии содержались Иосиф Бегун, Лев Волохонский, Николай Горетой, Сергей Григорьянц, Мераб Костава, Тийт Мадиссон, Николай Мармус, Юрий Орлов, Юрий Шиханович, Глеб Якунин и многие другие известные и неизвестные общественности инакомыслящие.

В 1978 г. при пермском политлагере ВС-389/37 было открыто второе отделение строгого режима. 15 марта 1978 г. вступили в силу новые «Правила внутреннего распорядка» в лагерях и тюрьмах, существенно ухудшавшие положение и права заключенных и расширявшие возможности внутрилагерных репрессий – водворения заключенных в штрафные изоляторы и в помещения камерного типа (внутрилагерные тюрьмы). Строительство барака особого режима при колонии ВС-389/36 являлось частью той же программы подготовки к репрессиям против активистов Сопротивления.

Первые заключенные поступили в барак особого режима 1 марта 1980 г. из мордовского особого отделения.

В дальнейшем туда направляли политических заключенных, арестованных в ходе репрессий 1979–1981 и последующих годов.

Барак особого режима ВС-389/36-1 являлся по сути тюрьмой со сверхжестким режимом. Режим отличается от других прежде всего камерным содержанием заключенных. Но если в общеуголовных колониях особого режима осужденные запираются в камеры лишь на ночное время, а днем выводятся на работы в строго охраняемые промышленные зоны, то в бараке особого режима ВС-389/36-1 и рабочее время заключенные проводили в особых камерах.

На прогулки заключенных этого барака выводили в особые прогулочные дворики – небольшие глухие бревенчатые срубы, обитые изнутри железом. Окна в некоторых камерах закрывались снаружи щитами, пропускавшими лишь боковой свет и полностью перекрывавшими вид из окон. Даже из незакрытых окон можно было видеть лишь малую часть внутреннего пространства зоны, колючку, забор и верхушки деревьев над ним.

Всеми этими мерами достигалась строжайшая изоляция, при которой заключенные месяцами и даже годами не могли видеть никого, кроме сокамерников и охраны. Внутри того же барака находились карцер и камеры штрафного одиночного заключения. Заключенные барака получали питание по нормам меньшим, чем осужденные колонии строгого режима, носили особую одежду из полосатой ткани.

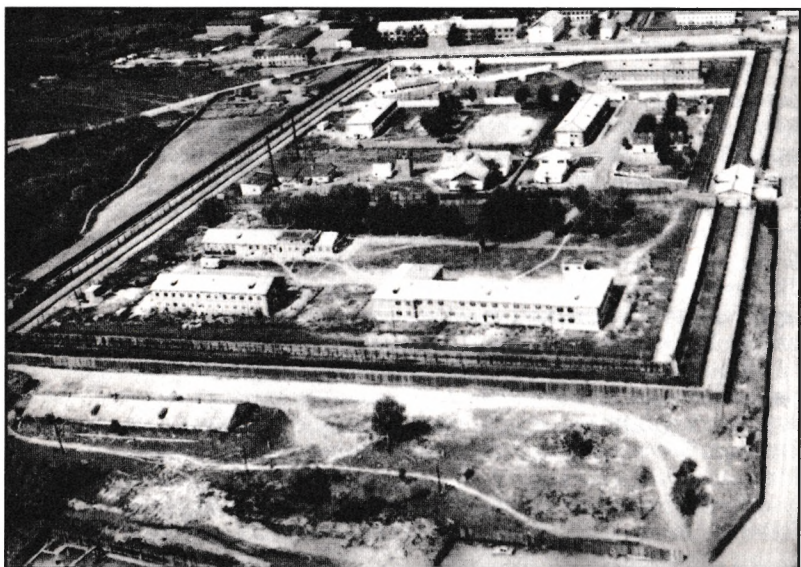
подавляющее большинство заключенных этого барака составляли активисты национальных и правозащитных движений, ранее судимые за антисоветскую агитацию и пропаганду. Как правило, они получали максимальный срок: 10 лет лагерей и 5 лет ссылки. Среди них были: Гуннар Астра, Александр Бердник, Леонид Бородин, Балис Гаяускас, Николай Горбаль, Михаил Горынь, Виталий Калининченко, Иван Кандыба, Василий Курило, Юрий Литвин, Лев Лукьяненко, Валерий Марченко, Март Никлус, Василий Овсиенко, Викторас Пяткус, Иван Сокульский, Василий Стус, Энн Тарто, Алексей Тихий.

Из перечисленных политзаключенных барака особого режима в течение 1984–1985 гг. умерли в самом бараке или в больницах, куда они были доставлены из барака, Олекса Тихий, Юрий Литвин, Валерий Марченко, Василь Стус.

После массовых помилований и ликвидации лагеря ВС-389/36 в 1987 г. заключенные барака особого режима были переведены в колонию ВС-389/35, где их разместили в лагерной больнице колонии, палаты первого этажа которой были переоборудованы под камеры особого режима.

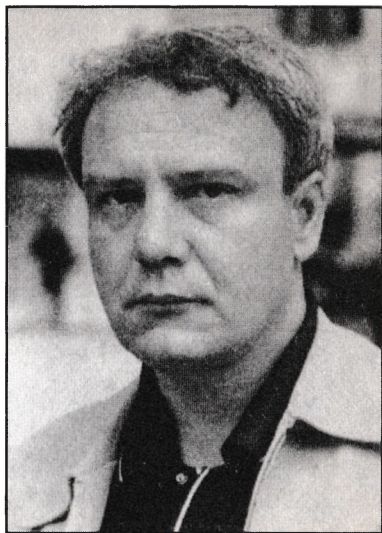
Барак особого режима колонии ВС-389/36-1, д. Кучино Чусовского района Пермской обл., 1993 г.

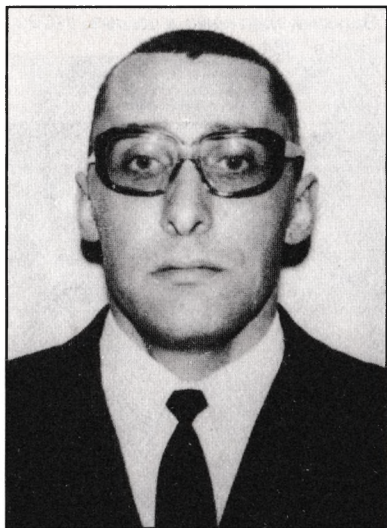
Колония ВС-389/35

Профессор Александр Болонкин,
бывший политзаключенный

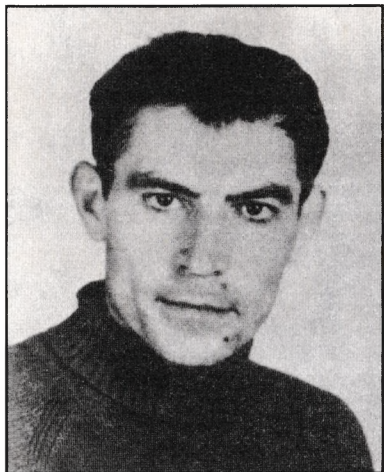
Владимир Буковский

Член правления С.-Петербургского
"Мемориала" Вячеслав Долинин. Фото
с учетной карточки заключенного.
Март 1986 г.

Андрей Коробань. Колония ВС-389/35.
Ст. Всесвятская, пос. Центральный,
Чусовской район Пермской обл. 1975 г.
Ныне - член Ассоциации жертв
политических репрессий Украины

Василь Стус, украинский поэт,
погибший в колонии "Пермь-36" в
1985 г.

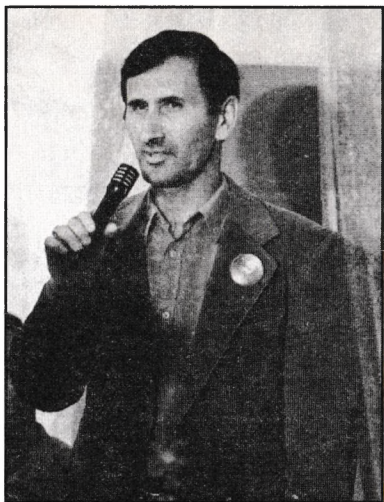
Валерий Марченко в ссылке. 1979 г.
Погиб в 1984 г.

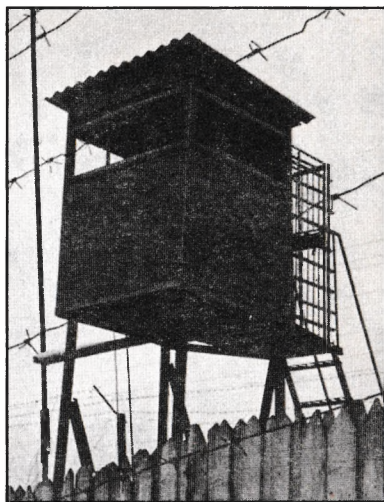
Олекса Тихий, 1976 г. Погиб в 1984 г.

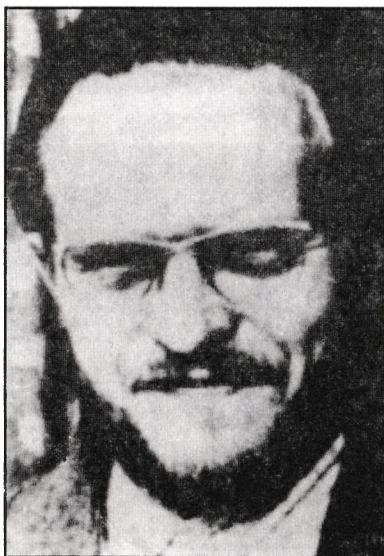
Юрий Литвин, политзаключенный
колонии особого режима "Пермь-36".
Погиб в 1984 г.

Бывший политзаключенный Виктор Пестов, ныне директор Уральской независимой библиотеки (г. Екатеринбург)

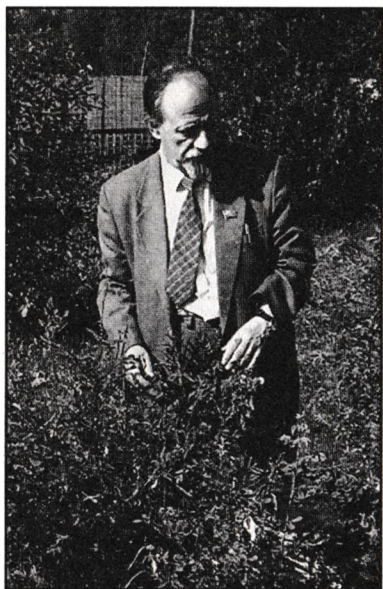
Колония "Пермь-35"

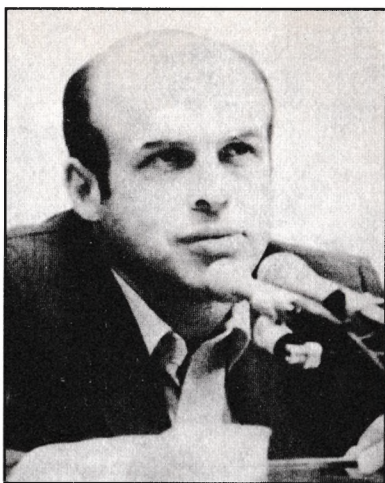
Глеб Якунин, бывший политзаключенный, ныне российский правозащитник

Энн Тарто, бывший политзаключенный, ныне член парламента Эстонии.

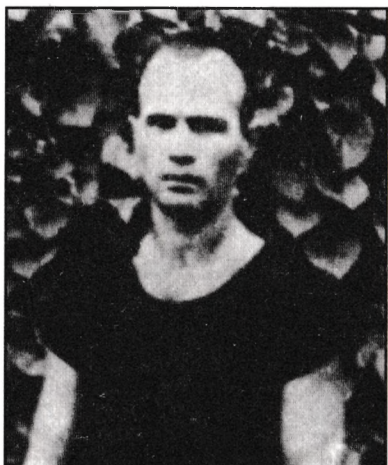
Депутат Верховного Совета Российской Федерации Михаил Молоствов в политлагере "Пермь-35". 1992 г.

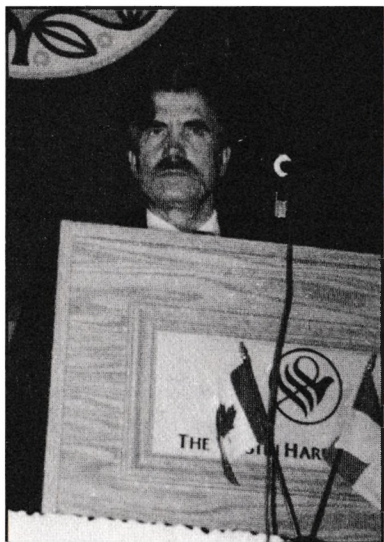
Натан Щаранский, бывший политзаключенный, ныне член кабинета министров Израиля

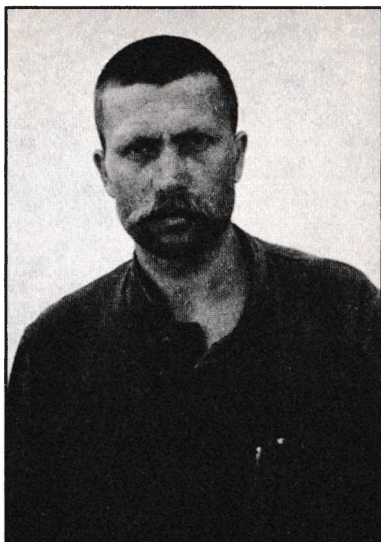
Сын Василя Стуса Дмитрий и бывшие политзаключенные В.Пестов, М.Никлус, В.Овсиенко у памятного знака погибшим в пермских политлагерях. 1995 г.

Анатолий Марченко

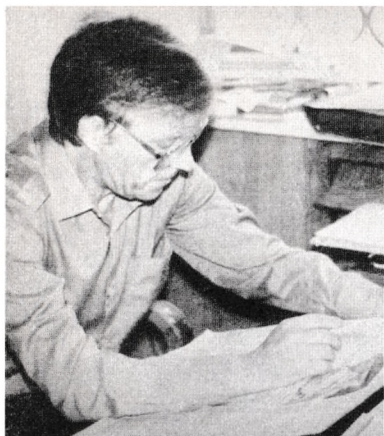
Левко Лукьяненко, посол Украины в Канаде, 1992 г.

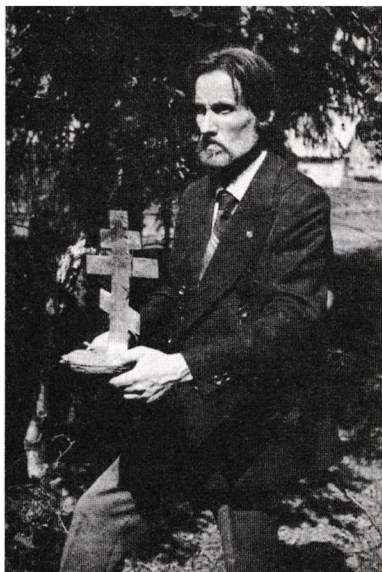
Левко Лукьяненко, узник концлагеря № 7 в Мордовии. 1965 г.

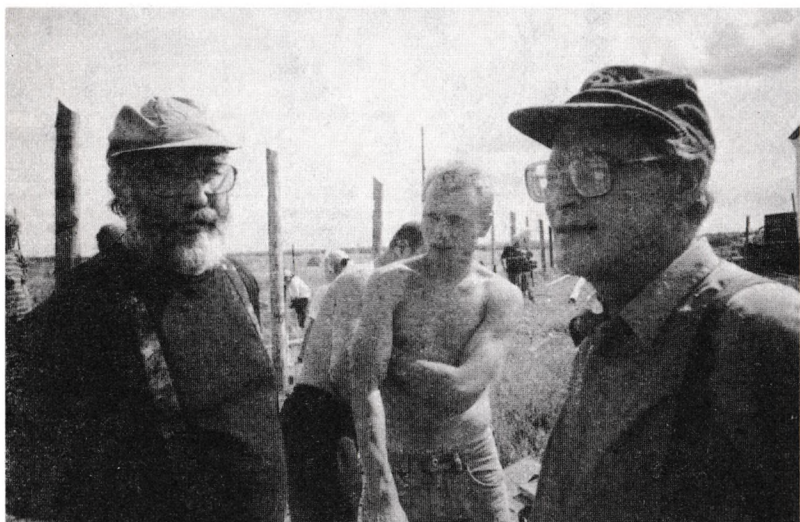
Бывшие политзаключенные Март Никлус (слева) и Василь Овсиенко в Музее политических репрессий и тоталитаризма в СССР. Июнь 1995 г.

Главный редактор журнала "Москва", бывший политзаключенный колонии особого режима "Пермь-36", писатель Леонид Бородин

Бывший политзаключенный Николай Браун, ныне регент Российского имперского Ордена-Союза

Российские правозащитники, бывшие заключенные колонии «Пермь-36», Лев Тимофеев (слева) и Сергей Ковалев (справа) в Мемориальном музее истории политических репрессий и тоталитаризма в СССР. Август 1998 г.

Последние узники покидают колонию "Пермь-35". Февраль 1992 г.

Бывший заключенный колонии особого режима "Пермь-36" Василь Овсиенко (справа) и его надзиратель Иван Кукушкин. Июнь 1995 г.

На свободу по помилованию они вышли лишь в 1988–1989 гг.

Все здания и сооружения колонии ВС-389/36 в декабре 1995 г. переданы Мемориальному музею истории политических репрессий и тоталитаризма.

Как написал в 1991 году бывший политзаключенный Натан Щаранский, «Советская империя разваливается, и сама жизнь дает ответ на вопрос, который я так часто задавал себе в тюрьме: для чего КГБ затрачивает столько сил и средств на подавление каждого инакомыслящего? Ведь власти вели себя так, словно даже один, изолированный от всего мира, но несломленный диссидент представляет смертельную опасность для системы. Действительность оправдала их опасения. Именно там, в ГУЛАГе, среди нераскаявшихся «узников совести», сохранился и выжил «вирус» свободолюбия. Сегодня он вырвался на волю, и мне хочется верить, что у КГБ не найдется против него «вакцины»¹⁴.

Т.Черепанова

ТАЙНЫ ПЕРМСКОГО «ГУЛАГа»

Эта встреча произошла на следующий день после открытия первого в России Мемориального музея истории политических репрессий и тоталитаризма в деревне Кучино Чусовского района. Местом встречи стал барак особого режима бывшей колонии Пермь-36.

Учащенно колотились сердца немногих присутствующих: два человека шли навстречу друг другу.

Подаст ли один из них другому руку?!

Ответит ли тот на рукопожатие?!

Накануне я разговаривала с обоими – но по отдельности – и теперь хорошо представляла, как непросто было каждому из них решиться на такой шаг.

Всего несколько лет назад они были по разные стороны Системы: один с нею убежденно боролся, другой – искренне охранял.

Один был политическим заключенным, другой – надзирателем.

Сегодня первый, Василь Овсиенко, секретарь Украинской Республиканской партии, а второй, Иван Кукушкин, рабочий из деревни Кучино. Так вышло «по жизни», что он участвует в восстановлении полуразрушенного барака.

Первым протянул руку Василь Овсиенко.

– Могли ли вы предположить, что когда-нибудь встретитесь?

Татьяна Алексеевна Черепанова, журналист, сотрудник газеты "Пермские новости".

Кукушкин: Никогда.

Овсиенко: В то время у нас было ощущение, что все мы, сидящие здесь, смертники, особенно, когда один за другим начали погибать наши товарищи... Режим слишком долго не ослабевал – даже с началом перестройки...

Я провел в стенах этого барака 6 лет (всего В.Овсиенко отсидел в лагерях 13 лет. – Т. Ч.) – вплоть до 8 декабря 1987 г: в этот день Горбачев встречался с Рейганом в Рейкьявике. Горбачеву очень надо было тогда сказать: «А политических у нас в стране уже нет!» Он это и сказал. И неважно, что через два дня обман раскрылся, когда Рейган узнал, что политзеки просто перевезены в другое место: нас вывезли на Всесвятскую, в Пермь-35.

– *Почему вы согласились прийти на эту встречу?*

Кукушкин: Я узнал, что Овсиенко хочет выяснить подробности смерти Василия Стуса, Юрия Литвина... Правда, я колебался: по моим тогдашним понятиям, заключенный Овсиенко был далеко не сахар.

Но мне показалось, что он сможет объективно оценить ситуацию.

Овсиенко: Я не испытывал ненависти к таким, как Кукушкин. Мы в нашей борьбе надеялись на изменения в тоталитарном государстве только в следующем веке. Думали, что мы до того и не доживем... Если же сейчас искать и считать всех виновных в этой стране, то ими окажется, наверное, половина всего народа. Такого допустить нельзя, иначе мы станем теми же большевиками. И потому мы проповедуем идею покаяния и прощения. Конечно, все злодеяния должны быть вскрыты, и самые главные преступники должны быть осуждены: я имею в виду моральное осуждение и публичное их наказание.

– *Не боитесь ли мести тех, кто здесь сидел когда-то? Ведь многие из них занимают сейчас высокие должности...*

Кукушкин: Нет. Потому что я лично против них ничего не совершил.

– *Знаете ли вы о том, что, например, с Украины у вас тут сидело целое политбюро из нынешней Украинской республиканской партии – Горбаль, Лукьяненко, Горынь, Овсиенко... Все они, кто выжил, стали политиками, народными депутатами... Как вы думаете, хорошие они политики?*

Кукушкин: О некоторых из них слышал, читал. Видел видеофильм, который здесь в 1989 г. засняла группа с Украины... А какие они политики – не знаю, не думал.

– *Вам никогда не приходилось помогать заключенным, чтобы как-то облегчить их участь? Например, передавать записки на волю? Было ли вам их жалко?*

Кукушкин: Мне все приходилось. Но не на особом режиме. Записки, бывало, передавал «на строгом». Не на волю — между камерами.

А насчет жалости... Знаете, в то время нам постоянно повторяли, что они враги народа. Повторяли каждый день, при заступлении на каждую смену... У нас ведь тут еще и полицаи сидели, и я, наверное, должен был бы больше именно их ненавидеть: с фронта не вернулись оба моих деда. А политические... Они мне ничего плохого не сделали. Нам-то, контролерам, что надо было: лишь бы они норму выполняли да правил не нарушали! Вообще про политических нам все время толковали, что если кто-то из них уйдет в побег, то это обязательно будет связано с самолетами, вертолетами, Западом... Мол, если они уйдут, то сразу за границу.

— И вы этому верили?

Кукушкин: Конечно. Хотя у нас тут насчет предупреждения побега все было очень основательно...

Художник музея, репрессированный еще в сталинские времена по 58-й статье, Волеслав Карлович Стенинг в интервью подтвердил мне эту «основательность». Он насчитал семь заградительных рубежей и более двадцати так называемых средств защиты. Так, к примеру, барак был огражден несколькими рядами «колючки», двумя высоченными заборами (до 4 м)... Использовались фотоэлементы, инфракрасные лучи и другие новейшие «достижения» пенитенциарной системы.

Не говоря уж о постоянном наблюдении, полной световой иллюминации по ночам, глазках, цепочках, бритых головах и полосатых робах. «Прогулочные дворики», которые, кстати, сейчас уже восстановлены, имели размер 2,5х2,5 м, трехметровые стены, «колючку» над головой плюс надзирателя, наблюдающего сверху.

— Если бы вдруг сейчас снова повторилось прежнее, пошли бы вы работать контролером?

Кукушкин: Трудный вопрос. Ведь после того, как ликвидировали колонию, я тоже сел.

— За что?

Кукушкин: Драка с начальством вышла. Четыре года я отбыл в Тагиле, в спецзоне для работников правоохранительных органов. Я там отбывал наказание вместе с Чурбановым, с бывшим первым секретарем Узбекистана, первым секретарем Молдовы... Так что можно сказать, что я исторический человек: я побывал и с той и с этой стороны!

Кстати, если бы не это, вряд ли сейчас я разговаривал бы с вами. Многие бывшие контролеры на это никогда не пойдут...

Всю жизнь меня преследовало чувство страха, которое зарождалось здесь, в 36-й. После Тагила оно исчезло.

Этому чувству страха перед Системой были в большей или меньшей степени подвержены мы все. Думается, и у бывшего над-

зрителя Кукушкина оно пропало не потому, что он побывал в зоне как заключенный: просто изменялось само время, другими становились люди.

Происходило это благодаря русским и украинцам, эстонцам и литовцам... Благодаря многим из тех, кто здесь сидел и кто приехал на открытие музея, а это Олег Воробьев, Сергей Пономарев, Март Никлус, Василь Овсиенко...

Василь Овсиенко и здесь не изменил себе. Он успевал подробнее проконсультировать музейщиков, выступить на стихийной пресс-конференции, дать интервью, встретиться с жителями Чусового... Его рабочий день и здесь длился, как и в Киеве, 14–16 часов. Внешне спокойный, мягкий – но сколько в нем было внутренней силы, достоинства, целеустремленности! Он и сегодня остается демократом и правозащитником, несмотря на очень сложные политические отношения на Украине, между Украиной и Россией.

Да, надзиратель Кукушкин изменился, изменилось время, но не дай Бог, если в главном изменятся такие люди, как Василь Овсиенко. Такие, кто никогда не боялся сказать то, что на самом деле думает. Сказать правду.

– Что вы помните о Василе Стусе, других заключенных? И как вы относитесь к ним с позиций сегодняшнего дня?

Кукушкин: Сложный вопрос. Я многое читал о Стусе, знаю, с какими трудностями его тело перевозили отсюда в Киев... Во время отсидки Стус был очень агрессивным, психика его была болезненна, он уже шел к самоубийству... Как-то раз забаррикадировался в рабочей камере, приставил к сердцу длинную такую отвертку, рабочий инструмент. Я открыл камеру, а он: «Кукушкин, не подходи, а то отвертку всажу себе в сердце!» Но я все же забрал отвертку. Вообще у него редко бывало нормальное настроение. С ним было очень трудно: он с нами не разговаривал, с администрацией – тем более.

Овсиенко: Это была такая форма протеста. В последние месяцы на Стуса особенно давили. Он был выдвинут на соискание Нобелевской премии. Вот у меня в руках ксерокопия его лагерной тетради, которую он, единственный из всех нас, смог отправить из лагеря на свободу. Она дошла до Америки и была там опубликована. Он пишет о нашем положении, называет много фамилий, рассказывает, что здесь происходило... Именно за это на него так давили.

– Как это могло выйти на волю?

Овсиенко: Я могу предположить, что только во время свидания. Это единственная возможность что-то рассказать или передать. Был, например, такой способ. Родные привозили в колонию муку. Ее рассыпали, разглаживали и спичкой или чем-то еще писали то, чего нельзя было сказать вслух. Ведь на время свидания бумагу изымали всю: даже для туалета давали не бумагу, а вату. Постоянно производили внезапные обыски.

...О средствах давления на «политических» сказано многое. Поэтому здесь упомяну только еще об одном, наиболее иезуитском. Есть такой даже термин у заключенных – «прессовать»: на человека усиленно и методично давят со всех сторон. Даже если никаких нарушений режима нет и в помине.

Вызывается, например, заключенный к начальнику, тот задает вопрос:

– Ты меня уважаешь?! Отвечай!

Тот молчит.

– 15 суток карцера за неповиновение!

Если же заключенный, доведенный до отчаяния, говорил, что «уважает», все равно получал те же 15 суток – только уже за «неоткровенность» или «неискренность».

Овсиенко: Что вы еще могли вспомнить о смерти Стуса?

Кукушкин: Я в то время уже не работал на «особом», был рядом, на «строгом». Но от других прапорщиков знаю подробности. Они такие: Стус намыллил шнур и повесился. Конечно, дежурные прапорщики перепугались: это был их недосмотр... Когда они в рабочей камере обнаружили труп, он уже почти почернел. Они нашли ножницы, обреза-ли шнур – и труп упал головой на батарею...

Из-за этого и пошли слухи о том, что его, Стуса, якобы убили...

По всем документам прошло, что Стус умер от сердеч-ной недостаточности...

Так совпало: в дни открытия музея и международной конферен-ции исполнилось десять лет со дня смерти Василя Стуса. На Украин-е Василя Стуса чтят как выдающегося поэта и национального ге-роя.

Дмитрий Стус, сын Василя, тоже приехал в Чусовой на открытие музея.

В 1989 г. Дмитрий вывозил тело отца с кладбища близ Кучино для перезахоронения в Киеве. Сейчас на том кладбище на месте двух бывших могил со столбцами под номерами 7 и 9 (здесь лежали Василь Стус и Юрий Литвин) стоит большой православный крест. Неподалеку еще один: в память всех сгинувших в пермских лагерях.

По иронии судьбы рядом могила бывшего начальника колонии Александра Долматова...

Овсиенко: Я хочу, чтобы была приоткрыта тайна еще одной смерти – Юрия Литвина. Это случилось 3 августа 1984 г...

Кукушкин: Что знаю, то знаю. Я был вызван в зону: Литвин порезался! Он, видно, уже потерял много крови: сокамерники сразу не увидели, что он порезался. Его срочно увезли на операцию в Чусовой, а я его сопровож-дал. Он мне в больнице все рассказал.

Овсиенко: Я знаю, что ему «опилили» зубы, а коронки долго не ставили, он очень страдал от этого...

Кукушкин: Врач дал ему таблетки, и он попросился на прогулку, сказал, что плохо себя чувствует. Его вывезли гулять не в прогулочный дворик, а просто по территории, где он и нашел лезвие. Это все по его рассказу в больнице. Литвин занес лезвие в камеру, а раз он гулял на глазах контролеров, «шмонать» его не стали, так пропустили...

Лезвием он вскрыл живот, перерезал вены на руках, ногах...

«Кагебист» велел мне присутствовать на операции, и там я тоже был с Литвиным в маленькой палате на двоих.

Когда он пришел в сознание после первой операции, я спросил, почему он порезался. «У меня сильнейшие головные боли, я не могу их переносить», — это его слова.

Потом ему стало хуже, его повторно отправили на операцию, и после нее он уже в себя не приходил.

Овсиенко: На участке особого режима нас сидело самое большее 32–34 человека. Интересно, а сколько же человек нас охраняло?

Кукушкин: Наверное, раз в пять больше. Здесь только одних прапорщиков было около двадцати, это не считая ротных офицеров, четырех ДПНК — дежурных помощников начальника колонии... Рота охраны плюс еще вся администрация.

В день открытия музея в Кучино собралось много народа.

На машинах и мотоциклах из соседних деревень и сел приехало несколько семей. И я спросила, для чего, по их мнению, создается подобный музей.

В ответ услышала:

— Мы должны знать, какую землю топчем. Мы ведь и не подозревали, что рядом люди за идею гибнут. От нас многое скрывали, но теперь мы и сами не хотим жить в беспамятстве!

В.Гладышев

«ЗРАК ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВА ОСТАНОВИЛСЯ НА ТЕБЕ...»

Публичная казнь

...И вот спустя много лет А.А.Болонкин, известный в прошлом диссидент и ученый, посетил родную Пермь, приехав из далекого Бруклина, где он теперь живет. Прекрасный повод для встречи с «пермским американцем», который после эмиграции (1988) добился успехов и на чужой земле.

Владимир Федорович Гладышев, журналист, сотрудник газеты "Пермские новости".

Да, представьте: даже после долгого вынужденного перерыва в научной деятельности (лагеря, ссылки) Болонкин сумел отвоевать свое место под американским солнцем. Ныне он профессор института технологии в Нью-Джерси. С 1990 г. господин Болонкин возглавляет Международную ассоциацию бывших советских политзаключенных и жертв коммунистического режима (со штаб-квартирой в Нью-Йорке).

Но беседа у нас получилась только перед отъездом Александра Александровича, уже на перроне железнодорожного вокзала. Диктофонная запись разговора доносит также звуки грохочущих поездов, то нарастающие, то исчезающие. Эта вокзальная обстановка, объявления о прибытии-убытии создавали какой-то тревожный, грозовой фон и невольно вызывали в моей памяти апрельский день 1982 г. Тогда я оказался в аэропорту и, случайно прислушавшись к телевизору в зале ожидания, обомлел. Шла пресс-конференция какого-то инакомыслившего (кого — я прослушал), который «осознал свои ошибки». Понуро, с обреченным видом, не поднимая глаз от бумажки, человек каялся в несусветных грехах...

Все это было настолько неожиданно, странно, что я, несколько оглушенный, чуть не пропустил свой самолет. А толчея и шум кругом не стали меньше ни на йоту, честному нашему народу, похоже, никакого дела не было до происшедшей катастрофы. Скучающие ждали хоккея...

Только много позже, все сопоставив, я понял, что случайно услышал отрывок пресс-конференции с земляком, А.А.Болонкиным. Тем самым, которым Пермь сначала готовилась гордиться: шутка ли, он был одним из самых молодых в Союзе докторов технических наук! А потом та же Пермь решила стыдиться: «опозорил, диссидент несчастный»...

Ведь это «тот самый» Болонкин, в защиту которого не раз выступал другой «отщепенец» — академик Сахаров...

А через год этот самый подзащитный, публично отрекшись от своей «враждебной деятельности», осудил также и других «отщепенцев, предавших интересы своей Родины и своего народа, типа всяких солженицыных, твердохлебовых, сахаровых, ковалевых, которые, забыв о том, что наша страна дала им образование, ученое звание, начинают злобно клеветать на все то, что дорого и свято для советского человека...»

Что же произошло? Как же должен измениться человек... Нет, как же должны обработать человека в КГБ, чтобы во всеуслышание были произнесены столь жалкие и позорные слова, которые просто неловко, стыдно было слушать?.. Для того чтобы понять суть происшедшего, надо вернуться к самому началу...

Как сын уборщицы стал научным светилом

В том «Заявлении о раскаянии», зачитанном Болонкиным, есть один экзотический момент: «Я хотел бы отметить, что только в Советской стране возможно, чтобы сын уборщицы смог получить высшее образование, защитить диссертацию, стать ученым. Это одно из важных достижений социализма...» О Бог ты мой, «сын уборщицы»! А как нас учили не верить в «американскую мечту», когда выходец из социальных низов выбивается в миллионеры, делает карьеру и пр.

Чужие, написанные холодной рукой гэбиста-пропагандиста тезисы содержат тем не менее действительные факты биографии Александра Болонкина. Родился он в 1933 г. в Перми. Родители разошлись еще до его рождения, и детство у Саши выдалось очень трудным. Безотцовщина, военное лихолетье... Но мальчик тянулся к знаниям. После седьмого класса Саша как отличник поступил без экзаменов в Пермский авиатехникум. И там был на хорошем счету: активист, комсомолец, авиамоделист. В семье сестры его в Перми до сих пор хранятся часы, полученные Сашей за лучшую модель. Постепенно мечта о небе трансформировалась в нем в нечто другое, не менее возвышенное...

По окончании техникума (1952) перспективный студент был направлен для продолжения образования в Казанский авиационный институт. Затем работал в конструкторских бюро, заочно окончил еще один вуз — механико-математический факультет Киевского университета. Преподавал в МАТИ, МАИ, МВТУ — ведущих вузах. Перед инженером-механиком по самолетостроению, доктором наук (1971) открывались самые широкие возможности... И какая светила карьера!..

Однако пылкий ум молодого ученого уже волновали вопросы не только в научной сфере. Этого беспокойного человека глубоко интересовали и проблемы общественного устройства, и прежде всего — интеллектуального отставания великой страны от мировых достижений. Такая вот излишняя, с точки зрения властей, любознательность и, конечно, новый круг знакомых (все больше ученые с независимым складом ума) — все это привело Болонкина к противостоянию всемогущему КГБ. К отчаянной схватке, длившейся более 15 лет.

В 1971 г. в самиздатском журнале «Свободная мысль» (вышло два номера, третий успели только подготовить к печати) появилась статья А.Бабушкина «К итогам выполнения восьмого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР: 1966–1970 гг.». Вскоре вни-

мание думающего читателя привлекла статья другого автора, А.Казакова, — «К вопросу сравнения жизненного уровня трудящихся России, СССР и кап. стран». Сравнение получалось, как нетрудно догадаться, не в пользу строителей социализма.

Бабушкин, Казаков — это одно и то же лицо, это псевдонимы Болонкина.

В том покаянном «заявлении» от лица Болонкина — на котором во время чтения буквально не было лица! — занятия враждебной деятельностью объясняются просто: «В какой-то момент мне стало казаться, что не всегда должным образом оценивается мой вклад в науку. Я полагал, что заслуживаю большего, что в Советском Союзе мои способности не смогут достойно оценить...»

Если бы все объяснялось только такими качествами характера, как тщеславие, эгоизм! Конечно, известное честолюбие присуще ученому. Но главное, думаю, не в этом. Он жил в обществе и не был свободен от него — это сказано и про Болонкина, и про его немногих единомышленников, также решивших действовать. Про Юрия Орлова, например, — другого «пермского американца», доктора физико-математических наук. Ему принадлежит авторство широко известного сегодня «Открытого письма Л.И.Брежневу», написанного в 1973 г. (Орлов в итоге оказался в пермской политзоне, недалеко от города, откуда была родом его мама...)

Болонкин анализирует открытую статистику — и делает свои выводы. То, что написал «экономические листовки» именно А.А.Болонкин, было доказано на суде и признано самим автором в 1973 г. Но арестован доктор Болонкин был не за статьи. Чашу терпения органов переполнило очередное изобретение Александра Александровича: он придумал и изготовил множительный аппарат, благодаря которому распространение «антисоветчины» приняло опасный массовый характер. (Ученый был еще и изобретателем, у него более десятка патентов.)

Взяли его 21 сентября 1972 г., и через год Болонкину «припаяли» по статье 70-й (антисоветская агитация и пропаганда) 4 года лагерей строгого режима и по отбытии — 2 года ссылки.

Эшелонированная память

Говоря о своих бывших преследователях и идейных противниках, Александр Александрович называл их кратко: «Они». Не расшифровывая. В этом очень многое кроется: и безмерная вымотанность, усталость загнанного волка, и нежелание персонифицировать, и брезгливость пополам с враждебностью, и широкий обобщающий мазок

художника, рисующего образ Системы. В этом емком «Они» воплотились в устах бывшего узника совести следователи КГБ и их подручные — стукачи и журналисты, писавшие заказные памфлеты, и уголовники, которых подсаживали к непокорному политзеку, чтобы всячески терроризировать, и прокурор Байбородин, и «дорогой, многоуважаемый Леонид Ильич»...

— Изготовив восемь этих устройств, мы передали их и другим группам, в Прибалтику, Ленинград... Пишущая машинка берет три-четыре экземпляра, а тут стали размножать сотнями и выпуски «Хроники текущих событий» (бюллетень советских правозащитников начал выходить с 1968 г.), и произведения Солженицына, Роберта Конквеста, Сахарова...

И поднялась большая тревога в самом ЦК. Они поставили цель: найти нас во что бы то ни стало! А я еще до этих событий освоил фотодело, что весьма пригодилось. Количество распространенных нами текстов, запрещенных в СССР, удалось довести до 150 тысяч. Конечно, перетерпеть всего этого Они уже не могли, вот и появилось указание ЦК...

Но совершенно взбесило советских руководителей одно событие. Юрий Юхновец, будущий поделщик Болонкина (дело было разбито чекистами на два процесса: в Ленинграде судили Г.Давыдова и В.Петрова, в Москве — А.Болонкина, В.Балакирева и Ю.Юхновца. — В.Г.), по своей инициативе решил разбросать листовки в связи с 10-летием повышения цен на молоко, мясо и т. д. Вместе со своей женой Галиной Юхновец объехал ночью несколько районов Москвы, рассовав листовки «Гражданского комитета» по почтовым ящикам. Интересно, что из всего количества их (3 500 штук) большая часть была сдана сознательными гражданами в милицию и КГБ. Не было возвращено всего лишь штук 50...

— Конечно, все это Они перетерпеть не могли, — продолжил свой рассказ Александр Болонкин. — А поскольку копии этих листовок мы передали через Якира иностранным корреспондентам (Петр Якир — московский правозащитник, сын репрессированного красного командарма. — В.Г.), то акция наша была обнародована по «Голосу Америки» и другим «голосам». И когда Якира через несколько месяцев арестовали (надо сказать, что он сильно пил), он наговорил... на 120 томов. В том числе и в отношении нас. А после уже все просто. Они поставили наши телефоны на прослушивание, установили слежку...

Публичное раскаяние в 1973 г. П.Якира и В.Красина имело тяжкие последствия для правозащитного движения. Об этом трудно говорить... Но молчать нельзя: история не прощает.

Дело Болонкина—Балакирева—Юхновца дает примеры и стойкости, и, увы, слабости человеческой. По этому делу был арестован еще инженер Ш. (1937 г. р., учился в Пермском политехническом институте, одно время работал на Чусовском металлургическом заводе). Около года он находился под следствием в Лефортовской тюрьме, затем написал просьбу о помиловании и остался на свободе. Занимается ныне правозащитной деятельностью и... обвиняет и разоблачает своего бывшего единомышленника А.А.Болонкина. А ведь если вдуматься, то Ш., распространяя сегодня то злосчастное «покаяние», выданное из Болонкина, фактически продолжает дьявольскую операцию чекистов.

Ш. честно признает факт своего сотрудничества с КГБ, называя это «пятном и тяжким моральным грузом». Добавляя при этом странную фразу: «Может быть, мы морально перестрадали больше, чем Болонкин, который свое отсидел». Отношение к этой «склизкой» истории среди бывших диссидентов различное. Олег Воробьев, отбывший за самиздат по «пермскому делу» три года лагерей и три тюрьмы, осуждает «расколовшихся» категорически и непримиримо:

— Написал помиловку — все, кончен бал. У уголовников это называется крепко: скурвился, если кому непонятно. То есть воры честнее в этом случае, как ни крути. Однажды в лагере нас побаловали новинкой — показали фильм Василия Шукшина «Калина красная». Так зеки смеялись над убийственным просто проколом автора: там главный герой, вор-рецидивист, поет в хоре. Но если он в закон, он не мог просто петь со сцены, вот в чем дело! Болонкин — жертва режима, это так. Но я не понимаю таких, как Иван Ковалев (сын известного правозащитника), который тоже «покаялся». Хоть убейте меня, не пойму этой тактики спасения. «Я на минуточку только выйду» — так, что ли?..

И еще Воробьев вспомнил, что самые черные дни для него наступили, когда он находился во владимирской тюрьме и услышал о публичном раскаянии Якира и Красина. Тогда ему не хотелось жить, искал способ самоубийства. Илья Габай, 38-летний учитель, отец двоих детей, бывший другом Якира, под впечатлением конца движения, нашел способ уйти из жизни: в том же 1973 г. он бросился с балкона одиннадцатого этажа, попросив в записке своих близких простить его: «У меня не осталось ни сил, ни надежд...»

Многие отошли, «залегли на дно». А многие диссиденты сидели в лагерях. И Болонкин добивался своего, ведя отчаянную борьбу почти в одиночку.

Неравная схватка

Они решили почему-то отыграться именно на нем, Болонкине. За сроком — срок. В лагерях — издевательства, пытки, угрозы. Бульдोजья хватка не ослабевала даже в «перестройку». Чем это объяснить?

Во-первых, наверно, тем, что характер у подопечного оказался сложный, строптивый, что он пытался обмануть органы, а это не прощается. Во-вторых, политической охранке позарез нужен был авторитетный ученый, не меньше доктора наук, который бы согласился подыграть им в их игре без правил, точнее, по правилам КГБ. А Болонкин, видите ли, всякий раз ускользал, даже припертый к стенке. И потом, он же стал требовать выезда за рубеж. Разве можно это позволить такому человеку, а как же секретность? Ведь Болонкин работал одно время в ОКБ Антонова, а затем и в ОКБ Глушко...

Вел Болонкин себя действительно дерзко, порой просто вызывающе. В самом начале своих мытарств он отказался на суде от зачитанных показаний, данных им на предварительном следствии. Объяснил, что дал их под давлением, в результате грубого шантажа. Виновным себя не признал. Потребовал допустить в зал академика Сахарова. То есть лез на рожон, в отличие от более благоразумных своих подельников. И дальше в том же духе. В лагпункте Озерный написал жалобу в прокуратуру на конвой, который избил его на этапе. 22 февраля 1974 г. участвовал в голодовке за признание статуса политзаключенных.

В 1975 г. отказался давать показания по смежному делу, за что его отправили на 4 месяца в ПКТ (помещение камерного типа, это внутренняя тюрьма), затем в карцер, стены которого оказались исписаны затем лозунгами антисоветского содержания. Только отбыл это наказание — снова попал в ШИЗО (штрафной изолятор), за то, что во время свидания с женой передал ей свои бумаги. Многочисленные заявления зека Болонкина объявляются администрацией клеветническими, их попросту не выпускают за пределы лагеря.

Впервые с просьбой разрешить ему поездку за границу (для операции) Болонкин обратился в 1977 г., когда отбывал свою первую ссылку в Бурятской АССР. Вместо ответа в поселке Багдарин, где жил тогда ссыльный, было создано... отделение КГБ с тремя штатными сотрудниками!.. Болонкин потребовал в своем заявлении в Верховный суд Бурятии «(...) привлечь Председателя Совета Министров Бурятской АССР к суду по ст.150 УК РСФСР за злоупотребление служебным положением и попрание Конституции РСФСР»!..

Ему удается время от времени сообщать о своем положении в «Хронику текущих событий». Из письма А.Болонкина (30 апреля 1980 г., идет уже его второй срок): «...Обвинение стандартное: якобы письмо в цензuru, которое я сдал администрации при отправке в больницу (заказное), я мыслил отправить нелегально. В отношении меня отправка в холодные камеры ШИЗО после больницы стала нормальным явлением. В мае я пролежал в больнице с воспалением легких и гипертонией, и сразу после этого мне дали месяц ШИЗО: 15 суток за нелегальную переписку и 15 суток после разговора с начальником ИТК, в котором я сказал ему: «Фашист...»

...Отгрохотал очередной поезд, Александр Александрович, явно пересиливая себя, ровным тихим голосом подвел рассказ к самому драматическому периоду своей истории:

— Возможностей для пыток у *Них* всегда немало. Вот, например: поместить меня возле двери, а морозы — до минус 40 там. А утром еще открывать камеру на час-полтора — «проветривать»... Или подсаживали ко мне уголовников, которые избивали меня, всячески издевались. Когда я объявил голодовку в знак протеста против фабрикации нового дела, следователи откровенно угрожали мне избиениями, изнасилованием, убийством руками уголовников, если я не признаю вины... В 1978 г. А.А.Болонкину пришили дело о «хищении госимущества путем ...злоупотребления служебным положением», произошло это за два месяца до окончания ссылки.

И вот уже Московская Хельсинская группа 30 апреля 1981 г. принимает документ, в котором вынуждена констатировать: «Заключение Александра Болонкина становится бессрочным...» Лагерная администрация, с благословения своего начальства, выполнила все, что обещала строптивому зека. И новое дело состряпали, и здоровье его подорвали, постепенно, по-садистски загоняя его в гроб.

— Новое дело против меня сфабриковали с помощью уголовников, которые показали, что я агитировал их против советской власти. Хотя я не мог этого сделать, даже словом не обмолвился, потому что безвылазно сидел в ПКТ и ШИЗО. Таких, как я, вообще стараются держать в изоляции. Ну, а «свидетелям» пообещали за меня посылки, свидания, в общем, подачки. И следователь Кожевников сказал мне, что светит 70-я статья, но уже часть 2-я, это 10 лет плюс 5 лет ссылки, я буду уже опасным рецидивистом, что означает лагерь особого режима...

«Получишь максимум, так что смотри: или раскаиваешься и делаешь заявление, или...» После этих слов следователя я и подумал о раскаянии (на словах) как возможном способе вырваться...

Править что-то в тексте, написанном суконным языком передовиц, ему не дали. Болонкин заартачился было по поводу абзаца, где шельмовались «отщепенцы» и среди них академик Сахаров, — и встретил жесткий отказ. Нервы, здоровье его были истрепаны вконец после 10-летнего заключения и издевательств. Неравный поединок одного диссидента с могущественной системой, казалось, завершился...

Выступление А.А.Болонкина заняло всего 10 минут — уложились в перерыв между хоккейным матчем СССР — Чехословакия. Этот «перерыв» в жизни самого диссидента затянулся до 1987 г. Возвратиться в Москву Болонкину по-прежнему не разрешали. В знак протеста он заявляет об отказе от советского гражданства, требует разрешения на выезд из СССР.

Тогда же он сделал заявление, что в 1982 г. его «заставили подписать ряд документов, принудили к раскаянию истязаниями, угрозами, гнусными и грязными методами...» И он отказывается от всех тех заявлений и писем...

Не ангел, нет

...Во сне я вновь встретился с Александром Александровичем. Только обстановка была другой, уже более приличествующей масштабу его личности и дел. Как будто толпа пермяков пришла на встречу с доктором в парк Горького. На самом деле, въяве, с вокзала Пермь II провожали его лишь два «мемориальца» да сестра, больная, старенькая женщина. Молчавшая все время (она глухонемая), сестра казалась почти воплощением гигантской евразийской страны, замкнувшей свои уста от перенесенных мук на многие годы...

Болонкин во сне рассказывал мне про побег. «Взял — и поднялся в воздух, ничего не делая, не прилагая никаких усилий...» Нарушил режим ссылки, при этом как-то смешно и нелепо пытался замести следы. Высоколобый, в сияющем венчике седого пуха, глаза излучают радость и доброту — вот поистине ангельский облик вырвавшегося на волю. На самом же деле меня больше всего, наверно, поразил потухший взгляд гостя...

Нет, он не ангел. Болонкина поставила на излом Система. Над ученым-экспериментатором ставился другой глобальный эксперимент, жестокий и бесчеловечный. 15 лет ставился...

«...И как там стойкостью ни хвастай —

Прокол, зияние в судьбе.

Зрак византийский государства

Остановился на тебе...» —

писал Фазиль Искандер («Опала»).

Когда его коллегу Юрия Орлова освободили, выдворив из страны, лишив советского гражданства, то сам он воспринял это, по его признанию, «с тупым спокойствием, я очень устал, сказались и 7 лет лагерей, и ссылка...»

Удивление пришло позже. Про жизнь в Америке Орлов скажет: «Здесь легче, чем в лагере, но труднее, чем в якутской ссылке». Нечто похожее испытал и Болонкин.

Нанес ли он моральный ущерб правозащитному движению своим вынужденным, временным отступничеством?

— Нет, не думаю, что был какой-то ущерб, — сказал он мне. — Я сразу же известил мир обо всем, что *Они* со мной сделали. Кронид Любарский опубликовал об этом сообщение в журнале «Вести из СССР». Диссиденты, вообще думающие люди ведь знали и все понимали, как это делается. А что подумали простые сограждане... Обывателя всегда околпачивали, тут ничего удивительного. Про Сахарова говорили такие несусветные вещи: что он, например, призывал бросить атомную бомбу на СССР. Головы людям дурили, как могли, так что ж теперь...

Он не совсем прав, наверно, в этой убежденности, но кто осмелится кинуть еще хоть один камень? Как это у Булгакова: он заслужил покой...

В истории Александра Болонкина отразилась, как в капле воды, многолетняя драматичная борьба за свободу и права человека в закрытом обществе.

Вместо послесловия

Вскоре вслед за встречей с Болонкиным в Перми меня ожидала поездка в Москву. Билеты я специально брал на «скорый» бурятский. Поразила меня фраза, сказанная одним из предпринимателей, русским, всю жизнь прожившим в Бурятии. Молча выслушал он мой рассказ про Болонкина, а потом сказал вдруг: «Ну, а чего они добились, такие диссиденты? Сами бы поразились, увидев нашу нынешнюю жизнь, криминал и так далее...»

На обратном пути из Москвы моими попутчиками оказались буряты, жители Улан-Удэ. Но между собой они говорили в основном на русском, и я вскоре понял, что двое моих соседей по купе — из системы МВД, причем в отставку ушли в немалых чинах: один — полковником, другой — подполковником. Так судьба подкинула мне шанс взглянуть на давнее дело с иной позиции.

Я спросил их, не знали ли они случайно Болонкина.

— Александра Александровича? — почти обрадованно уточнил полковник. Я заметил, что буряты всех русских всегда называют по имени-отчеству. — Ну как же не знать

такого человека! Он же отмечался у нас, в нашей системе, во время ссылки-то...

Я не верил своим ушам. Человек, давно покинувший свою Родину, чье имя, казалось, предано забвению и проклятию, оказывается, не забыт и в проклятых им местах мучений...

— Тихий был такой человек, вежливый, интеллигентный, — вспоминал подполковник. — Никто бы про него и не подумал, что это тот самый страшный диссидент, за которого заграница беспокоится. Особого отделения КГБ из-за него не создавали, нет. Вел он себя хорошо. Умный был, да. Он же знаете что придумал: предложил изобретение внедрить, счетчик использования воды и еще чего-то. Это у нас-то, в то время, в 70-е годы!.. За рубежом такие счетчики давно введены, но у нас же другие условия, понимаете...

Насчет «тихого человека» мне было удивительно слышать. Сразу вспоминались многочисленные голодовки, протесты, заявления Болонкина, причем в самые «высокие инстанции».

И еще мои попутчики считают теперь, по прошествии времени, так: «Борец Александр Александрович, конечно, и светлая голова, кто спорит. Но последний срок — три года лишения свободы за хищение госимущества, совершенное путем мошенничества, — когда Болонкин работал в ссылке в Доме быта мастером по ремонту электроприборов, машин, ему «намотали» не зря, тут вы не правы. Повод был, хотя относиться к нему можно по-разному. Сегодня бы он проявил такую инициативу — все бы считалось законным, все в рамках, потому что не запрещено. А тогда считалось мошенничеством. Он ныне преуспевал бы, конечно...»

А ехали мои соседи, замечу, с южной сторонки. Любят некоторые наши бурятские сограждане, оказывается, отдыхать на турецком побережье: «дешево и сердито»! Когда я вышел на своей станции, до далекой Бурятии, где грянули морозы под 45° (дело было в декабре), оставалось еще ехать более двух суток...

**Сведения о движении трудпоселенцев и спецпереселенцев,
состоящих на учете за 1 квартал 1946 г.**

		Труд- пос. (б/ку- лаки)	Из При- балт. респ.	Из Кры- ма	Вла- совцы	Оуно- вцы	Репатр. немцы	Мобил. немцы	Всего	
на уче- те	Семей	17214	871	5266	-	1746	4411	-	29508	
	Человек	46244	2887	19454	12088	3390	15954	13408	87929	
При- бы- ло	Всего:	152	7	150	12088	36	955	13408	26836	
	в т.ч.	Прибыло	4	-	103	12088	-	948	13408	26551
		Родилось в спецпосел.	135	6	26	-	-	47	-	214
		Возвращено из бегов и заключ.	13	1	21	-	36	-	-	71
Убы- ло	Всего:	741	65	327	6	-	120	76	1440	
	в т.ч.	Освобождено	573	-	19	-	-	-	40	596
		Переведено в др. рег.	8	-	72	-	-	2	22	104
		Арестовано	20	3	47	1	37	-	44	153
		Умерло	196	65	215	6	75	114	14	685
		Бежало	3	17	2	1	51	-	11	85
Осталось семей	17101	874	5256	12082	1746	4886	6	41951		
Осталось человек	45655	2829	19277	12082	3321	16829	13332	113325		

Архив ФСБ Пермской области

**Сведения о количестве спецпоселенцев
по Молотовской области на 1 января 1953 г.**

Наименование контингента	Находится в наличии				Кроме того		Всего состоит на учете
	семей	чел.	Из них		в ро- зыске	в мес- тах лиш. св.	
			взрос.	детей			
Немцы	14552	51714	19576	16083	30	569	52313
В том числе:							
Выс. по реш. правит.	7736	28101	19576	8525	12	267	28380
Репатрирированные	4661	17617	11428	6189	13	201	17831
Мобилизованные	1685	4353	3500	853	5	96	4454
Местные	470	1643	1127	516	-	5	1648
Из Крыма	4097	16235	10743	5492	26	331	16592
В том числе:							
Татары	1787	8274	5044	3230	5	159	8438
Болгары	1008	3565	2535	1030	2	58	3625
Греки	642	2236	1584	652	5	27	2268
Армяне	529	1773	1309	464	8	54	1835
Др. нац., не вход. в состав семей	131	387	271	116	6	33	426
«Оуновцы»	3820	10677	8382	2295	17	276	10970
«Литовцы»	808	2021	1514	507	68	139	2228
«Власовцы»	-	1599	1599	-	79	2558	4236
Выс. по Указу 2.6.48.	-	555	555	-	1	112	668
Калмыки	12	117	91	26	-	-	117
Из Молд. ССР	10	29	29	-	-	-	29

С Сев. Кавказа	-	16	16	-	-	-	16
В том числе:							
Чеченцы	-	9	9	-	-	-	9
Карачаевцы	-	4	4	-	-	-	4
Ингуши	-	2	2	-	-	-	2
Балкарцы	-	1	1	-	-	-	1
«Фольксдейч» и нем. пособники	2	2	2	-	-	-	2
Итого:	23301	82965	58562	24403	221	3985	87171

Составлено по: ГАРФ, ф.9479, оп.1, д.641, л.51.

*В Московское Центральное Г.П.У.
От гражданок завода Юго-Камска
Пермского округа Уральской области
Мыльниковой Анны Николаевны,
Бирюковой Клавдии Петровны и
Пьянковой Елизаветы Экзакустоудиновны
Заявление*

Просим Центральное Г.П.У. разрешить нам свидание с нашими мужьями Мыльниковым Осипом Яковлевичем, Бирюковым Петром Николаевичем и Пьянковым Всеволодом Георгиевичем административно высланными в Вишерский концентрационный лагерь О.Г.П.У.

К сему заявлению прилагаем фотографические карточки.

7 июля 1930 г.

Адрес: Юго-Камский Завод, улица Металлистов-19,
Мыльниковой Анне Николаевне.

(На заявление наложена резолюция: разрешить 7 часов каждой).

ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.8901, л.75.

Выписка из протокола Заседания тройки при УНКВД Свердловской области от 9 сентября 1937 г.

Слушали: 71. Дело № 8958 Пермского ГО НКВД по обвинению Педанич Николая Васильевича, ур. г. Полтавы, 1892 г. р., сын кулака.

Обвиняется в том, что среди рабочих систематически дискредитировал вождей партии и Советского Правительства, заявляя: «Вот один нарком расстрелял тысячи и за что получил орден».

Распространял клеветнические слухи о массовом вымирании в СССР.

Вел к-р пропаганду, направленную против политики партии и Советской власти.

Постановили: Педанич Николая Васильевича расстрелять. Лично принадлежащее имущество конфисковать.

Секретарь тройки УНКВД Калугин
ГАДПР ПО, ф.2, оп.1, д.26343, л.26.

Выписка из протокола Заседания тройки при УНКВД Свердловской области от 15 октября 1937 г.

Слушали: 90. Дело № 13389 по обвинению Кудымова Степана Петровича, 1896 г.р., ур. с. Лобанова, того же с/с. Юрлинского р-на. Кулак. Колчаковец.

Обвиняется в том, что являлся командиром к-р повстанческого взвода.

Систематически занимался вербовкой к-р повстанческих кадров, завербовал 14 человек.

Совершал вредительские диверсионные акты.

Призывал к массовым совершениям терактов над ответственными работниками Советской власти над членами ВКП (б) и командирами Красной Армии.

В результате вредительства за 1936–1937 гг. смертность достигает 1000 человек.

Постановили: Кудымова Степана Петровича расстрелять. Лично принадлежащее имущество конфисковать.

Секретарь тройки УНКВД Калугин
ГАДПР ПО. ф.2. оп.1. д.26451, л.303.

Выписка из протокола Заседания тройки при УНКВД Свердловской области от 15 октября 1937 г.

Слушали: 91. Дело № 13389 по обвинению Сальникова Емельяна Максимовича, 1891 г.р., ур. д.Уржа, того же с/совета, Кочевского района. Кулак.

Обвиняется в том, что являлся активным участником к-р повстанческой организации. В целях вредительства распространял различные эпидемии. За 1936-37 гг. отравил 700 человек детей и 400 взрослых. Совершил теракт над инструктором РК ВКП(б). Занимался вербовкой к-р повстанческих кадров. Завербовал 5 человек.

Постановили: Сальникова Емельяна Максимовича расстрелять. Лично принадлежащее имущество конфисковать.

Секретарь тройки УНКВД Калугин
ГАДПР ПО. ф.2. оп.1. д.26451, л.303.

ПРИГОВОР

*Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная Коллегия
Верховного Суда Союза ССР (выездная сессия)
в составе:*

Председательствующего Диввоенюриста Н.М.Рычкова

Членов: Бригвоенюристов Г.А.Алексеева и М.И.Добрянского

При секретаре Военном юристе 1 ранга А.А.Батнер

В закрытом судебном заседании, в городе Свердловске

4 мая 1937 года

рассмотрела дело по обвинению: Осокина Михаила Васильевича, 1899 г.р., служащего – в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлена виновность Осокина в том, что являясь активным участником к/р анархистско-зиновьевской террористической организации, совершившей 1-го декабря 1934 года злодейское убийство С.М.Кирова и подготовившей в последующие годы террористические акты против руководства ВКП(б) и советского правительства, он в конце 1933 года создал на ст. Усольская антисоветскую троцкистскую диверсионно-террористическую группу, в которую входили: Хохрякова, Белоглазова, Зуева, Беляева и Ягодкина, лично и через привлеченных им лиц проводил в депо станции Усольская активную подрывную работу, направленную на разрушение паровозного парка и срыв нормального движения поездов, чем и совершил преступления, предусмотренные ст. ст.58-8, 58-9 и 58-11.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 319-320 УИК РСФСР, Военная Коллегия Верховсуда СССР приговорила: Осокина Михаила Василье-

вича к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании Постановления ЦИК СССР от 1. XII. 34 г. подлежит немедленному исполнению.

ГАДПР ПО. ф.1. оп.1. д.12895. л.369.

Протокол допроса Опутина Иосифа Ивановича

28 февраля 1938 года

Опутин И.И., 1894 года рождения, уроженец с. Орел Ворошиловского района, Свердловской области, сын пароходоладельца, до ареста: преподаватель военных дисциплин Пермского Педагогического института, офицер старой армии, в чине штабс-капитана.

Вопрос: Вы состояли членом ВКП(б)?

Ответ: Да, состоял, с 1917 по 1921 год.

Вопрос: За что исключены из чл. ВКП(б)?

Ответ: Я уже указывал в анкетных данных, что из членов ВКП(б) я исключен за нарушение устава партии, выразившееся в том, что во время женитьбы венчался в церкви.

Вопрос: Еще за что исключены из членов ВКП(б)?

Ответ: Больше не за что.

Вопрос: Вы лжете. Следствию известно, что Вы из членов ВКП(б) исключены за контрреволюционную деятельность. Признаете Вы это?

Ответ: Категорически отрицаю, я никогда участником контрреволюционной организации не был и о существовании таковой мне не известно.

Вопрос: Вы Ершова Петра Ефимовича знаете?

Ответ: Да, я Ершова П.Е. знаю по совместной работе в Областном Совете ОСО, где он работал председателем Совета, а я начальником учебного центра.

Вопрос: Свидетель Ершов П.Е. своими показаниями подтверждает, что Вы из членов ВКП(б) исключены за контрреволюционную деятельность. Об этом Вы сами лично говорили в 1933 году, в квартире Ершова, куда Вы приходили с бывшим бухгалтером УралОСО Клементьевым П.Н. О чем Вам зачитывается выдержка из показания свидетеля Ершова П. Е. от 23/IV- 37 года.

Ваши показания?

Ответ: Еще раз заявляю, что я исключен из ВКП(б) не за контрреволюционную деятельность, а за нарушение устава партии, о чем я уже показал.

Вопрос: Вы в 1933 году арестовывались органами НКВД и за что?

Ответ: Я арестовывался органами НКВД в 1933 году в гор. Свердловске по подозрению в контрреволюционной деятельности, освобожден за недоказанностью состава преступления.

Вопрос: Следствием установлено, что Вы являетесь участником контрреволюционной, диверсионно-повстанческой организации, существовавшей в гор. Перми. Подтверждаете Вы это?

Ответ: Отрицаю, я никогда участником контрреволюционной диверсионно-повстанческой организации не состоял и мне ничего не известно о наличии подобной организации.

Вопрос: Вы продолжаете давать ложные показания. Обвиняемый Шарапов А.В. своими показаниями от 28/II-38 года подтверждает, что Вы являлись активным участником выше указанной контрреволюционной организации. Намерены ли Вы давать следствию правдивые показания?

Ответ: Ни в какой контрреволюционной организации не состою и не состоял, о существовании организации мне не известно.

Вопрос: Вы продолжаете скрывать существование и участников и деятельность известной вам контрреволюционной организации, участником которой Вы являетесь.

Материалами следствия, показаниями обвиняемых устанавливается, что не только были в составе рядовых участников выше указанной контрреволюционной организации, но входили в подпольный повстанческий штаб, созданный «блоком» эсеров и меньшевиков. Подтверждаете это?

Ответ: Нет, этого не было, мне не было известно о наличии подобного штаба, а так же и самой организации.

Вопрос: Ваше активное участие в выше указанной организации подтверждается показаниями обвиняемых:

1. Шарапова А. В. от 27 февраля 1938 года.
2. Кашлакова А. М. от 22 февраля 1938 года.
3. Костарева В. П. от 27 февраля 1938 года.

Выдержка из показания Вам зачитывается.

Что Вы можете показать по существу показаний обвиняемых?

Ответ: Выдержка из показаний выше указанных лиц мне зачитана, виновным в участии в контрреволюционной организации не признаю.

Протокол мною прочитан, показания записаны с моих слов верно, в чем и расписуюсь.

Допросил: О/Уполн. IV Отд. УГБ ГОВ НКВД сержант гос/безопасности Окулов
ГАДПР ПО. ф.1. оп.1. д.11216. т.1. л.37-39.

Подписка

1939 года февраля 5-го дня я гр-нка Страхницкая Вера Николаевна даю подписку в том, что в мою бытность в тюрьме НКВД, что я видела и слышала, как по делу следствия, так и по тюремному режиму, обязуюсь хранить в тайне. В случае разглашения буду отвечать в уголовном порядке.

К сему и подписуюсь.

ГАДПР ПО. ф.1. оп.1. д.5077. л.27.

Из протокола допроса Митрофанова Федора Васильевича*

13 октября 1958 г.

Вопрос: Что Вы знаете об антисоветских высказываниях со стороны вышеперечисленных лиц?

Ответ: Об антисоветских высказываниях Иванова, Митрофанова Александра, Голубева, Митрофанова Николая, Рукавишников Никифора, Рукавишников Григория, Чашина Павла и Чашина Семена я ничего не знаю.

Вопрос: Расскажите, как шло следствие по обвинению Вас в 1937 году, в чем Вы и тогда обвинялись, в чем признавали себя виновным и о чем показывали на допросах?

Ответ: Я был арестован органами НКВД в ночь с 6 на 7 августа 1937 года и вместе с другими людьми, тоже арестованными в пределах нашего Петраковского сельсовета был доставлен в село Юрлу. 5 сентября 1937 года в восемь часов утра я был вызван в селе Юрла на допрос, который непрерывно продолжался до ночи с десятого на одиннадцатое сентября. Допрашивали меня двое следователей по очереди. Фамилия одного следователя была Бородин, а фамилию второго следователя я не помню. Как мне помнится, во время допроса я примерно двое суток стоял на ногах, а потом мне разреши-

* Счетовод колхоза "Путь к коммунизму" Петраковского с/с Юрлинского р-на Коми-Пермяцкого национального округа. Осужден в 1937 году на 10 лет, освобожден 1.08.1945 г.

ли сесть. За время допроса я ни разу не принимал пищу. Мне давали только пить воду, когда я просил. Мне предъявлялось обвинение в участии в контрреволюционной группе. Об указанной группе я не имел никакого представления, поэтому я виновным себя не признавал. Мне назывались во время допроса лица, как якобы участники этой группы, которых я совсем не знал и никогда о них не слышал. О чем конкретно я показывал на допросах я сейчас вспомнить не могу. В конце допроса я потерял сознание. Примерно через два [дня] после этого допроса меня вновь вызвали на допрос и предъявили мне протокол моего допроса в предыдущий раз с моими подписями. Я не мог тогда вспомнить обстоятельств, при которых я подписывал этот протокол. Я видел, что подписи на протоколе мои, но, когда я подписывал этот протокол, я не знал, не помнил. Во время допросов я просил от следователей очной ставки с теми лицами, которые показывали о моей якобы контрреволюционной деятельности, но в этом мне отказывали. 14 сентября 1937 года я вместе с другими подследственными был отправлен из села Юрлы в город Кудымкар. Из Кудымкара я был направлен в город Свердловск, а оттуда – в город Томск, где примерно в конце октября или начале ноября мне было объявлено решение тройки НКВД об осуждении меня на десять лет лишения свободы. За что я был осужден и в чем была моя вина я до сих пор не знаю. Никаких преступлений против Советской власти я никогда не совершал.

Вопрос: Соответствовало ли действительности содержание протоколов допроса, которые Вы подписывали на следствии в 1937 году?

Ответ: Я помню, что тот протокол, который мне предъявляли на следствии в 1937 году и я не помнил обстоятельств, при которых его подписывал, этот протокол по своему содержанию не соответствовал действительности. Что там конкретно было записано я сейчас не помню, я только помню, что факты, изложенные в нем были записаны не с моих слов. Составлялись ли еще какие-нибудь протоколы моего допроса в 1937 году, я сейчас не помню.

Вопрос: Вам зачитывается выдержка из протокола Вашего допроса от 11 сентября 1937 года в отношении Чащина Павла Павловича, Чащина Семена Павловича, Митрофанова Михаила Даниловича и Митрофанова Николая Егоровича. Подтверждаете ли Вы эти показания и что можете сообщить по их существу?

Ответ: Я сейчас не помню давал я такие показания, какие мне сейчас зачитаны из протокола моего допроса от 11 сентября 1937 года или не давал. О деятельности Чащина Павла Павловича мне ничего не известно, потому что я с 1931 по 1933 год находился на действительной службе в Советской Армии и с колхозом связан не был. Поэтому я не мог давать показаний в отношении вредительской работы Чащина Павла Павловича. В 1934 году действительно были проданы одна или две лошади, но сделано это было не с вредительской целью, а для того, чтобы на вырученные деньги от продажи купить хлеб для обеспечения колхозников, потому что в колхозе совершенно не было хлеба в то время. Факта разворовывания денег бывшим председателем колхоза Митрофановым Михаилом Даниловичем и Чащиным Иваном Ефимовичем я не помню. Я помню, что эти лица были за что-то осуждены в 1934 году, но за что их судили, я не помню. Факта кражи колхозного хлеба Чащиным Семеном Павловичем никогда не было, и я таких показаний давать не мог. Митрофанов Николай Егорович умышленно скот не уничтожал. Падеж скота, вообще, в то время был, так как имелись тогда большие недостатки в кормах. Имелась ли в этом вина Митрофанова Николая я не знаю. Объяснить причину, почему мной подписаны такие показания, я не могу, потому что я не помню обстоятельств, при которых подписывал протокол.

Вопрос: Что Вы желаете дополнить к своим показаниям?

Ответ: Дополнений к своим показаниям я не имею.

Данный протокол прочитан мной лично. С моих слов записано правильно.

Следователь Следотдела УКГБ по Пермской обл. лейтенант Петухов.
ГАДПР ПО, ф.2, оп.1, д.27660, л.153-157.

Статистические данные за 1941–1953 гг. по приговорам судов и Особого совещания

Раздел III: Цифровые сведения о результатах оперативно-следственной работы.
 Решения судебных органов и Особого совещания за отчетный период

Годы	Всего (по поступившим в отч. периоде вступившим в закон. силу реш.-м суд. органов, особ. совещания и других) (чел.)	В том числе осуждено за год													Примуд. раб.	Прочие меры	Пре-кра-щено
		ВМН		КТР	осуж-дено на сроки	Лишение свободы (лет)						осыл-ка, вы-сылка	Отпр. на фронт с при-ост.	приго-вора			
		реостр.	повеш			25	16-24	11-15	свыше 10	6-10	3-6						
1941	752 (с 22.6.)	213	-	-	539	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1942	951	78	-	-	873	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1943	2833	129	-	-	-	-	-	32	1273	948	51	70	276	23	15	167	
1944	3641	21	-	35	-	-	11	1912	1144	46	79	78	26	90	199		
1945	460	1	-	6	-	-	1	235	162	6	8	13	3	11	4		
1946	446	3	-	9	-	-	5	238	142	13	2	-	6	5	13		
1947	219	2	-	17	-	38	2	122	31	-	4	-	-	3	1		
1948	375	-	-	-	-	256	9	86	12	-	3	-	-	1	2		
1949	данных нет																
1950	479	-	-	-	-	301	-	77	1	-	100	-	-	-	-		
1951	403	7	-	-	-	338	-	40	1	-	12	-	-	5	-		
1952	200	14	-	-	-	143	1	-	35	-	16	-	-	1	-		
1953	61	2	-	-	-	36	-	2	17	2	-	-	-	2	4		
Всего	10820	470	-	67	1412	1112	10	10	51	4035	2443	116	294	367	133	390	

Архив ФСБ Пермской области

Заявление заключенного Д.Ф.Сологуба Народному Комиссару Внутренних Дел СССР

*Народному Комиссару Внутренних Дел С.С.С.Р.
от з/к. Сологуба Даниила Федотовича
Вятлаг Н.К.В.Д. 4 Лагнункта.
Заявление*

7/1 1938 г. я был арестован Комендантом Чердынского р-на Свердловской обл. Сабяниным согласованно с Чердынским райпрокурором. В первой половине января на предварительном следствии в Соликамске мне было предъявлено обвинение, что якобы я занимался шпионажем в пользу Польши, что якобы я совершил поджог леса села Бычино Чердынского р-на. Такое обвинение я опротестовал перед Уполномоченным Соликамского Н. К. В. Д. как ничем необоснованное, без каких-либо фактов преступления. Уполномоченный применил ко мне побои, и я вынужден подписать протокол предварительного следствия, содержащий явную ложь на себя, составленную Уполномоченным, дабы только избавиться от следственных репрессий и потом рассказать все суду об издевательствах Уполномоченного, однако никакого суда не было надо мной и 7/XI-1938 года меня отправили из Свердловской тюрьмы в Вятлаг Н. К. В. Д., причем мне до сих пор неизвестен срок моего незаслуженного наказания. С таким постановлением в отношении меня я не согласен и со всей категоричностью заявляю, что я совершенно не виновен и предъявленное мне обвинение является сплошным вымыслом Уполномоченного Н.К.В.Д. В 1931 году я был выселен из Краснодарского края, как зажиточный хозяин, за отцовское имущество на Урал, в Свердловскую обл. Кизеловский район на постоянное местожительство, где я прожил с 9/VI 1931 года по 6/VIII 1936 г. и находился все время под наблюдением местного коменданта. 6/VIII 36 года я со своей семьей был переброшен в Чердынский район Свердловской обл. в поселок Мель на постоянное местожительства, где я также все время жил под наблюдением коменданта Сабянина. Со дня моего выезда из Краснодарского края и по день моего ареста я из вышеуказанных мест никуда ни одного раза не отлучался, что может быть проверено. Какие же я мог давать сведения агентам Польши и получать от них задания, когда жил от железной дороги в 120 километрах. Связью никакой поселок Мель оборудован не был, а почта была на расстоянии 30—40 км. и вся получаемая и сдаваемая корреспонденция проходила через руки коменданта. В отношении поджога леса в селе Бычино упомянутого района и области должен заявить, что мне не известно, равно как факт пожара также не известен. Орган не принял во внимание обстоятельств моего дела, а всецело основывался на материале протокола предварительного следствия с вынужденной моей подписью. Обращаю внимание Ваше гр-н Народный Комиссар Внутренних Дел на нарушение революционной законности, т. к. на предварительном следствии мне не была дана очная ставка со свидетелями, какие могли бы быть опрошены, если они вообще имеются, что не были вызваны свидетели с моей стороны, с помощью которых я доказал бы полную свою невиновность в предъявленных мне обвинений. Также было не удовлетворено мое ходатайство о доставке справок по месту моего жительства, которыми я также мог бы доказать явную ложь предъявленных мне обвинений. На основании вышеизложенного прошу Вас гр-н Народный Комиссар Внутренних Дел решение неизвестного мне органа отменить как незаконное и необоснованное.

О последующем Вашем решении прошу Вас не отказать, поставить меня в известность по адресу: Кировская обл., почт. отд. Волосница, почтовый ящик № 231-4. Сологуб Даниил Федотович.

30 июля 1940 г.

*Военному трибуналу Уральского Военного округа
От Олейник Василия Филиповича, проживающего
в городе Красновишерске Молотовской области
по улице Пролетарская, дом 4, кв.7*

Жалоба

Я, Олейник Василий Филипович 1912 года рождения, уроженец Винницкой области Ямпольского района село Писаровка, проживал с родителями в городе Красновишерске Молотовской области и работал рабочим ремонтно-строительного цеха Вишерского Бумкомбината по шестому разряду, числился лучшим рабочим в цеху. 1 января 1938 г. здесь же был арестован органами НКВД Ворошиловского района.

В ночь на 2-е января 1938 г. был отправлен в Соликамскую тюрьму, где просидел по 1 мая 1938 г.

Следствие вели работники НКВД Ворошиловского района, следствие велось следующим образом: следователь вызвал меня на допрос, предложил мне встать, руки сделать по швам, потом спросил у меня, какое у меня образование, где работал, что делал, какого года рождения, где раньше жил, чем до революции занимался, как работал на производстве, потом отправил меня в камеру. После сего вызвал этот же следователь меня выше указанного через пять дней, посадил меня на стул и дает мне читать протокол следствия. Якобы, я выше указал, что я шпион, диверсант и веду шпионскую работу в пользу Польши и ряд других нелепостей, которые он не мог ничем подтвердить, просто написал глупости. Дальше пишет, якобы я прошу прощения у органа НКВД Ворошиловского района. Как только начал читать я такой протокол, я был в истерике и меня унесли, не помню кто и куда, но оказался в камере с подбитым глазом и болел левый бок.

Дальше вызвал меня этот же следователь через три дня, дает мне на подпись тот протокол и говорит, вы не бойтесь, вам ничего не будет. Вы видите, что я писал на Вас не правду, ложь, клевету. Вы не одни, Вас много, много и все шпионы, нет, Вы будете на воле, только подпишите, нам нужен для международного значения важный документ. Этим самым мы спасем себя от войны и ряд других вещей говорил следователь, но все-таки, в этот раз я не подписал ему протокол. Расстались мы с ним не по-хорошему, он позвал двух солдат, которые избили и посадили в холодный подвал, где мороз был 40 градусов, просидел я там 8 часов полураздетый, через восемь часов принесли меня в камеру и там я почувствовал себя плохо, я заболел гриппом, температура поднималась до 39 градусов и на второй день меня на носилках несли товарищи к следователю, он мне предложил подписать и тогда, мол, окажут медицинскую помощь. Мне было безразлично: умирать мне или жить и тогда я подписал. После чего, мне было разрешено выдать из буфета на 50 рублей сдобы, ветчины и табачных изделий.

Как видите, из всего видно, что протокол следствия мною был подписан после тяжелых репрессий и убеждения. Хоть что для международной обстановки эти все документы нужны. Конечно, если эти документы будут перед вами, то вы увидите, что там написана ложь и глупость.

Кроме того, я питал надежды, что меня будет судить суд по этому делу, то это ложь и не правда и меня судить и будут на суде, будем иметь право говорить и найдем правду, и я буду на свободе.

Но все мои надежды не оправдались и суда я не дождался. А 1 мая 1938 г. я был переброшен в г.Свердловск в тюрьму. В г.Свердловске я просидел несколько дней, как начали формировать этап для отправки в исправительный лагерь, где я вместе с другими товарищами был вызван при отправлении в этап работниками Свердловской тюрьмы и было мне объявлено

следующее: Олейник Василий Филипович 1912 г. рождения Московским Особым Совещанием при НКВД СССР осужден на 10 лет лишения свободы за контрреволюционную деятельность. Это было 8 или 9 мая 1938 г., и в этот же день направили этапом в Ятский исправительный лагерь.

В лагере работники УРО мне сказали, что я имею статью К. Р. Д. В Ятском лагере находился с 1938 г. по 1941 г. В 1941 г. я вместе с бригадой каменщиков был отправлен в Воркулаг Н.К.В.Д. для постройки ТЭЦ. По прибытию на Воркуту я работал десятником по строительству, но по окончании ТЭЦ мне было дано правительственное задание построить высоковольтную тридцати пяти тысячную линию «Воркута – Халмеру», по тундре протяженностью 110 км сроком на шесть месяцев. Линия была построена в 4 месяца, за что я имел снижение срока на 1 год. В 1947 г. с января я был освобожден из под стражи и вернулся в г.Красновишерск к отцу, которому было 82 года, и сейчас работаю в том же ремонтно-строительном отделе с теми же рабочими, с которыми я и работал до момента ареста, только уже не рабочим, а мастером капремонта.

Из выше изложенного прошу Военный трибунал усмотреть, что не совершивши ни какого преступления, я отбыл 9 лет заключений и с момента моего ареста прошло 18 лет, я нахожусь как бы совершившим какое-то преступление, поэтому, прошу Военный трибунал разобрать мою жалобу, так как я за собой ни какой вины не имел и не имею, и вынести справедливое решение. О результатах сообщить по адресу: г.Красновишерск, Молотовской обл., Пролетарская, 4, кв.7, Олейник Василий Филипович.

14.06.1956 г.

ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.9211, л.28-29.

Из следственного дела Свентицкого и Огурцова

Протокол допроса Брауна Соломона Генриховича 11 ноября 1943 г.

Свидетель показал: В 301-й колонне я назначен врачом амбулаторного приема с 28-го октября с.г. приказом по отделению. До 28-го октября я работал врачом по обслуживанию вольнонаемного состава 1-го и 3-го отделений. Заключенных – больных 301-й колонны по предложению нач-ка санчасти 3-го отделения т. Нестеровой я обслуживал в свободное время с самого начала ее организации, т. е. с 26 августа с.г. Кроме меня, также бывали на колонне изредка врачи других колонн, например, доктор Оппель и Богер. Но постоянно обслуживающего медицинского работника на колонне не было из военнопленных. Первый прибывший этап заключенных обслуживал з/к фельдшер Антониюк, со вторым этапом прибыл з/к врач Голиков, который на другой же день приступил к исполнению своих обязанностей как врача.

Вопрос: Расскажите, какие санитарно-бытовые условия были на 301-й колонне к моменту прибытия первых этапов заключенных ?

Ответ: До прибытия первого этапа заключенных в конце августа с. г. на колонне никто не жил. Санитарно-бытовых условий в 301-й колонне к моменту прибытия этапов з/к з/к не было никаких. Ни одного достроенного жилого и коммунального строения не было. Первый этап заключенных поместили в барак № 1, в котором нары полностью достроены не были, окна были незастеклены, печей не было. Последующие этапы поместили в бараки № 1, 2 и 3, из которых в двух последних не было ни нары, ни печей, ни застекленных окон, только стены, крыша и пол – были. К этому времени списочный состав з/к з/к колонны достиг 1 200 чел., а вместимость этих трех барakov была до 750–800 чел. нормально. В виду такого большого количества з/к з/к и малой вместимости барakov люди спали на нарах, на полу, а многие и просто сидя. Скученность людей в бараках была ужасная. За отсутствием дневного и

ночного освещения в бараках была сплошная темнота и грязь. Люди спали на полу в мокрой одежде и обуви, т.к. сушилок для просушки одежды еще нет и до сего времени. В бараках по ночам было холодно и сыро.

Сентябрьские дни были в основном дождливые. Люди в сырой одежде и обуви не могли уснуть нормально в холодных бараках, а поэтому больше простаивали и просиживали у печей. Нормально не выспавшись, люди утром шли на работу, и так это повторялось изо дня в день. Установленные в бараках печи достаточного тепла не давали. Пищевой блок к моменту приема этапов готов совершенно не был. Кухня начала функционировать в первых числах октября. До этого пища готовилась для 301-й колонны на кухнях 125-й и комендантской колонн. Перегрузка кухонь указанных колонн приводила к тому, что пища для 301-й колонны изготавливалась часто не вовремя. Пища доставлялась в остывшем виде. Во время раздачи пищи на территории колонны царил полнейший беспорядок, происходили драки, ругань и получение некоторыми лишних порций, от чего страдали остальные з/к з/к. Вообще на колонне никакого порядка не было. Банно-прачечный блок начал функционировать с 20 октября, а до этого з/к з/к частично были пропущены через баню и дезкамеру 325-й колонны, которые по своей пропускной способности не могли нормально и полностью обслужить. Пропускная способность бани и дезкамеры составляла 20-25 чел. в час. В этой бане мылись, кроме з/к з/к 301-й колонны, еще 360 чел. спец. мобилизованных немцев 325-й колонны, 460 чел. спец. мобилизованных – комендантской колонны, вольнонаемный состав отделения и стрелки военно-стрелковой охраны, что составляло еще около 100 чел. с лишним. Из-за отсутствия бани и дезкамеры своей на колонне среди з/к з/к появилась сплошная вшивость, которая и до сего времени еще не уничтожена, что я имею возможность наблюдать при амбулаторном приеме.

С момента прибытия з/к з/к в колонну были обнаружены среди них человек 10 с профузным и кровавым поносами. Стационара и медпункта в тот момент на колонне не было, а поэтому больных по возможности отделили от здоровых, т. е. поместили больных в основном на нары, расположенные к одному концу барака. Но это, конечно, не дало полной изоляции больных от здоровых. Медицинская помощь чрезвычайно примитивна. Медикаменты хранились в карманах врачей, т. к. последние хранить было негде. Больные лежали на голых нарах. В бараке, в котором лежали больные, было холодно. Больных обогревали горячими камнями. Через несколько дней после прибытия з/к з/к среди них вспыхнула массовая заболеваемость. Среди диагнозов болезней з/к з/к преобладал понос. Лицам, болеющим поносом, оказывалась мед. помощь, но на многих замечалось, что даже при даче всех средств медикаментов на прекращение поноса должного эффекта не давало, т. к. больному не было оказано полное больничное лечение и не дано диетпитание, что является основным лечением поносных больных. С увеличением роста заболеваемости я, как врач, поставил вопрос перед нач-ком санчасти т. Нестеровой о госпитализации больных, на что она была согласна. Но тогда перед нами встал вопрос, куда их госпитализировать. Я посоветовал ей отгородить для стационара часть жилого барака. Но после этого разговора она вскоре заболела и слегла в постель с большой температурой. Хотя я и спросил ее на следующий день нашего разговора, что ставила ли она вопрос перед командованием отделения об открытии стационара, но конкретного ответа на мой вопрос от нее не получил, а потому не знаю, был ли у нее разговор по этому вопросу с руководством или нет. Тогда в тот же день я решил самостоятельно переговорить по этому вопросу с нач-ком колонны т. Свентицким, который на мой вопрос ответил, что стационар на колонне не нужен, а больных людей надо отправлять в лазарет лесного отделения. «Лазарет, – говорит, – я без разрешения нач-ка отделения открыть на колонне не могу, это нужно согласовать с ним, а т. к. я занят, то сходите Вы сами к

нач-ку отделения». Я пошел лично к нач-ку отделения т. Огурцову, который в разговоре со мной согласился на открытие стационара в колонне и просил передать меня его распоряжение нач-ку колонны т. Свентицкому об немедленном открытии стационара на колонне.

ГАПО. ф. 438, оп.1, д.1. л.12-13.

Перечень договоров заключенных с хозорганами на 1949 г. на предоставление рабочей силы из числа заключенных

Наименование хозоргана, откуда выводится рабсила	Министерство хозоргана	На какое кол.-во заключен договор	Сколько предоставляется рабочей силы	
			по договору	фактически
Анилино-красочный завод Березники из ОЛП-19	Минхимпром	100	80	80
Сеуралтяжстрой из ОЛП-19 г.Березники	Мин. стр-ва предприятий тяжиндустрии	1000	800	577
Уралхимпромстрой из ОЛП-19 г.Березники	Мин.химической пром.	500	400	317
КамГЭССтрой из лаготд-13 г.Молотов, Орджоникид. р-н пос.Гайва, правый и левый берег	Мин. электростанций	5000	4000	309
КамГЭССтрой п/тюрьма, г.Молотов, Сталинский р-н	Мин. электростанций	100	80	110
Трест «Кизелшахтстрой» лаг.отд № 15 г.Кизел	Мин.угольной промышлен.	3000	2400	1196
Трест «Губахшахтстрой»из ОЛП-23 пос. Усьва, Гремячее и Горелое	Мин.угольной промышлен.	2200	1760	1484
КизелГРЭС из ОЛП-23 г.Губаха	Мин. электростанций	350	280	155
З-д № 172 им. Молотова из ОЛП-5 г.Молотов, Молотов.р-н	Мин.вооружения	1000	800	543
З-д № 90 им.Орджоникидзе ОЛП-5 г.Молотов Орджоникид.р-н	Минхимпром	300	240	233
Левшинский порт из ОЛП-5, г.Молотов Орджоникид.р-н	Мин. речного флота	250	200	228
12-й стройтрест из ОЛП-1 г.Молотов Сталин.р-н	Минавиапром	800	640	629
З-д им.Калинина из ОЛП-1		25	-	-
Заготзерно из ОЛП-1 г.Молотов	Минзаготовок	30	24	27
ТЭЦ-6 из ОЛП-1 г.Молотов	Мин. электростанций	25	25	25
Хлебозавод №1 из ОЛП-1 г.Молотов		15	15	22
Молотовгражданстрой из ОЛП № 22 г.Молотов	Мин. стр-ва гражданских сооруж. РСФСР	400	320	141
СМУ Молотовэнерго из ОЛП № 22, г. Молотов, Ленинский р-н	Мин. электростанций	300	240	95
СМУ-2 треста «Сельмашстрой» (з-д № 98) из ОЛП-22, г.Молотов	Мин.сельхоз-машиностроения	300	240	196

Молотов. порт из ОЛП-22, г.Молотов	Мин. речного флота	250	200	159
В-Муллинский совхоз из ОЛП-22 г.Молотов	Мин. совхозов РСФСР	50	40	18
СМУ-3 треста «Сельмашстрой» (з-д № 577) из лаготд. № 9 пос. Боровск	Мин.сельхоз-машиностроения	300	240	446
Красновишерский Бумкомбинат из лаг.отдел. 9 гор. Красновишерск	Мин. лесной и бумажной промышленности.	400	320	350
Соликамский бумкомбинат из лаг.отдел. № 9 пос. Боровск	Мин. лесной и бумажной промышленности.	200	160	160
Чусовсплавконтора из ОЛП-10 г.Чусовой	Мин. метал. промышлен.	400	320	214
Чусовстальстрой участок из ОЛП-10 г.Чусовой	Мин. стр-ва предприятий тяжиндустрии	200	160	85
Ляминский деревообделочный комбинат из ОЛП – 10 Чусовской р-н ст.Лямино	Мин. промышленности строй-материалов	400	320	254
ТЭЦ № 6 пересыльная тюрьма г.Молотов Сталинский район	Мин. электростанций	25	25	24
Завод № 19 им.Сталина П/тюрьма г.Молотов	Минавиапром	30	30	14
Соглашение с «Красным строителем» П/тюрьма г.Молотов	Мин.строительных материалов	15	15	14
Соглашение со СМУ-2 треста Сельмашстрой П/тюрьма г.Молотов	Минсельхоз-машиностроения	20	20	9
Машзавод №426 из Пром. ОЛП-3 г.Кунгур		300	-	-
АТП, непромгруппа и ОР		-	-	626
Прочие мелкие хозорганы		-	-	367
ВСЕГО:		18285	15092	
В т.ч. группа «А»		14628	12573	
Чистый выход			11263	

Архив УВД Пермской области, ф.39, оп.3, д.29, л.76-79.

.....

Из письма А.И.Нехорошева директору Государственного архива по делам политических репрессий Пермской области Г.Ф.Станковской

Здравствуйте, уважаемая г. Станковская!

Больно поздно Вы нами заинтересовались! (Конечно, это не зависело от Вас.)

Много забыто, здоровье неважное и мне очень трудно вспомнить этот ужасный период лагерей и ссылки!

Немного о себе. Родился в 1911 году в городе Курске, Курской области в семье железнодорожника. Отец был ж./дорожный кондуктор, а мать домашняя хозяйка.

После окончания школы (9 лет) я поступил в Свердловский Горный институт, который окончил в начале 1936 года. После окончания института послали меня на работу в Кизеловский угольный бассейн.

В 1937 году в основном весь командный состав шахты и треста Кизелуголь был арестован и осужден за «контрреволюционную» деятельность (был показательный открытый суд в г. Кизеле, где большинство за исключением одного десятка из спецпереселенцев себя признали виновными).

Поэтому, из-за нехватки кадров мы, молодые специалисты («пролетарская интеллигенция») быстро продвинулись по служебной лестнице (в то время я был комсомолец с 1929 года).

С 1936 по февраль 1938 года – начальник участка и помощник главного инженера шахты им. Калинина треста Кизелуголь, с февраля 1938 по июль 1939 года – помощник главного инженера, главный инженер и начальник шахты им. Ленина (на этой шахте я был в 1939 году принят в кандидаты члена КПСС). С ноября 1939 г. по июнь 1941 г. – Главный инженер треста Кизелуголь (в 1940 году я был принят в члены КПСС). В этой должности я был арестован и пробыл до декабря 1941 года под следствием в тюрьме г. Перми.

Так как я был почти последним арестованным из участников этой контрреволюционной организации, то на меня было достаточно показаний (надо максимум три) и мне по материалам следствия на закрытом ревтрибунале по статье 58 пункт 11 и 8 (если не ошибаюсь) был определен срок 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах.

Некоторые элементы следствия и ревтрибунала.

Следствие велось двумя этапами:

Вначале рядовые «виновники» (рабочие, десятники, начальники участков) в основном спецпереселенцы, которые показывали на себя и на командный состав.

И второй этап – руководящий состав шахт и трестов.

В частности, на меня показывал Рябов (большинство инициалов я не помню) бывший начальник участка подземного транспорта шахты им. Ленина, впоследствии по материалам следствия (нам давали знакомиться с делом, но записки до суда отбирались) он отказался от показаний, но это не повлияло на ход следствия. Такое разделение было очень удобно для следователей, но мы многое не могли понять откуда берутся некоторые обвинения.

Почему меня обвиняли по пункту 11 и 8?

Так как нас было большая группа арестованных (всех я уже не помню) с обвинением вредительства и диверсий, то следовательно это была организованная «контрреволюционная организация».

Никаких документов, платформы или даже любых записок не было обнаружено, так как все это была фантазия следователей, которые хотели создать организацию вплоть до Москвы (не удалось).

Все осужденные из командного состава в основном члены партии, выходили из рабочих или детей рабочих и окончили советские вузы.

Все они честно работали, но заработали некоторые до 25 лет лагерей. Пункт 8 (диверсия).

Это обвинение появилось потому, что за период работы в тресте было два пожара на шахтах им. Урицкого и им. Ленина. Кроме того, в соседнем тресте Кизелшахстрой на новостройке шахты № 2.

Несмотря на то, что по этим пожарам были созданы государственные комиссии, в актах которых были обоснованы причины пожаров (я был членом этих комиссий) и никто их на следствии и ревтрибунале не оспаривал, а все же многих из нас обвинили в участии в диверсиях.

Я до сих пор не могу толком объяснить мотивы обвинения и как эти пожары осуществлялись. Почему большинство обвиняемых признавали на следствии определенную за собою вину и показывали друг на друга?

Вы безусловно следили за периодической печатью, где красочно описывалось (отдельными писателями) ведение следствия следователями КГБ.

Все это было и здесь!

Моральное и физическое воздействие и вера нас в то, что в нашей стране суд невиновных не осудит (это одна из основных причин). Интересен следующий пример.

Я в больнице (лагерный пункт 4 г. Котлас) встретил случайно одного с нами осужденного М.Гланова, который был в ужасном состоянии. Полное истощение и гангрена руки.

Он мне рассказывал, что когда на следствии в г. Перми от него ничего не добились, то их (Гланова и не помню еще кого) повезли в Москву и так московские мастера «запленных дел» вели допросы, что он готов показывать любые обвинения не задумываясь (он это и делал).

Вот характерный пример показания Хвальцова!

Он заявил, что я заставлял его внедрять явно не нужную врубовую машину (комбайнов тогда не было), которой еще не существовало в природе, и проводить вентиляционный скат по пласту, выше которого на расстоянии 6–8 метров был пласт с пожаром (как вредительство). По врубмашине легко было доказать несостоятельность (о чем я потом пожалел – его заставляли показывать на меня – надо было признавать, а на суде доказывать абсурдность), а вентиляционный скат явно был нужен и экспертиза (зам. министра МУН СССР т. Графов) его одобрила.

Этот пример я привел для того, чтобы показать, что людей заставляли всеми способами показывать друг на друга, если даже они придумывали небывлицы (с расчетом на незнание следователей – а суд разберется! В этом вся и беда).

В ревтрибунале никто на наши возражения и непризнания вины не обращали внимания. Все что подготовлено следствием признали правильным. Насколько я помню, в зале заседания ревтрибунала были: Погудин (работал в обкоме КПСС), М.Гланов (начальник шахты 6), Пичугин (тех. отдел треста), С.М.Охичев (управляющий треста Кизелуголь 1938 г.), Матковский (главный инженер треста Кизелшахстрой), Алексеев (гл. инженер шахты № 4 – возможно другая фамилия), Колуб (О.К.С. треста), Васев (зам. нач-ка снабжения), Хвальнов (гл. инженер шахты им. Ленина), Скребков (или Скрыбин – МУН СССР), главный механик шахты № 2 Кизелшахстрой и др.

После вопроса председателя ревтрибунала – признаете ли вы себя виновными? Все, за исключением Погудина и Пичугина, не признали. (Впоследствии мне говорили, что они также изменили свое мнение). После этого был назначен перерыв (нас вернули в тюрьму) и через некоторое время стали вызывать по отдельности.

Поэтому, воссоздать этот процесс суда и кто что говорил, невозможно. Каждый защищал сам себя (адвокатов и прокурора не было) и все получили срок.

После этого «правдивого суда» нас через некоторое время (в феврале 1941 г. или в январе 1941 г.) отправили этапом в пересыльный лагпункт в г.Соликамск. В этой пересылке находилось огромное количество людей. Барак ветхий, отапливались очень плохо и заключенные, если находились продолжительное время на этой мизерной пайке – «доходили» (умирали).

Здесь мы пробыли некоторое время и нас отправили этапом (пешком) зимой в своей одежде и голодных в лагерь на лесоповал.

В этом лагере мы были некоторое время вместе: Охичев, Васев, Матковский, механик с шахты № 2 треста Кизелшахстрой (не помню фамилию), Алексеев и Скребков. Через месяц всех разослали по другим лагерям (их было множество на Урале) и мы остались здесь с Матковским.

Т. Матковский вскоре был освобожден и я его встречал (после освобождения в 1956 году) в Донецке в должности заместителя министра по строительству шахт (Умер в г. Киеве через несколько лет).

Первый год в лагере был очень трудным! После продолжительного времени нахождения в тюрьме (9 месяцев), недоедания и тяжелого физического

труда у меня поднялась температура и я попал в стационар (маленькая больница на 15-20 человек), где я после выписки пошел работать в эту бригаду. Сперва по ремонту дорог, потом возчиком и с некоторой помощью бригадира втянулся в работу, выполнял норму и в последствии, был даже десятником, сперва в бригаде немцев (Поволжье), а затем по сплаву леса с поляками (их тоже было много).

В конце 1942 года в лагпункт, где я находился, привезли Охичева, Васева и Алексеева, и вместе с ними отправили этапом на шахты Печерского бассейна. Ехали мы долго и добрались только до города Котласа, где нас поместили в лагпункте № 3. Причины, почему нас здесь оставили, не совсем ясны! Или не построена еще железная дорога или этап по физическим данным был негоден! Вскоре мои коллеги были отправлены на другие лагпункты и я их больше не видел (кроме т. Охичева, которого после реабилитации видел в г. Москве на работе в техотделе МУН СССР и который умер в Днепропетровске в 1989 году).

В Котласовском лагере я пробыл до конца 1944 года. Сперва работал на общих работах, а потом проработал по ремонту барakov.

В том же году (1944 г.), как я говорил ранее, в больнице встретил Гланова, который все это время находился, в основном, на пересылочном лагпункте, где от истощения и болезней он так и умер.

В конце 1944 года был подготовлен этап и с Котласской пересылки нас отправили на шахты Печерского бассейна – г. Инта Коми АССР. Здесь меня (и еще несколько человек) поместили в небольшой временный барак с охраной.

Меня поставили начальником проходки вертикального ствола шахты № 9 комбината Интауголь. Надо сказать, что проходкой этого ствола занимались не заключенные, а в основном немецкие спецпереселенцы. Жили они в землянках с недостаточным питанием (я питался в их столовой) и явно плохой спецовкой, учитывая водообильный ствол и северный климат.

Многих проходчиков этого ствола я к концу проходки живыми не видел!

В 1946 году меня по ходатайству министра Угольной промышленности т. Вахрушева В.В. досрочно освободили, но без снятия судимости и наличия пятилетнего срока поражения в правах.

Поэтому я никуда не поехал и был назначен главным инженером шахты № 9 комбината Интауголь (где и проработал до 1956 года).

В 1950 году, как и по всему Советскому Союзу, всех, кто раньше был из лагеря освобожден, снова забирали и отправляли на спецпереселение.

Но, так как я был на севере, то смысла отправлять еще дальше не было необходимости.

Поэтому я стал спецпереселенцем, работая на этой шахте главным инженером без льгот и выезда за пределы г. Инта (отмечался два раза в месяц).

В 1950 году, после небольшого рассмотрения моего дела в областном КГБ гор. Перми, признали меня невиновным, а обком КПСС восстановил меня в партии. Так и окончилась моя эпопея!

После реабилитации я проработал главным инженером шахты № 9 комбината Интауголь и по направлению МУН СССР уехал в 1956 году работать в Донбасс.

Вы просили выслать документы, характеризующие мою производственную и общественную работу после реабилитации.

Так как мне абсолютно нет смысла придумывать несуществующие данные, то перечисляю все, как было, а Вам, исходя из нового мышления и улучшения доверия между людьми, принять за веру мою писанину без документов нотариуса...

Всего хорошего. Желаю Вам успеха в работе.

ПРИМЕЧАНИЯ

М.Рубинов. Становление советской пенитенциарной системы. 1918 – 1921 гг. (По материалам Пермской губернии)

¹ Ленин В. И. Полн.собр.соч., т.33, с.90-91, 102.

² Там же, т.35, с.195-205.

³ Обухов Л.А. Зарождение советской пенитенциарной системы // Тоталитаризм и сопротивление. – Пермь, 1993. – С.6.

⁴ Известия ВЦИК, 1918, 22 февраля.

⁵ Кузьмина А. С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири. 1917–1924. – Омск, 1980. – С.28-29.

⁶ Государственный архив Пермской области (далее – ГАПО), ф. р-320, оп.1, д.4, л.2-6; оп.2, д.2, л.68.

⁷ Там же, л.11; ф.164, оп.1, д.270, л.143.

⁸ Капустин М.П. Конец утопии? – М.,1990. С.120-121; Пайпс Р. Русская революция, ч.2. – М.,1994. – С.528-529. Декреты советской власти, т.3. – М., 1964. – С.291-292.

⁹ Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения, т.1. – М.,1974. – С.188.

¹⁰ Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву. 1917–1959 гг. – М.,1959. С.37.

¹¹ ГАПО, ф.р-56, оп.3, д.3, л.7, 22, 33, 36; ф.р-301, оп.1, д.16, л.8-9; д.104, л.22, 25, 29.

¹² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ), ф.р-3524, оп.1, д.39, л.39, 105; д.40, л.5-6, 8-14; ГАПО, ф.р-320, оп.1, д.43, л.7-9,18,22; д.89, л.11,13; оп.2, д.2, л.21-24, 27-28; д.23, л.15; д.25; оп.3, д.1, л.5; ф. р-436, оп.1, д.32, л.58-60; д.37, л.162.

¹³ ГАПО, ф.164, оп.1, д.260, л.1-2, 34; д.270, л.143 ; оп.2, д.74, л.47-52, 60-66; ф.р-56, оп.3, д.2, л. 49 ; оп.3, д.3, л.22, 33; ф.р-301, оп.1, д.104, л.25, 31-33; ф.р-320, оп.1, д.73, д.74, д.237; оп.2, д.23, л.8-15; ф.164, оп.2, д.58, л.179; ф.р-320, оп.2, д.7-8; д.26, л.15. Статистический сборник на 1923 г. Издание Пермского губисполкома. – Оханск, 1923. – С.36.

¹⁴ ГАПО, ф.р-436, оп.1, д.61, л.262.

¹⁵ Там же, д.71, л.4-13; д.73, л.3-4; д.74, л.1-2.

¹⁶ Там же, ф.р-320, оп.1, д.1, л.2; Росси Ж. Справочник по ГУЛАГУ, ч.2. – М., 1991. – С.474.

¹⁷ ГАПО, ф.р-320, оп.1, д.4, л.11.

¹⁸ Там же, л.8; д.33, л.81, 83.

¹⁹ Там же, д.33, л.64, 68, 76; Сборник..., с.15-16, 22-25, 62-73.

²⁰ Сборник..., с. 66-67, 80-82.

²¹ Там же, с. 23, 66-67, 82-83.

²² Там же, с. 67; ГАПО, ф. р.-320, оп.1, д.33, л.133-134.

²³ Звезда, 1921, 21 нояб., 10 дек.

²⁴ ГАПО, ф.р-320, оп.1, д.12, л.77-79; д.33, л.40.

²⁵ Росси Ж. Указ. соч., ч.2. – М., 1991. – С.293.

²⁶ ВЧК-ГПУ: Сб. документов. – Вермонт, 1989. – С.104, 111.

²⁷ Сборник..., с. 24,84.

²⁸ Там же, с. 74; Росси Ж. Указ. соч., ч.1. – М., 1991. – С.141; ч.2. – М., 1991. – С.309; Декреты..., т.3. – М., 1964. С.80.

²⁹ Звезда, 1921,1–3 июля; ГАПО, ф.р-49, оп.1, д.18, л.8.

³⁰ ГАПО, ф.р-320, оп.1, д.2, л.178-179; д.5, л.3, 20, 24; д.33, л.51, 68. Сборник ..., с. 76. Кузьмина А.С. Указ. соч., с. 69.

³¹ ГАПО, ф.р-320, оп.1, д.33, л.51, 64; оп.2, д.8, л.19, 68, 355, 396, 399, 448, 490, 506, 539.

³² ГАПО, ф.р-320, оп.1, д.33, л.37; Кузьмина А.С. Указ. соч., с.69.

- ³³ ГАПО, ф.р-320, оп.1, д.12, л.6-7, 21-22; д.33, л.46, 47.
³⁴ Там же, д.4, л.9.
³⁵ Там же, л.11; д.33, л.47, 91-92, 109. Звезда, 1921, 10 окт.
³⁶ Звезда, 1920, 30 сент.
³⁷ ГАПО, ф.р-320, оп.1, д.33, л.32, 81- 82, 133, 120.
³⁸ Там же, д.2, л.178-179; д.4, л.10.
³⁹ Цит. по: Кузьмина А.С. Указ. соч., с. 73.
⁴⁰ Сборник..., с.18-39; ГАПО, ф.р-320, оп.1, д.68, д.73, л.1-72; ф.р-436, оп.1, д.32, л.65.
⁴¹ ГАПО, ф.р-301, оп.1, д.104, л.27-29.

Л.Обухов. Репрессии и террор в Прикамье в годы гражданской войны

- ¹ Красный террор, 1918, 1 нояб.
² См.: Мельгунов С. Красный террор в России. – М.,1990. – С.6.
³ ГАПО, ф.р-656, оп.1, д.25, л.4-6.
⁴ Там же.
⁵ Там же, ф.р-301, оп.1, д.11, л.4.
⁶ Там же, л.74.
⁷ Там же, л.83.
⁸ Там же, л.84.
⁹ Мясников Г. Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова // Минувшее: Исторический альманах, № 18, М.–СПб, 1995. – С.119-120.
¹⁰ ГАПО, ф.р-301, оп.1, д.11, л.104.
¹¹ Там же, д.21, л.12-15.
¹² Там же, л.18.
¹³ Там же, л.110-116.
¹⁴ Известия Чердынско-Печерского края, 1918, 11 авг.
¹⁵ См.: Паздников Н.Ф. Борьба за Пермь. – Пермь, 1988. – С.16-18.
¹⁶ ВЧК – ГПУ: Документы и материалы. – М., 1995. – С.6.
¹⁷ ГАПО, ф.р-656, оп.1, д.25, л.12.
¹⁸ Там же, ф.р-301, оп.1, д.33, л.89.
¹⁹ Там же, д.15, л.23.
²⁰ Современная Пермь, 1919, 2 апреля.
²¹ ГАПО, ф.р-484, оп.2, д.97, л.2-3.
²² Там же, ф.р-746, оп.2, д.10, л.26.
²³ Там же, ф.р-656, оп.1, д.33, л.3-4.
²⁴ Там же, д.8, л.10.
²⁵ Там же, ф.р-301, оп.1, д.51, л.15.
²⁶ Там же, ф.р-436, оп.1, д.17, л.20.
²⁷ Там же, ф.р-656, оп.1, д.32, л.2-9.
²⁸ Там же, ф.р-320, оп.2, д.10, л.47.

М.Иванова. Коллективизация в Прикамье: насилие без границ

- ¹ ГА РФ, ф.1235, оп.107, д.472, л.37-38; д.382, л.151-154.
² По пути коллективизации: Сб. документов и материалов. – Пермь, 1978. – С.74.
³ Там же, с.124. История коллективизации сельского хозяйства Урала (1927-1937). – Пермь, 1983. – С.88.
⁴ Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области (далее – ГАНИ и ОПД ПО), ф.2, оп.6, д.224, л.166. Звезда, 1929, 11 дек.
⁵ ГАНИ и ОПД ПО, ф.2, оп.6, д.4, л.5, 11.

- ⁶ ГАНИ и ОПД ПО, ф.2, оп.5, д.273, л.32; оп.6, д.224, л.18; оп.76, д.126, л.266; д.128, л.14.
- ⁷ ГАНИ и ОПД ПО, ф.2, оп.7, д.127, л.76.
- ⁸ ГАНИ и ОПД ПО, ф.2, оп.7, д.128, л.14.
- ⁹ ГАНИ и ОПД ПО, ф.2, оп.5, д.273, л.102-104.
- ¹⁰ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.7998, л.8-9.
- ¹¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДОО СО), ф.4, оп.8, д.54, л.90-91.
- ¹² Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО), ф.р-148, оп.5, д.24, л.2-4.
- ¹³ Государственный архив по делам политических репрессий Пермской области (далее – ГАДПР ПО), ф.1, оп.1, д.1381, л.16-19.
- ¹⁴ ГАНИ и ОПД ПО, ф.2, оп.7, д.124, л.80. Плотников И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история, 1993, № 4, с.159.
- ¹⁵ ЦДОО СО, ф.4, оп.8, д.54, л.302-303.
- ¹⁶ ГАНИ и ОПД ПО, ф.2, оп.7, д.124, л.34.
- ¹⁷ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.8001, л.6, 22.
- ¹⁸ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.7996, л.19-20, д.8004, л.4, 24.
- ¹⁹ По пути коллективизации. – С.101, 111-112.
- ²⁰ ГАНИ и ОПД ПО, ф.2, оп.7, д.124, л.61, 80, 84, 130; д.128, л.14; РГАЭ, ф.7446, оп.2, д.102, л.14; ГА РФ, оп.235, оп.107, д.473, л.136.
- ²¹ ГАСО, ф.р-88, оп.21, д.59, л.14-15.
- ²² ГАНИ и ОПД ПО, ф.2, оп.7, д.128; л.98-99; ГАПО, ф.125, оп.1, д.31, л.32.
- ²³ ГАНИ и ОПД ПО, ф.451, оп.1, д.12, л.201.
- ²⁴ Плотников И.Е. Указ. соч., с.160. ЦДОО СО, ф.4, оп.9, д.218, л.7.
- ²⁵ Плотников И.Е. Указ. соч., с.165.
- ²⁶ Там же, ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.1571, л.54.
- ²⁷ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.1571, л.22, 23.
- ²⁸ ГАСО, ф.239, оп.3, д.120, л.72, 92.
- ²⁹ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ), ф.7446, оп.2, д.494, л.68; ф.7486, оп.196 д.61, л.5.
- ³⁰ ГАСО, ф.88, оп.2, д.1757, л.11; ЦГА РФ, ф.409, оп.9, д.1107, л.195.
- ³¹ ГАСО, ф.239, оп.3, д.118, 119, 125, 126.
- ³² РГАЭ, ф.7486, оп.3, д.2275, л.1, 111. ГАНИ и ОПД ПО, ф.85, оп.14, д.85, л.132.
- ³³ ГАСО, ф.245, оп.1, д.2313, л.24.
- ³⁴ ГАНИ и ОПД ПО, ф.103, оп.1, д.1113, л.9; ф.1364, оп.1, д.8, л.225.
- ³⁵ РГАЭ, ф.7486, оп.3, д.4456, л.2-3; д.4490, л.21; д.4492, л.46-50.
- ³⁶ ГАПО, ф.493, оп.1, д.931, л.28. ГАСО, ф.1813, оп.1, д.138, л.2-20.
- ³⁷ По пути коллективизации, с.210.
- ³⁸ Труд, 1992, 2 июня. Известия, 1997, № 62.
- ³⁹ ГАДПР ПО, ф.2, оп.1, д.28779.
- ⁴⁰ Там же, ф.1, оп.1, д.16925, л.124-126; д.13391, л.215-218; ф.2, оп.1, д.14095, т.3, л.375-379.
- ⁴¹ РГАЭ, ф.7486, оп.3, д.26436, л.31; Пермская областная организация КПСС в цифрах. 1917-1973 гг. – Пермь, 1974, С.63.
- ⁴² РГАЭ, ф.1562, оп.80, д.6а, л.34-36.
- ⁴³ Народное хозяйство Пермской области за годы советской власти. – Пермь, 1967. – С.63.

В.Шмыров. К проблеме становления ГУЛАГа (Вишлаг)

¹ Бухарин Н. Экономика переходного периода. // Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М., 1990. – С.81-207.

- ² Лельчук В., Ильин А., Кошелева Л. Индустриализация СССР: Стратегия и тактика // Урок дает история. – М., 1989. – С.216-217.
- ³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч.2. – М., 1954 – С.630.
- ⁴ Jacobson Michael. Origins of GULAG: The Soviet Prison Camp System. The University Press of Kentucky, 1993. P.81.
- ⁵ Розанов М. Соловецкий лагерь в монастыре. Кн.1. – Franklin & Marshal College, 1979. – С.119.
- ⁶ Компьютерная база НИПЦ «Мемориал», Москва.
- ⁷ ГА РФ, ф.9414, оп.1, д.2818, л.3.
- ⁸ Розанов М. Указ. соч., с.290-294.
- ⁹ Никонов-Сморodin М.З. Красная каторга. – София, 1938. – С.183.
- ¹⁰ ГА РФ, ф.9414, оп.1, д.368, л.39.
- ¹¹ Шаламов В.Т. Вишера. Антироман. – М., 1989. – С.14.
- ¹² Розанов М. Указ соч., с.64.
- ¹³ Шаламов В.Т. Указ. соч., с.14.
- ¹⁴ Там же, с.19-20.
- ¹⁵ Там же, с.23.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ ГА РФ, ф.9414, д.3048, л.25-36.
- ¹⁹ Шаламов В.Т. Указ. соч., с.37.
- ²⁰ Розанов М. Указ. соч., с.265.
- ²¹ Kitchin G. Prisoner of the OGPU. – London, 1935. – P.231.
- ²² Розанов М. Указ. соч., с.203.
- ²³ Там же, с.266.
- ²⁴ Лубянка. (ВЧК-ОТПУ-НКВД-НКГБ-МВД-КГБ): Справочник. – М., 1997. – С.181-182.
- ²⁵ Розанов М. Указ. соч., с.265.
- ²⁶ Там же, с.111.
- ²⁷ Там же, с.65.
- ²⁸ Там же, с.66.
- ²⁹ Там же, с.106.
- ³⁰ Шаламов В.Т. Указ. соч., с.29.
- ³¹ Шаламов В.Т. Колымские рассказы. – М., 1993. – С.158.
- ³² Лопато Т.М. Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. – Пермь, 1903. – С.211.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Розанов М. Указ. соч., с.96.
- ³⁵ Клиггер А. Соловецкая каторга // Архив русской революции. Т.19. – Берлин, 1928. – С.182.
- ³⁶ Зайцев И.М. Соловки. – Шанхай, 1931. – С.119.
- ³⁷ Цит. по: Розанов М. Указ. соч., с.92-93.
- ³⁸ Там же, с.96.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же, с.93.
- ⁴¹ Kitchin G. Ibid, p.163.
- ⁴² Розанов М. Указ. соч., с.94.
- ⁴³ Там же, с.184.
- ⁴⁴ Там же, с.94.
- ⁴⁵ Росси Ж. Путеводитель по ГУЛАгу. Ч.2. – М., 1991. – С.267.
- ⁴⁶ Шаламов В.Т. Вишера, с.45.
- ⁴⁷ Там же, с.29.
- ⁴⁸ Росси Ж. Указ. соч., Ч.1, с.128.
- ⁴⁹ Шаламов В.Т. Указ. соч., с.45.
- ⁵⁰ Там же.

- ⁵¹ Розанов М. Указ. соч., с.184.
⁵² Шаламов В.Т. Указ. соч., с.29.
⁵³ Там же, с.15.
⁵⁴ ГА РФ, ф. 9414, оп.1, д.3048.
⁵⁵ Компьютерная база НИПЦ «Мемориал», Москва.
⁵⁶ Там же.
⁵⁷ Архив РУ ФСБ Пермской области, ф.12, оп.1, д.1.
⁵⁸ Шаламов В.Т. Указ.соч., с.11.
⁵⁹ Розанов. Указ. соч., с.45.
⁶⁰ Там же, с.66.
⁶¹ Там же, с.94
⁶² Там же.
⁶³ Там же, с.80.
⁶⁴ Kitchin G. Ibid, p.232..
⁶⁵ Шаламов В.Т. Указ.соч., с.35-36.
⁶⁶ Там же, с.18.
⁶⁷ Розанов М. Указ. соч., с.18.

Г.Станковская. Как делали «врагов народа»

- ¹ См.: Носов А.В. Мемориал Скорби. – Екатеринбург, 1997. – С.19.
² ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.7029, л.29.
³ Там же, д.12296, т.2, л.21.
⁴ Там же, д.11242, л.54-55.
⁵ Там же, д.11912, л.249.
⁶ Там же, д.7485, л.50-52.
⁷ Там же, д.13932, л.29-31.
⁸ Там же, д.11908, т.1, л.166-172.
⁹ Там же, д.14756, л.72.
¹⁰ Там же, д.13864, л.46-47.
¹¹ Там же, д.10033, т.3, л.137.
¹² Там же, д.16729, л.41-42.
¹³ Там же, д.26356, т.2, л.310.
¹⁴ Там же, д.6857, т.6, л.172.
¹⁵ Там же, д.13678, л.102.
¹⁶ Там же, д.10033, т.3, л.132.
¹⁷ Карта, № 10-11, с.45-46.
¹⁸ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.14756, л.70.
¹⁹ Там же, д.16556, л.93.
²⁰ Там же, д.13932, л.33.
²¹ Там же, д.10114, л.123.
²² Там же, д.10033, т.3, л.147-148.
²³ Там же, д.10114, л.123.
²⁴ Там же, д.10033, т.3, л.148-149.
²⁵ Там же, д.13932, л.34.
²⁶ Там же, ф.2, оп.1, д.14095, т.3, л.259.
²⁷ Там же, ф.1, оп.1, д.6857, т.6, л.168.
²⁸ Там же, д.6857, т.6, л.169.
²⁹ Там же, д.6857, т.6, л.178.
³⁰ Там же, д.6857, т.6, л.182-183.
³¹ Таблица составлена на основании списков, присланных из Свердловского ФСБ по проверке данных в Государственном архиве по делам политических репрессий Пермской области.
³² Исторический архив, 1992, № 1, с.125-128.

¹ Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. – М., 1992. – С.116.

² Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории, 1993, № 8, с.25.

³ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.11996, т.4, л.129.

⁴ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.11996, т.4, л.218-221.

⁵ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.11996, т.3, л.40.

⁶ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.11996, т.4, л.215. Аборкин В. Цветы памяти // Мото-вилухинский рабочий, 1991, 4 нояб.

⁷ ЦДОО СО, ф.4, оп.20, д.3414, л.14.

⁸ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.11996, т.3, л.75.

⁹ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.11996, т.3, л.65-66.

¹⁰ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.11996, т.3, л.72-74.

¹¹ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.11996, т.3, л.75.

¹² Аборкин В. Указ.соч.

¹³ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.11996, т.4, л.165.

¹⁴ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.11996, т.4, л.169.

¹⁵ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.11996, т.4, л.196, 224.

¹⁶ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.2705, л.5-6.

¹⁷ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.11996, т.4, л.212.

¹⁸ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.2705, т.1, л.165.

¹⁹ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.2705, т.3, л.85-91.

А.Суслов. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953)

¹ ГА РФ, ф.р-5446, оп.11а, д.555, л.32-32об.

² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее – РЦХИДНИ), ф.17, оп.3, д.740, л.6.

³ ГА РФ, ф.р-5446, оп.55, д.2061, л.12; РЦХИДНИ, ф.17, оп.3, д.746, л.2,11.

⁴ ГА РФ, ф.р-5446, оп.55, д.2061, л.3-8.

⁵ См.: Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 годы // Свободная мысль, 1992, № 13, с.75.

⁶ ГА РФ, ф.р-5446, оп.10а, д.364, л.1.

⁷ Там же, л.12.

⁸ Там же, оп.11а, д.555, л.1.

⁹ ГАСО, ф.р-148, оп.5, д.33, л.23.

¹⁰ ГА РФ, ф.р-5515, оп.33, д.11, л.39-40.

¹¹ Там же, ф.9414, оп.1, д.1, л.33-33об.

¹² ГАСО, ф.р-148, оп.5, д.26, л.75.

¹³ ГА РФ, ф.9414, оп.1а, д.5, л.13.

¹⁴ Там же, оп.1, д.1124, л.11.

¹⁵ Там же, д.1139, л.57; д.1140, л.7, 140; д.329, л.31.

¹⁶ Там же, оп.1доп., д.364, л.1-3, 68-70.

¹⁷ Архив УВД Пермской области, ф.39, оп.3, д.8, л.30.

¹⁸ Там же, д.6, л.4; ГАРФ, ф.9414, оп.1доп., д.377, л.98.

¹⁹ ГА РФ, ф.9414, оп.1, д.1155, л.1-3. Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. Т.2. – М., 1997. – С.216.

²⁰ ГА РФ, ф.9414, оп.1, д.329, л.31. Архив УВД Пермской области, ф.39, оп.3, д.17, л.5.

²¹ ГА РФ, ф.9414, оп.1, д.686, л.9.

²² Там же, л.75, 84, д.1140, л.140.

²³ Архив УВД Пермской области, ф.39, оп.3, д.13, л.16.

- ²⁴ Там же, д.29, л.3; ГА РФ, ф.9414, оп.1, д.416, л.27.
²⁵ ГА РФ, ф.9414, оп.1, д.3, л.71.
²⁶ Архив УВД Пермской области, ф.39, оп.3, д.34, л.9-10.
²⁷ Там же, д.4, л.27.
²⁸ Там же, д.13, л.11.
²⁹ Там же, д.17, л.14.
³⁰ Подсчитано по: Архив УВД Пермской области, ф.39, оп.3, д.19, л.65-66.
³¹ Там же, д.29, л.25.
³² Там же, д.19, л.4.
³³ Там же, д.13, л.11.
³⁴ Там же, д.4, л.9-10.
³⁵ Там же, д.34, л.9.
³⁶ Там же, д.54, л.29.
³⁷ Там же, д.59, л.36.
³⁸ ГА РФ, ф.9414, оп.1, д.471, л.60-61.
³⁹ Там же, ф.9401, оп.2, д.199, л.393.
⁴⁰ Архив УВД Пермской области, ф.39, оп.3, д.9, л.14.
⁴¹ Там же, д.16, л.4-5; ГАРФ, ф.9414, д.329, л.26.
⁴² Архив УВД Пермской области, ф.39, оп.3, д.29, л.11.
⁴³ Там же, д.9, л.15.
⁴⁴ Там же, д.16, л.4.
⁴⁵ Там же, л.5.
⁴⁶ Там же, д.60, л.8.
⁴⁷ Там же, д.29, л.66.
⁴⁸ Там же, д.59, л.32.
⁴⁹ Там же, д.58, л.46.
⁵⁰ См.: ГАПО, ф.р-438, оп.1, д.1, л.1-239. Обухов Л.А. Из истории Широковла-
га в годы Великой Отечественной войны // Тоталитаризм и личность. –
Пермь, 1994. – С.108-111.
⁵¹ ГАПО, ф.р-438, оп.1, д.1, л.1-239.
⁵² Там же, л.149-157.
⁵³ ГА РФ, ф.9414, оп.1, д.2, л.31об.
⁵⁴ Там же, д.8, л.46.
⁵⁵ Там же, ф.9401, оп.1а, д.35, л.143.
⁵⁶ Там же, ф.9414, оп.1, д.57, л.152; д.77, л.51.
⁵⁷ Архив УВД Пермской области, ф.39, оп.3, д.5, л.34.
⁵⁸ Там же.
⁵⁹ ГА РФ, ф.9414, оп.1, д.77, л.102.
⁶⁰ Цит. по: Солженицын А.И. Малое собр. соч., т.6, с.291.
⁶¹ Подробнее о функциях КВЧ см.: Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу., ч.1. – М.,
1991. – С.152-153.
⁶² Архив УВД Пермской области.
⁶³ См.: Беломоро-Балтийский канал имени Сталина. – М., 1934.
⁶⁴ Солженицын А.И. Указ. соч., с.290.
⁶⁵ Архив УВД Пермской области, ф.39, оп.3, д.17, л.20.
⁶⁶ ГА РФ, ф.9414, оп.1, д.471, л.54-59.
⁶⁷ Архив УВД Пермской области, ф.39, оп.3, д.49, л.4.
⁶⁸ Там же, л.94.
⁶⁹ Там же, л.20-23.
⁷⁰ Там же, л.132.
⁷¹ Там же, л.131.
⁷² Там же, л.136.
⁷³ Там же, л.136.
⁷⁴ Там же, л.137; д.37, л.91.
⁷⁵ Там же, д.18, л.129.

- 76 Там же, д.37, л.91.
77 Там же, д.18, л.131-132.
78 Там же, д.54, л.36.
79 Там же, д.37, л.85.
80 ГА РФ, ф.9414, оп.1, д.2562, л.10.
81 Там же, л.5.
82 Там же, л.26.
83 Там же, л.10-11.
84 Там же, л.13-14.
85 Там же, д.1946, л.96.
86 ГАСО, ф.р-88, оп.21, д.64, л.11.
87 См.: Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930–1954). – М., 1995.
88 См.: Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930–1936 гг. – М., 1995. С.73.
89 ЦДОО СО, ф. 4, оп.9, д. 218, л. 51-53.
90 Шарыгин И. Мы были волчатами // Рассвет, – 1992, – 8 февраля.
91 См.: Славко Т.И. Указ. соч., с.75-76.
92 Балув В. За ширмой справедливости // Заря, – 1994, – 31 марта.
93 Архив УВД Пермской области, ф.39, оп.3, д.8, л.42
94 Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М., 1994. С.245.
95 ЦДОО СО, ф.4, оп.10, д.164, л.171.
96 Архив УВД Пермской области, ф.39, оп.3, д.8, л.42-45.
97 ГА РФ, ф.9479, оп.1, д.119, л.74; д.254, л.167.
98 Там же, д.113, л.30-33; д.132, л.225.
99 Там же, д.525, л.5-6.
100 Там же, д.641, л.4, 377 об.
101 Там же, д.269, л.91.
102 Там же, д.135, л.17.
103 Там же, д.112, л.65.
104 Там же, д.110, л.81.
105 Там же, д.111, л.175.
106 Там же, л.96.
107 Там же, л.103.
108 Там же, д.135, л.95.
109 Там же, д.269, л.94.
110 См.: Суслов А.Б. Трудовая мобилизация советских немцев в годы Великой Отечественной войны (на примере Пермской области) // История репрессий на Урале: Идеология, политика, практика (1917 – 1980-е годы). – Н.Тагил, 1997. – С.187-188.
111 ГА РФ, ф.9479, оп.1, д.117, л.69.
112 Там же, д.111, л.38.
113 Там же, д.112, л.72.
114 Там же, л.66.
115 Там же, д.124, л.54.
116 Там же, д.135, л.1,2,3,19,20.
117 Там же, л.1,17.
118 Там же, л.1.
119 Там же, д.111, л.175.
120 Там же, д.135, л.24; д.111, л.107-109.
121 Там же, д.111, л.108.
122 Там же, д.215, л.151-153.
123 Там же, д.135, л.21.
124 Там же, л.1.
125 Там же, д.112, л.72.

- ¹²⁶ Там же, д.135, л.185.
¹²⁷ Там же, д.269, л.85.
¹²⁸ Там же, л.94.
¹²⁹ ЦХИДК, ф.1/п, оп.2и, д.81, л.86.
¹³⁰ Там же, оп.1и, д.2, л.45.
¹³¹ Там же, оп.2и, д.81, л.54, 78.
¹³² Там же, л.74.
¹³³ Там же, л.76.
¹³⁴ Там же, оп.1и, д.9, л.55.

О.Лейбович. Политический преступник эпохи «оттепели»

- ¹ ГАНИ и ОПД ПО, ф.105, оп.285, д.47, с. 61.
² ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.16936, т.1, л.145.
³ Там же, л.111.
⁴ Техника молодежи, 1990, № 10, с.42.
⁵ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.16936, т.1, л.264, 271.
⁶ Шарапов И.П. Одна из тайн КГБ (К истории инакомыслия в советской России). – М., 1990. – С. 29.
⁷ Шагинян М. Дневник писателя. – М., 1953. – С.457.
⁸ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.16936, т.1, л.322.
⁹ Там же, л.165.
¹⁰ Краткая литературная энциклопедия. Т.4. – М., 1967. – С.398.
¹¹ ГАНИ и ОПД ПО, ф.105, оп.285, д.47, л.39.
¹² ГАНИ и ОПД ПО, ф.717, оп.1, д.121, л.90 -92.
¹³ Там же, д.122, л.73 – 75.
¹⁴ Шарапов И.П. Указ. соч., с.29.
¹⁵ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.16936, т.1, л.62.
¹⁶ Там же, т.1, л.166.
¹⁷ Там же, л.279.
¹⁸ ГАНИ и ОПД ПО, ф.105, оп.285, д.47, л.17.
¹⁹ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.16936, т.1, л.266-267.
²⁰ ГАНИ и ОПД ПО, ф.105, оп.285, д.47, л.15.
²¹ III съезд писателей СССР. 18–23 мая 1959 г.: Стенографический отчет. – М., 1959. – С.222.
²² ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.16936, т.1, л.29.
²³ ГАНИ и ОПД ПО, ф.105, Оп.285, д.47, л.13.
²⁴ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.16936, т.1, л.253.
²⁵ Там же, л.248.
²⁶ Вопросы истории, 1997, № 4, с.32-33.
²⁷ ГАДПРПО..., Т. 1. С. 255.
²⁸ Поликарпов А. Примесь // Техника молодежи. – С. 42.
²⁹ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.16936, т.1, л.267.
³⁰ Там же, т.2, л.1-2.
³¹ Там же, т.1, л.249, 251.
³² Там же, л.275.
³³ Там же, л.267.
³⁴ Там же, л.271, 274.
³⁵ Там же, т.2, л.290.
³⁶ Там же, т.1, л.272.
³⁷ ГАНИ и ОПД ПО, ф.105, оп.285, д.47, л.6.
³⁸ Там же, л.3.
³⁹ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.16936, т.1, с.52.
⁴⁰ Там же, л.3-4.

- ⁴¹ Там же, л.5.
⁴² Там же, л.8.
⁴³ Там же, л.1-2.
⁴⁴ Там же, л.5.
⁴⁵ Там же, л.52.
⁴⁶ Там же, л.23.
⁴⁷ Там же, л.19-22.
⁴⁸ ГАНИ и ОПД ПО, ф.105, оп. 285, д.47, л.45.
⁴⁹ Там же, л.41.
⁵⁰ Там же, л.42.
⁵¹ Техника молодежи, 1990, № 10, с.41.
⁵² ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.16936, т.1, л.4.
⁵³ Там же, л.4.
⁵⁴ Шарапов И.П. Указ. соч., с.5.
⁵⁵ Там же, л.5.
⁵⁶ Там же, л.46.
⁵⁷ Там же, л.211.
⁵⁸ Там же, л.216-219.
⁵⁹ Шарапов И.П. Указ. соч., с.33.
⁶⁰ ГАНИ и ОПД ПО, ф.717, оп.1, д.215, л.6-13.
⁶¹ Там же, л.16.
⁶² Шарапов И.П. Указ. соч., с.37.
⁶³ Там же, с.38.
⁶⁴ Там же, с.39.
⁶⁵ Там же, с.108.
⁶⁶ ГАДПР ПО, ф.1, оп.1, д.16936, т.3, л.363-382.
⁶⁷ Там же, л.425.
⁶⁸ Шарапов И.П. Указ. соч., с.114.

В.Шмыров. К истории Пермских политлагерей

- ¹ ГА РФ, ф.9414, д.192, 211, 536, 570, 592.
² Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, ст.62.
³ Там же, ст.63.
⁴ Там же, ст.64.
⁵ Там же, ст.65.
⁶ Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. Особенная часть.
⁷ Источник: Документы русской истории, 1995, № 6, с.153.
⁸ Иофе В.В. Ленинград. История сопротивления в зеркале репрессий (1956–1987) // Вениамин Иофе. Новые этюды об оптимизме. – СПб., 1998. – С.103.
⁹ Там же.
¹⁰ Буковский В.К. И возвращается ветер... – М., 1990. – С.298.
¹¹ ГАРФ, ф.9414, д.192, 211, 536, 570, 592.
¹² Там же, д. 28, л.1-21.
¹³ Там же, д.536, л.29-34.
¹⁴ Щаранский Н.Б. Не убоюсь зла. – М., 1991. – С.6.

Содержание

К читателям	5
А.Калих. «Мемориал» – движение совести	9
О.Мандельштам. «Мы живем, под собою не чуя страны...» «Лишив меня морей, разбега и разлета...» Кама	15
М.Рубинов. Становление советской пенитенциарной системы. 1918–1921 гг. (По материалам Пермской губернии)	17
Н.Гашев. Долг памяти	29
Л.Обухов. Репрессии и террор в Прикамье в годы гражданской войны	35
М.Иванова. Коллективизация в Прикамье: насилие без границ	47
В.Шаламов. Поэту (Отрывок). «Я много лет дробил камень...» «Меня застрелят на границе...» «Говорят, мы мельче пашем...»	67
В.Шмыров. К проблеме становления ГУЛАГа (Вишлаг)	70
Н.Домовитов. Дальняя дорога. Охота. Лагерная ночь	90
Г.Станковская. Как делали «врагов народа»	92
В.Шабалин. «Вредители не всегда работали плохо»	109
Говорят узники ГУЛАГа	116
А.Решетов. «Когда отца в тридцать седьмом...» «Десятки лет прошел я вспять...» «Весна – красна, нам говорят...» Кликуны	157
И. Христюлова. Мать поэта	159
Ю.Асланьян. Молчание Помяненного камня	164
А.Суслов. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953)	169

Ю.Асланьян. Империя. «Доставай папиросы сухие...» «Вот напишу я сибирский верлибр...» Последний побег	230
О.Лейбович. Политический преступник эпохи «оттепели»	232
В.Шмыров. К истории Пермских политлагерей	250
Т.Черепанова. Тайны пермского ГУЛАГа	266
В.Гладышев. «Зрак Византийский государства остановился на тебе...»	271
Документы	282
Примечания	308

ГОДЫ ТЕРРОРА

Книга памяти жертв политических репрессий

Составители
А.Суслов
кандидат исторических наук
(ответственный за выпуск)
Н.Гашева
журналист

Редактор Н.Гашева
Художественный редактор С.Можаева
Корректор Г.Борсук
Фотографии, карты и схемы из Государственного архива
Российской Федерации, архива Мемориального музея
истории политических репрессий и тоталитаризма в
СССР, общества «Мемориал» (Пермь, Москва)

Подписано в печать 14.09.98. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная № 2. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 3000 экз. Заказ № 3161.

Издательство «Здравствуй», 1998

Издательско-полиграфический комплекс «Звезда».
614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.